

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

О. В. Хлевнюк

НОННА ТАРХОВА

ЭМА

ЭМА

КРАСНАЯ АРМИЯ И СТАЛИНСКАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ 1928–1933 гг.

Москва
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)615-4
Т19

Рецензент

Доктор исторических наук профессор С. А. Есиков

Тархова Н. С.

Т19 Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. /
Н. С. Тархова. — М. : Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»,
2010. — 375 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1238-6

В книге впервые в отечественной историографии исследуется степень вовлечения и участия Красной армии в осуществление сталинской политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на рубеже 1920–1930-х гг.

Исследование проводится на большом архивном материале, в том числе опубликованном в последнее десятилетие. Широкое использование архивных документов позволило выявить неизвестные исторические факты, проследить основные этапы выработки и реализации аграрной политики государства применительно к вовлечению в нее армейских структур. Большой научный интерес представляют статистические материалы по итогам военной переписи 1926 г. Представлены новые данные об организации, численности, принципах боевого использования войск ОГПУ.

Книга рассчитана на специалистов в области военной и аграрной истории, на учащихся, изучающих вопросы источниковедения, археографии и принципов работы с историческими документами, а также на широкий круг читателей.

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-1238-6

© Тархова Н. С., 2010

© Российская политическая энциклопедия,
2010

ОТ АВТОРА

Данная книга является результатом многолетней работы автора в архиве, хранящем документы Красной армии. Приходом своим в этот архив, называвшийся в те времена Центральным государственным архивом Советской армии, автор обязан своей маме — *Нине Сергеевне Белоусовой*, которая, будучи профессиональным историком-архивистом, научила уважать и любить архивные документы. Ее памяти посвящена эта книга.

Много замечательных людей, делившихся своими знаниями и опытом, стали для автора учителями, коллегами и друзьями. Встреча с Виктором Петровичем Даниловым и работа в его научных проектах значительно расширили представление автора об особенностях крестьянской Красной армии и определили значимость такой важнейшей проблемы, как армия и крестьянство. Без него эта книга не состоялась бы. С памятью о нем и беседах с ним написаны многие страницы этой книги.

Накапливание исторических знаний — это долгий, иногда затягивающийся на многие годы процесс. Поставить точку зачастую нелегко, особенно когда под руками безбрежное море архивных документов. Слова благодарности автор адресует своим коллегам, которые не только помогли поверить в возможность самостоятельного научного исследования, но и в значительной степени способствовали этому. В первую очередь благодарность автора адресуется Андре Романо (Италия), с которым совместно был подготовлен документальный сборник по проблеме, ставшей предметом исследования данной книги. Автор признателен профессору Токийского университета Хироси Окуда, пригласившего принять участие в научном проекте российских и японских исследователей крестьянства России XX в., в рамках которого были опубликованы первые исследования, вошедшие впоследствии в книгу. Автор также признателен профессорам Фабио Беттанину из университета г. Неаполя (Италия), Алексею Береловичу (Франция), Линн Виоле из университета г. Торонто (Канада), Роберте Маннинг

из Бостон колледжа (США) и Леннарту Самуэльсону из Института по экономической истории г. Стокгольма (Швеция), которые, приглашая автора участвовать в научных проектах и конференциях, способствовали дальнейшему исследованию данной проблемы.

Исследуемая проблема является междисциплинарной, в равной степени затрагивающей историю Красной армии и советского крестьянства. Кроме того, должное внимание уделено в книге вопросам источниковедения и археографии. Своими учителями в этих специальных исторических дисциплинах автор считает прежде всего Т. Ф. Каряеву, О. М. Медушевскую, К. К. Миронову. Им, а также многим другим коллегам архивистам и ученым, с которыми приходилось готовить к изданию документальные сборники как по военной, так и аграрной истории, автор выражает глубокую благодарность за готовность поделиться советом, оказать помощь в работе и просто за взаимопонимание.

Нонна Тархова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В январе 1918 г. Совет Народных Комиссаров, принимая решение об организации новой народной армии, постановил назвать ее Рабоче-Крестьянской Красной армией (РККА). Тем самым в названии был закреплён союз рабочих и крестьян, призванных защищать основы новой власти, создавшей «Красную Республику»¹. Учитывая, что преобладающей частью населения было крестьянство, правомерно говорить о том, что именно оно стало основой для армии нового типа. Неудивительно, что проблеме армии и крестьянства всегда уделялось должное внимание, особенно при изучении периода Гражданской войны в России 1918–1921 гг., когда наиболее остро проявлялись взаимоотношения этих двух сил.

Гражданская война ставила армию в сложную ситуацию. С одной стороны, Красная армия призвана была защищать власть от внешней угрозы, каковой являлись так называемые «белые» формирования. С другой — армия зачастую использовалась для подавления «беспорядков», представлявших угрозу общественному спокойствию внутри страны. Примеров привлечения армии при подавлении крестьянских волнений в годы Гражданской войны и последующие немало. Ярчайшие среди них — крестьянские восстания на Тамбовщине, в Поволжье, Сибири. Однако армия не только подавляла выступления крестьян. Зачастую она сама становилась источником волнений, ведь в армейских рядах служили те же крестьяне, которые не всегда были согласны с политикой власти. Одной из форм протеста являлись дезертирство и переход на сторону противника, где воевали те же крестьяне; другой, наиболее серьёзной, — вооружённые выступления. Примеров армейского неповиновения в лице отдельных командиров или целых полков можно привести немало. Самым известным был Кронштадтский мятеж, заставивший власть изменить свою экономическую политику.

С началом проведения властью политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на рубеже 1920–1930 гг. возникают и развиваются новые очаги социальной напряжённости в обществе. Проблема взаимоотношения армии и крестьянства вновь приобретает остроту, особенно для власти. От армии ждало защиты и помощи крестьянство в лице родных и близких, на которых обрушился шквал насилия. Стабильность настроения армии — крестьянской по

своему составу — была залогом успеха проводимой властью политики в деревне. Более того, исторический опыт недалекого прошлого, когда военные «мятежи» с участием рядовых масс коренным образом влияли на развитие политической ситуации, был в памяти не только власти, но и армии.

С учетом сказанного актуальность исследования взаимоотношений армии с крестьянством и властью в период социальных изменений в структуре общества, когда крестьянство послужило «строительным материалом», не вызывает сомнения. Без такого рода исследования вряд ли в полной мере возможно объективное понимание происходящих процессов, особенно в аграрной сфере и крестьянской среде, а также механизма осуществления властью своей политики.

Актуальность темы исследования определяется и состоянием ее историографии. Исследования советского периода в силу закрытости многих архивных материалов не могли в полной мере изучать совокупность всех составляющих механизма проведения политики сплошной коллективизации и раскулачивания. За последнее десятилетие в научный оборот был введен значительный и репрезентативный круг архивных документов, позволяющих определить основные направления изучения места и роли армии в обществе в период проведения политики сплошной коллективизации и раскулачивания деревни в СССР. Наряду с опубликованными материалами в исследовании широко используются документы Российского государственного военного архива (РГВА), являющегося основным архивом, хранящим документы Красной армии. При работе с письменными документальными источниками автор учитывал их специфику в зависимости от видов документов и материалов, подвергал их научной критике с точки зрения выявления особенностей происхождения, полноты и достоверности содержащейся в них информации.

Хронологические рамки исследования определяются годами проведения сталинского «нового курса» в деревне — периодом 1928–1933 гг.

Для крестьянства выбор нижней границы (1928 г.) определен началом массовых насильственных хлебозаготовок, перешедших к форсированию темпов коллективизации деревни и насильственному выселению кулачества. Верхняя граница (1933 г.) определяется решением поставленных ЦК ВКП(б) в 1930 г. задач как по достижению результатов сплошной коллективизации деревни, так и по ликвидации кулачества как класса. В 1933 г. основной формой хозяйствования в аграрной сфере становятся колхозы.

Для армии период 1928–1933 гг. был насыщен событиями, имеющими коренное значение для военного строительства. Проведенное в 1924–1925 гг. реформирование армии изменило устройство и систему комплектования армии, упорядочило порядок призыва в нее и сделало военную службу обязательной для всех граждан

СССР. В 1926–1928 гг. выработанные ранее основы реформирования, пройдя первую апробацию на практике, были уточнены и преворались в жизнь. Июльское постановление 1929 г. ЦК ВКП(б) «Об обороне страны» актуализировало необходимость реконструкции Красной армии, выдвинув на первый план вопросы ее технической модернизации, которые активно начали осуществляться с 1930-го и в последующие годы. Таким образом, рассматриваемый период для армии был напряженным в сфере организационных задач.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

§ 1. Обзор историографии

Исторический период в развитии советского государства с конца 1920-х — начала 1930 гг. в отечественной историографии характеризуется как изменение государственной политики в аграрной сфере и проведение «нового курса» в деревне. Масштабность происходящих в эти годы событий всегда привлекала к себе внимание исследователей — историков, политологов, социологов, экономистов. Отметим, что изучение их шло неоднозначно и в значительной мере зависело от политической ситуации в стране и доступности архивных материалов. Отечественная историография, исследующая указанный период, обширна и разнообразна.

В развитии историографии, избранной нами для исследования научной проблемы, можно выделить три периода: 1) конец 1920-х — первая половина 1950-х гг.; 2) вторая половина 1950-х — вторая половина 1980-х гг.; 3) начало 1990-х гг. — по настоящее время.

Для начального этапа было характерно не столько изучение происходящих событий, сколько анализ и подведение первых итогов. Авторами работ, как правило, являлись различного уровня партийно-государственные и военные руководители, которые в рамках своих обязанностей освещали те или иные аспекты осуществления выработанной политики. Другая группа авторов была представлена участниками и исполнителями — рядовыми работниками так называемого «партийного», «культурно-идеологического» фронта, кто непосредственно организовывал как военное, так и аграрное строительство в стране. В связи с этим можно говорить о том, что литература 1920–1930-х гг. носит преимущественно пропагандистский характер, но будучи написанной в процессе реализации известного курса, имеет определенное значение как источник.

Второй этап характеризуется заметным приращением исторических знаний — введением в научный оборот новых фактов и документов. Отметим, что существенным фактором, активизировавшим изуче-

ние преобразований в аграрной сфере, явилась широкомасштабная публикация архивных документов, осуществляемая с начала 1960-х гг. Главной редакцией «История коллективизации в СССР». Однако отличительной чертой советской историографии было наличие единственной официальной версии о необходимости проведения «нового курса» в деревне и последовавших в связи с этим преобразованиях. Начавшийся с конца 1980-х гг. процесс переоценки истории советского общества способствовал открытию ранее недоступных архивных документов — пока только в единичном измерении — и тем самым появлению альтернативных взглядов и исследований.

Для третьего периода, начавшегося с распадом СССР, отличительной чертой стало «открытие» архивов, проявившееся в массовом рассекречивании ранее недоступных документов. Введение в научный оборот значительных комплексов архивных материалов путем их публикации расширило источниковую базу исследований, что, в свою очередь, ознаменовалось появлением абсолютно новых концептуальных работ. Естественно, что внимание исследователей в последние десятилетия нацелено преимущественно на те вопросы, которые в силу идеологических причин оставались закрытыми для предшественников. Таким образом, накопленный опыт как советской, так и современной историографии в целом дает общую картину исследуемой проблемы.

В полном объеме проблема места и роли Красной армии в контексте политики сплошной коллективизации и раскулачивания советской деревни не ставилась ни в советской, ни в российской историографии. Как правило, в исследованиях советского периода внимание исследователей было нацелено только на одну из сторон этой проблемы — роли армии и ее участие в подготовке кадров для советской деревни. В последнее десятилетие новые архивные материалы позволили дополнить наши знания по таким вопросам, как использование армии в мероприятиях по раскулачиванию. Однако важнейшие вопросы — принципы и формы использования армии на «внутреннем» фронте, а также степень вовлечения армии в борьбу с деревней — оставались не известными как широкому кругу исследователей, так и специалистам более узкого профиля.

Учитывая междисциплинарность исследуемой проблемы, представляется целесообразным ограничить обзор имеющейся историографии несколькими аспектами: военным и аграрным — в большей степени, а также источниковедческим и археографическим — в меньшей степени.

Военный аспект

Изучение литературы показало неравномерность освещения исторических периодов военного строительства. В отличие от начального этапа истории Красной армии и периода Великой Отечественной

войны, которым посвящена не одна сотня монографических исследований, межвоенный период, т. е. годы между двумя войнами, долгое время оставался малоизученным. Внутри этого периода наибольшее внимание исследователей обращено ко второй половине 1930-х гг., в частности к вопросам боеготовности армии накануне войны, техническому оснащению и вооружению, репрессиям внутри армии, военным конфликтам и др. Наиболее слабое освещение в литературе имеет рубеж двух десятилетий — вторая половина 1920-х — первая половина 1930-х гг.

В контексте нашего исследования основное внимание было обращено на степень изученности вопросов организационного строительства Красной армии и ее политико-морального состояния. В связи с этим выступления и статьи руководителей Красной армии — Л. Д. Троцкого¹, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, С. С. Каменева, П. П. Лебедева, М. Н. Тухачевского и др. крайне важны для понимания общих вопросов военного строительства. В их выступлениях и работах, опубликованных самостоятельными брошюрами или на страницах периодических изданий — журналов «Военный вестник» (1923–1932 гг.), «Война и революция» (1923–1935 гг.), газеты «Красная звезда», анализировался опыт реорганизации армии, обсуждались вопросы дальнейшего ее развития и строительства. Это в равной степени относится и к работам соответствующего периода, авторами которых зачастую были сотрудники центрального и местного аппарата военного ведомства. Актуальность вопросов реформирования органов управления войсками и системы комплектования войск потребовала обратить внимание на исторический опыт в этом направлении. Среди соответствующих работ выделяются работы Н. П. Вишнякова и Ф. И. Архипова, Л. П. Малиновского, Н. Мовчина, Б. Талья². Работа первых двух авторов является справочным изданием. На основании действующих приказов и директив военного ведомства дана общая картина устройства вооруженных сил, при этом информация систематизирована по основополагающим направлениям — организация войск, военное управление, комплектование, военная служба, военное и войсковое хозяйство, мобилизация, военное законоведение.

На характер научной и публицистической литературы 1930-х и последующих годов существенное влияние оказывали труды И. В. Сталина и исходящие от него идеологические установки. Наличие официально-догматических оценок, а также обстановка массовых политических репрессий, особенно внутри армии, и царившая в обществе атмосфера страха и запретов — все это отражалось на объективности работ, посвященных истории Красной армии и военному строительству.

С конца 1950-х гг. и началом массовой реабилитации, в том числе и военных кадров, военно-историческая литература освобождается от прежних догм, наполняется не только новыми фактами и именами репрессированных командиров, но и новыми архивными материалами,

которые активно публикуются в эти годы³. Для 1960-х гг. характерно появление многочисленных статей, брошюр, сборников воспоминаний, биографических очерков о деятельности репрессированных в 1930-е гг. военачальников⁴.

В 1960–1980-е гг. в связи с празднованием юбилейных дат появилось немало коллективных монографий по истории советского государства и военного строительства⁵. Для этих работ характерно исследование военных аспектов в контексте общеисторического развития страны. Особенностью военной историографии в этот период является повышенный интерес к начальному этапу строительства вооруженных сил и периоду Великой Отечественной войны, а также к руководящей роли В. И. Ленина и коммунистической партии в военном строительстве.

Ведущее место в военно-исторической литературе этого периода занимает «Военно-исторический журнал», на страницах которого публикуются статьи специалистов по самым различным вопросам военной истории. К сожалению, приходится отметить, что круг авторов, исследующих межвоенный период, был незначителен. Среди них — А. Бабаков, И. Берхин, С. Бирюзов, Л. Борисов, В. Д. Данилов, А. Иовлев, Н. Павленко, И. Ростунов⁶ и др. Некоторые из них продолжали свои изыскания, доводя их до монографических исследований, как, например, И. Б. Берхин⁷, В. Д. Данилов⁸, А. М. Иовлев⁹. Особое место занимает монография И. Б. Берхина по реформированию армии в 1924–1925 гг. До сих пор этот фундаментальный труд остается единственным, в котором комплексно рассмотрена столь важная для Красной армии проблема. Освещение вопросов реформирования системы призыва и комплектования армии, происшедшее в середине 1920-х гг., определило значение этой работы в контексте нашего исследования. Анализ советской историографии показал, что работы И. Б. Берхина и В. Д. Данилова являются единственными самостоятельными исследованиями, нацеленными на изучение организационных вопросов военного строительства в межвоенный период.

Отметим также, что изучение советской военной историографии, начатое И. И. Ростуновым, завершилось коллективным трудом сотрудников Института военной истории под ред. П. А. Жилина¹⁰.

Отличительной чертой советской историографии военного строительства являлось повышенное внимание к политической жизни Красной армии, которая изучена наиболее широко. Важнейшими источниками для оценки политического состояния Красной армии являются статьи, речи, доклады военных и партийных работников М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, А. С. Бубнова, Я. Б. Гамарника и других. В них конкретизировались требования партии к воспитательной работе в армии, отмечались успехи и вскрывались недостатки. Среди авторов многочисленных работ по вопросам партийно-политической работы в армии, выходящих в 1920-е гг., было много кадровых политпросветработни-

ков — А. Вырвич, Л. Дегтерев, Г. Л. Баренцев, А. Геронимус, Н. Савко, И. Е. Славин, И. Коробочкин, Е. Л. Евдокимов и др.¹¹ Важнейшим источником является военная периодическая печать, на страницах которой обсуждались различные вопросы коммунистического воспитания личного состава Красной армии. Среди них — журналы «Пропагандист и агитатор РККА», «Коммунист РККА», «Партийно-политическая работа в РККА». Многие вопросы морально-политической подготовки армии и коммунистического воспитания военнослужащих рассматриваются в коллективных монографиях¹² и трудах советских военных историков. Среди них работы В. Ф. Клочкова, В. Г. Колычева, Ю. П. Петрова, О. Ф. Сувенирова и других¹³. В работах Р. М. Беджаняна, В. И. Варенова, А. С. Кулиш-Амирхановой, М. М. Лисенкова, И. М. Подобеда большее внимание уделено вопросам культурно-просветительной работы в Красной армии и участия ее в социалистическом строительстве¹⁴. Характерной чертой соответствующей литературы была нацеленность ее на исследование позитивных сторон политико-морального состояния армии. Идеологические установки, существовавшие в советской историографии, способствовали формированию образа армии как оплота власти.

С конца 1980-х гг. внимание исследователей все более привлекает межвоенный период, особенно вторая половина 1930-х гг., что объяснимо. Открытие архивов позволило значительно расширить новые знания о предвоенном периоде, состоянии боеготовности армии и подготовке ее к войне. Не менее активно стал изучаться специалистами и начальный этап межвоенного периода (вторая половина 1920-х — первая половина 1930-х гг.), когда происходило техническое перевооружение армии, формирование новых родов войск, развитие военно-научной мысли. Общие вопросы боеспособности армии нашли отражение в работах В. О. Дайнеса¹⁵, Г. А. Скипского¹⁶, Б. В. Соколова¹⁷ и др. В связи с проведением реформы российской армии в 1990-х гг. повысился интерес к историческому опыту реформирования в военной сфере. В работах П. Ф. Ващенко, В. А. Жилина, В. А. Золотарева, В. Н. Лобова, Н. А. Мальцева, С. А. Мишанова, О. Н. Кена, И. Ф. Цветкова¹⁸ и др.¹⁹ на основании новых документальных материалов, зачастую бывших ранее на секретном хранении, исследуется эта сторона военного строительства. В их числе определенный интерес для нашего исследования представляют работы, показывающие динамику организационного строительства советских Вооруженных Сил. Новизной в постановке проблемы отличаются работы В. А. Жилина, О. Н. Кена и И. Ф. Цветкова²⁰.

О. Н. Кен впервые исследовал такую важнейшую сторону военного строительства, как мобилизационное планирование. Комплексность подхода к предмету изучения и привлекаемым источникам позволила ему показать, как влияли внешние и внутренние факторы развития

страны на перспективы строительства армии в 1927–1935 гг. Отметим, что автор подробно останавливается на роли К. Е. Ворошилова в этот период как руководителя военного ведомства²¹. По его мнению, позиция, занимаемая наркомом в 1929–1931 гг. в отношении перспектив строительства армии, исходила из практических возможностей и потребностей, а не из модели будущего. Заимствуя фразеологию из современной действительности, автор характеризует позицию Ворошилова как «оборонной достаточности». При этом он отмечает очень важную черту наркома — его убежденность в том, что армия — «инструмент сугубо тонкий и деликатный»²². Как показало наше исследование, позиция Ворошилова проявилась в полной мере и при обсуждении вопросов вовлечения армии в борьбу с деревней, когда форсированные методы стали стандартом для реализации многих внутривнутриполитических вопросов. Твердая позиция наркома охлаждала горячие военные головы, пытающиеся проявлять чрезмерную политическую активность.

Военно-экономические аспекты военного строительства стали предметом исследования А. А. Мелия, М. Ю. Мухина, Л. Самуэльсона (Швеция), Н. С. Симонова²³ и др.

Самостоятельным направлением в современной отечественной историографии стало изучение вопросов формирования советской военной элиты в межвоенный период, в том числе и масштабов репрессий в армейских рядах, их последствий для дальнейшего развития Красной армии. Отметим, что наряду с годами «большого террора», который всегда был предметом повышенного интереса исследователей, в сферу изучения все больше стали включаться 1920-е — первая половина 1930-х гг. Среди них наиболее значимые — работы С. Т. Минакова, А. А. Печенкина, О. Ф. Сувенирова, Я. Тинченко, Н. В. Черушева²⁴ и др.

С конца 1980-х гг. все больше стало появляться исследований по социальной истории советского общества. Предметом их изучения становились различные социальные группы людей — рабочие, крестьяне, служащие, студенты и пр. Особый интерес был проявлен к воссозданию ретроспективного образа исторического поколения с учетом особенностей, определяющихся условиями политической жизни общества. В этой связи особый интерес представляет поколение переломного времени, каковым являлась молодежь рубежа 1920–1930-х гг., сформировавшаяся под воздействием новой советской идеологии.

Политические изменения конца 1980-х гг. и последующий распад СССР открыли доступ к военным архивам иностранным исследователям, которых в большей степени интересовала социальная жизнь Красной армии, нежели боевая, политическая и культурная. Вышедшие в последнее десятилетие работы, прежде всего М. фон Хагена (США)²⁵, Д. Гланца (США)²⁶, Р. Рисса (США)²⁷, А. Романо (Италия), дают целостное представление о социальном составе Красной армии. Марк фон Хаген, например, рассматривает Красную армию как школу подго-

товки к жизни в обществе. Он отмечает, что армия участвовала во всех аспектах советской жизни, от политики на высшем уровне до обучения и социализации крестьянской молодежи. Особое внимание автор уделяет важной стороне политической культуры красноармейцев, которую он определяет как «милитаризованный социализм». Роджер Рисс сосредотачивает свое внимание на периоде 1930-х гг., показывая, как сталинский режим пытался превратить военную службу в инструмент идеологической обработки граждан, в особенности крестьянства. Отмечая нарастающее внутри армии после 1928 г. недовольство сталинским «новым курсом», автор считает, что все большее число красноармейцев становилось солдатами поневоле. Он доказывает в своем исследовании, что эти отчуждение и враждебность выражались прежде всего в крайне взрывоопасной напряженности отношений между комсоставом и новобранцами из крестьян, характерной для всех 1930-х гг.

Проблема армии и крестьянства являлась предметом научного исследования Андре Романо. Он был в числе первых, кто стал изучать вопросы взаимодействия Красной армии и крестьянства в период коллективизации и раскулачивания деревни. Им совместно с автором данной книги был подготовлен первый и единственный документальный сборник по проблеме, ставшей предметом самостоятельного изучения. В результате совместной работы над сборником были намечены общие концептуальные подходы и определены дальнейшие направления в изучении этой многоаспектной проблемы²⁸.

Социальная характеристика Красной армии 1920-х гг. наиболее комплексно рассмотрена в монографии А. Ю. Рожкова (Краснодар), характеризующей жизненный мир молодого поколения Советской России²⁹. Должное внимание в ней уделено миру красноармейца 1920-х гг. и становлению его мировоззрения. На большом фактическом материале автор показывает повседневную жизнь красноармейцев, уровень их знаний, представления о мире взрослых, а также проблемы и опыт их интеграции в этот мир. Многие из освещенных автором вопросов впервые отражены с научных позиций. Автор использует широкий круг источников, среди которых — периодические издания соответствующего периода, публикующие результаты опросов и итогов анкетирования, многочисленные архивные материалы, выявленные в различных федеральных и региональных архивах, массовый народный фольклор в форме частушек.

При осуществлении «нового курса» особая роль отводилась органам и войскам ОГПУ, осуществлявшим на практике постановления высших инстанций. Историография истории органов ВЧК—ОГПУ—НКВД в большей степени отражала тенденции и особенности политической ситуации в стране. Только с развенчанием культа личности Сталина стали возможны более объективные исследования в этом направлении. С конца 1980—1990-х гг. появились труды, в которых на объемном фак-

тическом и документальном материале раскрывается история строительства органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, в том числе их деятельность по защите государства и общества от внутренней и внешней контрреволюции, освещены отдельные стороны искоренения политического бандитизма и др. вопросы. Среди них труды С. С. Велидова, А. А. Здановича, В. М. Клеандровой, В. В. Коровина, А. М. Плеханова, В. Н. Хаустова³⁰ и др. Отметим, что для нашего исследования особый интерес представляют работы А. М. Плеханова и А. А. Здановича. Первый автор, используя активно ведомственный архивный материал, уделяет должное внимание организационному строительству органов и войск ОГПУ в интересующий нас период 1926–1928 гг.

Организация и деятельность отечественной контрразведки является предметом изучения А. А. Здановича. В его первой монографии, исследующей начальный этап деятельности спецслужб в военной среде, самостоятельный раздел был посвящен периоду Гражданской войны, когда была создана система особых отделов в Красной армии³¹. Продолжая изучение вопросов взаимоотношений между органами государственной безопасности и военным ведомством, автор издал новую монографию³², в которой освещен период с 1921 по 1934 г.

Имея возможность использовать различные группы ведомственной документации, в том числе оперативной и судебно-следственной, автор убедительно показывает, каким неоднозначным был «человек в военной форме», олицетворявший непогрешимого и любящего Родину и режим Сталина образ красного командира. По мнению автора, «львиная доля» повседневного труда чекистов, имевших отношение к обеспечению безопасности армии и флота, приходилась на борьбу с внутренними угрозами³³. Среди них далеко не последнее место занимали настроения командного состава, причем не только среднего, но и высшего, в связи с проводимой в стране политической коллективизацией и раскулачивания. На конкретных примерах автор показывает, как жесткие меры на селе подрывали доверие к практической линии партии и лично И. В. Сталину у командиров. Более того, чекисты отмечали, что, выражая свое недовольство, командиры молчаливо соглашались с доводами представителей «правого уклона» в партии³⁴. Так, например, «правые» тенденции проявились среди сотрудников Штаба РККА, что, несомненно, являлось серьезной угрозой безопасности не только армии, но и страны в целом.

Проведенное нами исследование показало, что эффективность работы спецслужб по сбору информации была зачастую намного выше соответствующей работы армейских политорганов.

Деятельность региональных органов ОГПУ в годы коллективизации деревни на материалах Нижнего Поволжья отражена в исследовании В. А. Бакурского³⁵.

Информационная деятельность спецслужб исследуется в монографии В. С. Измолика³⁶, ставшей первым историческим исследованием

столь важного вопроса, как «политический контроль» над обществом. «Под политическим контролем, — пишет автор, — мы понимаем регулярную систему сбора и анализа информации различными ветвями партийно-государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп»³⁷. На основе широкого круга источников из РГАСПИ, РГВА, ЦА ФСБ, партийных и государственных архивов Петербурга, Москвы, Брянска и Сыктывкара Измозик показывает зарождение и становление системы политконтроля в различных группах общества, в том числе и Красной армии³⁸. Ограничивая свою работу периодом Гражданской войны, автор приходит к выводу, что к концу войны была создана отлаженная вертикальная система регулярной информации о настроениях военнослужащих и населения в прифронтовой полосе. Причем все основные нити управления этой системой сходились в ПУРе³⁹. Заслуживает внимания один из главных общих выводов автора: «Материалы политического контроля в их совокупности убедительно показывают, что даже в середине 20-х гг., в период наибольших экономических успехов нэпа, коммунистическое руководство не имело безусловной поддержки большинства населения. Именно знакомство со строго секретной информацией политического контроля заставляло руководство страны испытывать постоянную неуверенность, бояться собственных граждан...»⁴⁰

Важная заслуга в изучении вопросов организации информационной работы спецслужб в 1920–1930-х гг. принадлежит В. К. Виноградову. Будучи в составе авторских коллективов, публикующих документы спецслужб, он предваряет эти документальные издания самостоятельными предисловиями по истории центрального и местного аппарата спецслужб⁴¹. В них раскрывается обстоятельная картина организации ведомственной системы информационной работы, ее изменений в зависимости от меняющихся политических задач и потребностей власти. Более того, вся впервые вводимая в научный оборот столь важная информация основана и подкреплена соответствующими ссылками на архивные документы.

Самостоятельным направлением в советской историографии являлось изучение истории Внутренних войск. Среди работ, исследующих эти вопросы, выделяется монография В. Ф. Некрасова⁴², содержащая исторический очерк строительства войск ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД с момента их создания и до 1970-х гг. Автор наряду с общеисторической информацией уделяет должное внимание обзору имеющейся на начало 1980-х гг. соответствующей литературы и источниковой базы, отмечая при этом крайне слабую научно-исследовательскую разработку данной проблемы вплоть до конца 1960-х гг.⁴³ Он напоминает, что первая книга по истории Внутренних войск появилась лишь в 1968 г., а первая диссертация по этой проблеме была защищена в 1970 г. Естественно, что цель

издания и его небольшой объем не располагали к отражению полномасштабной картины деятельности Внутренних войск. В связи с этим и деятельность Внутренних войск, в частности войск ОГПУ, в годы коллективизации и раскулачивания деревни представлена в монографии крайне скупое. Описание выполняемых в этот период задач ограничено рамками борьбы с бандитизмом на территории Северного Кавказа и Закавказья и басмачеством в Средней Азии, а также охраны объектов промышленности и железнодорожных сооружений. Та же фрагментарность присутствует и в кратких исторических очерках, подготовленных в 1996 г. к юбилейной дате — 200 лет органов МВД России, и в 2007 г. — Главным командованием Внутренних войск МВД России⁴⁴.

Крестьянский аспект

Внимание исследователей всегда привлекали события, связанные с переходом от политики военного коммунизма к нэпу, от единоличного ведения сельского хозяйства к коллективизации. Историография коллективизации в СССР, в частности периода конца 1920-х — начала 1930-х гг. многочисленна и весьма разнообразна.

Отечественная историческая литература конца 1920–1930-х гг. находилась в жестких нормативно-политических рамках и догматах сталинского режима. В опубликованных в эти годы работах М. К. Власова, А. М. Маркевича, Я. П. Никулихина⁴⁵ и др. процесс становления нового общественного строя в деревне изучался «по горячим следам» событий. Как правило, авторами были участники колхозного строительства. В работах содержался фактический материал, наблюдения и суждения современников. Однако авторы в силу ряда причин не могли дать исчерпывающую оценку процессам, происходившим в деревне, и возникшим в связи с этим социальным потрясениям. Для большинства работ характерны одностороннее воззрение на происходившие события, излишняя прямота, категоричность и классовый подход к их оценкам, а также узость источниковой базы.

Во второй половине 1930-х и последующие годы предпринимались попытки осмыслить и обобщить материалы о проводимых преобразованиях в российской деревне. Однако этим работам были свойственны общие недостатки, вытекающие из политических условий — догматизм, приукрашивание действительности, иллюстративность изложения, недоказательность в освещении отдельных мероприятий, отсутствие необходимой источниковой базы, слабое привлечение архивных материалов.

Наиболее благоприятные условия для дальнейшей углубленной разработки данного вопроса возникли после XX съезда КПСС и снятия запретов на ознакомление с архивными материалами. В 1960-е гг. появляются первые монографические исследования обобщающего

плана⁴⁶. Работы Ю. В. Аратюняна, Ю. С. Борисова, М. А. Вылцана, В. П. Данилова, Ю. С. Кукушкина, Е. И. Ларькиной, В. Б. Островского, П. Н. Першина, В. М. Селунской, С. П. Трапезникова, С. А. Юдачева и др.⁴⁷ положили начало переосмыслению сложившихся представлений об уровне развития села, его производительных сил в реконструктивный период. Авторы, при ограниченной возможности критики культа личности И. В. Сталина, с привлечением новых источников попытались дать более обоснованную оценку достигнутых результатов при решении вопросов, связанных с созданием колхозного производства.

Период 1970-х гг. характеризуется не только количественным ростом научных работ по аграрной истории Отечества, но и значительным повышением уровня исторической объективности, научности и методики исследования. Позволим выделить лишь наиболее крупные работы, в которых рассмотрены сущность и механизмы реализации аграрной политики, — труды М. Л. Богденко, В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого, В. А. Сидорова, И. Я. Трифонова,⁴⁸ и др. В них нашли освещение политические и социально-экономические вопросы формирования и реализации курса на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств и раскулачивание. При этом, по известным причинам, не ставилась под сомнение объективность данного аграрного курса. Вместе с тем следует отметить, что исследования данного периода содержат значительный фактический материал, статистические и демографические данные, которые объективно показывают истинные масштабы, характер и проявления многих сторон советской аграрной политики. В равной степени это относится и к работам историков-аграрников М. А. Вылцана, Н. В. Королькова, К. Г. Левыкина⁴⁹, изучавших отдельные периоды колхозного строительства и стороны колхозно-совхозного производства. Труды этого периода позволяют понять истинные причины многих негативных процессов, возникавших в крестьянской среде, выявить социально-экономические факторы, влиявшие на дестабилизацию обстановки.

С середины 1980-х гг., когда историки получили доступ к архивным материалам, а идеологические установки отошли в прошлое, в отечественной историографии стали активно разрабатываться проблемы, бывшие ранее «закрытыми». Появились исследования, в которых излагалась новая концепция процесса коллективизации и оценка ее результатов, давалась переоценка аграрным преобразованиям в деревне, исследовались масштабы и последствия политики раскулачивания и последовавшего за ним голода.

Переосмыслению концептуальных вопросов политики коллективизации и раскулачивания способствовало рассекречивание и введение в научный оборот стенографических и директивных материалов Политбюро и ЦК ВКП(б), а также уголовно-следственных материалов органов НКВД, характеризующих позицию и программные уста-

новки представителей так называемых троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских «антисоветских» группировок. Они свидетельствуют, что обвинения в адрес целого ряда советского руководства были во многом сфальсифицированы, а их деятельность не носила ни антигосударственного, ни антисоветского характера. Поэтому «идейный разгром правого оппортунизма и левого революционизма» фактически носил характер устранения инакомыслия и оппозиции, как не отвечающей сталинскому пониманию путей дальнейшего развития сельского хозяйства.

С середины 1990-х гг. началось системное введение в научный оборот рассекреченных архивных материалов по истории крестьянства 1920–1930-х гг., ставшее заметным явлением для исторической науки. Под руководством В. П. Данилова были созданы четыре творческих коллектива из ученых-специалистов и архивистов. Итогом работы этих коллективов стали серийные документальные публикации, основанные на закрытых фондах партийных архивов и архивов органов государственной безопасности, позволяющие по-новому увидеть и оценить многие процессы, происходившие в те годы.

Отдадим должное Виктору Петровичу Данилову, который был инициатором, организатором, руководителем и зачастую непосредственным исполнителем в подготовке четырех «крестьянских» проектов, цель которых заключалась в ведении в научный оборот новых архивных документов, находящихся в большинстве своем на секретном хранении. Благодаря его усилиям ученые и общественность получили новые знания по истории крестьянства 1920–1930-х гг. Эти «новые знания» становились неоднократно предметом его выступлений на научных форумах. К сожалению, преждевременная смерть не позволила ему осуществить монографическое исследование новых опубликованных архивных материалов. Однако остались написанные им предисловия к подготовленным сборникам, статьи, содержащие первые выводы, полученные на основании изучения новых документов. Говоря о подготовленных сборниках, Данилов отмечал, что главную свою задачу как ученого он видел в необходимости сделать доступными для будущих поколений документы о «трагедии» крестьянства, составлявшего большинство русского народа. Будучи сам выходцем из многолетней крестьянской семьи, он считал это своим долгом перед памятью предков. Известно, каким трудным был научный путь Данилова. Вспоминая годы «немилости» власти к нему, он говорил, что его всегда спасали архивы и отзывчивость людей, работающих в них. Поэтому он в силу обстоятельств великолепно знал как центральные, так и региональные архивы, умел в них работать и ориентироваться в огромном архивном материале. Волею судеб архивные документы, которые он ценил и любил, стали ему своеобразным памятником. Потребуется немало времени, чтобы проанализировать ставшие доступными благодаря ему тысячи документов.

Для современного периода отечественной историографии характерно массовое вовлечение в научный оборот новых комплексов архивных материалов, что, в свою очередь, способствует накоплению «новых знаний», приводящих в итоге к новым исследованиям. Среди авторов этого периода — как общепризнанные авторитеты, так и новое поколение историков-аграрников, сформировавшееся в условиях новой России, — В. П. Данилов, И. Е. Зеленин, В. С. Горохов, Н. А. Ивницкий, В. В. Кондрашин, С. А. Красильников, Н. Л. Роголина, С. И. Савельев, Н. В. Тепцова, Г. И. Шмелев⁵⁰ и др. Наиболее фундаментальным трудом 1990-х гг. по проблемам коллективизации и раскулачивания стали монографии Н. А. Ивницкого⁵¹, в которых автор ввел в научный оборот значительный комплекс новых источников, обратив особое внимание на исследование выработки в 1929 г. особой политики по отношению к кулачеству. На основе проведенного анализа он делает вывод о том, что раскулачивание и переселение миллионов крестьян не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени. Массовое раскулачивание и ускоренная коллективизация предопределили последствия этой политики, вызвавшиеся в виде голода⁵².

В последнее десятилетие предметом серьезного изучения ученых стал голод 1930-х гг. Особо значимая роль в оценке масштабов и последствий коллективизации и причин массового голода 1932–1933 гг. принадлежит И. Е. Зеленину, который, будучи ответственным составителем третьего тома серийного документального издания «Трагедия советской деревни», во введении к документам тома обобщил имеющиеся на соответствующий период «новые знания» по этим вопросам. Конкретно-историческая панорама событий, в том числе по различным регионам, присутствует в работах В. В. Кондрашина⁵³, Е. Н. Осколкова⁵⁴ и др. Вместе с Н. А. Ивницким они активно выступают против политизации проблемы голода 1930-х гг., в частности против позиции украинских историков, рассматривающих голод на Украине как геноцид против украинского народа⁵⁵.

Проблема маргинальных слоев советского общества, в частности имеющих крестьянские корни, является предметом научного исследования С. А. Красильникова⁵⁶. Вместе с В. П. Даниловым он был инициатором издания серии документов по спецпереселенцам Западной Сибири. Благодаря его работам неизвестная страница советского общества обрела свою историю. В настоящее время его внимание нацелено также на изучение новых слоев маргиналов, каковыми являлись тылоополченцы, о чем свидетельствуют совместные работы с Д. Д. Миненковым⁵⁷.

Обращает на себя внимание новизной в постановке проблемы работа Д. Д. Миненкова о формировании и развитии системы тылового ополчения в СССР в 1930–1937 гг.⁵⁸ Автор впервые обращает внимание на часть населения, которая подпадала под статус «лишенцы». Известно, что эта группа советского общества появилась в процессе

социально-классовых преобразований 1920–1930-х гг. В частности, внимание автора сосредоточено на принципах и механизме организации выполнения «лишенцами» обязанностей по несению военной службы, которые с этой целью зачислялись в тыловое ополчение. Выводы автора о месте и роли тылового ополчения в обществе обоснованны и важны для понимания всей сталинской политики конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Изучение литературы показало, что поставленная в нашем исследовании проблема актуальна по ряду направлений — прежде всего для истории Красной армии и Внутренних войск, а также для дальнейшего углубленного изучения трагического периода в истории советской деревни.

Источниковедческий и археографический аспекты

Данное исследование помимо общеисторических вопросов обращено и к источниковедческим аспектам работы с архивными материалами. Проработав в архиве не одно десятилетие, автор неоднократно осознавал важность и умение практического использования источниковедческих навыков. Знание истории аппарата управления, в нашем случае военного ведомства и особенностей существующего внутри него делопроизводства, является залогом эффективного поиска и научного использования архивных материалов.

Специалистам по истории русской императорской армии хорошо известна монография Л. Г. Бескровного «Очерки по военному источниковедению»⁵⁹. В ней дается обстоятельный типологический обзор источников по истории русской армии. Традиционное отношение к историческому источнику как основе познания истории присутствовало в научных работах ведущих исследователей истории императорской армии в 1900–1930-х гг. — А. М. Зайончковского, А. А. Свечина, А. Е. Снесарева и др. Они, будучи сами представителями высшего офицерского корпуса, знали условия появления тех или иных военных документов. Столь же внимательное отношение к источникам присутствует в трудах П. А. Зайончковского, который много лет являлся заведующим отдела рукописей Библиотеки им. Ленина и профессором исторического факультета Московского государственного университета. Сфера его научных интересов была крайне разносторонней, но в ней находилось место военной истории России и анализу военно-исторических источников⁶⁰. Мало кому известно, что родной брат П. А. Зайончковского, Вадим Андреевич, уйдя в отставку как офицер Советской армии, проработал несколько десятилетий в ЦГАСА, где им в 1967 г. было написано объемное научное исследование «Оперативные документы Гражданской войны как исторический источник», оставшееся авторской рукописью⁶¹.

К сожалению, приходится констатировать, что фундаментальных работ по военному источниковедению советского периода крайне мало. Исключения составляют работы В. Т. Логина⁶². В них рассмотрены вопросы классификации и принципы исследования военных источников — их природа и сущность, особенности и приемы работы с ними, проведена условная классификация военных источников, основанная на источниках советского периода. Вопросы взаимосвязи методологии военной истории и военного источниковедения отражены в коллективном труде военных историков⁶³, а также в работах Г. Телятникова⁶⁴, С. Тюшкевича⁶⁵ и др. Отдавая должное военным историкам советского периода, отметим, что многие из них уделяли и уделяют внимание источниковедческим аспектам привлекаемых источников. Среди них — Н. Н. Азовцев, П. Н. Бобылев, Ю. В. Горьков, Я. Г. Зимин, О. Н. Кен, Ю. И. Кораблев, С. В. Липицкий, М. И. Мельтюхов, С. Н. Михалев, М. А. Молодцыгин, В. А. Неужин, В. Д. Поликарпов, И. И. Ростунов и др.

Говоря о вопросах источниковедения военных источников, отдадим должное исследованиям М. Н. Черноморского в этом направлении. Для нас до сих пор памятен спецкурс, прочитанный им в стенах Московского историко-архивного института (МГИАИ) в начале 1970-х гг. Будучи фронтовиком, получившим тяжелое ранение, Черноморский один из первых провел комплексное изучение мемуаров представителей командования Красной армии на предмет оценки ими начального этапа Великой Отечественной войны. Его работы как специалиста в области советского источниковедения известны широкому кругу исследователей.

Концептуальное значение в работе с источниками имеют общие принципы источниковедения, разработанные отечественными специалистами⁶⁶. Происшедшие за последние десятилетия изменения в жизни России повлекли за собой «открытие» архивов и введение в научный оборот новых массовых комплексов не только тематических, но и ведомственных документов, что способствовало углублению и расширению новых знаний в области источниковедения. В свою очередь, развитие компьютерных технологий в обществе также отразилось на методах работы с источниками, позволив более эффективно изучать массовую документацию. Важным итогом обобщения этих знаний стали монографии двух авторских коллективов. Одна из них — учебное пособие, подготовленное преподавателями ИАИ РГГУ⁶⁷, другая — монографический труд группы ученых Института российской истории РАН⁶⁸. Не ставя перед собой задачу анализа данных работ, отметим, что эти работы дают общую многомасштабную картину имеющихся на сегодняшний день исторических источников с характеристикой их особенностей и методов работы с ними.

Ведущий российский историк В. О. Ключевский в своих лекциях по источниковедению отмечал значение архивных материалов для истори-

ческой науки: «Не только основные факты нашего прошедшего не выяснены достаточно историческим исследованием и мышлением — самые источники нашей истории не разработаны научной критикой и даже далеко не все приведены в известность... Во многих важных вопросах нашей истории историк вынужден еще терпеливо сидеть, сложив руки в ожидании, когда покончит свою пыльную инвентарную работу архивариус. Разборка и критическая разработка источников — работа, стоящая на ближайшей очереди в изучении нашей истории. Наша историография еще долго должна оставаться преимущественно исторической критикой»⁶⁹. Эти слова, сказанные в XIX в., не потеряли своей актуальности и сегодня. Несмотря на то что многое изменилось на сегодняшний день в разработке источниковой базы российской истории, в том числе и ее советского периода, осталось неизменным значение архивных материалов.

Введением в научный оборот архивных материалов путем их публикации призвана заниматься археография. Общность корней и задач сближает ее с широко известной наукой археологией, занимающейся поиском и изучением новых знаний о прошлых цивилизациях в недрах земли. Археография имеет те же задачи, только в области письменных источников. С одной стороны, она относится к архивным дисциплинам, так как ее «недрами» являются архивы; с другой стороны, предметом ее изучения являются письменные документы, что сближает ее с источниковедением. В последние годы уделяется значительное внимание в работах российских ученых, прежде всего — И. И. Глебовой, В. П. Козлова, Г. И. Королёва, А. Д. Степанского, В. А. Черных — вопросам разработки темы археографии как социокультурного феномена. Ю. В. Нестерович, обобщая имеющиеся на сегодняшний день взгляды, пишет: «Однако адекватного подхода, который бы позволил непротиворечиво и последовательно объяснить археографию как составную часть общественной жизнедеятельности и как феномен культуры, не выработано. С одной стороны, раскрытие археографии как социокультурного феномена предполагает социологический и культурологический анализ. С другой стороны, при таком анализе следует исходить из установленного в рамках археографии разделения археографии как научной дисциплины и как части общественной жизнедеятельности»⁷⁰. Специалисты едины во мнении, что археография относится к самостоятельной области исследований — специальной, но не вспомогательной (в отличие, к примеру, от метрологии и хронологии), поскольку в ее рамках не только разрабатывается методика публикации исторических документов (археографических материалов), но и изучается история археографических публикаций. Историки и архивисты, будучи археографами, доводят до общественного сознания данные исторических источников через археографическую публикацию⁷¹.

Особенности публикации различных ведомственных комплексов отражены в работах ряда авторов⁷², а также во введениях и археографических предисловиях к сборникам. Эти знания также важны и необходимы для понимания общеисторических процессов.

Подготовка сборника документов — это долгий и кропотливый процесс формирования гармоничного целого. Опыт последних десятилетий показал, что при подготовке сборников совместная работа ученых и архивистов является залогом объективности, репрезентативности, научной новизны и информативной ценности публикуемых источников, тех основных принципов, на которых должно строиться познание истории. Публикация архивных документов требует от составителей документальных сборников соответствующих исторических и источниковедческих знаний, позволяющих сделать правильный выбор при определении значимости того или иного документа. Нередко бывают случаи, когда важность документа исходит не столько от содержания, сколько от резолюции, пометы, внесенного в текст исправления. Как правило, история появления документов, их трансформация и прохождение по служебным путям, а также внешние особенности оформления и многое другое описываются в археографических предисловиях к сборникам. Эти предисловия наряду с введениями, написанными специалистами-историками, составляют также «новые знания», необходимые для понимания общеисторических процессов. Отметим, что для нашего исследования были крайне важны и полезны исторические введения к сборникам документальных серий «Трагедия советской деревни»; «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД СССР»; «Совершенно секретно...» и др., составляющих основную источниковую базу нашего исследования. Не менее важными для нас были археографические предисловия к этим сборникам, содержащие различную источниковедческую информацию.

Важное значение для систематизации и дальнейшего вовлечения в научный оборот документальных изданий и публикаций имеют библиографические справочники, подготовленные И. А. Кондаковой⁷³. Они содержат объемную справочную информацию для исследователей и позволяют ориентироваться в многотысячных изданиях. Отметим, что автором было учтено около 5,5 тысячи сборников документов, вышедших в свет в 1917–2000 гг.

Более подробная характеристика документальных изданий как по истории Красной армии, так и советской деревни в 1920–1930-е гг. дана далее. Учитывая значимость и доступность опубликованных архивных документов, в приложении к монографии дается перечень основных серийных документальных изданий по исследуемой проблеме, в том числе по истории Красной армии и военному строительству, органов ОГПУ, Внутренних и Пограничных войск, крестьянства и коллективизации советской деревни за период 1920–1930-х гг.

§ 2. Исторические источники

Известно, что любое исследование, основанное на системном использовании информации, зависит прежде всего от эффективности поиска и методов работы с ней. Источники исторической информации могут быть различными — письменными, устными, вещественными. Из перечисленных наиболее объемной группой, не сопоставимой с остальными двумя, являются письменные, которые сосредоточены, как правило, в архивах, рукописных собраниях музеев, библиотек и университетов. В свою очередь, среди письменных источников выделяются наиболее важные и значимые группы информационных источников — *архивные документы*, в большинстве своем представляющие комплексы документации, появившейся в процессе деятельности органов власти, учреждений, организаций и отдельных личностей; *публицистические материалы, мемуары*⁷⁴. Каждая из названных групп имеет свои особенности и преимущества, позволяющие воссоздавать ретроспективную картину прошлого.

Несомненно, что среди них архивные документы имеют приоритет в силу своей первичности, как появившиеся в процессе исторических событий. Фактор первостепенности присутствует и у публицистики, которая всегда рождается на «злобу дня», тем самым отражая значимость того или иного события и степень восприятия его обществом. Но в отличие от архивных документов в публицистике в большей степени проявляется влияние автора, освещающего то или иное событие через призму своего восприятия. К источникам «исторических знаний» по праву относятся и *мемуары*. В отличие от предыдущих они также пишутся очевидцами событий, но, как правило, уже по прошествии определенного времени. Личность автора в мемуарах присутствует в большой степени, внося субъективный фактор в историческое описание и тем более в оценку события. Именно поэтому мемуары прекрасно дополняют архивные источники, но не могут претендовать на полную объективность в освещении исторических событий. Таким образом, отдавая приоритет архивным документам, мы ни в коем случае не умаляем значение других информационных источников, учитывая их особенности в реконструкции исторических событий.

Историческая наука накопила большой опыт работы с архивными материалами, который успешно развивается археографией. Важность археографии как научной дисциплины определяется тем, что она, вводя в научный оборот архивные материалы, придает им статус исторического источника, доступного для любого исследователя. Формы и методы публикации источников могут быть различны — от публикации единичного документа (как правило, характерного для журнальных публикаций) до целого комплекса (в виде сборника или серии сборников документов). Комплексные публикации разделяются на видовые, тема-

тические и пофондовые. Наибольшее распространение получили первые два типа публикаций.

Развитие археографии как научной отрасли по праву связано с организацией и деятельностью местных архивных комиссий в конце XIX в., когда внутри российского общества проявилась тенденция к собиранию памятников истории, будь то архивы, библиотеки, вещественные свидетельства. Не вдаваясь в подробности деятельности архивных комиссий на местах, скажем только, что осознанная профессиональными историками необходимость собирания архивных материалов и их публикации была поддержана активно на местах не только общественностью, но представителями власти. Предложения о необходимости централизации деятельности по собиранию источников российской истории, высказанные на различных съездах краеведов, архивистов и пр., были реализованы уже после революции 1917 г. в процессе создания Центрархива, возглавившего эту столь необходимую и важную для общества и государства работу.

За XX в. был накоплен большой опыт в архивном строительстве и прежде всего в организации использования архивных материалов, в том числе и их публикации. За прошедшее столетие количество подготовленных сборников документов исчисляется тысячами. Чтобы разобраться в этом безбрежном море опубликованных исторических источников, изданы библиографические справочники. В последние десятилетия XX в. историческая наука в России пережила настоящую «архивную лихорадку», сравнимую с «золотой лихорадкой» XIX в., когда редкий человек, приезжающий в Америку, не попытался стать обладателем хранящегося в недрах земли богатства. Таким же богатством для историков стали «недра» российских архивов, открывшие свои хранилища с конца 80-х гг. XX в. — число приезжающих из разных стран мира ученых, аспирантов и студентов в эти годы было рекордным за всю историю российских архивов, что по праву заслуживало занесения на страницы знаменитой Книги (рекордов) Гиннеса.

Открытие архивов повлекло за собой широчайшую волну публикаций, когда на страницы самых различных периодических изданий выплеснулся поток архивных документов, заставивший общественность повернуться лицом к Истории. Объем опубликованных архивных документов был настолько большим, что историкам потребуется еще немало времени, чтобы осмыслить новые знания и совместить их с прежними, не преувеличивая значение одних и не перечеркивая значимость других. В этом процессе архивного познания повышенный интерес был проявлен к начальным периодам становления новой власти, а в ряду лидеров этого «документального марафона» были крестьянство и вооруженные силы.

Публикации по истории советского крестьянства

История крестьянства всегда привлекала к себе внимание историков и археографов, так как крестьянство составляло всегда самую большую часть населения как Российской империи, так и Советского государства в первые десятилетия его существования. Это сказалось и на многочисленности соответствующих публикаций, и на их тематическом разнообразии. В связи с этим в рамках данной работы будут освещены только основные серийные документальные публикации, относящиеся к исследуемому нами периоду. Отдавая предпочтение серийным документальным изданиям перед отдельными тематическими, а тем более журнальными, мы исходим из следующих преимуществ этого типа публикации.

Серийное документальное издание: 1) представляет собой публикацию комплекса документов по теме, объединенных единым концептуальным замыслом; 2) в нем, как правило, расширены хронологические рамки исторического периода, позволяющие исследователю видеть развитие изучаемых событий; 3) оно позволяет совмещать в едином комплексе архивные материалы различных уровней власти и ведомств; 4) оно включает в себя расширенный объем документов, позволяющий более подробно освещать события; 5) наконец, это результат совместной работы историков и архивистов, обеспечивающий эффективный поиск новых архивных документов и введение в научный оборот дополнительной информации, почерпнутой из недр архивов.

Исследуемый нами период — 1928–1933 гг. всегда вызывал интерес у исследователей, но имел идеологические барьеры, особенно в отношении доступа к архивным источникам. С разрушением этих барьеров исследователи получили возможность прежде всего исследовать исторические события не через директивные указания свыше, а посредством изучения архивных источников. За последние 20 лет по истории советского крестьянства было осуществлено несколько серийных документальных изданий. Это: 1) серия тематических документальных сборников, объединенных единой концепцией под названием *«Крестьянская революция в России. 1902–1922»*; 2) видовая серийная публикация документов под названием *«Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»*; 3) тематическая публикация документов под названием *«Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939»*; 4) тематическая публикация документов под названием *«Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930–1945»*. Общее число опубликованных сборников по этим сериям на сегодняшний день равно 19, и это не окончательное число, так как по одному из них работа еще продолжается. Таким образом, только благодаря этим серийным изданиям в научный оборот введено около 6 тыс. документов. Но наряду с этими сборниками багаж историков за прошедшие

годы пополнился и другими не менее значимыми и интересными изданиями, часть из которых будет рассмотрена нами. Среди перечисленных наиболее важным для раскрытия темы нашего исследования является комплекс документов, составивший серию «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939».

Характеризуя значение и масштабность коллективизации для последующего развития советского общества, главные редакторы этого научного проекта⁷⁵ в своем вступительном слове пишут: «Со стороны коммунистической партии это была первая попытка широкомасштабной социальной инженерии, и это было начало сталинского массового террора. Коллективизация разрушила традиционную крестьянскую общину и другие институты крестьянской автономии и поставила на их место принудительную структуру аграрного производства, социалистическую по форме. Новая колхозная система позволила государству обложить крестьянство данью в форме обязательных поставок сельхозпродукции и обусловило его господство на селе»⁷⁶. Проблема коллективизации, являясь рубежным событием в истории СССР, в частности советского крестьянства, как ни одна другая имела строжайшее официальное «табу». Жесткие идеологические установки, существовавшие на протяжении всего советского периода (несмотря на «оттепель» 60-х и «перестройку» 80-х), в первую очередь касались доступа к архивным документам. Только со второй половины 50-х гг. ученые смогли приступить к изучению проблем коллективизации советской деревни, получив доступ к очень ограниченному кругу источников⁷⁷. Комплексная публикация документов началась с созданием при Главном архивном управлении СССР в 1957 г. Главной редакции общесоюзной серии издания документов и материалов «История коллективизации сельского хозяйства СССР».

«История коллективизации сельского хозяйства СССР»

Всего в данной серии вышло 36 сборников⁷⁸. Первый том серии вышел в свет в 1961 г., последний — в 1989 г. Первым регионом стал Узбекистан, вслед за ним были изданы сборники по другим национальным регионам — Молдавия, Казахстан, Туркмения, Татария. Обращает на себя внимание приоритет выбора национальных регионов, что не случайно. В них проблема коллективизации не имела столь острых и болезненных проявлений, как это было в наиболее плодородных районах страны. Общее число изданных к моменту распада СССР, т. е. к 1991 г., по соответствующей проблеме сборников достигло 58⁷⁹. Вышедшие в свет тома охватывали почти все бывшие *национальные республики*⁸⁰ — союзные и автономные, входящие в состав РСФСР, а также *12 экономических районов РСФСР*⁸¹. Кроме того, изданы сборники документов по отдельным *регионам и областям*⁸². При публикации

документов в советское время хронологические рамки соответствующих изданий пестрели разнообразием. Наибольшее число вышедших сборников (чуть более 20) ограничивалось основными рамками периода 1927–1937 гг., только в 5 сборниках эти рамки доведены до 1941 г., а в 10 сборниках сужены до периода 1926–1932 гг.

Содержание и значение публикуемых в этих сборниках документов отражало возможности своего времени, ограниченные жесткой цензурой. В названных сборниках публиковались постановления и резолюции, доклады и отчеты, свидетельства с мест, отражавшие официальную политику и версию развития сельского хозяйства, коллективизации и раскулачивания.

С началом «перестройки» ситуация начала меняться. С 1989 г. стали появляться сборники, в которых стали публиковаться документы, свидетельствующие о негативных сторонах коллективизации — о голоде и хозяйственном упадке в деревне, о практике насилия и раскулачивания, о крестьянских протестах и сопротивлении политике коллективизации. За период 1989–1991 гг. было издано шесть сборников документов, положивших начало процессу введения в научный оборот абсолютно новых, ранее закрытых исторических источников⁸³.

«Трагедия советской деревни.

Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939»

Публикация пяти томов, объединенных под названием *«Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939»*⁸⁴, позволила, по мнению главных редакторов научного проекта, не просто исследовать «глубину противоречий сталинской эпохи», а во всей своей кричащей действительности показать обратную сторону коллективизации, вылившуюся в «наиболее ужасающую волну массовых репрессий XX века». Основное внимание авторского коллектива было сосредоточено на выявлении ранее недоступных исследователям документов.

Работа над проектом потребовала уточнения хронологических рамок как для всего проекта (для всего собрания документов), так и для составляющих его исторических периодов в соответствии с задачами момента (для каждого тома в отдельности). В итоге была принята следующая периодизация, в соответствии с которой каждый из томов отражал заверченный не только по годам, но и установкам исторический период. Документы *первого тома* освещают период с мая 1927 г. по ноябрь 1929 г. и раскрывают связь между хлебозаготовительными кампаниями и «наступлением на кулачество» с переходом к массовой коллективизации в конце 1929 г. Документы *второго тома* освещают период с декабря 1929 г. и весь 1930 г., показывая, как развертывался процесс «сплошной коллективизации» и раскулачивания. Документы

третьего тома освещают период 1931–1933 гг., рассматривая причины, ход и последствия Великого голода. Документы *четвертого тома* освещают период 1934–1936 гг., когда основные мероприятия власти были направлены на ликвидацию остроты социального протеста на селе, приобретавшего в основном пассивные формы, — после потрясенный, вызванных массовой коллективизацией в стране и голодом. Этот период характеризуется стабилизацией колхозной системы и поднятием трудовой активности колхозников при оставшемся экономическом прессе со стороны самого государства. Документы *пятого тома*, завершающего серию, освещают период 1937–1939 гг., в частности методы и масштаб «больших чисток» в советской деревне.

Внимание составителей — ученых и архивистов — при поиске документов было направлено в первую очередь на следующие важнейшие стороны: 1) принудительные хлебозаготовки, подчинившие себе все другие направления в деревне и создавшие обстановку «чрезвычайщины»; 2) борьбу с кулачеством, ставшую главным средством проведения хлебозаготовок и подчинения крестьянства в целом; 3) собственно коллективизацию, осуществляемую форсированными темпами при пренебрежении возможностями кооперативного развития и технического перевооружения. Такой виделась задача в начале работы над проектом. В процессе выявления и обработки нового архивного материала происходило расширение и углубление исторических знаний⁸⁵.

Не только новизна публикуемых документов и исторических знаний является важнейшей особенностью данного научного проекта. Значимость его складывается и из положенных в основу принципов поиска архивных документов. Количество вовлеченных в этот проект архивов и объем проводившегося выявления несравним ни с одним из других, о которых мы будем говорить ниже. Совместные усилия были нацелены на выявление и отбор для публикации документов всех органов власти — политической, государственной, исполнительной, а также военных и карательных органов, осуществлявших проведение «нового курса» в деревне. Наряду с этим выявление в архивах проходило и по вертикали власти — просматривались фонды не только центральных органов власти, но, что не менее важно, соответствующих областных и даже районных структур; в силу этого многие фонды впервые были просмотрены с целью раскрытия темы проекта.

Таким образом, публикуемые документы позволили: *показать*, кто стоял у истоков принятия тех или иных политических решений и как принимались соответствующие директивы ЦК ВКП(б) и его Политбюро, Оргбюро и Секретариата; *показать*, как принятые политическими органами решения оформлялись через практические постановления и директивы, циркуляры и разъяснения высших органов государственной власти ВЦИК и ЦИК СССР, СНК СССР, а также

соответствующих центральных исполнительных органов власти, и в первую очередь наркоматов — земледелия, торговли, юстиции, ОГПУ, Верховного Суда, Прокуратуры; *показать*, как шла реализация политики на местах через материалы различных временных центральных органов, создававшихся для руководства и контроля за проведением коллективизации (вроде Колхозцентра и Тракторцентра), а также через отчетные материалы партийных и государственных органов на местах.

Безусловно, при поиске и отборе документов для публикации особое внимание было уделено проблеме сопротивления коллективизации, причем не только со стороны самого крестьянства, что закономерно, но и со стороны общества, и в первую очередь со стороны советского руководства. Такие документы есть, с их публикацией исследователи получили возможность более детально и глубоко изучать эту малоизвестную пока страницу истории России. Позволим еще раз процитировать авторов проекта, которые в своем вступительном слове отмечают: «Невозможно глубоко понять сталинизм и развитие Советской России, не изучая сопротивления сталинским методам управления, — это одна из многих “чистых страниц” в истории России XX века, и наш проект предполагает внести свой вклад в ее заполнение»⁸⁶. Итогом многолетней коллективной работы, длившейся более десяти лет, стали пять томов (в шести книгах), включающих в себя около двух тысяч документов всех уровней власти не только по вертикали, но и горизонтали.

Региональные издания

Очевидно, что недра российских архивов хранят в себе намного больше документов, чем могут вместить в себя возможности даже такого масштабного проекта. И поэтому очень важно вводить в научный оборот и пополнять источниковую базу за счет других публикаций, имеющих более локальные темы, но позволяющие в итоге расширять наши «новые знания» по соответствующей проблеме. И в этом направлении работа также ведется. Так, при активном участии одного из авторов предшествующего проекта, Линн Виолы, были подготовлены два региональных сборника, вышедшие друг за другом в 1997–1998 гг. и освещающие процесс коллективизации и раскулачивания в Украине (в Винницкой области) и РСФСР (в Рязанской области). Это сборники — «*Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 г. — март 1930 г.)*»⁸⁷ и «*Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения*»⁸⁸. Как и в предшествующих случаях, сборники стали плодом совместной работы ученых России, Украины, Канады и архивистов, в частности архива Винницкой области (Украины) и государственного архива Рязанской области (ГАРО).

Основу «рязанского» сборника составили документы рязанских силовых структур: ОГПУ, административного отдела окрисполкома

(милиции), прокуратуры. Таким образом, сборник, с одной стороны, продолжая тему соответствующего проекта, расширяет источниковую базу информационных материалов силовых структур страны (ВЧК–ОГПУ–НКВД), но уже в региональном масштабе; с другой — вводит в научный оборот новый слой документов, детализирующий события областного уровня в острейший период проведения коллективизации и раскулачивания. Документальное богатство сборника не ограничивается только материалами областного ОГПУ и др. административных органов. Наряду с ними публикуются интереснейшие свидетельства очевидцев событий, в том числе и пострадавших в эти страшные годы. Среди них сохранившиеся в ГАРО воспоминания его первого директора и организатора — С. Д. Яхонтова, арестованного в разгар описываемых в сборнике событий (в декабре 1929 г.) и прошедшего несколько месяцев в Доме Заключения. «Посидев 4 месяца, — писал он позднее, — я понял, что большинство “тюремных” — хозяйственные люди, отстаивавшие и личную свободу, и свой быт... Население Дом-Зака всегда в своем составе отражает или политический, или социальный момент в жизни народа... Большинство, которое окружало меня, были взяты “по подозрению”, “догадкам”, “доносам”, прошедшие через ГПУ...: купцы — бывшие и настоящие, так называемые кулаки, ремесленники, арендаторы, хозяйственники, антиколхозники, чиновники... Здесь я насмотрелся на горе и слезы, что лились рекой благодаря любителям властолюбия. Террор... для одних это особая политическая организация и орудие власти, для других... все несказанное горе, которое только может вместить в себя человеческое сердце»⁸⁹.

«Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»

Серьезным дополнением к предыдущим проектам стали сборники документов, выходящие в рамках проекта *«Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939»*⁹⁰. Основная цель этого проекта — публикация информационных сводок и обзоров соответствующих органов власти, предназначенных для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны, в частности — настроений и движений крестьянства. Особенности проекта заключаются в том, что вводится в научный оборот обширный комплекс одного вида исторических источников (информационных сводок и обзоров), объединенных единым авторством за большой период времени.

Значимость публикуемого видового комплекса документов бесспорна — любая власть не может существовать без информации о ситуации в стране. Наверняка всем известно древнее изречение: «Тот, кто владеет информацией, владеет всем миром». Действительно, эффективность анализа полученной с мест информации, а в итоге и будущие шаги вла-

сти зависят от многих факторов, и в первую очередь — от степени полноты охвата по территориальному, социальному признакам и, конечно же, от степени достоверности собранной информации — насколько полно показано соотношение позитивных и негативных сторон действительности. Таким образом, с публикацией подобного вида документов исследователи получают возможность воссоздать последовательную (месяц за месяцем, год за годом) картину повседневной жизни деревни в стране.

Также бесспорна и значимость авторства публикуемых сводок. Одной из важнейших функций ВЧК–ОГПУ–НКВД являлась организация системы государственной информации. Сбор информации для власти о том, *где и что* происходит, *кто и что* думает, *кто и чем* недоволен, начал формироваться с первых месяцев существования новой власти, ведь от этого зависели ее боеспособность и жизнеспособность. Первоначально собранная информация предназначалась для очень узкого круга лиц руководства страны и самого ведомства (Ф. Э. Дзержинский, В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий) и систематизировалась в виде сводок, позволяющих оперативно и кратко сообщать о ситуации в регионах. Принципы составления сводок, заимствованные во многом у военных, соответствовали условиям исторического момента, когда от оперативности получения достоверной информации зависел исход борьбы. Постепенно количество адресатов рассылки столь важной для управления государством информации росло и от 5–7 экз. начальных дошло до 25–30 экз.

Потребность власти в соответствующей информации влияла не только на расширение круга адресатов, происходила постепенная трансформация и в составе информационных сводок. Если в первых сводках преобладал территориальный принцип подачи информации, то в последующем в основе сводок мог быть использован и тематический принцип (систематизация информации по одному конкретному вопросу), и социальный принцип (систематизация информации по социальным группам общества). Трансформация сводок затрагивала и их содержание — на смену лаконичной и констатирующей информации (с обязательным указанием адресата ее получения) приходит аналитическая информация, которая, в свою очередь, способствует появлению новых информационных источников — обзоров. И сводки, и обзоры, являясь разновидностью одного вида исторических источников (информационного), позволяют не только соединять отдельные лоскутки информации в одно большое информационное пространство, но, что не менее важно, видеть процесс работы с информацией непосредственно со стороны власти.

Важной особенностью этой серийной публикации являются расширенные хронологические рамки, которые охватывают 20 лет, столь насыщенных политическими событиями, в особенности для крестьян-

ства. На сегодняшний день исследователи уже получили в свое распоряжение четыре тома важнейших информационных источников за 1918–1935 гг., в ближайшем будущем можно ожидать завершающий серию том за 1936–1939 гг. Комплектация томов проводилась составителями с учетом особенностей исторического процесса. Так, в 1-й том были включены документы за 1918–1922 гг. — период деятельности ВЧК; 2-й том составили документы за 1923–1929 гг. — период деятельности ОГПУ до «великого перелома» в деревне; 3-й том, состоящий из двух частей, охватывает период 1930–1935 гг. — наиболее трагические события в жизни крестьянства; 4-й, заключительный, том завершает серию, освещая период 1936–1939 гг.; в настоящее время работа по нему ведется. Таким образом, благодаря проекту в научный оборот был введен богатейший пласт информации, важной как для исследования крестьянской части общества, так и его роли в общеисторическом процессе. Как подтверждение нашему выводу можно рассматривать появление аналогичного регионального документального сборника *«ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 гг. (По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ)»*, вышедшего в Сыктывкаре в 1995 г.

*Издания «Спецпереселенцы в Западной Сибири»
и «Высылка и спецпоселение»*

Проблема раскулачивания логически переходит в проблему крестьянской ссылки, которая нашла отражение в серии сборников под общим названием *«Спецпереселенцы в Западной Сибири»*. Актуальность и значимость, четырех томов, вышедших в этой серии и охватывающих период с 1930 по 1945 г., вне всяких слов⁹¹. Отметим, что именно изданием этих сборников в 1992–1994 гг. было положено начало системной публикации документов по проблеме, которая являлась абсолютно «чистой» страницей в истории советского крестьянства. Отрадно, что столь важный почин новосибирских ученых и архивистов был подхвачен и в других регионах — на Урале и в Карелии⁹², где спецпоселки были явью, а не страницей истории. В целом указанные сборники ввели в научный оборот обширный пласт региональных источников, с очень немногочисленными вкраплениями отдельных документов высшей и центральной власти.

Восполнить существующий пробел было призвано новое издание (в 2 книгах), вышедшее в серии «Архивы Кремля» и имеющее цель ввести в научный оборот комплекс соответствующих документов высшего и центрального уровня власти, в том числе силовых структур⁹³. 1-ю книгу составили все без исключения документы пяти тематических дел, хранящихся в Архиве Президента Российской Федерации в фонде Политбюро ЦК ВКП(б) за период 1930–1940 гг., в том числе постанов-

ления Политбюро «о кулаках» и «спецпереселенцах», подготовительные материалы к ним, решения центральных органов государственной власти (СНК и ЦИК СССР), а также инициативная и отчетная документация органов ОГПУ–НКВД о проводимых массовых и локальных депортациях крестьянства и формировании системы спец (труд) поселений. Помимо документов из Архива Президента Российской Федерации в издание включены документы федеральных архивов (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЭ) и Центрального архива Федеральной службы безопасности России, освещающие вопросы разработки и осуществления антикрестьянской репрессивной политики в форме высылки и пребывания на спец (труд)поселении сотен тысяч крестьянских семей, отражающие основные этапы политики раскрестьянивания. С публикацией этих материалов проблема спецпереселения в масштабе всей страны перестает быть в разряде «чистой» страницы советской истории, становясь предметом серьезного научного исследования.

Вкратце скажем о проекте «Крестьянская революция в России. 1902–1922». Хотя хронологические рамки проекта находятся за пределами нашего исследования, однако взаимосвязь все же присутствует. И вот почему. Известно, что в Красную армию в середине 1920-х гг. пришло молодое крестьянское поколение родившихся в 1908 г. и позднее. Несомненно, что их отцы и старшие братья, пройдя через фронты Гражданской войны и вернувшись домой в деревню, не могли не вспоминать «лихие годы», наполненные борьбой, противостоянием, трагизмом одних и победой других. Отзвуки этих событий, безусловно, сказались на формировании подрастающего в деревне поколения. Подготовленные в рамках проекта сборники показывают различные стороны взаимодействия или противодействия, существовавшего между армией и крестьянством в период упрочения новой власти.

«Крестьянская революция в России. 1902–1922»

Период революции и Гражданской войны в российской истории как ни один другой освещен документально в подготовленных в советское время изданиях. Не останавливаясь на этом подробно, скажем лишь, что начало системной публикации документов по этому периоду было положено в 1930-е гг. не кем иным, как самой властью. На протяжении многих лет в планы работы всех архивов включалось выявление документов по темам — история Октября и Гражданской войны, установление советской власти на территории конкретных регионов. Определенное место в этой работе было уделено и роли крестьянства в происходящих событиях, отражению его позиций и лояльности к советской власти. Благодаря чему среди соответствующих документальных изданий, вышедших в 1930–1950-е гг., был опубликован достаточно обширный круг источников по истории крестьянства. И это важно пом-

нить. Однако показ оппозиционных настроений крестьянства к новой власти оставался за рамками этих изданий.

Восполнить этот существующий долгие десятилетия пробел был призван проект «*Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.*»⁹⁴, одной из составляющих которого являлась задача изучения крестьянской войны против «военного коммунизма». В рамках этой задачи была начата работа по подготовке серии документальных сборников по отдельным регионам с целью показа настроений крестьянства в период становления новой власти. Авторами проекта были выбраны регионы, в которых крестьянству были присуще характерные либо социальные, либо национальные особенности. В результате были выделены следующие регионы — Тамбовская губерния, Дон, Кубань, Поволжье, Украина.

Крестьянству Тамбовской губернии посвящены два сборника, вышедшие в рамках проекта. Первым был — «*Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. “Антоновщина”*»⁹⁵. Официальная советская история крайне скупно освещала сопротивление крестьян новой власти. Для широких кругов было разрешено знать только о наиболее значительных крестьянских восстаниях, отличающихся массовостью. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии, лидером которого был А. С. Антонов, было одним из этих исключений. Размах восстания, его продолжительность, использование регулярных войск Красной армии в подавлении — все это было настолько масштабным, что умолчать о нем было невозможно. Однако освещение этого восстания было односторонним, т. е. опубликованные источники по нему показывали только одну из противоборствующих сторон — позицию правящей власти. Новый сборник восполнил имеющиеся пробелы.

Сборник содержит комплекс документов, выявленный как в федеральных, так и местных архивах⁹⁶, что позволило показать развитие событий не только на местном, но что крайне важно — и на центральном уровне, в частности — насколько серьезно восстание составляло угрозу правящей власти; насколько эффективно со стороны власти были даны оценки и произведен анализ происходящих событий; наконец, насколько полученные уроки были учтены властью.

Вторая важная особенность данного сборника — публикация материалов повстанцев. Сохранившиеся в архивах подобные материалы, как правило, немногочисленны и разрозненны, и поиск их всегда затруднен. В большинстве своем они откладываются в материалах органов власти — либо как результат агитационной работы восставших, либо как результат агентурной работы соответствующих органов, либо как военные трофеи, либо при арестах. Понимание того, где и как можно найти информацию о повстанцах, очень важно, так как без наличия двухсторонней информации о противоборствующих силах трудно соблюдать объективность исследования.

В сборник включены документы повстанцев, причем не только программного и декларативного характера (программы, уставы, воззвания, листовки, инструкции Союза Трудового Крестьянства (СТК) и Партизанской армии), но и повседневно-характера. Важность и значимость первых объяснима, о значимости и особенностях последних необходимо сказать несколько слов. Подобные материалы представлены в сборнике протоколами совместных совещаний представителей СТК и командно-политического состава Партизанской армии, донесениями агитаторов, приказами, приказаниями, оперативной перепиской, донесениями разведки повстанческих формирований, протоколами собраний полков, приговорами полковых судов, списками личного состава и удостоверениями повстанцев. Эти, на первый взгляд, разрозненные сведения позволяют реконструировать картину повстанческих сил, в том числе действий и взглядов руководителей восстания, масштаб военно-организационной работы (в составе повстанческих сил действовали две армии), принципы организации и руководства войск, методы ведения боя, организация снабжения вооруженных сил. Отметим, что многое, вплоть до знаков отличия в одежде, было сопоставимо с принципами организации Красной армии. Отмечая эти необычные обстоятельства, авторы в предисловии к сборнику пишут: «Новые документы обнаруживают необычные и неожиданные обстоятельства, подчеркивающие подлинный трагизм ситуации: в противоборстве оказались армии, одинаковые по составу — крестьянские, одинаково организованные (включая комиссаров, политические отделы и т. п.), присягнувшие красному знамени революции, боровшиеся под девизом “Победа настоящей революции!” И между этими армиями вооруженная борьба достигла предельного накала, стала борьбой на взаимное уничтожение»⁹⁷.

Отметим еще одну особенность сборника — его документы, особенно заключительного раздела «А. С. Антонов и его окружение», позволяют реконструировать групповой портрет руководителей восстания и повстанцев. Информация об этом присутствует не только в их собственных материалах, но и в материалах военной разведки, агентуры и судебных органов. Значимость последних, рассекреченных специально для сборника и впервые введенных в научный оборот, бесспорна. Во-первых, они показывают размах повстанческого движения и в соответствии с этим размах карательных мер власти; во-вторых, они персонализируют общий образ повстанцев, среди которых были не только крестьяне, но и интеллигенция, бывшие офицеры русской армии и др.

Второй «тамбовский» сборник «*Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918)*»⁹⁸ посвящен событиям, предшествующим Антоновщине в исторической перспективе. Тамбовская губерния всегда была одним из наиболее крупных и напряженных по накалу крестьянского движения аграрных регионов России. Губерния являлась важнейшим регионом мощного помещичьего землевладения и одновременно зоной

массового антипомещичьего протеста. Именно в этой губернии одним из первых начался процесс перераспределения земельной собственности. Документы сборника позволяют увидеть реакцию и действия собственников земли на политические преобразования 1917 г., заставившие их писать своим управляющим и в органы власти. В отличие от крестьянства дворяне и помещики умели писать и знали, кто должен стоять на страже их интересов.

Сборник впервые вводит в научный оборот подобного рода документы, показывающие процесс нарастания и победы антипомещичьего движения крестьян весной–осенью 1917 г. «Историческое значение крестьянского движения в губернии этого периода заключалось в том, — как пишут авторы во введении, — что здесь оно впервые одержало победу: еще в середине сентября 1917 г. (т. е. до большевистского Декрета о земле)»⁹⁹. Меньшая часть публикуемых документов относится к 1918 г. С одной стороны, по мнению авторов сборника, они отражают продолжение процессов предыдущего года — погромы усадеб, деятельность революционно-демократических органов по установлению организованного контроля над помещичьей собственностью. С другой — показывают новые процессы в деревне — распределение земли между крестьянами и начало борьбы крестьян против «военного коммунизма» за реальное распоряжение своей землей.

Событиям на Дону посвящен сборник «*Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.*»¹⁰⁰. Главным героем его стал донской казак Филипп Миронов, вокруг которого происходили события, отражающие в сути своей позиции различных крестьянских слоев Дона. Судьба Филиппа Миронова сегодня известна всем, хотя прежде на его имени стояло «табу». Его боевые заслуги, проявленные в Гражданскую войну, были отмечены самыми высокими наградами Республики — несколькими орденами боевого Красного Знамени (кстати сказать, он был одним из первых представлен к награждению этим орденом в 1918 г.) и Почетным Золотым оружием (за взятие Крыма в 1920 г.). Наряду с героическими страницами в советской истории имя Миронова одновременно было связано и с поднятым мятежом против этой же власти. Более того, он был дважды объявлен врагом советской власти и приговорен к смерти как мятежник. Если первый раз (в 1919 г.) он был помилован и, более того, использован властью для усиления своего авторитета среди беднейшего казачества, то второй раз (уже в 1921 г.) он был арестован и застрелен без суда и следствия в печально знаменитой Бутырской тюрьме ВЧК.

В период революции и Гражданской войны Дон стал ареной ожесточенной борьбы за власть, за землю, за хлеб. Волею судьбы сам Миронов оказался в эпицентре этой борьбы, отстаивая интересы беднейшего казачества и перед зажиточной верхушкой Дона, и перед советской властью. Уникальность личности Миронова отразилась не только в его судьбе. Она проявилась в вышедших из-под его пера документах,

публицистичных и ярких, характеризующих политическую ситуацию на Дону. Документы сборника показывают драматизм ситуации, создавшейся на Дону при проведении политики «рассказачивания», когда методы массового террора и хозяйственного разорения, применяемые новой властью не только против зажиточного, но и беднейшего казачества, вызвали повсеместное вооруженное сопротивление. Отметим, что такая же волна крестьянского сопротивления поднялась и при проведении сталинского «нового курса» в деревне.

Крестьянскому сопротивлению на территории Поволжья, столь сложного этническим и социально-культурным составом населения, особенно в деревне, посвящен сборник *«Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг.»*¹⁰¹. Его отличительная особенность — в показе масштабной картины крестьянской оппозиции в огромном регионе на протяжении всего периода постоянного существования там советской власти. В сборник вошли материалы из 4 центральных и 14 региональных архивов, позволившие составителям сделать его многоплановым. В сборнике представлены документы: 1) различных регионов Поволжья; 2) различных уровней власти — от центральной до местной, от распорядительной до исполнительной, а также по направлениям (партийная, государственная, военная и пр.); 3) различных видовых групп (протоколы, доклады, отчеты, сводки, телеграммы, записи разговоров, письма и пр.). В целом многообразие опубликованных документов, по мнению составителей, позволяет будущим исследователям продолжать поиск новых источников как вширь, так и вглубь, наполняя общую картину взаимоотношений между крестьянством и властью дополнительными историческими деталями.

Среди особенностей сборника — поляризация составляющих его документов: это документы, исходящие от органов и представителей власти (наиболее объемная часть) и от самого крестьянства (малочисленная часть). Значимость обеих групп бесспорна. Изучая «крестьянские» документы, важно помнить об их особенностях. Часть их составляют документы, появившиеся в результате повседневной жизни крестьянина (письма крестьян, решения крестьянских сходок), направленные представителям власти. Таких документов немного, ибо нечасто крестьянин отрывался от своего нелегкого труда и брал карандаш в руки, чтобы выразить свое мнение. Поэтому каждый из найденных и опубликованных составителями подобного рода документов бесценен и важен как результат мышления и действия крестьянина. Вторую часть составляют документы оппозиционного крестьянства, вступившего в противоборство с властью. Конечно, не все выходившее из-под пера повстанцев принадлежало непосредственно крестьянину — руководители повстанцев были выходцами из разных социальных групп, но без доверия и поддержки со стороны крестьянства оппозиция не могла рассчитывать на успех.

Некоторые публикуемые в сборнике документы представляют особый интерес. В их числе документы о непосредственных переговорах представителей властей с повстанцами, информационные обзоры о повстанческих силах, действующих на территории Поволжья, инструкции для войсковых частей о методах борьбы с повстанчеством. Последние заслуживают внимания, ибо именно размах повстанчества в Поволжье и обширность территории региона заставили власть передать функции борьбы с ним из ведения внутренних военизированных сил (войска Вохр, Внус, ВЧК, милиция) военным органам, которые вынуждены были разработать систему методов борьбы с повстанчеством. Это обстоятельство очень важно, так как с появлением организованной системы борьбы против повстанчества размах его спадает, что и подтверждают (пусть и немногочисленные) документы сборника за 1922 г.

Украинскому крестьянству посвящен последний в серии сборник *«Нестор Махно и крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг.»*¹⁰². Как и в случае с Филиппом Мироновым, личность Нестора Махно очень противоречива и своеобразна. В разные периоды Гражданской войны союз с ним был желателен и даже необходим советской власти. Но каждый раз, используя авторитет Махно среди простых людей, в том числе и крестьян, правящая власть разрывала эти отношения, объявляя Нестора Махно своим врагом. Сборник призван показать истинный образ Махно как лидера крестьянского населения южной части Украины, которому удалось на протяжении длительного времени сохранять самостоятельность Гуляй-польской республики, основу которой составляли крестьяне. Причем отметим, что эта самостоятельность проявлялась не только в отношениях с Советской Россией, но и с другими националистическими правительствами, которых на территории Украины было предостаточно. Не последнюю роль в этом сыграла поддержка крестьянства.

О внимании к личности Махно свидетельствует множество публицистических изданий, лежащих на прилавках современных книжных магазинов. «Заметным лейтмотивом современной публицистики о Махно, — пишут авторы предисловия к сборнику, — стала его явная героизация. В ряде работ основное внимание исследователей акцентируется на внешней стороне махновского движения. Нередко формируется упрощенный образ крестьянского вождя, своего рода атамана новоявленных запорожцев, возродивших в новых условиях казачью вольницу, воевавших со всеми ради удали, сиюминутных выгод, не имевших осознанной цели. И как итог, напрашивается вывод о махновщине как о “бессмысленном и беспощадном” народном бунте»¹⁰³. Большинство работ подобного рода опираются на уже известные источники, как правило, мемуарного и официального характера, недостаточно используя материалы центральных и местных архивов.

Сборник, публикуя и вводя в научный оборот неизвестные архивные документы, показывает сущность повстанческого движения крестьян на Юге Украины в 1918–1921 гг., его причины, масштаб, программные установки. Главное внимание акцентируется на самом движении и повстанческой армии Махно. Публикуемые в сборнике документы свидетельствуют, что махновское движение имело свою внутреннюю логику, программные установки, отражавшие интересы крестьянства, а Н. И. Махно как его вождь попытался осуществить их на практике, опираясь на широкую народную поддержку. Они заставляют несколько уточнить и роль анархистов, и анархистской теории в махновщине.

Характеристика документальных сборников, объединенных единым концептуальным замыслом — о крестьянском сопротивлении в годы упрочения новой власти в России — была бы неполной без сборников, показывающих столь огромный в территориальном отношении и значимый для крестьяноведения регион, как Сибирь. Эту задачу решают изданные под общим названием сборники документов «*Сибирская Вандея*»¹⁰⁴. Публикуемые в них документы раскрывают малоизвестные страницы истории Сибири. В них содержится информация об установлении и политике коммунистического режима в Сибири после ее освобождения от колчаковцев, а также о реакции населения региона на эту политику, принявшей в ряде случаев форму вооруженного сопротивления во всех значительных происшедших в Сибири восстаниях. Особое внимание уделено широко известному Западно-Сибирскому восстанию. Документы сборников дают представление не только об обстоятельствах и причинах возникновения мятежей, но и численности, составе их участников, настроениях и взглядах повстанцев, их практических действиях. Столь же подробно в сборниках представлены документы, характеризующие позицию противоположной стороны: показана политика коммунистических властей по отношению к повстанцам, организационные, политические и военные меры, принятые местным партийно-советским руководством для ликвидации восстаний. В совокупности публикуемые документы дают всестороннюю и полную картину одного из основных и недостаточно изученных этапов вооруженного сопротивления в Сибири, позволяют получить представление о роли и значении происшедших в Сибири в 1920 г. событий.

Подводя итог обзору «крестьянских» сборников, позволим себе немного статистики. Число только рассмотренных и упоминаемых в обзоре сборников насчитывает около 30, что немало. Не менее внушительно и количество опубликованных документов, которое приближается к десяти тысячам. Наряду с полноценными опубликованными текстами документов все рассмотренные издания снабжены обширнейшей справочной информацией (в виде примечаний, биографических справок, различных таблиц и справок), составленной на основании дополнительных архивных материалов, оставшихся за пределами рамок

публикации. Главный итог проведенной учеными и археографами работы за последние 20 лет — историки получили в свое распоряжение фундаментальную источниковую базу, которая дает импульс для новых идей, исследований, статей и монографий. Перефразируя слова великого Ключевского, приведенные нами во введении, скажем: «пыльная инвентарная работа» закончилась, пора браться за дело.

Публикации по истории Красной армии

В отличие от крестьянства история Красной армии менее богата на документальные издания, если не сказать, что просто бедна. Если периоды революции и Гражданской войны имеют обширнейший список документальных публикаций, о чем мы говорили ранее, то последующий период, так называемый межвоенный, беден до предела — количество сборников исчисляется единицами. Среди них особое место занимает сборник документов *«Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933)»*¹⁰⁵. Значимость публикуемых в сборнике документов, несмотря на их небольшой объем (всего несколько десятков) определяется прежде всего новизной концепции сборника. Действительно, в 1920–1930-е гг. Красная армия в большинстве своем состояла из крестьян — около 90 % всего рядового состава и немалый процент среди командного состава. Даже те командиры, которые перестали считать себя крестьянами, продолжали сохранять связь с деревней, так как в ней оставалась их родня. Существовавшая тесная связь между Красной армией и крестьянством в период проведения сталинского «нового курса» в деревне создавала для власти сложную ситуацию. С одной стороны, власть использовала армию как средство упрочения своих интересов в деревне, с другой — неадекватная реакция армии на действия власти создавала большую опасность для нее. В связи с этим представляется крайне важным комплексное изучение вопросов, показывающих все стороны взаимодействия армии, крестьянства и власти, в том числе настроений и реакции армии в период ломки деревни, степень участия армии в борьбе с крестьянским сопротивлением, формы и методы использования армии в советизации деревни. Документы сборника в силу своей малочисленности не могут дать всесторонние ответы на поставленные вопросы. Публикуя их, составители ставили перед собой задачу привлечь внимание историков как к абсолютно новой проблеме, так и к новым историческим источникам.

В прежние времена политической истории Красной армии всегда отводилось большое внимание. Историография по организации и проведению политической и партийной работы в армии обширна. Потребность исторической науки повлекла за собой издание в 1980-х гг. комплекса распорядительных материалов Политического управления РККА за 1921–1941 гг. Вышедшие под общим названием *«Партийно-*

политическая работа в Красной Армии» два документальных сборника¹⁰⁶ включили в себя основной комплекс приказов, циркуляров, директив ПУ РККА, дополненных инструкциями и программами, за 1921–1941 гг. Конечно, объем выявленных соответствующих архивных материалов намного превосходил возможности данного издания. Эту проблему составители частично решили, поместив в сборник тематический перечень выявленных, но не вошедших документов. Перечень построен по тематико-хронологическому принципу: документы систематизируются по тематическим разделам, а внутри — по годам. Перечень имеет следующие тематические разделы и подразделы — строительство партийно-политического аппарата, организационно-партийная работа, комсомольская работа, подготовка, учет и распределение командно-политических кадров, агитационно-пропагандистская работа, культурно-просветительная и общеобразовательная работа.

Важнейший для раскрытия нашей темы исследования раздел об агитационно-пропагандистской работе имеет следующие подразделы: политическая подготовка рядового и командного состава, политико-просветительная работа в войсках, разъяснение вопросов внутренней и внешней политики, участие Красной армии в общесоюзных мероприятиях, участие Красной армии в колхозном строительстве и сельскохозяйственных кампаниях, работа с допризывниками и увольняемыми в запас красноармейцами, военная печать, антирелигиозная пропаганда, работа с семьями начсостава. Если в сборник вошло чуть более 200 документов, то перечень дополняет их более чем 250 документами, доводя общее число до полутысячи. В целом сборник ввел в научный оборот обширнейшую источниковую базу по истории военного строительства в межвоенный период.

В дополнение к нему был издан сборник по материалам всеармейских совещаний политработников Красной армии, основу которого составили резолюции этих совещаний: *«Всеармейские совещания политработников Красной Армии. Резолюции. 1918–1941 гг.»*¹⁰⁷. Документы сборника дают представление о важнейших совещаниях политработников Красной армии различного уровня, начиная с начальников политуправлений и до более низких должностных уровней. Включенный в сборник перечень всех подобных совещаний, проводившихся с момента организации армии до начала Отечественной войны, позволяет исследователям узнать и о тех, чьи материалы не были включены в сборник.

Отметим, что на протяжении длительного времени указанные сборники являлись единственными документальными изданиями, имеющимися в арсенале исследователей, изучающих этот период.

Военному строительству 1920-х гг. посвящен сборник документов *«Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.»*¹⁰⁸ Впервые в научный оборот введены неизвестной ранее документы, показывающие Красную армию в период второй половины 1920-х гг.,

когда были проведены важнейшие реорганизационные мероприятия, изменившие не только принципы построения армии и призыва в нее, но и систему органов центрального и местного военного управления. Для данного исследования значимость сборника определяется тем, что он позволяет увидеть состояние армии накануне «великого перелома».

Несмотря на столь ограниченный круг имеющихся сборников по истории Красной Армии за межвоенный период, на помощь исследователям приходят рассмотренные нами серийные издания «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД». Включенные в них документы РГВА, принимавшего активное участие при подготовке указанных сборников, показывают реакцию армии на происходящие в деревни события и многие другие стороны вовлечения армии в общегосударственные процессы.

Определенным подспорьем исследователям могут быть сборники документов, вышедшие в серийных документальных изданиях по истории Внутренних¹⁰⁹ и Пограничных войск¹¹⁰. В каждой из этих серий, освещающих длительный исторический промежуток времени, уделено внимание межвоенному периоду, и в частности рубежу 1920–1930-х гг. К сожалению, концепция и объемы изданий не позволили документально отразить интересующие нас вопросы. Однако сборники дают общее представление о путях строительства и направлениях деятельности этих войск в межвоенный период.

Наш обзор показал различную степень введения в научный оборот архивных материалов по двум составляющим наше исследование — по армии и крестьянству. Однако в отличие от крестьянства, чья документированная история распылена по различным архивам, армия имеет свои архивохранилища, в которых сосредоточены комплексы военно-исторической документации. В связи с тем, что число военных архивов не единично, рассмотрим подробнее архив, где хранятся документы Красной армии.

§ 3. Архивные документы

Архивная сеть Российской Федерации, созданная в 1918 г. и претерпевшая значительные изменения в последующие десятилетия и особенно в 1990-е гг., состоит из государственных и ведомственных архивов, а также архивных коллекций. Отличие первых от последних — в их открытости для исследователей. Если государственные архивы доступны для всех исследователей, то доступ к ведомственным архивам регламентируется конкретным ведомством. В свою очередь, военные архивы также подразделяются на государственные и ведомственные. К государственным архивам относятся Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский государственный военный архив (РГВА) и Российский государственный архив Военно-

морского флота (РГАВМФ). В РГВИА хранятся документы русской армии до 1917 г.; соответственно в РГВА — документы Красной армии за период 1918–1941 гг., а также документы Внутренних, Пограничных, Конвойных войск за 1918–1950-е гг.; в РГАВМФ — документы Военно-морского флота за 1918–1941 гг. Материалы Вооруженных Сил СССР начиная с 1941-го и за последующие годы хранятся в ведомственных архивах. Наиболее крупным из них является Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО), находящийся в г. Подольске; в нем сосредоточены документы Красной армии (с 1946 г. — Советской) за период Великой Отечественной войны и последующие годы. Материалы Внутренних и Пограничных войск хранятся в ведомственных архивах — в Центральном архиве Внутренних войск (ЦА ВВ), Центральном архиве Пограничных войск (ЦА ПВ). Материалы Военно-морского флота хранятся в ведомственном архиве в Гатчине. Такова вкратце система военных архивов. Зная ее, можно уверенно ориентироваться в направлениях поиска. При этом следует помнить, что военное строительство не было чисто узким вопросом одного ведомства; оно находилось в центре внимания высших государственных и партийных органов, поэтому документы военного ведомства отложились также в соответствующих архивах, таких, как Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Для нашего исследования главным архивом являлся *Российский государственный военный архив (РГВА)*, отметивший в 2005 г. свое 85-летие. Он был создан в 1920 г. как Архив Красной армии, впоследствии переименован в Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), а с 1992 г. получил современное наименование. За это время менялось не только название архива, менялся и состав документов архива. Если в первые годы своего существования архив хранил и собирал документы только Красной армии, то на сегодняшний день эта группа материалов составляет только часть, хотя и самую большую, всех документов архива. Наряду с материалами Красной армии в РГВА хранятся материалы Внутренних войск, Пограничных войск, Белой армии, а также коллекции трофейных материалов периода Великой Отечественной войны. Хронологические рамки хранящихся в нем документов Красной армии относятся к периоду 1917–1941 гг. Опыт работы с архивными материалами подсказывает: чтобы ориентироваться в огромном массиве архивных материалов, необходимо не только определить название архива, но и понять принцип систематизации материалов внутри него.

В РГВА хранятся документы одного ведомства — военного, принцип фондирования материалов соответствует центральным и местным органам военного управления. Чтобы ориентироваться в структуре военных органов и учреждений, на помощь исследователям приходят путеводите-

ли по архиву, справочные издания, в том числе по истории государственных и общественных организаций, фондовые книги, содержащие перечни архивных фондов. Однако помимо знания о наличии в архиве документов того или иного учреждения крайне важно иметь представление о системе документопотока в конкретном ведомстве и в первую очередь, где формировалась первичная информация, о путях ее прохождения снизу вверх и сверху вниз. Более того, каждое из учреждений в зависимости от своих функций имело специальные методы обработки информации и подачи ее по инстанции. Знание этих особенностей значительно облегчает поиск необходимых документов и дальнейшую работу с ними¹¹¹.

Особенности военного делопроизводства

Проведенная в середине 1920-х гг. реформа коренным образом изменила систему делопроизводства и отчетности в армии, упорядочив и значительно сократив ее. О значении данного направления среди общих задач, подлежащих реформированию в Красной армии, говорит даже название комиссии, созданной пленумом РВС СССР. Постановлением Реввоенсовета от 4 февраля 1924 г. была образована комиссия по реорганизации военного аппарата, системы отчетности и делопроизводства в составе М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, С. С. Каменева, П. П. Лебедева, И. С. Уншлихта, А. И. Егорова, А. С. Бубнова. 5 февраля в комиссии были сформированы четыре подкомиссии, одна из которых занималась вопросами отчетности. Руководил деятельностью этой подкомиссии М. Н. Тухачевский. Задача подкомиссии заключалась в реорганизации сложившейся в армии отчетности, отличавшейся чрезмерной сложностью, перед нею была поставлена цель — «уничтожить разбухание отчетности и делопроизводства».

Во исполнение полученных директивных указаний от комиссии пленума РВС СССР внутри подкомиссии был образован целый ряд секций: по письмоводству и делопроизводству, по пересмотру ротной и полковой отчетности, по пересмотру складской отчетности, по учету командного состава, по секретной переписке и др. Подкомиссия выдвинула следующие основные принципы по отчетности в частях Красной армии: «1) Материальная и финансовая отчетность замыкается внутри полка. 2) Основная снабженческая отчетность замыкается внутри склада. 3) За снабженческими органами (довольствующие управления) остаются лишь виды наблюдательной отчетности. 4) Учет личного состава централизуется в Штабе РККА вместо существовавшего до сих пор учета по главным управлениям. При этом цифровой учет сосредоточивается в Организупре и сводится в одну строевую ведомость. Персональный учет ком. и адм. состава ведется командным отделом (исключение — Главвоздухфлот и ПУР). 5) В отношении

делопроизводства комиссия признала необходимым введение упрощенной системы: делопроизводство от полка до корпуса включительно проходит по тетрадам служебных записок, в окружных и центральных управлениях — по более сложной карточной системе»¹¹². В итоге подкомиссией были выработаны новые принципы ведения делопроизводства и формы отчетности, которые позволили сократить ротную отчетность на 79 % (из 29 рассмотренных форм оставлено лишь 6); полковую отчетность — на 62 % (из 56 форм оставлено 22); в отношении остальных управлений — в среднем на 50 %. За счет предложений подкомиссии отчетность в армии в целом подлежала сокращению более чем на 50 %. Подкомиссия рекомендовала «в отношении методов работы» в учреждениях, канцеляриях и управлениях — «свести их к наибольшей планомерности с отказом от принципов ударности, комиссионного метода работы и к большому уклону в сторону личного доверия и соответствующего подбора работников в штабах и центральных управлениях и к замене бумажного контроля живым»¹¹³.

К началу 1925 г. в Красной армии были выработаны правила ведения совершенно секретной и секретной переписки и техника секретного делопроизводства с резким разграничением понятия «сов. секретности»; выработано положение о порядке хранения законченных производством дел, книг и прочего архивного материала, впервые определяющее порядок хранения и отбор архивного материала; установлен порядок письменных сношений со схемой центральных управлений по предметам их ведения, регулирующий направление переписки с мест в центр. Проведенное реформирование системы делопроизводства и отчетности было закреплено в приказах РВС СССР 1924 г.: № 1064 — о принятии мер к сокращению переписки, искоренению недочетов в области делопроизводства и отчетности; № 817 — о переходе на новый порядок ведения учета и отчетности; № 1523 — инструкция по изданию и хранению приказов РВС СССР и циркуляров НКВМ; № 1396, 1540 — о соблюдении правил хранения секретных материалов и переписки; № 1042/166 — инструкция по технике секретного делопроизводства; № 1071 — о порядке подготовки и передачи дел на хранение в архив и пользования архивными документами; 1925 г.: № 1213 — о возложении на Управление делами НКВМ и РВС СССР обязанностей по наблюдению за прохождением дел по поручениям СНК СССР в пределах Наркомвоенмора.

Эффективность поиска архивной информации во многом зависит от знания особенностей документопотока конкретного ведомства, т. е. от построения его системы управления. В отношении армии важно учитывать, что система управления строилась по регионально-окружному принципу и имела следующую структуру: центральный аппарат — окружной аппарат — низовой аппарат. Пути прохождения делопроизводственных бумаг в структуре военного ведомства соответствовали структуре

построения армейского аппарата: центр — округ — корпус, дивизия, полк. Распорядительная документация шла от верхнего звена по этапам подчинения сверху вниз. Отчетная документация шла наоборот снизу — вверх. Округ являлся ступенью, где информация преобразовывалась в зависимости от назначения. Информация, посылаемая с нижних ступеней, систематизировалась в зависимости от задач и посылалась в центральный аппарат. В свою очередь, округ, получая информацию из центра, посылал ее в низовые структуры с учетом полученных указаний.

Известно, что жизнедеятельность армии во всех ее направлениях основывается на четком регламенте всех действий, прописанных в различных уставах и наставлениях. Военное делопроизводство не являлось исключением. Для него таким регламентирующим документом было «Наставление по делопроизводству в РККА». Среди общих положений, предусматривающихся Наставлением, были следующие:

Основной метод управления в РККА признавался за личным общением старшего начальника с младшим, а равно и младшего со старшим, особенно по важным вопросам. К переписке, как к одному из способов руководства, надлежало прибегать лишь в мере действительной необходимости (п. 1.).

Переписка по служебным вопросам в РККА велась на русском языке (п. 3).

Право переписки по служебным вопросам принадлежало: а) в войсковой части, соединении, учреждении и заведении РККА — командиру (начальнику), военному комиссару, помощникам командира (начальника) и начальнику штаба; б) в окружном и центральном аппарате — начальнику отдела и выше (п. 4).

Воспрещалась переписка по вопросам, которые могут быть разрешены командиром (начальником), военным комиссаром самостоятельно. Воспрещалось ведение переписки между подразделениями войсковой части и между отделами и отделениями внутри штабов, управлений, учреждений и заведений РККА (п. 5).

Воспрещалось командирам, начальникам и военным комиссарам всех степеней требовать от подчиненных письменных докладов, справок и всевозможных расчетов, если данный вопрос может быть разрешен устным докладом (п. 6).

Правила ведения секретной переписки определялись особым Наставлением (п. 7).

Содержание служебных документов не подлежало разглашению. Опубликование в печати служебных документов допускалось только с разрешения народного комиссара по военным и морским делам, его заместителей и революционных военных советов округов (п. 8).

Наставление предусматривало разделение документации на документы, связанные с управлением войск в полевых условиях, и соот-

ветственно — не в полевых условиях. Виды документов, связанных с управлением войсками в полевых условиях, предусматривались Полевым уставом РККА и Наставлением по полевой службе войсковых штабов (п. 9 и 10).

Наставление устанавливало следующие виды служебных бумаг для мирного времени: а) приказ; б) циркуляр НКВМ СССР; в) директива; г) приказание; д) предписание; е) доклад; ж) рапорт; з) донесение; и) справка; к) отношение. Каждые из выделенных видов имели определенную форму изложения и оформления.

В отношении приказов предусматривалось:

Письменные приказы имели право отдавать: а) народный комиссар по военным и морским делам; б) РВС военных округов (армий); в) командиры войсковых соединений и отдельных воинских частей; г) начальники управлений, учреждений и заведений (только по своему управлению, учреждению, заведению) (п. 12).

Приказы народного комиссара по военным и морским делам СССР подписывались сами наркомом и его заместителями по вопросам, входящим в круг их ведения. Порядок издания этих приказов определялся особыми правилами (п. 13).

Приказы в округах (армиях), соединениях, частях, управлениях, учреждениях и заведениях имели право отдавать от имени командира (начальника) и подписывались они: в округе (армии) — командующим войсками, одним из членов РВС округа (армии) и начальником штаба; в войсковых соединениях и отдельных войсковых частях — командиром, военным комиссаром и начальником штаба; в управлениях, учреждениях и заведениях — начальником и военным комиссаром (п. 14). Приказ по отдельной войсковой части должен был состоять из двух частей: по строевой части и хозяйственной части (п. 15).

В приказах командиров войсковых частей и начальников управлений, учреждений и заведений полагалось объявлять: распоряжения, отданные высшими начальниками, если они касаются данной войсковой части, управления, учреждения и заведения; суточный наряд части; мероприятия по боевой и политической подготовке; награды, поощрения и взыскания; изменения, касающиеся личного состава о зачислении и снятии с довольствия людей и лошадей; приход и расход материальных ценностей; о назначении комиссий по переучету, проверке наличия и качества вооружения и имущества и пр. (п. 16).

Приказы полагалось нумеровать в последовательном порядке номеров (п. 17). Отмена, дополнение и изменение приказов должны были производиться новым приказом (п. 18).

В отношении циркуляров и директив:

Циркуляры Народного комиссариата по военным и морским делам СССР издавались в разъяснение и развитие приказов народного комиссара по военным и морским делам. Циркуляры разрабатывались соот-

ветствующими центральными управлениями НКВМ (п. 18). Циркуляры, как и приказы, надлежало нумеровать в последовательном порядке номеров (п. 20).

Директивы имели право издавать народный комиссар по военным и морским делам, его заместители, начальник Штаба РККА, начальник Политического управления РККА, командующие войсками округов (армий) и начальники центральных управлений НКВМ (по кругу их ведения). В отличие от приказов и циркуляров директивы отдавались по отдельным мероприятиям и адресовались к тому кругу должностных лиц, которые призваны были осуществлять эти мероприятия (п. 21).

В отношении письменных приказаний:

Письменные приказания имели право отдавать командиры (начальники) от командира батальона и выше и их начальники штабов. Письменные приказания отдавались по отдельным частным вопросам и только в тех случаях, когда они не могли быть отданы словесно. Начальники штабов имели право отдавать письменные приказания частям и подразделениям только от имени их командиров. Письменные приказания надлежало нумеровать в последовательном порядке номеров (п. 22).

Все экземпляры приказов, циркуляров, письменных приказаний с приложениями к ним по окончании года полагалось переплетать в отдельные книги. Отметим, что директивы не входили в этот перечень.

В отношении предписаний:

Предписание отдавалось начальниками своим подчиненным с указанием, что подчиненный обязан выполнять и к какому сроку. Предписание являлось документом, удостоверяющим, что данное лицо уполномочено и обязано выполнить действие, указанное в нем. Если задание являлось секретным, то в предписании оно не указывалось, а в этом случае выдавалось специальное удостоверение. В предписании же проставлялось: «По особому заданию» (п. 23).

В отношении других служебных документов:

Письменный доклад составлялся сжато, в произвольной форме и представлялся в тех случаях, когда необходимо было сделать выводы и предложения по определенному служебному вопросу (п. 24).

Рапорт составлялся по установленной форме, в нем сжато излагались личные вопросы, связанные с выполнением служебных обязанностей (различные ходатайства, сообщения о прибытии, убытии, болезни и т. п.) (п. 25).

Донесение составлялось в произвольной форме. В нем излагалось выполнение подчиненным приказа или приказания старшего начальника (п. 26).

Справка составлялась по приказанию начальников в произвольной форме. В справках давались сведения (описательные или цифровые) (п. 27).

Отношение, являясь письменным документом, применялось в служебной переписке между лицами, не подчиненными друг другу.

Наставление регламентировало порядок использования служебной переписки между начальниками и подчиненными. Переписка начальников с подчиненными производилась путем приказов, циркуляров, директив, приказаний и предписаний, а подчиненных с начальниками — путем докладов, рапортов, донесений и справок (п. 29). Наставление предусматривало неформальный вид служебной переписки — служебно-товарищеские письма, которые составлялись в произвольной форме. Такая переписка по служебным вопросам могла вестись в случаях, которым нежелательно было придавать официальное значение, или когда по характеру вопроса желательно подчиненному дать совет, либо когда подчиненный хочет запросить совета или сделать предложение (п. 31).

Наставление регламентировало также форму изложения служебных бумаг:

В отношении бланков:

Документы по служебным вопросам подлежало писать на бланках, имеющих в верхнем левом углу штамп, определяющий наименование части, соединения, учреждения и заведения, от которых исходит данный документ (п. 32).

В отношении подписей:

Все документы, исходящие от РВС военного округа, а также от командиров (начальников) войсковых соединений, войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений, где имеются военные комиссары, должны были иметь три подписи: подпись командующего войсками военного округа (армии) или командира (начальника), подпись члена РВС или военного комиссара и подпись начальника штаба, а где его нет — лица, докладывающего бумагу (п. 33).

Документы, исходящие из отделов штаба военного округа, подписывались начальником штаба округа, военным комиссаром штаба округа и соответствующим начальником отдела (п. 33). В войсковых частях и учреждениях, где нет военного комиссара, на бумагах полагалось ставить две подписи: начальника и лица, докладывающего документ.

Первым полагалось подписывать бумагу тому лицу, которое ее докладывает, затем начальнику и, наконец, военному комиссару. Дату, отметку «лично» и отметку о срочности проставлял старший начальник, подписывающий бумагу (п. 36).

Все лица, подписавшие документ, несли за него ответственность (п. 37).

В отношении других элементов оформления:

Во всех служебных документах при определении времени суток положено было исходить из 24-часового начисления, не употребляя выражений «утра»; «дня»; «вечера»; «ночи».

Документы полагалось адресовать должностным лицам с указанием занимаемой ими должности. На документах, адресованных лично, указывалась фамилия адресата.

На полях документов с большим или сложным текстом полагалось указывать краткое содержание бумаги. При ответах указывался номер документа, на который давался ответ.

Каждый исходящий документ должен был иметь копию, которой полагалось храниться в том органе, от которого этот документ исходил.

Документы, которые были основаны на постановлениях, приказах, распоряжениях, должны были содержать ссылки на них с указанием номера и даты. Ссылки положено было делать в тексте или в конце бумаги в виде «Основания».

Если к документу прикладывались другие материалы, то о них указывалось в конце бумаги в виде «Приложения» с перечислением номеров, дат и количества листов этих документов.

Знание так подробно перечисленных нами условий появления и оформления военной документации крайне важно, так как помогает исследователям определить значимость тех или иных документов как исторических источников, провести анализ их подлинности. Все это в целом составляет элементы научной критики источников.

Военная реформа 1924–1925 гг. была нацелена на реорганизацию органов управления Красной армии и создание функциональной структуры. Положенный в основу организации центрального аппарата военного ведомства, которое с 1923 г. стало именоваться Народным комиссариатом по военным и морским делам СССР (НКВМ), принцип предусматривал проведение четкого разграничения деятельности между следующими основными функциями — командование, подготовка армии к войне, управление армией, снабжение и политработа. Дальнейшая работа по реформированию центрального аппарата проходила в соответствии с выработанными принципами, что позволило создать сеть функциональных органов, отвечающих за каждое из выделенных направлений. Внутри этих центральных органов могли образовываться управления (отделы), ведающие более частными вопросами управления. В итоге были созданы подобные органы, ведающие: подготовкой к войне; всей текущей повседневной работой; вопросами подготовки войск; снабжением; политработой. В вопросах взаимоотношений между центральными и местными органами управления был положен принцип: 1) центральный аппарат законодательно, планомерно руководит, вырабатывая устойчивые штаты, положения, инструкции, постановления и уставы; 2) местный аппарат исполняет, применяясь к местным условиям. С учетом этого регулировались делопроизводственные и информационные потоки внутри военного ведомства.

На уровне центрального аппарата сосредотачивалась вся аналитическая, отчетная и статистическая информация о жизни армии,

поступая из центральных и окружных управлений. Туда же поступала информация из высших органов власти и других ведомств государственного аппарата. На уровне окружного звена сосредотачивалась отчетная документация из низовых структур Красной армии — соединений, частей и учреждений армии. Там же откладывались материалы местных органов власти, с которыми военное командование работало в тесном взаимодействии. Для технической обработки служебных документов в штабах, управлениях и заведениях действовали делопроизводства, которые отвечали за правильное ведение и хранение документов. Ответственность за правильную постановку делопроизводства несли начальники штабов, управлений и заведений Красной армии. С учетом того, что в РГВА каждый фонд соответствует органу, имеющему самостоятельное делопроизводство, можно говорить о следующих направлениях поиска военно-исторических источников, отложившихся в фондах: 1) центрального аппарата, 2) окружного аппарата, 3) низовых структур. Вся хранящаяся в архиве документация является делопроизводственной. В зависимости от преследуемых при ее составлении целей она приобретает свои особенности как по форме изложения, так и по оформлению. При проведении исследования нами активно использовались следующие типовые группы документов — распорядительная, отчетная, информационная, статистическая.

Исследуемая нами проблема предполагает, что круг интересующих нас учреждений, входивших в центральный аппарат НКВМ, определяется наличием у них функций, связанных с организацией работы с рядовым составом, в том числе его обследование, воспитание, изучение настроений и пр. Такими органами после проведения реформирования стали Главное управление РККА и Политическое управление РККА. *Главное управление РККА (ГУ РККА)* ведало организацией текущей жизнедеятельности армии, устройством быта военнослужащих, кроме того, оно занималось организацией допризывной подготовки, проведением призыва и внеармейской подготовкой населения, а также разработкой аналитических и статистических данных по армии в целом, в том числе и по рядовому составу. *Политическое управление РККА (ПУ РККА)* ведало организацией партийно-политической работы в армии, а также вопросами политического и культурного воспитания личного состава армии; с этой целью в армии была создана разветвленная система политорганов, которые пронизывали армию сверху донизу и являлись «глазами», «ушами» и «руками» партии в армии. Они были главными поставщиками информации о настроениях солдат. Однако изучение рядового состава, сбор информации о нем, учет его настроений осуществлялись также *Военной прокуратурой* и действовавшими внутри армии *особыми отделами*. Последние подчинялись ОГПУ. Следует помнить, что в центральном аппарате НКВМ

были структуры, в которых могли сосредотачиваться материалы по самым различным вопросам, приходящие из разных органов, штабов, учреждений и заведений. Такими органами были Секретариат наркома и председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова, Управление делами НКВД, Штаб РККА. Кроме того, в армии была распространена система взаимного информирования и обмена информационными материалами. Поэтому информационные материалы интересующих нас учреждений могли отложиться в фондах других центральных органов военного ведомства, что также важно учитывать при поиске материалов.

§ 4. Видовые особенности военно-исторических документов

Принципы сбора и обработки информации политорганами армии

Важнейшим поставщиком информации о личном составе Красной армии было Политическое управление (ПУР, ПУ РККА). Информирование высшего военного руководства и высших органов власти о политическом и моральном состоянии армии являлось важнейшей функциональной задачей ПУ РККА еще с момента создания системы армейских политорганов. За десять лет существования был накоплен немалый опыт по сбору и анализу соответствующей информации. Политорганы армии имели разветвленную структуру, позволяющую получать информацию не только от низовых структур, но и от самого первоисточника — красноармейца. Информация о настроениях личного состава и работе с ним шла снизу вверх по следующей схеме: *политаппарат полка* — *политотдел дивизии* (подив или политотдел отдельной бригады) — *политуправление округа* (пуокр, или пуфронт, пуарм, пуфлот) — *ПУ РККА*. Политаппарат полка, являвшийся низовой структурой политорганов армии, в свою очередь, состоял из: *военного комиссара полка* (или военком отдельной части), полкового бюро партии, полкового бюро комсомола, политических руководителей (*политрук*) по числу рот и команд (эскадронов, батарей), имеющих в полку. Кроме того, в его состав входили *школа* (во главе с главным учителем), *клуб* (во главе с начальником клуба), *ленинские уголки*, *библиотека* (с ротными передвижными библиотеками во главе с заведующим библиотекой). Политорганы давали информацию о политических настроениях красноармейцев, их дисциплине, о результатах политической работы с ними. Школы, клубы, библиотеки — органы культурно-воспитательной работы с красноармейцами давали информацию по своему направлению, которая позволяла судить о культурном и обра-

зовательном уровне рядового состава. Таков был путь прохождения информации о красноармейце; по мере прохождения она отбиралась, обобщалась и систематизировалась.

Информирование со стороны низовых структур армии разделялось на текущее и постоянное (систематическое). Первое предусматривало информирование по мере необходимости; его основными формами были *доклады и рапорты*. Второе предусматривало информирование с определенной периодичностью; его основными формами были *донесения, сводки, статистические ведомости, обзоры*. Важнейшим видом систематической информации являлись *политдонесения*, которые были основными формами периодической отчетности и для низового уровня (полк, дивизия), и для округа. В случае чрезвычайных обстоятельств или происшествий политуправлением посылались наверх *внеочередные политдонесения*. В политдонесениях отражались все наиболее значительные события, происшествия, дисциплинарные проступки, реакция личного состава на общественные и политические события в стране, все случаи антисоветских высказываний и проявлений и многое другое, чем жила армия в повседневной жизни. Политдонесения интересны тем, что в основе их лежала не только фактическая информация (информация о конкретных фактах), но и фискальная информация (высказывания конкретных людей).

Поступавшая снизу в ПУ РККА информация перерабатывалась в зависимости от дальнейшего ее назначения, становясь либо официальной документацией по установленной форме, либо оставаясь в недрах аппарата как рабочий материал. Официальное информирование со стороны ПУ РККА шло по определенному списку. Среди адресатов были: военное руководство и начальники ряда центральных военных управлений; руководители партийных и государственных органов (ЦК ВКП(б), СНК, ОГПУ); политическое командование округов, редко корпусов. Формы информирования были различными и подразделялись, как и в случае с низовыми структурами, на текущее и постоянное (систематическое). К разряду постоянных видов информирования относились *политические сводки и информационные бюллетени*; к разряду текущих — *информационные сводки и информационные обзоры, доклады*. Как правило, в периодических полтисводках содержался фактический материал о политико-моральном состоянии армии, систематизированный по военным округам; в *обзорах* анализировались тенденции и направления; в *докладах* характеризовались ситуации текущего момента и перспективы будущего. Наряду с этими формами ПУ РККА активно использовало статистические методы сбора и обработки информации. Итоги этой работы представлялись в *статистических сборниках ПУ РККА*. Основой этих сборников являлись *статистические отчетные формы* низовых структур политорганов армии. В них содержалась цифровая информация по личному, в том числе партийно-

му, составу армии и основным направлениям работы с рядовым составом. Итоговым результатом всей информационной деятельности ПУ РККА являлись *ежегодные доклады* о политико-моральном состоянии армии. Одной из форм отчетности Политуправления были его отчеты к партийным съездам, так как в партийном отношении ПУ РККА подчинялось ЦК ВКП(б).

Информационные материалы центральных органов НКВМ

Информационные материалы Политического управления РККА

Информационные материалы ПУ РККА подразделяются на периодические и непериодические. Первые являлись основой периодического (постоянного) информирования политорганов о состоянии армии, задача второй группы состояла в актуальном информировании (информирование по актуальным вопросам). Основной формой постоянного информирования являлись *политические сводки* (для ПУ РККА и военных округов) и *политические донесения* (для военных округов и частей). Основной формой актуального (непериодического) информирования являлись *информационные сводки и информационные обзоры*, которые составлялись по мере необходимости и в которых освещались конкретные вопросы жизнедеятельности армии и ее политического состояния. Эта форма информирования использовалась как ПУ РККА, так и политуправлениями военных округов. Отличие между сводками и обзорами — в методах подачи информации. Для сводок характерна тематическая систематизация информации (либо по вопросам, либо по округам), которая в большинстве своем представляет выписки из информационных материалов низовых структур, при этом указываются точные сведения источника информации (дата, номер и адресат). Для обзоров характерна аналитическая информация, переработанная в соответствии с поставленной задачей.

Политические сводки и политдонесения. Первые политические сводки появились в 1918 г. как обязательная форма отчета и информирования политорганов о внутренней жизни армии и оставались обязательной формой отчетности для политорганов армии до начала Великой Отечественной войны. На основании сводок, присылаемых с мест, Политическое управление составляло свои *политические сводки*, в которых обобщалась информация по всей армии в целом. На различных этапах военного строительства сводки составлялись с различной периодичностью — были ежедневные, еженедельные, двухнедельные, месячные. Так, например, в начале 1920-х гг. сводки составлялись с периодичностью в два-четыре дня, в дальнейшем их периодичность сократилась до одного раза в неделю; к середине 1920-х гг. она достигла двух-трех раз в месяц, к концу 1920-х гг. — одного раза в месяц. В сводках отражались все процессы, происходящие в армии, в том

числе настроения солдат и проявления их недовольства. Структурное построение сводок могло быть тематическим (в соответствии с политическими задачами времени) или по военно-организационному признаку (в соответствии с построением армии — по военным округам, соединениям и частям).

При работе с политсводками важно не только использовать содержащуюся в них фактическую информацию, но и помнить о наиболее сильных их особенностях как исторических источников. Во-первых, свойственная им периодичность позволяет наблюдать развитие событий и происходящие процессы в динамике; во-вторых, используемый в основе принцип структурного построения армии позволяет расширить рамки предмета исследования от полкового до окружного уровня; в-третьих, многоступенчатость имеющегося в архиве комплекса политсводок позволяет уточнять и детализировать информацию. Отметим еще одну особенность сводок, которая способствует работе с ними как с источниками информации, — это наличие непрерывной продолжающейся нумерации. Примечательно, что эта нумерация была общей не только для одного года, но и для большего периода. Так, например, за 1921 г. нами был выявлен общий комплекс сводок с общей нумерацией № 1–123, за 1922–1927 гг. соответственно — № 5–362. Периодичность *политдонесений*, которые были основной формой отчетности и информирования для политуправлений военных округов и низовых структур армии, также была регламентирована. Как правило, во второй половине 1920-х гг. они составлялись ежемесячно. В случае каких-либо чрезвычайных ситуаций и происшествий политорганы посылали наверх *внеочередные политдонесения*.

Комплексное изучение периодических информационных материалов политорганов армии позволяет исследователю не только изучать процессы в динамике развития, но, что не менее важно, исследовать принципы отбора информации по ступеням продвижения ее наверх, в том числе соотношение положительной и негативной информации на первой и последней ступени создания информативного источника. В свою очередь, это помогает ответить на важнейший вопрос при работе с историческим источником — насколько уровень корректировки информации зависел от ее пути снизу вверх и от адреса получения, что в целом определяет степень достоверности исторического источника.

Информационные сводки и обзоры. Помимо периодических информационных материалов ПУ РККА составляло в зависимости от необходимости текущие информационные материалы — *информационные сводки и обзоры*. Тематика их определялась потребностями времени. Так, например, для рубежа 1920–1930-х гг. такими темами стали «крестьянские» и «кулацкие» настроения в Красной Армии, вопросы колхозного строительства, в частности организация и деятельность военных колхозов. Кроме того, в обязанности ПУ РККА входило посто-

янное информирование военно-политического руководства о призыве в армию молодого поколения. С этой целью ПУ РККА составляло ежегодные информационные обзоры, которые в большинстве своем имели название «Итоги призыва...» или «Социально-политическая характеристика молодого пополнения...», при этом указывались год призыва и год рождения молодняка. Известно, что через армию в 1920-е гг. прошло поколение, родившееся в 1903–1907 гг. В подобных обзорах характеристика молодого поколения давалась по следующим параметрам: численность социальных групп — в целом по армии и военным округам, при этом выделялись группы — рабочие, батраки и с/х рабочие, крестьяне, служащие, прочие; распределение групп по родам войск — кадровые стрелковые, территориальные, кадровые кавалерийские, спецчасти, местные стрелковые, инженерные части, флот; просачивание в армию социально чуждых элементов; численность партийного и комсомольского состава; грамотность — число малограмотных, неграмотных, методы определения грамотности; физическое состояние молодняка; культурно-политический уровень — знание русского языка, отношение к клубной работе. Данные обзоры ПУ РККА, как видно из приведенного перечня, являются важнейшими источниками информации для изучения социально-политической характеристики рядового состава армии 1920-х гг.

За два года службы в Красной армии красноармеец помимо военной службы проходил через систему политического воспитания, которая, конечно же, оказывала воздействие на внутренний мир красноармейца. В связи с этим в обязанность политорганов, и в первую очередь ПУ РККА, входило информировать высшие инстанции о итогах политической работы с рядовым составом за время его службы. Результаты этой работы систематизировались в информационных обзорах «Итоги увольнения...», которые, как правило, имели разделы — о результатах двухлетней учебы и о подготовке отпускников к работе в деревне. Внутри первого раздела характеристика отпускников включала в себя основные показатели их политического роста (результаты усвоения программы политзанятий, участие в партийной жизни армии), общеобразовательного и культурного уровня, участие в общественной работе в армии. Второй раздел содержал итоговые результаты прохождения красноармейцами курсов по подготовке кадров для работы в деревне (деревенского актива).

Одной из постоянно освещавшейся в информационных материалах ПУ РККА 1920-х гг. была тема «крестьянских настроений» в армии. Под «крестьянскими настроениями» политорганы понимали совокупность психологического состояния крестьянина-красноармейца в армии, где он прежде всего сталкивался с противопоставлением города-деревни, так как уклад жизни в армии ближе был к городскому. Политорганы выделяли различные формы проявления «крестьянских

настроений». Среди них могли быть отпускные настроения, выражавшиеся в желании быстрее уехать домой, налоговые, льготные — недовольство политикой местных властей в вопросах предоставления льгот или уплаты налогов членам семей красноармейцев. В 1927 г. в связи с насильственными хлебозаготовками «крестьянские настроения» в армии резко усилились. Дальнейшее осуществление политики коллективизации в деревне привело к необычайному росту «крестьянских настроений» в армии, что повлекло за собой появление значительного комплекса соответствующих информационных материалов ПУ РККА, о чем мы будем говорить подробно далее. В последующие годы на смену «крестьянским», «кулацким» настроениям пришли «политические» и «отрицательные» настроения. С приходом последних появилась и новая тема информационных обзоров ПУ РККА — отрицательные явления в политико-моральном состоянии.

Тематика информационных материалов политорганов армии помимо указанных во многом зависела от текущего политического момента и, конечно же, от актуальных для жизнедеятельности самой армии вопросов. Приведем лишь некоторые из этих тем: отклики на смерть руководителей государства (В. И. Ленина, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинского), итоги партийной дискуссии в армии, самокритика в армии, итоги политзанятий с красноармейцами, материально-бытовые условия жизни рядового состава, дисциплина в армии, издевательства над красноармейцами, пьянство в армии, религиозные настроения в армии, ликвидация безграмотности среди допризывников, сборы территориальных частей, допризывная подготовка и др. Наряду с указанными методами сбора информации о настроениях рядового состава политорганы использовали и другие. Среди них — анкетирование красноармейцев и работа с письмами красноармейцев.

Информационные материалы Военной прокуратуры

Систематическое информирование верхов о внутренней жизни армии шло не только по линии ПУ РККА. Поставщиками информации были органы Военной прокуратуры Верховного Суда. Система сбора и работы с информацией в органах Военной прокуратуры была схожей с политорганами армии — окружные военные прокуроры на основании донесений с мест (внеочередные донесения) об особо важных происшествиях в армии составляли свои *ежемесячные информационные сводки* по роду своей деятельности, которые посылались по инстанции. Военная прокуратура Верховного суда СССР по мере необходимости составляла тематические *информационные сводки и обзоры*.

Специфика деятельности этих органов отражалась на специфике содержащейся в материалах информации, нацеленной на показ прежде всего «отрицательных и антиморальных явлений» и «чрезвычайных происшествий» в армии. В свою очередь, к отрицательным и анти-

моральным явлениям были отнесены: антисоветские проявления и высказывания в армии; коллективные выступления (отказ от работ, отказ от пищи, неисполнение приказаний и пр.); национальная вражда и рознь (антисемитизм, национализм и пр.); голодовки; самоубийства и покушения на самоубийства; хищение оружия; дезертирство; пьянство и др. Сводки содержат также фактическую информацию по вопросам дисциплинарной практики в армии, преступности в армии, взаимоотношений между начальствующим и рядовым составом. Их изучение и использование добавляет в общий портрет красноармейцев как негативные, так и позитивные черты. Последний наш вывод основан на том, что коллективные выступления, голодовки, дезертирства, самоубийства могли быть формой проявления несогласия красноармейцев с условиями быта, учебы, его личной жизни в армии, а также формой протеста против общей политики в стране и в частности в деревне.

Информационные материалы ОГПУ (особых отделов)

Известно, что наряду с перечисленными органами НКВМ сбором информации об армии занимались также органы ОГПУ, ведавшего общеполитическим контролем в пределах всего государства. Внутри армии действовали его подразделения — особые отделы, имеющие свои источники информирования, в том числе и агентурные. На основании их донесений особыми отделами составлялись сводки о чрезвычайных происшествиях и негативных явлениях внутри армии. Эти сводки посылались по инстанции — в Особый отдел ОГПУ и для сведений — военному руководству или окружному командованию. В фондах РГВА полного комплекса сводок особых отделов ОГПУ не отложилось, хотя в материалах центрального и окружного уровня они частично присутствуют. Так, например, в материалах Секретариата наркома имеются записки руководства Особого отдела ОГПУ, присланные К. Е. Ворошилову или его заместителям в качестве дополнительного информирования, об усилении «крестьянских настроений» в армии и ее реакции в связи с началом политики коллективизации в деревне.

Статистические материалы центральных органов НКВМ

Статистические материалы Главного управления РККА

Главное управление Красной армии (ГУ РККА) было создано в марте 1924 г. как центральный орган административного руководства армии и обеспечения ее повседневных нужд. ГУ РККА прежде всего отвечало за прохождение службы рядовым составом. В связи с этим в круг его вопросов входили проведение призыва и приема на военную службу, допризывная подготовка, устройство быта военнослужащих, вневойсковая подготовка. Естественно, что важнейшим направлением деятельности ГУ РККА являлся сбор информации о рядовом составе.

В ГУ РККА была сосредоточена вся статистическая работа в армии, которая велась при тесном взаимодействии с Центральным статистическим управлением СССР (ЦСУ СССР). Результаты информационной работы систематизировались в виде статистических материалов, которые издавались отдельными изданиями.

Важнейшим направлением статистической работы в армии в 1920-е гг. было проведение переписей в Красной армии, в частности в 1920, 1923 и 1926 гг. Материалы этих переписей обобщены в итоговых сводках и отдельных изданиях. Они содержат ценнейшую информацию по предмету исследования, а именно: общая численность всего личного состава армии и рядового состава; социальный состав армии и распределение по профессиональным группам; возрастной состав военнослужащих; национальный состав военнослужащих (по военным округам, этнографическим группам); грамотность военнослужащих (по военным округам, внутри по губерниям, а также по возрастам); образовательный ценз; семейное положение; распределение мужского состава по месту рождения; партийность армии. Несомненно, что для нашего исследования прежде всего представляет интерес материалы переписи Красной армии в 1926 г. Итогом этой переписи будет посвящен отдельный подраздел следующей главы.

Помимо организации и проведения переписи в Красной армии и Флоте ГУ РККА занималось разработкой и других вопросов, связанных с текущей жизнью армии, в том числе и с жизнью рядового состава. Эта работа проводилась при тесном взаимодействии с ПУ РККА и Военной прокуратурой, итогом чего становились статистические обзоры социально-демографического учета личного состава армии и дисциплинарной практики и чрезвычайных происшествий в армии. Первая статистическая разработка материалов о личном составе Красной армии была предпринята в 1920 г., и с этого времени она стала проводиться систематически. Отметим, что тематическая разработка вопросов этих материалах была основана на единых принципах, что позволяет проводить сопоставление цифровых показателей и проследивать их динамику. Кроме того, ГУ РККА ежегодно подводило итоги призыва на действительную военную службу. В соответствующих отчетах ГУ РККА содержалась статистическая информация, в том числе о социальном положении призываемых, о месте жительства призываемых (жители городов и сельской местности), о роде занятий призываемых (земледельцы, рабочие, кустари и ремесленники и пр.). В целом материалы ГУ РККА создают уникальный комплекс армейской статистики, позволяющей исследовать социальную жизнь Красной армии по различным направлениям.

Статистические материалы Политического управления РККА

ПУ РККА, как мы уже отмечали, также использовало статистические методы сбора и обработки информации. Прежде всего это относилось к вопросам организационной работы армейских политор-

ганов — учет партийного и комсомольского состава, учет вновь принятых в ряды партии, качественный и социальный состав партийных рядов, численность партийных организаций, численность культурно-воспитательных организаций в армии (школ, библиотек, клубов и пр.). ПУ РККА совместно с ЦСУ СССР были разработаны статистические формы отчетности для партийных и культурно-воспитательных организаций, которые и становились основой будущих *статистических сборников ПУ РККА*. В большинстве своем статсборники имели типовые заголовки — о личном составе партийных организаций и партийно-политической и просветительной работе. Сборники имели порядковые номера, что способствует их поиску. Так, например, за 1924–1925 гг. ПУ РККА было составлено 19 статсборников о партийном составе Красной армии и Флота, среди которых были самостоятельные выпуски о социальном, возрастном и национальном составе партийных рядов.

Сводные отчеты НКВМ СССР

Годовые отчеты Наркомата по военным и морским делам СССР

НКВМ, являясь исполнительным органом государственной власти и имея разветвленную структуру подчиненных учреждений, обязан был отчетываться о своей деятельности перед правительством и ВЦИК. Первый годовой отчет был составлен в 1921 г. в связи с принятыми в июне 1921 г. решениями ВЦИК и СНК, обязывающими все наркоматы давать ежегодный отчет о своей деятельности. С 1921 г. такие отчеты стали готовиться ежегодно. Отличительной особенностью отчетов военного ведомства была их периодизация — за отчетный год брался учебный (в боевом отношении) год, который начинался со времени нового призыва. К 1923/24 отчетному году система построения отчета в целом установилась, поэтому при работе с ними легко применим метод сопоставления информации. В разные годы отчеты военного ведомства могли называться либо отчетами Наркомвоенмора, либо отчетами Революционного военного совета (Реввоенсовета) СССР. Известно, что РВС Республики (с сентября 1923 г. — СССР) с момента своего образования (сентябрь 1918 г.) и до последнего года существования (1934 г.) являлся высшим коллегиальным военным органом, во главе его стоял председатель, он же — нарком.

Ежегодные отчеты Наркомата имели две части — по РККА и Флоту. Наиболее значительная часть относилась к армии, меньшая — к флоту. Внутри информация систематизировалась *по РККА*: 1) численность; 2) организация; 3) комплектование; 4) обучение; 5) военная подготовка трудящихся; 6) снабжение; 7) расквартирование; 8) санитарное состояние; 9) конский состав; 10) политическое состояние армии, партийно-политическая и культурно-просветительная работа; 11) военные сооб-

щения; 12) использование войск; 13) Красный военно-воздушный флот. По Флоту: 1) организация; 2) личный состав; 3) обучение комсостава и специалистов; 4) гидрография; 5) снабжение. При использовании отчетов важно помнить, что они имели статус официальной информации, особенно это относилось к широко привлекаемым количественным показателям, касающимся всей армии в целом. Последний выявленный нами годовой отчет НКВМ относится к 1927/28 г. Общие принципы построения ежегодных отчетов НКВМ и подачи информации в них с учетом их постоянной периодичности позволяют исследователю проследивать общую динамику армейской жизни на протяжении 1920-х гг.

Сводные отчеты других центральных органов

Политическое управление Красной армии, являясь высшим политическим органом армии, имело двойное подчинение. Как орган военного аппарата оно подчинялось военному ведомству, как политический орган — Центральному Комитету ВКП(б). Поэтому одной из форм отчетности являлись отчеты ПУ РККА партийным съездам. Так, например, за 1920-е гг. были выявлены отчеты ПУ РККА к XIV (1925), XV (1927) съездам партии. Дополнением к ним можно рассматривать годовые отчеты ПУ РККА. Они, как и предыдущие, отличаются информационной насыщенностью, широким использованием методов сравнения цифровых показателей за несколько предыдущих лет, использованием различного рода таблиц. *Главное управление Красной армии*, имея широкие функции по обеспечению повседневной жизни и деятельности армии, являясь одновременно центром статистической работой в армии, свои сводные отчеты представляло по конкретным направлениям работы. *Военная прокуратура* составляла сводные отчеты о своей деятельности с периодичностью один раз в полгода.

Глава 2 УСТРОЙСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.

§ 1. Устройство Красной армии

Красная армия, как и любая другая армия мира, с момента ее создания была призвана защищать Отечество от внешней угрозы, в этом была ее главнейшая задача. Но кроме основного назначения на армию возлагалась и другая, имеющая не меньшее значение задача — поддержания государственной власти внутри страны. Дисциплинарный устав 1925 г. так определял назначение армии: «РККА есть вооруженная сила, созданная властью рабочих и крестьян для защиты и закрепления великих завоеваний Октябрьской революции», и далее: «РККА предназначена не для порабощения других народов, не для захватов, но для обеспечения независимости СССР, защиты интересов трудящихся и ограждения мира и мирного труда рабочих и крестьян»¹.

Причины, требующие привлечения армии внутри страны, могли быть различны — от активизации антигосударственных сил, которые в 1920-х гг. именовались как «бандитизм» и «контрреволюционные выступления», до стихийных бедствий. Была и третья причина, позволяющая использовать армию с целью оказания содействия государству, — армия, представляя собой организованную массу рабочих рук, которая могла быть привлекаема к трудовым процессам. Зачастую она использовалась в работах общегосударственного значения — при строительстве, уборке урожая, в деле организации транспорта и т. п.

К середине 1920-х гг. устройство ВС СССР было основано на сочетании постоянной кадровой армии с территориальными частями, организованными по принципу милиционной армии. После окончания Гражданской войны, когда ресурсы страны были крайне истощены, на повестку дня встал вопрос не просто о демобилизации армии, а о сокращении численности армии до крайне минимального размера, который мог позволить бюджет государства. Таким образом, численность армии была определена в 500 тыс. человек. Естественно, что полумиллионная кадровая армия не могла бы в полном объеме поддерживать обороноспособность страны на всей территории СССР. Более того, процент

прошедшего через призыв, а следовательно, обученного мужского населения при такой численности был бы минимальным. Так, например, к концу 1925 г. при численности кадровой армии в 562 000 человек через нее могли пройти обучение ежегодно только 270 000 человек при двухгодичном сроке службы. Между тем ежегодная численность призывного контингента с учетом территориальных частей составляла 1 200 000 человек, из них годных для поступления на военную службу — 850 000—900 000 человек². Опыт Первой мировой войны показал, насколько важно иметь в запасе кадры, обученные в военном отношении. Учитывая это, военное руководство при реформировании Красной армии в 1924—1925 гг. перешло на новые принципы комплектования армии, предусматривающие сочетание элементов устройства постоянной кадровой и милиционной армии.

Переход Красной армии на милиционные начала был положен декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 г. и закреплен Законом об обязательной военной службе, опубликованном постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 18 сентября 1925 г. Если в 1923 г., когда начался переход Красной армии на милиционные начала, были переведены только 10 кадровых дивизий из общего количества 40, то в 1925 г. их число составило 32 против 26 кадровых. В последующие годы при неизменном числе кадровых дивизий наблюдался постоянный рост территориальных. В 1926—1928 гг. их число соответственно составляло — 36, 40, 41³.

За *кадровыми частями* оставалась задача прикрытия государственных границ; с началом войны она приобретала особую значимость, способствуя проведению мобилизации и сосредоточению войск на театре военных действий. В мирное время кадровые части становились школой подготовки комсостава запаса — на них возлагалась подготовка младшего комсостава из красноармейцев — командиров отделений, начальников пулеметов и им соответствующих. На *территориальные части* возлагалась задача обучения военным знаниям и навыкам основной массы призывного контингента. Подготовка будущего бойца-гражданина осуществлялась не только военными органами и системой армейской службы. К этой работе были привлечены также различные государственные, партийные и общественные организации, призванные способствовать политическому и культурному развитию, а также физическому воспитанию будущих защитников Отечества.

§ 2. Принципы комплектования Красной армии

Осенью 1925 г. был принят Закон об обязательной военной службе, установивший призывной возраст для мужского населения страны с 19 до 40 лет. В соответствии с разработанной системой военной подготовки обязательная военная служба подразделялась на три этапа:

- 1) военная допризывная подготовка, 2) обязательная военная служба, 3) запас.

Военная (вневойсковая) допризывная подготовка начиналась с 19 лет и продолжалась до года призыва; проводилась со всеми гражданами, за исключением нетрудовых элементов; в течение двух лет призывники привлекались на два учебных месяца. Военная допризывная подготовка являлась первым этапом, на котором закладывались основы военной службы. Целью ее являлось политическое и физическое развитие допризывника, обучение его навыкам по владению оружием как боевым средством, а также умению действовать в составе отделения. Подготовка проводилась по отдельным родам войск на учебных пунктах, создаваемых на территории военных округов, в частности в населенных пунктах, имеющих клубы, народные дома и избы-читальни; при учебных пунктах действовали красные (ленинские) уголки и советы содействия. Занятия на пунктах организовывались в виде отдельных пятидневных сборов при семичасовой работе в день. Каждый допризывник должен был отбыть ежегодно шесть таких сборов.

Действительная военная служба подразделялась на службу: а) в кадровом составе войск, б) в переменном составе территориальных частей, а также на подготовку вневойсковым обучением. В *кадровых частях* предусматривалась непрерывная военная служба с отрывом от места проживания на несколько лет. Сроки службы зависели от родов войск: в морском флоте — 4 года, в воздушном флоте — 3 года, в сухопутных и прочих войсках — 2 года. Организация и комплектование *территориальных частей* основывались на сокращенном сроке службы и обучения призываемого контингента, который, в свою очередь, именовался переменным составом. Территориальные части по своей структуре состояли: 1) *из кадра* (постоянного состава), включающего в себя высший, старший, средний и младший состав, хозяйственный состав (по-минимуму), а также незначительную часть медицинского, ветеринарного и красноармейского состава и 2) *из переменного состава*. Штат кадра составлял около 16 % штатного состава военного времени, что было обусловлено опытом мировой войны, когда армии воюющих сторон увеличили свои армии в 10–15 раз. Небольшая величина кадрового состава террчастей позволяла уменьшить постоянные расходы на их содержание, но одновременно пропускать через них значительный призывной контингент. Так, например, по расчетам 1925 г., в части, имеющей 300 человек кадрового состава, могли обучаться 3000 человек переменного состава⁴. Срок состояния в переменном составе был 5 лет, при этом время пребывания террармейца в части — так именовался рядовой состав территориальных частей — перемежался с пребыванием его у себя в деревне или на предприятии. Причем из общего времени действительной службы — 60 месяцев, призывник переменного состава проводил дома 52 месяца, а остальные 8 месяцев на службе⁵.

Обязательная военная служба гражданина СССР

Виды службы	Возраст	Сроки службы	Виды обучения	Место обучения
Допризывная подготовка				
	19–20 лет	2 года: всего 2 учебных месяца; не более 1 месяца в каждом году	Учебные сборы	При учебных пунктах в районах по месту жительства
Действительная военная служба				
<i>В кадровом составе войск</i>				
Непрерывная военная служба	21–25 лет	Морской флот — 4 г. Возд. флот — 3 г. Прочие войска — 2 г.	В кадровых частях	По месту службы
Долгосрочный отпуск	23–25 лет	Морской флот — 1 г. Возд. флот — 2 г. Прочие войска — 3 г.	Повторные сборы за все время: для рядовых — 1 мес. для мл. к/с — 2 мес.	По особому распоряжению
<i>В переменном составе территориальных частей</i>				
В учебных сборах	21–25 лет	<i>В течение 5 лет</i> по 8–12 мес. Из них: 1-й год — 3 мес. 2-й год — не более 2 мес. 3-й год — не более 2 мес. 4-й год — не более 2 мес. 5-й год — не более 2 мес. В том числе: пехота и арт. — 5 мес. кавалерия — 8 мес. спец. войска — 6 мес.	Сборы при территориях	По месту службы

Виды службы	Возраст	Сроки службы	Виды обучения	Место обучения
В отпуску		1-й год — 9 мес.	Отдельные военные поручения и задания	По месту жительства
		2-й год — по 10 мес. 3-й год — по 10 мес. 4-й год — по 10 мес. 5-й год — по 10 мес.		
Между сборами		Ежегодно — 1 неделя	Краткосрочные сборы	
<i>Вневоинское обучение</i>				
В период учебных сборов	21–25 лет	6 месяцев — в каждом году не более 2 мес.	Периодические учебные сборы	На особых пунктах, приближенных к месту жительства
			Запас	
Первая очередь	До 34 лет	Не более 3 мес. за все время — в каждом году не более как на 1 мес.	Поверочные сборы	При частях или по месту жительства
Вторая очередь	До 40 лет			

Однако ни кадровые, ни территориальные части не охватывали полностью призывной возраст, вследствие чего создавался излишек призывного контингента. Если бы этот излишек не привлекался к военному обучению, то с каждым годом количество необученных бы росло, создавая в будущем проблему для обороноспособности страны. В связи с этим оставшаяся часть призывников обучалась военной подготовке *вневоинским порядком* (общий срок до 6 месяцев). Эта задача была возложена на кадровый состав территориальных частей.

На территориальные части была также возложена задача повторного обучения находящихся в *запасе* — тех, кто прошел действительную военную службу и состоял на учете военного ведомства (до 40 лет). Они могли быть призваны для дополнительного обучения не более трех раз и на срок не свыше одного месяца для каждого поверочного сбора. Для наглядности изложенного приведена таблица, показывающая из чего складывалась обязательная военная служба гражданина СССР⁶:

§ 3. Организация Красной армии

Рабоче-Крестьянская Красная армия Союза Советских Социалистических Республик (РККА) согласно Закону об обязательной военной службе, принятому осенью 1925 г., подразделялась на сухопутные, морские и воздушные силы, объединяя в своем составе все роды полевых, технических и специальных войск, а также управления и учреждения Народного комиссариата по военным и морским делам СССР. Закон устанавливал, что *термин РККА* является родовым для определения всех видов Вооруженных Сил СССР. В состав Красной армии входили войска специального назначения: войска Объединенного Государственного Политического Управления (ОГПУ) и конвойная стража СССР⁷. Рабоче-Крестьянский Красный Флот, входя в состав РККА, являлся самостоятельным ее видом, объединяющим состав и организацию морских вооруженных сил⁸. Далее нами будут рассмотрены только принципы организации сухопутных войск, так как через них проходил основной призывной контингент, в частности крестьянство. В морские и воздушные силы старались призывать из числа рабочих и подготовленных в техническом отношении служащих.

Как мы отмечали, в составе сухопутных сил РККА действовали кадровые и территориальные войска. Известно, что на первом этапе строительства территориальных частей, чтобы отличить их от кадровых, было разрешено в названии добавлять слово «территориальный, (-ая)». Однако со временем, по мере расширения числа территориальных войск, от этой практики отошли. Официально было разрешено употреблять термины «кадровые войска» и «территориальные войска» лишь в тех случаях, когда необходимо было противопоставить один из этих видов войск другому⁹.

Для середины 1920-х гг. сухопутные войска Красной армии в зависимости от задач, на них возлагавшихся, и отчасти от степени готовности к военным действиям подразделялись на войска по своему назначению и по роду своей боевой деятельности. В свою очередь, *войска по назначению* подразделялись на: 1) полевые, 2) местные, 3) крепостные, 4) запасные (части пополнения), 5) учебные, 6) специального и вспомогательного назначения¹⁰. В мирное время в Красной армии содержались только полевые войска, а также войска специального назначения, местные и учебные. Остальные предусматривались на период военного времени. Полевые войска являлись наиболее важной группой в боевом отношении и составляли основу армии, имея в мирное время законченные организационные формы и наиболее сильные кадры, что способствовало их быстрой мобилизации с началом войны¹¹. Соответственно полевые *войска по роду своей боевой деятельности* подразделялись на: 1) пехоту, 2) конницу, 3) артиллерию, 4) инженерные войска, 5) технические войска 6) войска вспомогательные¹².

Пехота являлась основным родом войск. В связи с развитием техники основные требования, предъявляемые к организации пехоты, заключались в насыщении ее огневыми средствами, не ограничивающими подвижность пехоты. Отдельными частями пехоты и самым крупным ее организационным соединением являлся стрелковый полк. В свою очередь, полки подразделялись на два типа: *кадровые*, входящие в состав стрелковых дивизий, и *территориальные*, входящие в состав территориальных дивизий. Между собой они отличались принципами укомплектования командным и рядовым составом¹³.

Конница, в зависимости от характера возлагаемых на нее боевых задач, делилась на *армейскую* (самостоятельную, стратегическую) и *войсковую* (корпусную и дивизионную). Высшими войсковыми соединениями конницы являлись кавалерийский корпус, дивизия или отдельная бригада. Войсковая конница придавалась стрелковым корпусам, дивизиям и полкам. Отдельной частью конницы считался кадровый или территориальный кавалерийский полк.

Артиллерия в организационном отношении подразделялась на *полевую* (войсковую — полковую, дивизионную, корпусную) и *артиллерию особого назначения* (АОН), являющуюся артиллерийским резервом главного командования и предназначенную для количественного и качественного усиления войсковых соединений. Каждый из указанных родов артиллерии, в зависимости от назначения, имел соответствующую организацию. Отдельной частью артиллерии являлся артиллерийский полк или дивизион, иногда отдельная рота.

Инженерные войска подразделялись на следующие виды: *саперные*, *понтонные*, *железнодорожные*, *электротехнические*, *маскировочные* и *автомобильные*¹⁴. В соответствии с видом части войска сводились: в отдельные саперные батальоны (при стрелковых корпусах),

саперные роты (при стрелковых дивизиях), саперные эскадроны и полуэскадроны (при кавалерийских дивизиях и отдельных кавбригад); отдельные понтонные батальоны; железнодорожные полки; отдельные электротехнические батальоны; отдельные маскировочные роты; автомобильно-мотоциклетные полки и отдельные грузовые автомобильные роты.

Технические войска подразделялись на *броневые части*, *войска связи* и *химические*. В свою очередь, броневые части подразделялись на три основных вида: *железнодорожные* броневые части, *автомобильные* броневые части и *танковые* броневые части. Каждый из видов войск в своем составе имел боевые части и базовые технические. *Железнодорожные части* в зависимости от вооружения и бронирования составляли полевые легкие, полевые тяжелые и особого назначения бронепоезда и броневые дрезины. Бронепоезда могли сводиться в дивизионы и более крупные соединения — полк бронепоездов. *Автомобильные броневые части* содержались в виде автоброневых дивизионов. *Танковые части* были сведены в танковые полки, отличающиеся между собой по видам танков — части легких танков и части тяжелых танков. Войска связи подразделялись на телеграфно-телефонные, радиотелеграфные и военно-почтовые. Они содержались в виде полков связи, отдельных батальонов, рот и эскадронов связи, радиополков и радиостанций. Химические войска состояли из химических батальонов.

О роли войск и учреждений вспомогательного назначения говорит их название. К ним относились: 1) штрафные части, 2) военно-транспортные части, 3) школы-питомники военных собак, 4) военно-топографические части, 5) учреждения и заведения военного ведомства в виде артиллерийских полигонов, стрельбищ, складов, мастерских и пр.¹⁵

Полевые войска сводились в дивизии, корпуса, армии и фронты. Стрелковая дивизия являлась войсковым соединением, включающим все средства для выполнения боевых задач. Ее состав зависел от того, по какому штату она содержалась: по кадровому или территориальному и соответственно — по усиленному или сокращенному составу.

Наряду с полевыми войсками в составе Красной армии имелись, что указывалось ранее, и другие войска. На *местные войска* возлагались задачи по охране складов и т. п. учреждений в целях меньшего отвлечения полевых войск этой службой. Согласно штатам к этому виду войск относились отдельные батальоны, отдельные роты и отдельные взводы. К *крепостным войскам* относились лишь артиллерийские и инженерные части, находящиеся в крепостях. *Резервные части* были представлены территориальными резервными полками. *Учебные войска* предназначены были для повторения с комсоставом специальных сведений по тем или иным отраслям военного дела и для подготовки инструкторов и специалистов. Ядром этих войск являлся постоянный состав, а переменный командировался от войск. В зависимости от родов войск

учебные части подразделяются на: отдельные учебные эскадроны (конница); отдельные учебные батареи округа и учебный артиллерийский звукометрический отряд (артиллерия); отдельный учебно-опытный химический батальон; отдельная учебная рота световой сигнализации (инженерные войска). Особая роль отводилась *войскам специального назначения*, к которым относились: 1) войска ОГПУ, предназначенные для охраны границ, борьбы с контрреволюцией и бандитизмом и 2) конвойная стража СССР — для охраны мест заключения и конвоирования лишенных свободы¹⁶.

§ 4. Органы управления войсками

Красная армия, являясь одним из важнейших политических институтов государства, имела свою систему органов военного управления, которые представляли совокупность военно-административных и военно-распорядительных органов. В свою очередь, органы военного управления подразделялись на *центральные* и *местные*. Если первые распространяли свою власть на всю армию, то вторые пользовались меньшей властью, ограничивающейся конкретной территорией и частями внутри этой территории.

Центральные органы военного управления

На *центральном аппарате*¹⁷ лежало общее руководство деятельностью отдельных органов управления и надзор за успешностью их работы. На него возлагались следующие задачи: обороны страны, разработка планов войны, вопросы мобилизации, пополнения армии личным составом, обеспечение армии материальными средствами, использование для целей обороны научно-практических достижений в области техники, а также законодательная деятельность в пределах предоставленной ему компетенции.

Высшим руководящим военным органом для Красной армии, в том числе сухопутных, морских и воздушных сил, был *Революционный военный совет СССР*. РВС СССР представлял собой коллегия при Народном комиссаре по военным и морским делам СССР. Известно, что осенью 1923 г. произошло объединение органов управления двух ведомств — военного и морского в единый общесоюзный наркомат, после чего существовавший до этого РВС Республики был преобразован в РВС СССР. Согласно Конституции наркомвоенмор — так сокращенно стал именоваться руководитель Наркомата — одновременно являлся председателем РВС СССР. Помимо председателя в состав РВС СССР входили два его заместителя и члены, часть которых составляла Президиум РВС.

Революционному военному совету Союза ССР подчинялся ряд органов, к которым относились:

1) *Штаб РККА* во главе с начальником Штаба, заместителем его и двумя помощниками. На Штаб возлагалась задача — разработка всех вопросов по подготовке к войне страны и ее вооруженных сил. Эта исключительной важности задача способствовала сосредоточению внутри Штаба всех органов (управлений и отделов) с соответствующими функциями. Таким образом, Штаб РККА соответствовал существующим в других странах (и в старой русской армии) высшим органам военного управления, разрабатывающим вопросы по подготовке страны к обороне и изучению возможных театров войны. Штаб состоял из четырех управлений: 1) оперативного, 2) разведывательного, 3) организационно-мобилизационного, 4) военных сообщений и из научно-уставного отдела. На последний были возложены вопросы по использованию опыта войны и руководство по составлению боевых уставов (составление прочих уставов, наставлений и инструкций для всех войск велось в соответствующих управлениях). Научно-уставному отделу был подчинен Центральный музей РККА.

2) *Главное Управление РККА (ГУ РККА)* осуществляло функции руководства боевой подготовкой, войсковой мобилизацией, комплектованием, личным составом и всей текущей жизнью РККА, в том числе учетом людей и лошадей, организацией допризывной подготовки и территориальных сборов, а также прохождением службы, устройством быта и дислокацией войск. Оно состояло из шести управлений: 1) учебно-строевого (с функциями руководства обучением и боевой подготовкой войск), 2) военно-учебных заведений (ВУЗ), 3) военно-топографического, 4) по командному составу, 5) по войсковой мобилизации и укомплектования, 6) по устройству и службы войск, а также отдела по ремонту (конским составом).

В состав ГУ РККА входили Инспекции, возглавляемые *Инспектором РККА*. На него возлагались задачи боевой подготовки вооруженных сил и инспектирование их (проверка готовности) во всех отношениях. Во главе Инспектората стоял Главный инспектор РККА. Ему были подчинены следующие инспекции: 1) артиллерии, 2) кавалерии, 3) военно-инженерная, 4) связи, 5) химической подготовки. На инспекции были возложены исключительно функции инспектирования и инструктирования частей Красной армии¹⁸.

3) *Управление снабжений РККА* ведало функциями заготовления всех видов довольствия вооруженных сил (кроме специальных видов морского и воздушного довольствия) и снабжения им РККА. В состав Управления входили подчиненные ему довольствующие управления: 1) артиллерийское, 2) военно-техническое, 3) военно-химическое, 4) военно-хозяйственное, 5) военно-строительное, 6) военно-финансовое. Кроме того, Управлению снабжений была подчинена Плановая комиссия НКВМ, рабочим аппаратом которой являлось Военно-финансовое управление.

4) *Политическое управление РККА (ПУР, с 1929 г. — ПУ РККА)* руководило всей партийно-политической и политико-просветительной работой в РККА. Это управление появилось в годы Гражданской войны как основная опора большевиков в армии. С тех пор политическая подготовка Вооруженных Сил СССР превратилась в специальную отрасль военного управления. О структуре Управления будет сказано отдельно.

5) *Управление Военно-морских сил СССР (УВМС)* ведало учебной, строевой и боевой подготовкой РККФ, снабжением флота специальным имуществом. В его ведение входило прохождение специальной службы личным составом флота, специальной и боевой его подготовкой и специальным снабжением. Управление состояло из четырех подчиненных управлений: 1) учебно-строевого, 2) технического, 3) специального снабжения, 4) гидрографического. Кроме того, при нем состоял Научно-технический комитет.

6) *Управление Военных воздушных сил (УВВС)* имело функции, аналогичные тем, которые были возложены на Управление ВМС СССР — только в области ВВС. В состав Управления ВВС СССР входили подчиненные ему управления: 1) учебно-строевое, 2) специального снабжения и метеорологический отдел. При УВВС СССР состояли три органа: 1) Комиссия по изучению летной работы, 2) Инспекция гражданского воздушного флота и 3) Научно-технический комитет.

7) *Военно-санитарное управление СССР*, которое одновременно являлось отделом Наркомздрава РСФСР, ведало санитарно-медицинским делом, а равно и всеми лечебно-санитарно-гигиеническими учреждениями военного ведомства.

8) *Военно-ветеринарное управление РККА* выполняло те же функции, как и предыдущее управление, но лишь в области военной ветеринарии.

Местные органы военного управления

Создание разветвленной сети органов местного военного управления¹⁹ явилось следствием нескольких причин, в частности: огромной территории, занимаемой Союзом ССР; неравномерного распределения населения; значительной численности армии и разнообразия войсковых частей. В соответствии с этим на органы местного военного управления были возложены следующие функции: организация на всей территории государства призывов граждан на военную службу; ведение учета запаса людей, конского состава и перевозочных средств как в мирное время (для успеха мобилизации), так и в военное (в целях обучения запасных и других войск); частичное выполнение некоторых функций центральных органов военной власти в отношении довольствия войск, хранения запасов на случай войны, обеспечения войск

квартирами и т. п. Кроме того, опыт Первой мировой и Гражданской войн показал, что местное военное управление должно работать в контакте с местными органами народного хозяйства в целях создания прочной хозяйственной базы для армии.

Целесообразность создания органов военного управления на местах диктовалась также необходимостью основательной подготовки населения как в военном, так и в политическом отношении. Последнее исходило из политических установок руководства страны, предусматривающих классовый характер будущих вооруженных столкновений, а также из принципов комплектования РККА. В военно-административном отношении территория Союза ССР была разделена на восемь военных округов, один армейский район и один краевой военный комиссариат. В основу деления были положены особые условия некоторых территорий, которые в силу различных обстоятельств могли стать вероятными театрами войны. Поэтому организация военного управления в них должна была быть настолько гибкой, чтобы в кратчайший срок можно было перейти с мирного положения на военное. В связи с этим организация управления округом была построена по весьма сходной схеме с организацией управлением фронта и отдельной армии. В состав каждого округа входили определенные губернии (области и т. п.) — полностью или частично. При частичном вхождении губернии в военный округ обязательным условием было соблюдение неделимости уездов.

Во главе каждого военного округа (фронта, армии) стоял *революционный военный совет (РВС)*. В тех округах, где РВС не учреждался, все права и обязанности его нес командующий войсками, являющийся высшим представителем военной власти в округе — ему были подчинены все расположенные в пределах округа войсковые части, военно-учебные заведения, управления, учреждения РККА. РВС округа состоял из командующего войсками, председательствующего на заседаниях РВС, начальника политического управления округа и других членов, в числе которых могли быть и лица гражданской власти. Так, например, Уполномоченные Наркомвоенмора (согласно Конституции) при РСФСР, Украинской, Белорусской, Закавказской, Туркменской и Узбекской ССР входили в состав РВС соответствующих округов. РВС округа подчинялся непосредственно РВСову СССР. На него возлагалось: общее руководство военной и политической подготовкой округа, административное руководство текущей деятельностью и жизнью войсковых частей и учреждений, входящих в состав округа, и установление согласованности действий с правительственными органами на территории округа. В круг обязанностей РВС округа входили также вопросы по подготовке к мобилизации, инспектированию и инструктированию войск, обеспечению войск всеми видами довольствия, руководству военной подготовкой трудящихся вневойсковым порядком, по наблюдению за состоянием дисциплины в войсках и соблюдением

распоряжений высших законодательных органов СССР. Кроме того, в компетенцию РВС округа входило руководство деятельностью контрольных органов на территории округа и увязка их деятельности с усилением боеспособности частей.

Рабочим аппаратом в округе являлось военно-окружное управление. Естественно, что управление военным округом было построено по типу центрального. Если права и обязанности центральных органов распространялись на всю территорию СССР, то окружные органы могли проявлять свою власть лишь в пределах территории данного военного округа. В состав военно-окружного аппарата входили: 1) штаб военного округа во главе с начальником и его заместителем, 2) начальники родов войск, 3) управление начальника снабжений округа, 4) политическое управление округа, 5) управление ВВС округа, 6) военно-санитарное управление округа, 7) военно-ветеринарное управление округа, 8) военно-окружное совещание, 9) военный трибунал и военная прокуратура округа. Штаб округа состоял из отделов: 1-й (оперативный), 2-й (с функциями призыва, укомплектования и мобилизационными), 3-й (военных сообщений), 4-й (общие мероприятия по боевой подготовке округа, а также по допризывной, вневойсковой и физической подготовке), 5-й (организация и проведение терсборов, организация допризывной, вневойсковой и физической подготовки, строевой учет, штаты, служба и быт войск), 6-й (командный) и 7-й (разведывательный), а также двух частей — шифровальной и административно-хозяйственной.

В первые месяцы после победы Октябрьской революции для ведения вопросов военного дела в составе губернских исполнительных комитетов были организованы военные отделы, которые являлись местными органами военного ведомства. К концу войны была создана разветвленная сеть военных комиссариатов, которые провели важнейшую работу по учету, организации призывов и формированию войсковых частей, а затем по демобилизации личного состава Красной армии. В период проведения реформы на них были возложены обязанности по подготовке и проведению территориальной системы. Расширение территориальной системы повлекло за собой реорганизацию губернских военных комиссариатов и создание территориальных войсковых округов, что позволяло теснее связать строевые части с местным населением и местными органами власти.

Таким образом, к концу 1920-х гг. учетно-призывными органами на местах стали: 1) *управления стрелкового корпусного территориального округа* — в губерниях, областях и республиках (без губернского деления), где имелись штабы корпусов; 2) *управления дивизионного территориального округа* (стрелковых, кавалерийских и территориальных стрелковых и кавалерийских дивизий); 3) *управления губернского (областного) территориального округа* — в тех местностях, где нет

штабов корпусов и дивизий²⁰; 4) *окружные* (уездные, кантонные, районные) *военные комиссариаты*. На управления территориальных округов (губернских, корпусных, дивизионных) возлагались следующие задачи: 1) учет военнообязанных, конского состава и обоза; 2) организация и проведение допризывной, вневойсковой и физической подготовки среди военнообязанных; 3) проведение очередных призывов и призывов по мобилизации и организация поставки конского состава и обоза; 4) составление мобилизационного плана территориального управления; 5) организация службы караульных частей и 6) руководство и наблюдение за деятельностью окружных (уездных) военных комиссариатов своего территориального округа. На управление территориального округа возлагались функции окружного (уездного) военного комиссариата того округа (уезда), в пределах которого оно было расположено.

Управление территориального округа, за рядом исключений, состояло из: 1) политического секретариата; 2) учетно-мобилизационного отделения; 3) отделения по вневойсковой подготовке; 4) административно-хозяйственного отделения; 5) двух комиссий — губернской призывной и по отсрочкам; 6) местной команды. Управления Московского и Ленинградского территориальных округов имели более сложную структуру в связи с большей плотностью населения, и еще более сложное устройство имел военный комиссариат Казакской АССР.

Начальники управлений территориальных округов являлись начальниками соответствующих окружных военных комиссариатов, их функции были аналогичны. На канцелярию окружного военкомата были возложены кроме обычных обязанностей функции сношения с органами социального обеспечения и земельным отделом по обеспечению военнослужащих. На мобилизационное отделение возлагалось наблюдение и проверка правильности работ военных делопроизводств волостных исполнительных комитетов (ВИКов) по учету военнообязанных, конского состава и обоза, а равно и по другим вопросам мобилизационного характера. ВИК являлся основной учетно-мобилизационной ячейкой.

Органы строевого управления

Органы строевого управления²¹ служили связью между войсками и высшею военной властью. На строевое командование возлагались задачи по обучению и воспитанию войск, подготовке их к мобилизации, а также по обеспечению войск всем необходимым для их существования. Органы строевого управления подразделялись на управления — отдельной частью (полком, отдельным дивизионом, отдельным батальоном и т. п.), дивизией, корпусом, армией и фронтом. Два последних органа обычно в мирное время не существовали, а создавались во время войны. Для обслуживания повседневных нужд войск

при командире действовал *штаб*, на который возлагалась подготовка распоряжений по войскам, передача их по назначению, подготовка мобилизационных планов и работ, ведение учета личного состава войск и т. п. Штаб являлся органом командования по осуществлению управления войсками.

Состав штаба определялся соответствующими штатами корпусных, дивизионных и полковых штабов, структура которых зависела от возложенных на штаб задач. Во главе штаба стоял начальник штаба, являющийся первым заместителем командира и имеющий право отдавать распоряжения войскам от имени командования. Начальник штаба докладывал командованию поступающие к нему сведения и давал им свою оценку. Однако соответствующие решения принимал единолично командир.

Обычно штаб подразделялся на оперативную часть и отделения: разведывательное, связи, по устройству тыла, строевое и административно-хозяйственное. *Оперативная часть* являлась центральным органом штаба, в ней сосредотачивались результаты работы всех остальных отделений штаба, за исключением строевого и административно-хозяйственного. *Разведывательное отделение* организовывало разведывательную службу, собирало и обрабатывало данные о противнике, занятой противником местности и местном населении. Работа *отделения связи* заключалась в организации своевременной и бесперебойной связи командования и штаба с высшими органами и низовыми структурами, в том числе и в обстановке боевой деятельности. *Отделение по устройству тыла* являлось техническим аппаратом начальника штаба по руководству работой служб по организации подвоза и снабжения войск, а также по организации общего порядка в тылу (борьба с дезертирством, взаимоотношения с населением и гражданской властью). *Строевое отделение* ведало вопросами подготовки и службы войск, а *административно-хозяйственное* — вопросами внутреннего быта. При штабах действовал также целый ряд особых (специальных) органов, ведающих снабжением строевых частей, санитарным и ветеринарным обеспечением войск. Кроме того, к числу таких органов относились действующие при командире *начальники специальных служб* — артиллерии, инженеров, химической, связи и воздушного флота.

Управление корпусом возглавлял командир корпуса. Он подчинялся командующему войсками округа и ведал всеми вопросами как в строевом, так и в хозяйственном отношениях. *Управление дивизии* вверялось командиру дивизии с военным комиссаром. Командир дивизии подчинялся командиру корпуса, а если дивизия не входила в состав корпуса, то командующему войсками. *Управление отдельной частью* являлось основанием для всей системы строевого управления войсками. Причем установленный порядок для управления полком применялся в одинаковой степени и к управлению всякой вообще отдельной

частью войск, разница заключалась только в составе управления и в числе должностных лиц.

Командир стрелкового полка являлся ответственным за состояние своего полка во всех отношениях и должен был лично руководить всем ходом жизни полка. В таком же положении находились командиры батальонов и рот по отношению к подведомственным им частям. В обязанности командира полка входило: руководство строевым обучением полка, наблюдение за исправным несением службы и благоустройством полка. Он обязан был знать способности и поведение командного состава полка. Начальник штаба полка был наделен правами помощника командира полка.

Органы полевого управления войсками в мирное время не существовали, они создавались только с объявлением войны.

§ 5. Территориальное деление СССР на военные округа

Количество и состав военных округов не были постоянными, военное административно-территориальное деление страны изменялось в зависимости от политической ситуации. Так, например, за период Гражданской войны было образовано более 20 военных округов, к концу 1920-х гг. их осталось лишь 8, а к началу Великой Отечественной войны их насчитывалось 17. Как правило, округа имели региональное строение. Так, в течение 1920-х гг. существовали Беломорский (до июля 1921 г.), Заволжский (до сентября 1921 г.), Орловский (до марта 1922 г.), Уральский (до апреля 1922 г.), Киевский (до апреля 1922 г.), Харьковский (до апреля 1922 г.), Украинский (с апреля 1922 г.), Восточно-Сибирский (до января 1923 г.), Западно-Сибирский (до июня 1924 г.), Сибирский (с июня 1924 г.), Среднеазиатский (с июня 1926 г.), а также Западный, Ленинградский, Московский, Приволжский, Северо-Кавказский военные округа²². Как видно из приведенного перечня, в названии округа отражены территориальные признаки. Территориальный состав каждого округа по губерниям регламентировался законодательными актами Правительства и Наркомата внутренних дел.

К июню 1927 г. территория СССР разделялась на следующие военные округа²³:

1) *Московский* военный округ (г. Москва) в составе губерний: Владимирской, Воронежской, Вятской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской.

2) *Ленинградский* военный округ (г. Ленинград) в составе губерний: Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Ленинградской, Псковской, Северо-Двинской и Череповецкой, Карельской АССР и Автономной области Коми (Зырян).

3) *Белорусский* военный округ (г. Смоленск) в составе: Белорусской ССР и губерний Брянской и Смоленской.

4) *Украинский* военный округ (г. Харьков) в составе: Украинской ССР, Крымской АССР и Молдавской АССР.

5) *Приволжский* военный округ (г. Самара) в составе губерний: Астраханской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Сталинградской, Ульяновской, Оренбургской, Уральской областей, а также автономных ССР: Башкирской, Татарской и Немцев Поволжья и автономных областей: Вотской, Марийской и Чувашской.

6) *Северо-Кавказский* военный округ (г. Ростов-на-Дону) в составе: а) Северо-Кавказского края, в который включалось 15 округов и 6 автономных областей; б) Дагестанской АССР и в) Калмыцкой автономной области. В числе *округов*, входящих в состав Северо-Кавказского края, были: Донской, Донецкий, Морозовский, Сальский, Кубанский, Терский, Ставропольский, Армавирский, Майкопский, Грозненский, Черноморский, Сунженский, Шахтинский, Таганрогский и г. Владикавказ (на правах округа), а также *автономные области*: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Северная Осетия, Ингушетия.

7) *Сибирский* военный округ (г. Ново-Сибирск) в составе губерний: Алтайской, Ново-Сибирской, Омской, Томской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Амурской, Камчатской и Приморской, Якутской, а также Бурято-Монгольской АССР и Ойратской автономной области.

8) *Средне-Азиатский* военный округ (г. Ташкент) в составе: Узбекской и Туркменской ССР и Киргизской ССР.

9) *Кавказская краснознаменная армия* (г. Тифлис) в составе: Закавказской СФСР, состоящей из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР.

10) *Краевой военный комиссариат Казакской АССР* (г. Кызыл-Орда), расположенный на территории Казакской АССР. В его состав входили губернии: Актюбинская, Букеевская, Кустанайская, Акмолинская, Сыр-Дарьинская и Автономная область Кара-Калпакская.

В августе 1929 г. в связи с событиями на КВЖД на территории дальневосточного региона была сформирована Особая Дальневосточная армия со штабом в Хабаровске, которая одновременно выполняла функции военного округа. В январе 1930 г. после награждения ее орденом Красного Знамени за боевые заслуги армия была переименована в Отдельную Краснознаменную Дальневосточную армию (ОКДВА). За ней были оставлены функции военного округа.

Таким образом, к началу 1930 г. территория СССР была поделена на десять военных округов, в их число входила Кавказская Краснознаменная Армия, действующая на правах округа. Из этих 10 округов к 1930 г. только два были полностью кадровыми – САВО и ОКДВА. Среди

оставшихся округов два были полностью территориальными — ПриВО и СибВО; к ним же относился и МВО, в составе которого действовала только одна кадровая дивизия против 9 территориальных. Остальные пять округов — ЛВО, БВО, УВО, СКВО, ККА, имели в своем составе как кадровые, так и территориальные дивизии, причем последних было больше в 1,5–2 раза. Только в УВО соотношение кадровых и территориальных дивизий значительно отличалось; если кадровых было 4, то территориальных — 12²⁴.

§ 6. Итоги военной переписи 1926 г.

Общая характеристика РККА

К началу изменения политического курса в деревне армия не только имела официальный статус крестьянской, называясь Рабоче-Крестьянской Красной армией, но, что более важно, она была таковой и по социальному составу. Эта особенность ее была подтверждена проведенной в декабре 1926 г. переписью РККА. Перепись проходила на основании приказа РВС СССР № 583 в рамках состоявшейся 17 декабря 1926 г. всесоюзной переписи населения. Наряду с общими задачами — полным учетом военнообязанного населения СССР армейская перепись преследовала также цель получить исчерпывающие сведения о личном составе Красной армии, в частности в социально-демографическом отношении, что крайне важно было для власти накануне начала «нового курса» в деревне. Методы сбора и формы учета информации соответствовали принципам, разработанным для общесоюзной переписи, что, в свою очередь, создавало возможность сопоставления армейской статистики с общесоюзной. Источниками для сопоставления показателей переписи послужили данные *социально-демографического учета РККА на 1 апреля 1925 г. и на 1 апреля 1926 г.*, а также данные *строевой ведомости на 1 января 1927 г.* Таким образом, результаты переписи позволили проследивать динамику в явлениях, касающихся личного состава РККА, за более чем полуторагодовой период — с 1 апреля 1925 г. по 17 декабря 1926 г.

На конец 1926 г. РККА представляла собой следующую картину²⁵:

Общая численность РККА на 17.12.1926 г. составила²⁶:

По списку	580 625 чел.
Налицо	556 164 чел.

По категориям:

Начальствующий состав	70 819	12,19 %
Мл. начсостав	81 727	14,06 %
Рядовой состав	382 356	65,87 %

Остальные недостающие до 100 % показатели относились к переменному составу вузов (4,75 %) и вольнонаемному составу (3,13 %).

При переписи РККА предусматривались следующие категории:

1) Сухопутные и Воздушные силы и 2) Военно-морские силы.

Сухопутные и Воздушные силы РККА

Численность Сухопутных и Воздушных сил РККА составляла 546730 человек (по списку) и 525375 (налицо)²⁷. Сухопутные силы по условиям переписи разделялись на следующие группы, соответствующие *родам войск*: пехота; кавалерия; артиллерия; броневые части; инженерные, железнодорожные и химические и войска; войска связи; строевые части Воздушных сил, а также этапно-транспортные войска; местные стрелковые войска и штрафные части. Кроме того, самостоятельные группы составляли: вузы; управления, учреждения и заведения; территориальные управления и военкоматы. Наибольший процент численности личного состава приходился на строевые части — в общей сложности 81,61 %, или более $\frac{4}{5}$ от всей численности РККА²⁸.

*По родам войск*²⁹

	Абсолютные цифры	%
Пехота	216 523	39,42
Артиллерия	68 165	12,41
Кавалерия	57 656	10,49
Инженерные, желдор. и химические войска	34 482	6,98
Войска связи	30 436	5,54
Местные стрелковые войска	27 309	4,97
Строевые части ВВС	8 623	1,57
Броневые части	3 131	0,57
Этапно-транспортные войска	1 964	0,36
Вузы	52 205	9,50
<i>РККА в целом</i>	<i>549 402</i>	<i>100</i> ³⁰

*По округам*³¹

	Абсолютные цифры	%
МВО	88 663	16,14
ЛВО	66 653	12,13
БВО	73 000	13,29
УВО	117 636	21,42
ПриВО	28 185	5,13

СКВО	34 093	6,20
СибВО	52 208	9,50
САВО	45 188	8,22
ККА	40 199	7,32
Казакская АССР	539	0,10
Центральные управления	3 043	0,55
<i>Всего</i>	<i>549 402</i>	<i>100</i>

Личный состав³²

	Абсолютные цифры	%
Начальствующий состав	66 787	12,22
Мл. начсостав и рядовой состав	438 966	80,28
Рядовой состав	361 183	66,06 ³³

Военно-морской флот

Численность Военно-морского флота составляла 33895 человек³⁴. В свою очередь, флот подразделялся на следующие объединения: морские силы Балтийского моря, Черного моря, Каспийского моря, а также части береговой обороны: Днепровская флотилия (с отдельным дивизионом бронекатеров реки Западной Двины), Амурская речная флотилия (с включением УБЕКО Дальнего Востока), УБЕКО Север, УБЕКО Сибирь. Кроме того, при статистической переписи в самостоятельную группу были выделены военно-морские учебные заведения, центральные управления, учреждения и заведения³⁵.

По морским силам³⁶

	Абсолютные цифры	%
МС Балтийского моря	19 315	57,0
МС Черного моря	8 924	26,3
МС Каспийского моря	790	2,3
Днепровская флотилия	173	0,5
Амурская флотилия	1 069	3,2
УБЕКО Север	501	1,5
УБЕКО Сибирь	94	0,3

Личный состав³⁷

	Абсолютные цифры	%
Начальствующий состав	4 032	11,90
Мл. начсостав и рядовой состав	25 009	73,78
Рядовой состав	20 432	62,15 ³⁸

Социально-демографическая характеристика РККА

В основу социально-демографической характеристики были положены следующие признаки: 1) происхождение, 2) социальное положение, 3) народность, 4) возраст, 5) семейное положение, 6) грамотность и 7) партийность.

*Происхождение*³⁹

На 100 человек наличного состава приходилось:

Из рабочих	15,1
Из крестьян	77,4
Из прочих	7,5

Приведенные цифры показывают, что подавляющее большинство личного состава армии (77,4 %) имели крестьянские корни. Те же показатели по Красной армии на 01.04. 1926 г. были: из рабочих — 18,1 %, из крестьян — 71,3 %, из прочих — 10,6 %. Сопоставление данных переписи 17/XII 1926 г. по сравнению с 1/IV того же года показывало, что к концу 1926 г. относительная численность группы «крестьян» увеличилась на 6,1 % за счет понижения на 3 % численности группы «рабочих» и на 3,1 % группы прочих.

Важно отметить следующий факт. Впервые при переписи 1926 г. (согласно инструкции по ее проведению) по признаку *происхождение* требовалось указывать класс или звание, сословие, к которому принадлежал в дореволюционное время опрашиваемый или семья опрашиваемого. До этого при социально-демографическом учете военнослужащих понятие «происхождение» включало в себя принадлежность к тому или другому общественному классу до поступления в Красную армию. Таким образом, в переписи 1926 г. в понятие «происхождение» был внесен сословный признак, что, в свою очередь, позволяло воспроизвести сословную картину советского общества с учетом дореволюционных корней. Без сомнения, эта информация была крайне важной для властей в связи с перспективой изменения политического курса в деревне.

Среди *начальствующего состава* крестьянские корни имело большинство, хотя в сопоставлении со всем личным составом этот показатель был незначительным. На 100 человек наличного состава приходилось: из рабочих — 20,0; из крестьян — 53,4; из прочих — 26,6⁴⁰.

*Социальное положение*⁴¹

На 100 человек наличного состава приходилось:

Рабочих	20,7
Служащих	12,0
Хозяев	18,1
Прочих	49,2

Признак *социального положения* согласно условиям переписи означал *положение в промысле или занятии*, поэтому разбивка на группы не предусматривала выделение самостоятельной группы «крестьян». К числу «рабочих» относились все, лично занимавшиеся физическим трудом по найму, хотя бы они и происходили из крестьян. Соответственно в группу «прочие» были отнесены в том числе лица и члены семьи, помогающие в сельском хозяйстве. Таким образом, крестьяне вошли прежде всего в группу «хозяева», а также частично в группу «прочие». Этим объясняется столь высокий процент численности данной группы — 49,2 %. В силу различных условий группировки по социальному положению, принятых при составлении ведомостей переписи и социально-демографического учета, провести сопоставление по группе «крестьяне» не представляется возможным. Однако заслуживает внимания группа «хозяева», имеющая достаточно высокий процент — 18,1 %.

В отличие от происхождения «крестьянские признаки» среди *начальствующего состава* были минимальными — 3,9 %, против служащих — 33,0 % и рабочих — 21,5 %; к «прочим» себя относили — 41,6 %.

Народность

При учете личного состава РККА были учтены следующие народности: русские (великороссы), украинцы, белорусы, армяне, башкиры, вотяки, грузины, евреи, зыряне, карелы, латыши, марийцы, мордва, немцы, поляки, татары, туркмены, тюрки (татары азербайджанцы), узбеки, чувашаи. Подавляющую массу (86,4 %) общей численности РККА составляли: русские — 64,8 %, украинцы — 17,4 %, белорусы — 4,2 %. Из других народностей заметный процент имели евреи — 2,1 %, татары — 2 %, грузины — 1,3 %, армяне — 1,1 %⁴².

В *начальствующем составе* несколько выше, чем во всем личном составе РККА, был процент русских (69,8 %), а процент украинцев значительно ниже (10,3 %), процент белорусов отличался незначительно (4,8 %). Более высокий процент составляли евреи (4,6 %), незначительное повышение показателя имели грузины (1,5 %) и армяне (1,2 %). Значительно более высокий процент составляли латыши (1,5 %) против 0,4 % общего состава и поляки (1,4 %) против 0,9 % общего состава⁴³.

Возраст (в процентном соотношении)⁴⁴

	<i>Весь л/с</i>	<i>Начсостав</i>
До 19 лет	1,2	0,2
20–24 года	83,9	18,7
25–29 лет	8,3	45,5
30–39 лет	5,0	29,5
40–59 лет	1,5	5,8
60 лет и старше	0,1	0,3

Для всего личного состава РККА наибольший показатель приходился на возраст 20–24 года, являющийся призывным. Для начсостава самыми активными возрастами были 25–29 лет и 30–39 лет.

Семейное состояние (в процентном соотношении)⁴⁵

	Весь л/с	Начсостав
Холостых	56,7	24,6
Женатых	42,0	73,5
Прочих (вдовых, разведенных)	1,3	1,9

Грамотность (в процентном соотношении)⁴⁶

Грамотных	96,3
Неграмотных	3,7

Партийность (в процентном соотношении)⁴⁷

	Весь л/с	Начсостав
Членов ВКП(б)	8,7	42,2
Кандидатов в члены ВКП(б)	4,9	7,6
Членов и кандидатов в члены ВЛКСМ	16,3	3,7
Беспартийных	70,1	46,5

«Крестьянская» статистика в РККА

Сухопутные и Военно-воздушные силы РККА

Среди личного состава этой группы войск «крестьянские корни» имели большинство. По признаку «происхождение» крестьян было 78,3 % (против 77,4 % по РККА в целом). Причем в сравнении с данными социально-демографического учета на 1 апреля 1926 г. процент крестьян к концу года значительно повысился. Процентные показатели были следующими⁴⁸:

	На 01.04.1926	На 17.12. 1926
Из рабочих	17,0	14,3
Из крестьян	72,5	78,3
Из прочих	10,5	7,4

По родам войск⁴⁹

Крестьяне составляли большинство в трех основных родах войск — пехоте, кавалерии и артиллерии. Процент «рабочих» в этих войсках был значительно ниже среднего. В свою очередь, численность «крестьян» была ниже среднего в бронечастях, инженерных, железно-

дорожных и химических войсках, а также в войсках связи. В этих частях от личного состава требовались профессиональные технические навыки, что в большей степени присутствовало у рабочих. Ниже среднего процент «крестьян» был и среди группы управлений, учреждений и заведений, особенно низок он был в вузах и академиях⁵⁰. Процентные показатели были следующими:

	<i>Крестьян</i>	<i>Рабочих</i>
Пехота	84,2	10,9
Кавалерия	84,4	11,2
Артиллерия	82,6	11,8
Броневые части	59,9	34,6
Инженерные, железнодорожные, химические войска	64,1	30,2
Войска связи	69,5	22,2
Этапно-транспортные войска	87,2	9,8
Местные стрелковые войска	91,3	7,3
Вузы	65,6	20,4
в том числе академии	48,7	15,9

По округам

Крестьяне составляли большинство соответственно в следующих округах (по мере убывания): САВО, СибВО, ККА, БВО, МВО, УВО, ПриВО, ЛВО, СКВО. Пониженный процент численности «крестьян» в СКВО объясняется тем, что казаки, составляющие большинство в этом регионе, были отнесены при переписи к группе «прочих». В МВО крестьяне составляли меньший процент в сравнении со значительно большей, чем в других округах, размером территории. На МВО приходилось большое количество вузов, управлений, учреждений и заведений, что влияло на понижение крестьянской прослойки среди личного состава войск. Процентные показатели были следующими⁵¹:

	<i>Крестьян</i>	<i>Рабочих</i>
МВО	77,7	13,9
ЛВО	74,6	16,2
БВО	81,2	13,2
УВО	77,2	16,4
ПриВО	76,4	16,6
СКВО	72,7	13,6
СибВО	82,6	12,2
САВО	83,1	12,4
ККА	81,8	12,2
Центральные управления	41,8	9,8
<i>Всего</i>	<i>78,3</i>	<i>14,3</i>

Распределение личного состава военных округов по признаку «социального положения» давало следующую картину (в процентных показателях)⁵²:

	<i>Рабочие</i>	<i>Служащие</i>	<i>Хозяева</i>	<i>Прочие</i>
МВО	20,8	14,2	13,3	51,7
ЛВО	21,2	14,3	14,0	50,5
БВО	18,2	8,7	17,0	56,1
УВО	22,1	10,4	23,2	44,3
ПриВО	19,0	16,5	16,9	47,6
СКВО	20,0	12,1	21,9	46,0
СибВО	16,9	9,9	21,4	51,8
САВО	16,0	9,1	25,6	49,3
ККА	17,5	11,2	17,7	53,6
Центральные управления	12,3	47,3	1,1	39,3
<i>Всего</i>	<i>19,6</i>	<i>11,8</i>	<i>18,7</i>	<i>49,9</i>

Как видно, во всех без исключения военных округах большинство личного состава (по совокупности) принадлежали к группам «хозяев» и «прочих» — представители сельского труда вошли в обе группы. В ряде округов наблюдается повышенный процент (по совокупности) группы «рабочих» и «служащих». Причины тому: МВО и ЛВО — значительное количество технических войск, вузов, управлений, учреждений и заведений; в УВО — соответственно технических войск; в ПриВО — соответственно управлений, учреждений и заведений.

Народность

Распределение по народностям среди личного состава Сухопутных и Воздушных сил мало чем отличалось от общей картины по РККА (десять доли процента). Во всех военных округах (за исключением УВО и ККА), а также в центральных управлениях подавляющее большинство личного состава были **русские 64,1 %**. В УВО и ККА русские занимали второе место по численности, составляя соответственно 34,6 и 25,9 %, причем в ККА этот показатель был самым низким в сравнении со всей армией. Ниже среднего процента по армии русские были представлены в САВО и БВО, соответственно — 62,7 и 61,5 %; во всех остальных округах их численность была выше средней по армии⁵³. **Украинцы** занимали первое по численности место в УВО — 53,8 % (более половины всего личного состава округа), второе место в ККА — 27,8 %, третье место в СКВО — 12,3 %. В остальных округах украинцы были представлены ниже среднего процента по армии, который составлял 17,4 %. **Белорусы** составляли четверть всего личного состава БВО — 25,1 %. Во всех других округах процент их численности был весьма незначителен. При

среднем проценте по армии в 4,4 % он выше 1,9 % (ЛВО) не поднимался. Четвертое место по армии в целом делили *евреи и татары* — их средний показатель был равным 2,1 %.

Наибольшей пестротой национального состава отличались *ККА* и *САВО*. Кроме русских и украинцев в *ККА* весьма значительным процентом были представлены грузины — 16,8 %, армяне — 13,8 %, азербайджанские тюрки — 6,9 %, поляки — 2,5 %. В *САВО* значительный процент составляли татары — 10,2 % (на третьем месте) и узбеки — 4,7 %. В *БВО* и *УВО* выше среднего был процент евреев, соответственно 3,4 и 4,0 %. В *ПриВО* выше среднего был процент татар — 6,6 %; в *СКВО* соответственно — украинцев — 12,3 % и татар — 3,6 %. Значительно выше среднего был процент евреев в центральных управлениях — 5,37 %.

Возраст, семейное состояние, грамотность и партийность

Характеристика личного состава сухопутных и воздушных сил по этим признакам в целом практически не отличалась от соответствующих показателей по всей РККА. Некоторые особенности наблюдались только по отдельным родам войск и военным округам.

Возраст. Распределение по возрасту личного состава отдельных родов войск представлялось в следующем виде (в процентном соотношении)⁵⁴:

	<i>Пехота</i>	<i>Кавалерия</i>	<i>Артиллерия</i>	<i>Весь л/с</i>
До 19 лет	0,59	1,26	0,06	1,15
20–24 года	90,83	89,64	91,89	84,55
25–29 лет	6,09	6,40	5,56	8,23
30–39 лет	2,25	2,42	2,30	4,76
40–59 лет	0,23	0,26	0,18	1,24
60 лет и старше	0,01	0,02	0,01	0,07
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Как и для всего личного состава РККА, подавляющее большинство личного состава всех родов войск приходилось на возраст 20–24 года, являющийся призывным. Та же тенденция наблюдалась и в военных округах. Для начсостава самыми активными возрастными группами были 25–29 лет и 30–39 лет⁵⁵.

Семейное состояние. *Общие показатели:* холостых — 56,4 %, женатых — 42,4 %, прочих (вдовых, разведенных) — 1,2 %. Как видим, большинство армии составляли холостые. Женатые численно преобладали над холостыми лишь там, где были самые высокие показатели по старшим возрастным группам: в академиях — 70,4 %; в управлениях, учреждениях и заведениях — 54,8 %; в терруправлениях и военкоматах — 51,8 %; а также в этапно-транспортных войсках — 51,6 %. *По воен-*

ным округам самый большой процент женатых (при среднем 42,4 %) был в СибВО — 52,6 %, ПриВО — 48,8 %, СКВО — 48 %, САВО — 46,5 %, МВО — 42,9 %; в остальных округах он был ниже среднего. Естественно, что в центральных управлениях процент женатых был намного выше показателей округов — 70 %⁵⁶.

Грамотность. *Общие показатели:* грамотных — 96,1 %, неграмотных — 3,9 %. *По родам войск* самый высокий процент неграмотных (при среднем 3,9 %) был в тех родах войск, где наибольший процент составляли крестьяне: в пехоте — 5,5 %, местных стрелковых войсках — 5,4 % и кавалерии — 5,2 %. *Из военных округов* по неграмотности лидировали СибВО — 7,9 %, ККА — 7,8 %, САВО — 7,6 %. Для сравнения эти показатели в МВО составляли — 1,6 %, в ЛВО — 2,2 %, в ПриВО — 2,7 %⁵⁷.

Партийность. *Общие цифры* партийности личного состава сухопутных и ВВС отличались от тех же показателей по всей РККА на десятые доли: членов ВКП(б) — 8,5 %, кандидатов в члены ВКП(б) — 4,7 %, членов ВЛКСМ — 16,0 %, беспартийных — 70,8 %. *По родам войск* сильнее всего члены ВКП(б) представлены были в академиях — 38,9 %, на курсах и в школах — 19,3 %, весьма значителен этот процент был в бронечастях — 14,6 % и строевых частях ВВС — 13,2 %. Пехота, кавалерия и артиллерия соответственно имели 6,5, 6,9, 6,5 %. Самый низкий процент членов ВКП(б) приходился на местные стрелковые войска — 3,3 %. *По военным округам* по партийной принадлежности лидировали ЛВО — 10,3 %, СКВО — 9,7 % и МВО — 9,6 %. Самый низкий процент был в САВО — 6,6 % и ККА — 6,7 %⁵⁸.

Военно-морской флот

Среди личного состава флота «крестьянские корни» имели большинство. По признаку «происхождение» крестьян было 60,6 %, из рабочих — 29,3 %, из прочих — 10,1 %. По социальному положению процентные показатели были следующими: рабочих — 40 %, служащих — 15,5, хозяев — 8,2, прочих — 36,3 %.

Глава 3

«КРЕСТЬЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ» В КРАСНОЙ АРМИИ В 1928–1931 гг.

«Крестьянские настроения» в армии, на анализ которых нацелена эта глава, не были новым явлением для Красной армии. Под этим уже вошедшим в армейскую политическую терминологию выражением подразумевался повышенный интерес крестьянских слоев армии к событиям в деревне, желание скорейшего возвращения домой и, наконец, недовольство деятельностью властей в отношении деревни. Безусловно, что принятые в ноябре 1927 г. решения партии об усилении хлебозаготовок¹ должны были дать реакцию армии. И она последовала.

В 1926–1928 гг. основной костяк Красной армии составила молодежь 1903 г. рождения. Придя в армию осенью 1925 г., эта часть армейской молодежи была одной из первых, кто дал реакцию на изменения политики партии в деревне, однако на начальном этапе своей армейской службы она характеризовалась преимущественно с положительной стороны. В справке-докладе начальника информационно-статистического отдела ПУ РККА В. Н. Черневского, направленного в феврале 1926 г. наркому К. Е. Ворошилову с характеристикой призывников, указывалось: «По сравнению с пополнениями предыдущих лет призывники этого года рождения имели ряд существенных преимуществ»². Их отличали прежде всего политическая активность и практицизм. В названном нами докладе говорилось: «Политическая активность пополнения, по данным всех округов, очень велика и значительно превышает активность 1902 года [рождения] в первые дни его пребывания в армии. Настроение молодняка характеризуется большим желанием получить в армии известный круг знаний, и притом таких, которые могли бы принести пользу после выслуги положенного срока»; «Однако отмеченная активность молодняка наблюдалась в ряде округов преимущественно и только в области политучебы, причина чему лежит в узком “крестьянском практицизме”, во-первых, и, во-вторых, в том, что у многих кр-цев существует взгляд на армию исключительно как на школу»; «Росту активности молодняка способствует в значительной степени наличие среди него большого числа

активистов, проявивших себя как таковые еще до призыва в Красную Армию»³. Среди последних были передовики, председатели сельсоветов, члены ВИКов, избачи, руководители кружков, селькоры и т. д. В качестве примера приводились цифры активистов по Западному военному округу — 25,5 % всего пополнения.

В докладе отмечалось, что активность молодняка проявлялась прежде всего «в высокой читаемости литературы, в массовом вступлении в кружки, самодетельные и общественные организации и т. д.». По данным политорганов, окружная газета СибВО получала от молодняка до 4000 писем ежемесячно, причем большинство поступающих заметок носили «бодрый и здоровый характер»⁴. Как следствие отмечалось, что «крестьянские настроения» большого распространения не имели и «проявляются главным образом в заботе о своем крестьянском хозяйстве (ККА, СибВО, ЗВО)»; «в “ревности” к рабочему классу (СибВО, ЗВО), заявлениях о неправильном призыве в армию и т. д. В очень малых размерах наблюдаются налоговые настроения».

Внимание политорганов было обращено на следующие существенные особенности молодняка: на «повышенную требовательность пополнения в части благоустройства казарм и полного удовлетворения его бытовых и культурных запросов», а также на «отношение молодняка к дисциплине».

В отношении первого отмечалось: «Имеют место недовольства недостаточными размерами пайка, получением черного, а не белого хлеба, отсутствием вентиляции в казармах, неблагоустроенностью столовых, есть требования о выдаче туалетного мыла, об освобождении от “черной” работы и т. д.». Отношение молодняка к дисциплине характеризовалось «своеобразным пониманием ее как дисциплины, основанной на “сознательности бойца” и потому якобы не допускающей твердой требовательности комполитсостава. На эту требовательность часть пополнения реагирует болезненно, заявляя, что она “принижает” личность кр-цев и приближает дисциплину Красной Армии к старой царской дисциплине (ККА, СибВО, ЗВО)».

Отдельное внимание в докладе было уделено религиозности молодняка. Она характеризовалась как «бесспорно великой» и «активной». При этом указывалось: «Были случаи отказов работать в естественнонаучных кружках, хождение на праздники в церковь, втайне “новички” крестятся и произносят молитвы. Крестики и иконки среди пополнцев имеются в очень большом числе»⁵. Наиболее активные формы проявления религиозности свойственны были красноармейцам из нацменьшинств.

Через год ситуация в армии резко изменилась. «Крестьянские настроения», не вызывавшие никакой тревоги у политорганов, дали резкое усиление, что заставило уже военно-судебные органы заниматься анализом настроений и дисциплины в армии.

1928 г.

В январе 1928 г. на совещании начальников политуправлений военных округов была принята закрытая резолюция, первый пункт которой гласил: «Хлебозаготовительная кампания дала уже свое отражение в армии, но не в одинаковой степени в отношении различных округов (наиболее резко в СКВО, затем в УВО, в меньшей степени в ПриВО; «крестьянские настроения» пока еще не совсем затронули флоты)». Наряду с ростом «крестьянских настроений» в резолюции был отмечен еще ряд серьезных тенденций: «слабость» работы низового звена политорганов и ее «непопоротливость» (пункт 2); «недопонимание» армейской парторганизацией линии партии в деревне, правда, с оговоркой «некоторой части» (пункт 2); наличие «в казарме классово чуждых элементов», и опять с оговоркой «очень незначительное» (пункт 3); «попытки со стороны деревни воздействовать на советскую власть через армию путем посылки жалоб, писем, ходяков» (пункт 3)⁶.

Не вызывает сомнения, что все отмеченные явления заставили политорганы серьезно задуматься над возникшей в армии ситуацией. Об этом свидетельствуют не только сроки подготовки, но и уровень лиц, участвующих в работе по составлению резолюции. Она была утверждена и разослана в округа 3 февраля 1928 г., лишь через месяц после проведения совещания. И хотя резолюция исходила от имени совещания, в действительности в ее составлении и редактировании активное участие принял начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов, который в собственноручно составленной препроводительной записке к ней написал: «Предлагаю принять к руководству в качестве моих директив». Более того, им же был вписан последний (девятый) пункт, подчеркивающий значение всей предстоящей работы политорганов: «Всю работу по укреплению политико-морального состояния РККА политсостав и парторганизации должны вести, учитывая, что Красная Армия является крупнейшим фактором в деле проведения политики партии в деревне и укрепления ее влияния среди масс батраков, бедняков, середняков»⁷.

В этой же резолюции было зафиксировано принципиально важное решение о систематическом изучении настроений красноармейцев. Пункт 7 гласил: «Политорганам все настроения красноармейцев на почве проведения политики партии в деревне и в особенности последних мероприятий внимательно изучать и освещать в текущих информационных донесениях»⁸. Дальнейшее развитие этого решения повлекло за собой появление целого ряда информационных источников, составивших основу для написания данной главы. Первыми из них стали две сводки ПУ РККА — от 14 февраля и от 10 марта 1928 г.

Прежде чем перейти к анализу содержания этих сводок, уделим внимание принципам их составления, ибо в последующем подобная форма

обобщения фактической информации активно использовалась ПУ РККА в своей дальнейшей информационной работе, в том числе и при характеристике «крестьянских настроений». Основу сводок составляют выдержки из писем, полученных красноармейцами из деревни, а также цитирование их высказываний на различных собраниях и разговоров (хотя и в меньшей степени). При цитировании писем указывались как автор, так и адресат письма, что позволяет определить степень родства состоящих в переписке. В большинстве случаев авторами писем в армию были прямые родственники (отец, брат). Отметим, что эту важную для села социальную функцию — поддержание семейных связей, выполняла мужская часть деревни. Чрезвычайность событий в деревне заставила писать и других лиц (родственников и соседей). Таким образом, сводки представляют собой совокупность выдержек писем «из народа».

В последнее время наблюдается повышенный интерес исследователей к этой группе источников, о чем свидетельствуют многочисленные публикации сборников (даже серийные) писем к власти. Намного реже публикуются (преимущественно в журналах) письма «личные», адресованные к родным, близким, друзьям. Причина такой ситуации нам видится в том, что «личная переписка» хранится в семейных архивах и может стать доступной для общества при желании владельцев. Письма «во власть» направлялись конкретным государственным, политическим или общественным деятелям либо в органы власти и редакции газет, поэтому они отложились в архивах этих учреждений и организаций, что делает их более доступными для исследователей.

Отмеченные нами особенности информационных сводок в отношении «писем из деревни» очень важны, так как делают сводки источником своего рода бесценной эпистолярной информации, исходящей от деревни. Ценность этой информации повышается в силу того, что в письмах к родным деревня писала «от души», выражая свои чувства открыто, без оглядки на власть и цензуру. В них были не только собственные эмоции, но и новости родни, соседей и, наконец, деревни в целом. В письмах «во власть» эмоциональный фон мог меняться, ведь от власти крестьянин ждал либо конкретной помощи (письмо-жалоба), либо одобрения своим действиям (письмо-обращение). Это, на первый взгляд, не столь явное, но все же присутствующее различие между письмами «личными» и «во власть» делает информационные сводки о крестьянских настроениях важными историческими источниками.

Другая особенность информационных сводок заключается в том, что в них при цитировании писем указывается не только источник «деревенской информации» (кто пишет, из какого села), но и источник «политической информации» (из какого политдонесения нижестоящего звена взята конкретная выдержка). Ссылка на первичный источник информации позволяют исследователю проводить анализ ее достоверности в случае необходимости.

Отметим также еще одну особенность сводок — принципы подачи информации. В основу сводок был положен тематический принцип систематизации информации, что позволяло политорганам, в свою очередь, обратить внимание на злободневные вопросы и показать развивающиеся тенденции. Более того, каждый тематический раздел (какой бы он ни был по величине) содержал в себе первичные выводы, которые в конце сводки объединялись в итоговую часть. Обязательное присутствие выводов, являющееся составной частью армейских оперативных и разведывательных сводок, стало важнейшим элементом и политических информационных сводок.

Первая сводка о ситуации в армии была составлена Политическим управлением РККА 14 февраля 1928 г. и имела заголовок «Отражение кампании хлебозаготовок и пр. в Красной Армии (предварительная сводка)». Вторая сводка была подготовлена ПУ РККА 10 марта 1928 г. и имела заголовок «Отражение кампании хлебозаготовок, самообложения в Красной Армии (сводка вторая)»⁹. Обе сводки имели гриф «секретно». Учитывая значимость этих первых двух сводок, мы сочли целесообразным включить их полный текст в приложение к данному изданию.

Анализ КН в армии за первые два месяца «нового курса» в деревне показал, что явления, зафиксированные в январе 1928 г. (в приводимой резолюции совещания), получили дальнейшее развитие в последующие месяцы — в сводках за февраль и март. В них на конкретных примерах из писем и высказываний показывалось: *первое* — реакция деревни на усиление ХЗ; *второе* — реакция красноармейцев на события в деревне; *третье* — отражение «деревенских дел» на социально-политической ситуации в армии; *четвертое* — неготовность армейских политорганов и всей партийной организации (рядовых коммунистов и комсомольцев) к работе в новых условиях. Позволим перейти к основным выводам сводок с использованием отдельных наиболее ярких выражений из них.

Реакция и настроения деревни: общий вывод — деревня шокирована действиями властей, она бросилась за советом и помощью к своим сыновьям в армию. В отношении помощи уточнялось — она «не просто жалуется своим сыновьям, а просит у них помощи», просит «защиты против действий местных властей», просит содействия в борьбе против «притеснений»¹⁰. Более того, в сводке от 14 февраля отмечалось, что «иногда даже пытается восстановить красноармейцев против службы в армии — предлагает бежать из армии, а в отдельных случаях просит вооруженной поддержки». Итоговый вывод первой сводки (от 14 февраля) был еще более категоричным — «деревня через свои письма усиленно втягивает красноармейцев в деревенские дела и даже требует от своих сыновей в армии помощи и противодействия хлебозаготовительному нажиму»¹¹.

Количество приходящих из деревни в армию писем в сводках характеризовалось, как «потоки писем» с жалобами на «притеснения»; «возвращение разверстки 1920 г.» и т. д. При этом отмечалось, что «особенно силен был этот поток в СКВО, отчасти в УВО, слабее в других округах», приводился пример, свидетельствующий о масштабе этого «потока писем» — в Новочеркасском гарнизоне (СКВО), насчитывающем 5 тыс. человек, за день было получено до 6 тыс. писем¹². В сводке от 10 марта отмечалось распространение этой тенденции и на другие округа. Приводимые далее цитаты из сводок показывают первую реакцию деревни.

Описание происходящих событий: «До каждого приходят ночью и забирают хлеб...»; «Мельницы все закрыты...»; «Мелют за хлеб и по норме...»; «В лавках ничего не дают...»; «В лавках продают только за хлеб...»; «Со всех берут, а ведь деньгами не берут...»; «На деньги купить ничего нельзя»; «У кого хлеба нет, берут лошадь и корову, что у хозяина есть, то и берут...»; «Берут расписку с обязательством, что крестьянин к такому-то числу должен хлеб сдать; при расчете с крестьянином за хлеб ему навязывают облигации или приходят на следующий день и заставляют подписаться, говоря, что деньги у тебя есть, давай сюда...»; «За продналог судят и за страховку описывают, забирают вещи, судят и наделяют облигациями...»; «Приходят тройки и предлагают весь излишек продать...»; «Всем зажиточным хозяевам раздали повестки для вывоза хлеба, предвидится гибель...»; «На деревню прислана разверстка 10 000 пудов (3 пуда с засеянной десятины)...»; «Хлеб заставляют продавать кооперации в то время, когда частник платит дороже...»; «Запретили продавать хлеб на базарах, а бедняку купить негде, так что придется трудно переживать до нового хлеба...»; «Покупают хлеб за 1 р. 15 к., а семенная ссуда 1 руб. 35 копеек...»; «Милиция забирала у крестьян, приехавших на базар, все продукты (зерно, мука, куры). Все отвозили в отделение милиции и там расплачивались, по каким ценам, неизвестно»¹³.

Состояние деревни: «Сообщаю великие новости...»; «Все наши ходят как дурные»; «Ну, одним словом, хуже войны...»; «У нас сейчас такое идет, что сам черт не поймет»; «Предвидится гибель...»; «В станции народ стал прямо как мертвый...»; «У кого хлеба нет, ходит нагишом»¹⁴.

Реакция деревни: «Народ поговаривает делать забастовку и разбивать амбары кулаков...»; «Народ бунтует насчет хлеба...»; «Хотят устроить голодовку, как в 1921 г...»; «На 11-м году революции советская власть начала опять требовать налоги, так же, как и в 1921 г...»; «Вернулась проклятая продразверстка, как в 20–21 гг...»; «Вы там служите, а у нас дела плохи, в 10-ю годовщину говорили, что все хорошо, говорили про достижения, но пережили мы разруху и голод, а такого несчастья еще не было...»; «А все потому, что нет союза между крестьянами — один про-

тив другого, а если бы был союз крестьянский, то сыграло бы что-либо другое, тогда бы крестьянам и товары всевозможные, и с/х машины. Это нужно и вам...»; «Не обижайся на службу, потому что дома еще хуже — работай как собака [за] этот несчастный хлеб, а продать не имешь права...»¹⁵.

Деревня ищет защиты у армии: «Напиши нам, у нас есть слухи, что будет мобилизация... и будут забирать хлеб, чтобы кормить их. Потом у нас говорят, что деньги скоро пропадут...»; «Мы, наверное, останемся без хлеба и будем голодать зиму. Скажи там своим начальникам, чтобы они помогли нам в этом как семье красноармейца...»; «У нас говорят, мир только до апреля, а с апреля начнется война, посоветуй, как поступить: или хлеб сдать, а набрать мануфактуры, или хлеб запрятать...»; «Дорогой сынок... постарайся дать ответ, что оно там предчувствуется или какая война на носу, или договор заключили с каким государством, чтобы платить пшеницей...»; «Что же ты там служишь, помоги нам, старикам, а то мы, наверное, будем зиму голодать...»; «Это нужно и вам, красноармейцам, крестьянским сынам, выступать на собраниях и высказываться и защищать своих отцов-крестьян, чтобы дать им отдохнуть и хоть немножко окрепнуть, ведь все движение идет только через крестьян, а их угнетают; еще раз прошу — выступайте на собраниях (подчеркивание документа. — Н. Т.) и митингах и защищайте свою крестьянскую кровь (кум)...»; «Ну, здорово наш защитник... должен сказать, что недоволен на тебя...»; «Солдатики, зачем вы служите, мы голодаем, нам не дают хлеба...»¹⁶.

Реакция и настроения красноармейцев на события в деревне.

Общий вывод — хлебозаготовки вызвали большую волну крестьянских настроений в армии. Если в сводке от 14 февраля настроения красноармейцев отмечались как еще «не оформившиеся в целом»; «возможно дальнейшее усиление недовольств красноармейцев по мере получения писем из дому», то в сводке от 10 марта говорилось о распространении «волны крестьянских настроений» и на другие округа и достижения «кульминационного пункта» и «наибольшего напряжения» к середине — концу февраля. При этом отмечался даже спад этой волны. Основными источниками информации для армии являлись письма, но в сводке от 10 марта уже говорится о других путях — «ходоки» и отпускники¹⁷.

Общая характеристика настроений давалась в следующих выражениях — реагируют «довольно болезненно»; «особенно болезненно воспринимается самообложение», проявляют «растерянность»; «нервозность», непонимание «доходящих до них отдельных сведений и слухов», «того, что делается в деревне»; «в общем, совпадают с настроениями деревни: те же разговоры о введении разверстки, о близости войны»; «чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян». Отмечалась более резкая реакция переменного состава армии, который

«в ряде случаев» пытался даже «воздействовать на армию, чтобы она заступилась»¹⁸.

Основные мотивы КН. Если в сводке 14 февраля просто фиксировалось наличие КН, то в сводке 10 марта уже внимание нацелено на их «мотивировку», анализ которых составляет самостоятельный раздел. В итоговых выводах сводки от 10 марта (пункты 1–3, 5) говорилось: «ХЗ и самообложение в деревне стоят в центре внимания красноармейцев и держат их в напряженном состоянии»; «по-прежнему много разговоров идет вокруг вопроса — зачем берут хлеб, куда его отправляют»; «в связи с ХЗ среди красноармейцев отмечались разговоры о ликвидации НЭПа, о возвращении времен военного коммунизма»; «кампания ХЗ весьма часто связывается красноармейцами и крестьянами с войной, с платежами за границу»¹⁹.

Основными мотивами КН признавались «вопросы вокруг хлеба», в частности — проведение кампаний по хлебозаготовкам и самообложению, сбору недоимок, ограничение свободной торговли хлебом и низкие цены на хлеб (запрещение перевозить хлеб из района в район, продажа товаров только за хлеб). Наряду с этими приоритетными причинами были и другие, вызывавшие усиление КН красноармейцев, в частности — обесценивание денежных накоплений в деревне («никчемность»; «ненужность» денег) и неудовольствие действиями местных властей²⁰.

Важность «хлебного вопроса» для деревни не требует никаких пояснений. Обращает на себя внимание содержащийся в сводке от 10 марта вывод, что в вопросах ограничения торговли и низких цен на хлеб «смыкаются интересы зажиточного крестьянина, кулака, частично середняка». Актуальность «денежного вопроса» для красноармейцев объяснялась тем, что полученные в армии деньги зачастую посылались ими в качестве конкретной помощи близким: «Ты нам деньги не перечисляй, они теперь не нужны...». В связи с этим красноармейцы советуют своим родным взять деньги из сберкасс. Не понимая происходящих событий, красноармейцы связывали их с действиями местных властей. Эта тенденция как распространенное явление была зафиксирована в конечных выводах сводки от 10 марта, при этом отмечалось, что «местами это выливается в озлобленность красноармейцев и угрозы по их адресу»²¹.

Безусловно, поток писем из деревни вызвал ответный поток, но уже в деревню. Эти письма красноармейцев (как и «деревенские» письма) не отложились в архивах. К сожалению, не выявлены пока и сводки, обобщающие их, составляемые все теми же армейскими политорганами. Однако в рассматриваемых нами сводках имеется информация о том, что пишут и советуют красноармейцы своим близким. Среди них — «сократить посеы весной»; «не платить самообложение»; «взять деньги из сберкасс, пока не лопнули»; в отношении же местных властей — угрозы. Правда, при цитировании подобных советов в сводках

зачастую присутствует оговорка «отдельные»; «некоторые»; «в ряде случаев». В сводке от 10 марта отмечается, что деятельность местных властей стала причиной жалоб и обращений красноармейцев в центральные органы власти, к Калинину. Более того, среди предложений со стороны «некоторых красноармейцев» были и о «посылке в деревню комиссии из армии». Отмечались и более серьезные «угрозы», в частности дезертирство из армии²².

Наряду с отмечающейся общностью настроений деревни и армии в сводках указывались особенности настроений красноармейцев. Одна из них — «заостренность политических выводов», другая проявлялась в том, что «материально-бытовые недочеты в части полностью увязываются с хлебозаготовками». Уже в сводке от 14 февраля указывалось, что красноармейцы «чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян, с большей силой заостряют политические выводы, противопоставляют город — деревне, рабочий класс — крестьянству, командира — красноармейцу». Эти же факты отмечаются и в сводке от 10 марта, но уже со словами «резкого противопоставления». Более того, в выводах к сводке (пункт 4) говорится об этом как о достаточно распространенном явлении: «Часто также в связи с ХЗ заостренно ставится вопрос о взаимоотношениях города и деревни: ХЗ рассматривается как изъятие хлеба для рабочих и улучшение жизни рабочих за счет крестьян вообще»²³.

Усиление недовольства красноармейцев было отмечено и по отношению «к материально-бытовым недочетам», которые «полностью увязываются» с ХЗ. Если в сводке от 14 февраля эти проявления недовольств фиксировались как отдельные факты, то в дальнейшем отмечалось их усиление: «ХЗ еще более обострили чуткость красноармейцев к внутриармейским недочетам: материально-бытовые недочеты вызывают еще более резкие недовольства, чем обычно»²⁴.

Отражение «деревенских дел» на социально-политической ситуации в армии. Общий вывод — события в деревне способствовали расслоению в среде красноармейцев-крестьян и разделению их на социальные группы — бедняков, середняков и кулаков. Более того, эта тенденция была отмечена и в отношении комначсостава. Уже в первой сводке от 14 февраля указывалось на социальное расслоение казармы как «довольно отчетливое деление» с наличием «даже» отдельных случаев «острого классового антагонизма» между кулацкой и бедняцкой группами крестьян. Однако в итоговых выводах к сводке (пункт 3) оно фиксировалось с оговоркой «наметилось расслоение». В связи с этим во второй сводке (от 10 марта) содержался более детальный анализ поведения и реагирования различных социальных групп красноармейцев. Этому вопросу был посвящен самостоятельный раздел. В нем подтверждалось «отчетливое» расслоение среди рядового состава, при этом указывалось, что основным местом для споров становятся «три-

буна красноармейских собраний». Было отмечено, что рядовые «резко разделились на два лагеря — кулацко настроенных красноармейцев и бедняков»²⁵.

Настроения *бедняков* характеризовались как «одобряющие» политику ХЗ и нажима на кулака, но наряду с этим в сводках отмечались и проявления «своих подчас очень резких» недовольств, идущих «с другого конца, чем у зажиточных и даже середняков». В большинстве своем они касались вопросов торговли (только по линии кооперации и только за хлеб): «Все продают за хлеб, а хлеба у бедняка нет, значит, выгадывает кулак. Бедняк продал свой хлеб раньше, когда товаров не было...» или «Нажим на кулака есть, а помощи бедноте нет или она слаба...». Любопытен вывод, сделанный в отношении бедняка, который «очень часто не имеет твердой позиции, а иногда подпадает под влияние кулацких элементов и крепких середняков и выступает с ними». *Средняков* «больше всего волнуют низкие цены на хлеб, высокие — на товары и нажим по усилению сдачи хлеба», при этом отмечалось, что середняки «вообще иногда блокируются с кулаком». Последние, говорилось в сводке, «ведут себя очень осторожно, часто замкнуто, а выразителями их интересов выступают крепкие середняки». Интересно, что при характеристике настроений кулаков была сделана оговорка — «ХЗ еще раз показали, что в армию просочились отдельные кулацкие элементы»²⁶. Позиция *рабочих* характеризовалась — «стоят в стороне»; «интереса к ХЗ не проявляют»; «относятся безразлично, как к не касающемуся их делу»²⁷.

Первоначальный анализ ситуации в армии показал, что события в деревне отразились и на настроениях *комначсостава* — «прежде всего, различно реагирование младшего и среднего звена». Этому вопросу во второй сводке (от 10 марта) отведен специальный раздел, выводы которого были неутешительными. Реагирование *младшего начсостава* «ничем не отличается от рядовых красноармейцев (вплоть до деления на социальные группы деревни — бедняков, середняков, зажиточных)», при этом отмечалось, что его «выступления более четко и законченно политически формулированы» в связи с лучшим развитием. Реакция *среднего начсостава* отмечалась как «неоднородная». *Беспартийный начсостав* проявил полное «безразличие» к происходящим в деревне событиям, высказывая «иногда даже недовольство новой дополнительной нагрузкой, мешающей прямой его работе — военной учебе»²⁸.

Неподготовленность политорганов армии и всей партийной организации к разъяснительной работе. Общий вывод — политаппарат и парторганизации к хлебозаготовительной кампании оказались неподготовленными, выявилось незнание и непонимание сущности кампании. Работа среди красноармейцев развертывалась вяло и охватила незначительные массы. При этом отмечалось, что партийцы и ком-

сомольцы в ряде случаев не только не могли противостоять недовольствам красноармейцев, но и «сами оказались в хвосте» беспартийных, выражая недовольство кампанией. Были примеры, когда даже комиссары частей «допускали в разъяснительной работе политические ляпсусы» или «проявляли нервозность под давлением красноармейских настроений». Эти выводы были подтверждены и в сводке от 10 марта, с той только разницей, что среди примеров нездоровых явлений среди партийцев и комсомольцев отмечались отдельные случаи даже выхода из партии. Основным недочетом их деятельности по-прежнему оставалось незнание существа кампании и объяснение ее как искривление работы местных властей, сглаживание, затушевание вопроса²⁹.

Выводы первых сводок ПУ РККА заставили руководство военного ведомства в лице наркома К. Е. Ворошилова написать 13 марта 1928 г. начальнику ПУ РККА А. С. Бубнову следующее распоряжение, с оговоркой «только лично». Приведем его полностью, ибо эта небольшая по размеру записка говорит о значимости зафиксированных явлений:

«Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. отозвалась в частях Красной Армии целым рядом болезненных явлений. В целях наибольшего их учета и практических выводов для дальнейшего военного строительства считаю необходимым самым внимательным образом изучить все имеющиеся у вас по этому вопросу материалы.

Кроме того, полагаю полезным затребовать дополнительные, обработанные в форме докладов материалы от СКВО, СибВО, ПриВО, УВО и МВО. В эти доклады должны быть включены не только данные, имеющиеся в политорганах Красной Армии, но также материалы местных партийных, советских и кооперативных органов. После проработки всего вопроса в целом прошу представить мне, по возможности, краткий доклад в письменном виде с вашими выводами. Народный комиссар по военным и морским делам и председатель РВС СССР *К. Ворошилов*»³⁰.

Доклад, который требовал К. Е. Ворошилов, был подготовлен ПУ РККА 7 апреля 1928 г. в виде справки, подписанной начальником информационно-статистического отдела ПУ РККА В. Н. Черневским, под названием «Краткие выводы об отражении хлебозаготовительной кампании в Красной Армии и работе партполитаппарата в связи с ней»³¹. В этой справке содержалось восемь пунктов, из которых пять представляли собой выводы, требуемые наркомом. Все они подтверждали выводы, ранее приводившиеся в сводках ПУ РККА.

1. Проводимые партией в деревне кампании — по хлебозаготовкам, самообложению и взиманию недоимок по сельхозналогу, а также по размещению в деревне займа восстановления крестьянского хозяйства нашли широкое отражение среди красноармейского состава Красной армии и Флота.

2. Настроения деревни передались (через письма, ходоков и отпусников) крестьянской части армии, «вызвав ряд нездоровых явлений и разговоров», в том числе когда недовольства экономического порядка приобретали политическую окраску. «Красноармейцы-крестьяне в выявлении своих настроений были весьма активны»³².

3. В реагировании красноармейцев-крестьян на кампанию хлебозаготовок проявился их классовый состав. Было отмечено, что в первые недели кампании недовольства высказали представители всех трех групп крестьян. Если зажиточная часть крестьянства активно проявляла свои недовольства, середняцкая часть крестьянства часто «блокировалась и шла с зажиточными, во всяком случае прислушивалась к ним», то бедняцкая часть имела «свои особые недовольства, проявляла малую активность, а иногда поддадала под влияние остальной части крестьянства».

4. Младший начальствующий состав и курсанты полковых школ (как более образованная часть рядового состава) также не проявили политической сознательности, а в некоторых случаях «крестьянские настроения» среди них были не менее активны.

5. Кампания по хлебозаготовкам обнаружила целый ряд недочетов в области строительства армии, проявившихся прежде всего в вопросах: комплектования армии в целом и полковых школ в частности; материально-бытового обслуживания частей; в отрыве начсостава от рядового состава; недостаточной связи кадров тердивизий с переменным составом. Не менее серьезные недочеты выявились и в работе партполитаппарата — несвоевременное, медленное и неглубокое реагирование, растерянность. Наиболее тревожным явлением было отмечено проявление паникерства и КН самими партийцами.

В заключении «справки» содержались слишком оптимистические выводы и надежды: об овладении ситуацией с КН, об убыли КН и их сохранении лишь в связи с отдельными извращениями. Завершалась «справка» словами: «Выводы из данной кампании, таким образом, сделаны, и необходимо их лишь провести в жизнь»³³.

Однако менее оптимистичным в своих выводах о состоянии армии и развитии КН в ней были органы ОГПУ, которые также отслеживали политико-моральное состояние Красной армии. Опубликованные документы свидетельствуют о том, что именно ОО ОГПУ был первым зафиксировавшим тенденцию к повышению КН в армии. В докладной записке, подписанной зам. начальника Особого отдела ОГПУ Я. К. Ольским и посланной 24 января 1928 г. по указанию Г. Г. Ягоды на имя К. Е. Ворошилова и А. С. Бубнова, отмечалось: «Начиная с осени 1927 года в армии замечается некоторый рост крестьянских настроений, каковые, по данным ОО ОГПУ, за последнее время значительно усилились. Особенно сильный толчок этим настроениям дали последние мероприятия, связанные с усилением хлебозаготовок»³⁴. Приводя примеры отдельных высказываний и случаев агитации, осо-

бенно за «крестьянские союзы», ОО ОГПУ возлагал ответственность за усиление КН на армейские политорганы и парторганизации, которые своей «недостаточной деятельностью» создают «благоприятную почву для усиления крестьянских настроений». Такое обвинение со стороны ОГПУ не могло порадовать ни Ворошилова, ни Бубнова; оно могло стать причиной серьезных последствий как для армии в целом, так и для военного руководства в частности. В приводимой записке ОО ОГПУ было обращено внимание еще на одну острейшую тенденцию в армии — «обострение антагонизма между крестьянскими и рабочими слоями красноармейцев».

В дальнейшем органы ОГПУ продолжали информировать руководство НКВМ о своих наблюдениях и выводах в отношении состояния армии. Так, 2 апреля 1928 г. в адрес К. Е. Ворошилова, И. С. Уншлихта, а также в ПУ РККА (И. Е. Славину) была направлена новая сводка «Настроения в РККА в связи с кампаниями по хлебозаготовкам, самообложению и размещению крестьянского займа». Подтверждая свои предыдущие выводы, ОО ОГПУ в отличие от армейских политработников был более реалистичным во взглядах на будущее: «Несмотря на достигнутый в основном перелом в настроениях, наличие в весьма широких размерах крестьянских настроений в армии на ближайшее время будет сохраняться и требует к себе особого внимания»³⁵.

Отметим, что своевременное информирование руководства ОО ОГПУ о настроениях в армии заставило военное ведомство не только зафиксировать тревожные тенденции (в виде резолюции упоминаемого нами совещания начальников политуправлений), но, что крайне важно, разработать механизм систематической фиксации негативных явлений в армии со стороны различных военных органов — как политических, так и судебных.

В мае 1928 г. Военной прокуратурой Верховного Суда СССР был подготовлен обзор «Об антисоветских настроениях и антисоветской деятельности в РККА за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г.». Авторы обзора в лице пом. прокурора Верховного Суда СССР по Военной прокуратуре Савицкого отмечали: «Ввиду отсутствия до настоящего времени систематического и тщательного изучения антисоветских настроений и антисоветской деятельности в РККА, а также ввиду того, что большинство материалов, относящихся к данному вопросу, идет по линии ОГПУ и иногда неизвестно Военной прокуратуре, настоящий обзор нельзя считать исчерпывающим. Однако общую картину, даваемую обзором, можно считать соответствующей действительному положению»³⁶. Основное внимание в обзоре было уделено характеристике деятельности «явно контрреволюционных организаций и отдельных лиц, поскольку таковая проникает в РККА». Кроме того, в нем содержался анализ «потенциально контрреволюционных настроений и процессов среди военнослужащих РККА, в кото-

рых хотя и отсутствуют ясно выраженные элементы контрреволюционности, но имеются зачатки, могущие при благоприятных условиях вырасти в прямые контрреволюционные выступления».

Основные выводы обзора говорили о следующем.

«1. Подлинно антисоветские группировки имеют в РККА незначительное распределение, причем в большинстве этих группировок преобладают анархистские идеи.

2. Большинство так называемых антисоветских группировок носит бузотерский характер и возникает на почве недовольства условиями службы и быта РККА. Группировки эти, однако, весьма восприимчивы к антисоветским идеям и настроениям, почему их изучению и ликвидации должно быть уделено большое внимание.

3. Организаторами, вдохновителями и руководителями группировок иногда выступают члены ВКП(б) и члены ВЛКСМ, а еще чаще бывшие члены ВКП(б) и бывшие курсанты, отчисленные от ВУЗов.

4. Участниками группировок обычно являются недисциплинированные и обиженные элементы (неоднократно подвергающиеся дисциплинарным взысканиям, отбывающие дисциплинарный арест, отчисленные от школы, и др.).

5. Подавляющее большинство группировок никаких связей с контрреволюционными организациями не имело.

6. Некоторое распространение в РККА имеют индивидуальные антисоветские настроения, причем характер этих настроений весьма разнообразен: явно контрреволюционные, шовинизм, антисоветизм, уравнительность и др. В подлинно антисоветских настроениях преобладающими являются анархические настроения.

7. Особое внимание необходимо обратить на случаи шовинизма и антисемитизма. Эти настроения очень часто имеют злостный характер и грозят вылиться в погромную агитацию. Характерно, что шовинистическим и антисемитским настроениям подвержена часть одногодичников, культурный уровень которых в среднем выше культурного уровня остальных красноармейцев.

8. Источниками антисоветских настроений в истекшем году были: а) обострение международных отношений и внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б); б) недочеты в условиях службы и быта в РККА; в) недовольство дисциплиной и поведением начсостава; д) недочеты в области льгот и обеспечения военнослужащих и их семей.

9. В отдельных случаях распространителями антисоветских настроений являлись лица начсостава, социально чуждые и враждебные советской власти.

10. В некоторых случаях не было борьбы с антисоветскими настроениями и их разоблачения со стороны политсостава.

11. Необходимо более тщательное и всестороннее изучение антисоветских настроений в РККА (характер настроений, форма проявления,

общие и непосредственные причины, социальный, партийный, должностной и проч. состав носителей этих настроений и т. п.).

12. В связи с кампаниями по хлебозаготовкам, самообложению, распространению крестьянского займа и др. заметен рост “крестьянских настроений”, главным образом у зажиточных и середняцких элементов. Имевшиеся при проведении указанных кампаний извращения весьма болезненно воспринимались красноармейцами. Имеют также некоторое распространение налоговые настроения и настроения “ревности” к рабочему классу, причем эти последние настроения особенно распространены в частях, расположенных в промышленных центрах (Ленинград).

13. Наибольшее распространение имеют настроения недовольства условиями службы и быта в РККА, причем эти настроения иногда сплетаются с “крестьянскими настроениями”, а иногда переходят в антисоветские настроения.

14. Носителями настроений недовольства условиями службы и быта являются почти исключительно военнослужащие рядового состава.

15. Объектами недовольства являются главным образом недостатки снабжения и деятельность начсостава, причем в отношении последнего недовольства обычно принимают весьма обостренные формы и готовы вылиться при благоприятных условиях в прямые террористические выступления против начсостава.

16. Значительная часть недовольства против методов и содержания политработы и объясняется тем, что в некоторых случаях политзанятия принимают казенный характер и не удовлетворяют запросов красноармейцев.

17. Источниками недовольства являются:

а) действительные недочеты в материальном положении рядового состава;

б) большое количество случаев невнимательного, безразличного, а подчас издевательски грубого отношения начсостава к рядовому составу, отсутствие между ними во многих случаях товарищеских отношений, случаи подмены сознательной и активной дисциплины формальной дисциплиной, вследствие чего происходит отчуждение начсостава от рядового состава. Эти отрицательные явления дают вместе с тем материал для антисоветской агитации и пропаганды;

в) наличие среди рядового состава элементов, отрицающих всякую дисциплину, деклассированных, разложившихся.

18. Настроения недовольства требуют дальнейшего тщательного и всестороннего изучения, причем внимание должно быть обращено как на обязательные, так и на субъективные источники недовольства.

19. Влияние сектантства в РККА совершенно незначительно. Однако вопрос этот изучен очень мало, и изучению его в дальнейшем, особенно

в местностях, где распространено сектантство, надлежит уделить достаточно внимания».

К лету 1928 г. ситуация в армии продолжала оставаться напряженной. Июнь принес новый «прилив» КН в частях и «нажим» деревни на армию. В связи с этим вопрос о политико-моральном состоянии РККА стал предметом пристального внимания не только политического руководства армии, но и более высокого уровня. 22 июня 1928 г. этот вопрос был обсужден на расширенном заседании РВС СССР, принявшем в итоге соответствующее постановление РВС СССР. В нем были зафиксированы все явления, отмечаемые в информационных материалах ПУ РККА. В постановлении от 27 июня 1928 г. «О политико-моральном состоянии РККА» наряду с положительными результатами, достигнутыми с начала военной реформы 1924–1925 гг., указывались и трудности, «отражающиеся» на строительстве и состоянии Красной армии и «неизбежно сопровождающие» рост и укрепление социализма в стране. К таким «трудностям» и «противоречиям» были отнесены хлебозаготовительные затруднения, а также активность кулацкой части крестьянства. Отдельный пункт постановления указывал на рост КН в армии. При этом отмечалось, что «нынешние КН в казарме характеризуются не только своей остротой, но и тем, что они будут иметь более или менее длительный характер, ибо в настоящее время мы вступили в такой период, который характеризуется усилением нашего наступления на частнокапиталистические элементы в деревне... и связанным с этим повышением активности враждебных пролетарской диктатуре классов и групп населения в обстановке неизбежных затруднений текущего периода»³⁷.

Дальнейшим шагом военного руководства с целью стабилизации ситуации в армии стало принятие решения об изъятии из армейских рядов социально чуждых элементов. Не вдаваясь в подробности проведения этой акции, о чем будет сказано далее отдельно, приведем только несколько итоговых показателей, свидетельствующих о масштабе работы. В мае 1929 г. ПУ РККА, подводя итоги выполнения постановления РВС СССР от 27 июня 1928 г., подготовила соответствующую справку. В ней содержались цифры «изъятых» по некоторым округам: ЛВО — 412 человек (за январь–май 1929 г.), по БВО — 1329 человек (с 15 ноября 1928 г. по 1 июня 1929 г.), по САВО — 177 человек (с 1 июня 1928 г. по 1 мая 1929 г.)³⁸. Безусловно, факт принятия подобного директивного решения был явным свидетельством неблагоприятной ситуации в армии из-за изменения политики партии в деревне.

С июля 1928 г. ПУ РККА вновь возвращается к составлению информационных сводок-обзоров о КН, продолжая начатую весной работу по их изучению. Появившиеся новые сводки имели общий заголовок «*Крестьянские настроения в РККА*» и нумерацию. С июля по декабрь 1928 г. ПУ РККА было подготовлено семь таких сводок

(№ 2–8). Скорее всего, первые две сводки, подготовленные ПУ РККА весной 1928 г., были учтены за № 1, так как сводки под таким номером в соответствующих делах не выявлено. Важно отметить, что список рассылки сводок-обзоров составлял 26 адресатов, среди которых были руководящие лица государства — И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, Г. Г. Ягода и др.

Форма и принципы составления сводок оставались неизменными. Между собой они отличались внутренним наполнением и разбивкой на тематические блоки. Зачастую названия этих внутренних разделов и подразделов настолько образно раскрывали их содержание, что достаточно привести их перечень, чтобы иметь представление о содержании сводок.

Обзор-сводка № 2 от 2 июля 1928 г. — 1) новый прилив КН в частях, «нажим» деревни на Красную армию; 2) политические настроения красноармейцев — подразделы: а) антисоветская активность зажиточных; б) настроения середняцкой массы красноармейцев; в) беднота против притязаний зажиточных, но боязнь голода порождает колебания; г) отрицательное влияние на красноармейцев непосредственного общения с деревней и городским населением; д) влияние красноармейцев, возвращающихся из отпусков; е) возрождение недовольства местными организациями, обострение ревности к рабочему классу; ж) болезненные явления внутри страны и приезд падишаха увязывается красноармейцами с мероприятиями партии в деревне; з) отражение в казарме классового расслоения деревни; 3) размах и качество политической работы вокруг КН.

Обзор-сводка № 3 от 14 июля 1928 г.: 1) дальнейшее усиление КН в частях; 2) апелляция деревни к Красной армии; 3) усиление кулацкой антисоветской агитации в армии и извне; 4) реагирование отдельных групп красноармейцев и начсостава на ХЗ; 5) реагирование красноармейцев на новый с/х налог; 6) реагирование политаппарата и парторганизаций на КН красноармейцев.

Обзор-сводка № 4 от 28 июля 1928 г.: 1) влияние деревни на армию; 2) настроения красноармейцев; 3) реагирование отдельных социальных групп; 4) «куда девался хлеб»; 5) отношение красноармейцев к «разъяснительной работе»; 6) реагирование коммунистов и комсомольцев; 7) отношение красноармейцев к новому с/х налогу.

Обзор-сводка № 5 от 3 сентября 1928 г.: 1) приток писем с жалобами из деревни сократился. Острота КН уменьшается; 2) реагирование красноармейцев на решения июльского пленума ЦК ВКП(б); 3) отклики красноармейцев на новый с/х налог; 4) КН и партполитработа.

Обзор-сводка № 6 от 3 октября 1928 г.: 1) отношение красноармейцев к новому с/х налогу; 2) настроения красноармейцев и ХЗ; 3) отношение красноармейцев к колхозному движению; 4) о «крестьянских настроениях» среди рабочих; 5) КН и партийные организации.

Обзор-сводка № 7 от 22 октября 1928 г.: 1) отношение красноармейцев к новому с/х налогу; 2) настроения красноармейцев и ХЗ; 3) решения июльского пленума ЦК ВКП(б) и парторганизации частей; 4) «крестьянские настроения» и политаппарат.

Обзор-сводка № 8 от 19 декабря 1928 г.: 1) отношение к хозяйственной политике партии; 2) отношение к коллективизации деревни; 3) сельхозналог; 4) ревность к бедноте и к рабочему классу; 5) льготные настроения; 6) «крестьянские настроения» и политаппарат; 7) «крестьянские настроения» в парторганизации и комсомоле³⁹.

Даже простое перечисление разделов сводок позволяет выделить основные вопросы, находящиеся в центре внимания политорганов, так или иначе связанных с КН в армии. Это прежде всего:

содержание КН — сводка № 2, раздел 2, а также № 3 (3), 4 (2); обратим внимание на кричащий раздел «Куда девался хлеб» — № 4 (4);

тенденция развития КН — «приливы» и «уменьшение остро-ты» — № 2 (1), 3 (1), 5 (1);

апелляция деревни к армии — № 3 (2), 4 (1);

реагирование различных социальных групп в армии — № 2 (2), 3 (4), 4 (3), в том числе отношение рабочих-красноармейцев — № 6 (4), 8 (4); обращает на себя внимание раздел сводки № 8 (4) — «Ревность к бедноте и к рабочему классу»;

антисоветская агитация в армии — № 3 (3);

сельхозналог — № 3 (5), 4 (7), 5 (3), 6 (1), 7 (1), 8 (3);

льготные настроения — № 8 (5);

реакция на ХЗ — № 3 (4), 4 (4), 6 (2), 7 (2);

отношение к хозяйственной политике — № 5 (2), 7 (3), 8 (1);

отношение к колхозному движению — № 6 (3), 8 (2);

политическая работа в отношении КН — № 2 (3), 4 (5), 5 (4), 8 (6);

реакция политаппарата на КН — № 3 (6), 4 (6), 6 (5), 7 (4), 8 (6 и 7).

Основной вывод, вытекающий из приведенного нами перечня вопросов, освещаемых в сводках, — КН в армии не ослабевали и во второй половине 1928 г., продолжая оставаться предметом пристального внимания политического руководства армии. Более того, уже первый раздел сводки № 2 говорит о «новом приливе» КН в частях и «нажиге» деревни на армию. Опубликованные (к сожалению, частично) тексты сводок позволяют сделать второй важнейший вывод — деревня продолжала рассматривать армию как объект апелляции и средство воздействия на власть. Среди причин, вызывающих эти явления, указывались «новое усиление темпа ХЗ, трудности хлебоснабжения города и деревни, а также перспективы неурожая озимых хлебов в отдельных районах»⁴⁰. В свою очередь, «нажим» деревни на армию и усиление притока «панических» писем принес в армию новые жалобы «на извращения в методах проведения хлебазаготовок, самообложение и распространения крестьянского займа, на голод, на очереди за

хлебом, на отпуск такового по ограниченным нормам». По-прежнему деревня жаловалась, что «все до фунта забирают», что «облигации навязывают самым насильственным образом», что «озимые померзли, будет голод»⁴¹. В сводках отмечалось усиление притока писем из *разных районов СССР* с жалобами на отсутствие хлеба в деревне: «Живем совершенно без хлеба, едим суррогат, умираем с голоду. На рынке хлеб продается только зажиточной частью и втридорога...»; «Хлеба нет ни ярового, ни озимого...»; «Стоят толпами около кооперации богатые, бедные, русские, евреи...»; «Сидим голодные, как собаки...»; «У нас в гор. Верхнеуральске ужас суррогат, все стоят в затылок и ждут килограмм хлеба на семью...»; «Мы, твои родители и твои дети, через 2–3 недели будем умирать с голоду. Поспешите выхлопотать нам бумагу, чтобы дали нам хлеба, чтобы не допустить нас до гибели. 21-й год надвигается...»⁴²

Если в первых весенних сводках отмечались со стороны деревни только угрозы выступлений, то к лету на смену угрозам пришли сообщения и о «царящей большой злобе» у крестьян по отношению к коммунистам, и о женских бунтах, и о восстаниях: «В селе Красинском было восстание, что теперь всех восставших отправили неизвестно куда и что такие вспышки бывают теперь часто...»; «Бабы собираются, идут разбивать амбары и лавки и забирают муку...»; «Слышно по народу, что ездил отбирать хлеб в поселок, вышли бабы, кто с вилами, кто с лопатами и не дали хлеб...»; «Пригнали к нам пять человек выгрести хлеб, вступились красноармейки-бабы, этот хлеб отстояли, а мужики были на изготовке...»⁴³.

Мнение политорганов в отношении подобных писем было однозначно: «Значительная часть писем, идущих из деревни, составлена, несомненно, под большим влиянием кулацкой агитации в деревне. Во многих письмах описываемые факты намеренно раздуты, с прямым расчетом — отрицательно воздействовать на личный состав частей»; «В письмах сообщается масса тревожных и иногда явно преувеличенных, ложных и провокационных фактов»; «Уменьшилось количество писем из деревни, отрицательно освещающих этот вопрос. К тому же красноармейцы уже не так болезненно реагируют на эти письма, так как в частях имелось очень много фактов, когда после проверки правильности содержания писем оказывалось, что они ложны, исходили в большинстве случаев от зажиточной и кулацкой части деревни, спекулирующей на хлебных затруднениях. К этим письмам красноармейцы теперь относятся с осторожностью, а иногда и с недоверием»⁴⁴.

И хотя подобные выводы зачастую диктовались политической ситуацией, однако примеры «преувеличенных слухов», которыми деревня апеллировала к армии, призывая ее «вмешаться», имели место быть. Так, например, в сообщении политотдела УВО приводилась выдержка из письма: «Сейчас в г. Балте бабы разбили лавки, а милиция потребовала полк солдат. Солдаты приехали, посмотрели, разобрались с делом,

сложили ружья в козлы и сказали: “Дайте им хлеба”»⁴⁵. В настоящем случае мы видим сочетание действительности и желаемого. Солдаты могли приехать на усмирение «бунта», но маловероятны их дальнейшие действия.

Наряду «со сравнительно невинными письмами», содержащими описание жизни деревни и конкретных примеров «недовольств» и взывающими о помощи: «Как вы есть Красная Армия, то вся надежда на вас. Вы наши помощники, вы должны нас защищать (от притеснений местных властей при хлебозаготовках)...», в армию приходили письма-воззвания, письма-обращения, наполненные «контрреволюционными» лозунгами. Среди них были и такие: «Товарищи красноармейцы, добивайтесь крестьянского союза, теперь можно жить только закланному пролетариату, требуйте крестьянского союза, хотя коммунисты и не разрешают этого»⁴⁶.

Сводки по-прежнему фиксировали усиление противоречия между городом и деревней, отражавшееся и на армейской среде: «Местная власть ко всему относится халатно, а город и внимания не обращает, смеется...»; «Рабочий-сезонник, подвыпивший, простояв в очереди, натолкнулся на нескольких красноармейцев и говорил: “Что вы смотрите, хлеба не достал, смотрите, как рабочему живется, ваших батек грабят”...»⁴⁷.

Как новое явление было отмечено сокрытие красноармейцами от лиц начсостава и политруков входящих из деревни писем, «очевидно, из боязни репрессий по отношению к авторам этих писем».

Обращает на себя внимание, что из семи составленных ПУ РККА за 1928 г. сводок три датируются июлем. Столь повышенное внимание к июлю месяцу было не случайным. Политорганы ждали реакции армии на состоявшийся в июле пленум ЦК ВКП(б), на котором продолжилась борьба «за деревню» между И. В. Сталиным и Н. И. Бухариным и их сторонниками. Отклики армии на решения июльского пленума, официально осудившего использование чрезвычайных методов при проведении ХЗ кампании, присутствуют в осенних сводках ПУ РККА (сводка № 5 от 3 сентября и № 6 от 3 октября). Важнейшим выводом для армейского и политического руководства стало — «Приток писем с жалобами из деревни сократился. Острота крестьянских настроений уменьшается». Так, например, в сводке № 5 говорилось: «Августовские политдонесения политуправлений округов говорят о заметном сокращении притока в части писем из деревни с жалобами на хлебозаготовки и на применение чрезвычайных мер. Это, по-видимому, связано с окончанием хлебозаготовительного года, а также с решением июльского пленума ЦК об отмене чрезвычайных мер. Все [э]то начинает оказывать благотворное влияние на настроения крестьян-красноармейцев, и «крестьянские настроения» в частях в последнее время начинают несколько терять ту остроту, которую они имели еще только 1–2 месяца

тому назад»; «В результате популяризации решений пленума ЦК части 4 кавалерийской бригады отмечают значительное снижение резкости и массовости настроений, вызванных хлебными затруднениями»⁴⁸.

Наряду с общей тенденцией уменьшения остроты КН в сводках отмечалось «заострение внимания» красноармейских масс (особенно в БВО, СКВО, МВО) на вопросах, связанных с проведением с/х налога. Действительно, практически во всех рассматриваемых нами сводках ПУ РККА с/х налог выделен в самостоятельный раздел. Об актуальности этого вопроса говорит также и тот факт, что 3 сентября 1928 г. ПУ РККА была принята секретная директива «О налоговых настроениях», которая предписывала проведение среди красноармейцев «правильного разъяснения» единого с/х налога и «всей налоговой политики советского правительства». Директива призывала политорганы и парторганизации и весь начсостав быть готовыми к повторению настроений, подобных настроениям, связанным с хлебными затруднениями»⁴⁹.

Закономерно, что проведение сельхозналоговой кампании в деревне повысили интерес красноармейцев к разного рода льготам по снижению с/х налога, тем более что на них имели право так называемые «красноармейские» хозяйства, среди членов семей которых были красноармейцы. В декабрьской сводке (№ 8) «льготным настроениям» был отведен самостоятельный раздел, в котором отмечалось «оживление» подобных настроений, особенно в связи с приходом молодого пополнения в части: «Молодняк спешит получить удостоверения для своих родных на предмет получения льгот»⁵⁰.

В разбираемых сводках ПУ РККА появляются и новые вопросы — отношение красноармейцев к коллективизации. К концу 1928 г. процесс коллективизации деревни только начинал наращивать темпы, являясь ключевым вопросом «нового курса». Поэтому так важно было властям узнать, как к этому процессу относится армия, а точнее, молодые солдаты, которым предстояло работать в этих колхозах. Вывод не был утешительным для властей. Отношение к колхозам характеризовалось как «нездоровое». Наиболее резкое отношение было отмечено среди зажиточной и крепкой части середняков — «недоверчивое и во многих случаях враждебное к развертыванию колхозов и совхозов». Беднота, напротив, одобряла эту политику, «видя в ней единственный выход для улучшения собственного положения»⁵¹.

К концу 1928 г. общие политические настроения бедняцкой части и основной массы середняков красноармейцев «складывались в пользу Советской власти». Даже прибытие в части молодняка из нового призыва не изменило радикально этих настроений. Причина тому, как отмечали авторы сводок, — в приходящих из деревни сведениях — об улучшении работы местных организаций, в частности кредитной; об ослаблении в деревне товарного голода и даже наблюдающемся в ряде случаев удешевлении товаров; об улучшении работы коопера-

ции. В декабрьской сводке отмечалось наличие «резких» КН среди молодняка, который не понимает хозяйственной политики в деревне, жалуется на быстрый темп индустриализации страны, на невнимание правительства к развитию индивидуальных хозяйств, на низкие цены на хлеб. Несмотря на все это, вывод политорганов в целом был оптимистичен — «это не может изменить позитивные настроения в армии»⁵².

1929 г.

Начало 1929 г., видимо, принесло успокоение в ряды армейских политорганов и затишье в их работу по анализу КН в армии. Только этим можно объяснить отсутствие подобных информационных сводок в первой половине года. Это обстоятельство удивляет, так как в январе 1929 г. было принято совместное постановление СНК и Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках», которое признавало «правильным» и «целесообразным» проведенное НКТоргом повышение хлебозаготовительных заданий в районах Поволжья, Башкирии, на Урале, в Сибири и Казахстане⁵³. Увеличение годового плана централизованных заготовок зерновых хлебов для ряда важнейших районов страны не могло не вызвать «прилива» КН в армии, ведь реакция деревни на это решение властей была однозначным. Сводки и сообщения соответствующих органов и представителей ОГПУ свидетельствовали о массовых выступлениях крестьян и других формах крестьянского сопротивления, особенно в Сибири⁵⁴.

ОГПУ в отличие от ПУ РККА продолжало изучать и информировать власть о настроениях в армии. Так, например, в сводке ОО ОГПУ «Основные моменты отрицательных настроений РККА» по состоянию на 1 мая 1929 г. важнейшими из них назывались: «1) Дальнейший рост и обострение так называемых “крестьянских настроений”; 2) По-прежнему высокая активность всего антисоветского элемента, проникшего в армию (а/с выступления, антисемитизм, религиозная агитация, работа троцкистов и проч. к/р групп); 3) В ряде частей усиление недоверчивого отношения красноармейцев к разъяснениям начсостава по вопросам внутреннего положения страны; 4) Сохраняется оторванность части начсостава от красноармейцев, бездушное отношение к их нуждам и извращение дисциплинарной практики; 5) По некоторым округам увеличилось число правонарушений и ухудшилось общее состояние дисциплины, особенно по терчастям; 6) За последнее время имел место опять ряд случаев очковирательства со стороны командиров частей»⁵⁵.

Как видим, КН занимают первое место в общем достаточно большом списке. В этой же сводке отмечалось, что «новым в т. н. “крестьянских настроениях” является то, что ими за последнее время охвачена в большей мере, чем прежде, середняцкая прослойка, особенно в тердивизи-

ях». С присущей особым отделам точностью фиксировались не только сами высказывания, но и количество этих высказываний, позволяющие увидеть в численном эквиваленте рост «недовольства по крестьянским вопросам». По данным ОО ОГПУ было зарегистрировано случаев высказывания недовольства: в ЛВО: в феврале с.г. — 401, в марте — 1 187; в БВО: в январе — 528, в марте — 561, в УВО: в январе — 1 142, в марте — 1 444, в СКВО: в марте — 954, в апреле — 1 229, в СИБВО: в феврале — 1 667, в марте — 2 014⁵⁶. При этом отмечалось: «Поступающие в адреса кр-цев письма из деревень получают из месяца в месяц более резкий характер, особенно идущие из производящих районов. Апелляция крестьян к Красной Армии, призывы стать “на защиту крестьянства” принимает в письмах более массовый, чем прежде, характер, причем подобные призывы принимают форму систематической к/р работы верхушки деревни»⁵⁷.

Приводимые в сводке примеры из деревенских писем говорили о том, что деревня продолжает рассчитывать на помощь армии: «ПРИВО: “Советская власть есть бич народа, я бы предложил Вам, красноармейцам, поднять вопрос на собрании о том, чтобы не морили людей голодом и не издевались над народом. Вам непременно нужно поднимать вопрос на собраниях, потому что Вы из деревни и знаете нужды деревни...”. ККА: “Это не жизнь пошла, а погибель всему миру. По всему видно, что придется пропадать, хоть бы вы там говорили. Вам вольнее говорить, чем нам. Говорите своему начальству, почему это делается. Поднимайте вопрос, иначе мы все до единого человека погибнем...”. СИБВО: “Не дают нам даже иголки потому, что не даем хлеб в кооператив, а хлеба у нас и для себя нет. За что Вы служите и кого защищаете; будет время, самый низкий середняк перейдет в кулака. Как вам политруки напевают о новой жизни, люди, говорят, что сейчас хорошо стало жить...”; “Прочитай всей роте, напишу про крестьянскую жизнь. Нажим местных властей на крестьян большой, хлеб гонят беспощадно. Нет интереса, пахать, надо бросать крестьянство...”. УВО: “Сообщи своим командирам, что они совершенно забыли о крестьянстве. Все красноармейцы — крестьяне, и если крестьянство пойдет против Соввласти, то и армия пойдет против нее. Дай прочитать своим командирам, пусть знают, что делается в деревне...”; “Пусть она провалится, такая власть, долго ли еще придется терпеть, когда же всему придет конец, а вы еще служите и защищаете эту власть. Как получишь письмо, всем товарищам расскажи, какое обращение с нами, и вы там подумайте, можно ли жить так дальше...”. По поводу последнего высказывания говорилось, что в «указанной дивизии аналогичных документов было получено — 18»⁵⁸.

Итоговый вывод ОО ОГПУ в отношении борьбы с КН в армии был нелицеприятный для военного руководства — «работа политаппарата по-прежнему (выделение наше. — Н. Т.) в ряде частей ведется недоста-

точно интенсивно. За последнее время отмечается рост числа случаев, когда под давлением красноармейской массы по конкретным вопросам хоззатруднений (карточки, нехватка товаров и проч.) политаппарат и начсостав фактически соглашались с мнением выступающих, сводя свою роль только к подбору смягчающих эти факты объяснений, сваливая вину подчас на местный аппарат, а иногда просто уклоняясь от ответов»⁵⁹.

Напомним, что в сводке ОО ОГПУ было отмечено, что «КН за последнее время охвачена в большей мере, чем прежде, середняцкая прослойка, особенно в тердивизиях», причем об этом говорилось как о «новом» явлении. Действительно, «острота» КН среди этой категории рядового состава была намного сильнее, чем в кадровых частях, что вполне объяснимо. Отрыв переменников от деревенской жизни составлял всего несколько месяцев, и жизнь на сборах не могла заслонить у переменного состава тех проблем, которыми жила деревня. Еще в более ранних сводках ПУ РККА отмечалось более острое реагирование красноармейцев переменного состава территориальных частей на события в деревне. О размахе КН среди этой категории красноармейцев свидетельствует тот факт, что перед предстоящим весенним призывом на сборы был принят соответствующий циркуляр ПУ РККА (от 4 апреля 1929 г.), в котором указывалось на «неизбежность» усиления КН на сборах⁶⁰.

Видимо, предупреждения об усилении КН в территориальных частях оказались правильными, так как 1 июня 1929 г. на имя К. Е. Ворошилова поступило служебное письмо от Г. Г. Ягоды, который, будучи зам. начальника ОГПУ, являлся одновременно начальником ОО ОГПУ. В этом письме говорилось: «В 1926 году ОГПУ ставило перед РВС СССР вопрос о наиболее слабых местах терсистемы РККА. В течение последующих лет терсистема, как и РККА в целом, значительно укрепились, чему особенно способствовало численное усиление кадров в наиболее слабых тердивизиях. Тщательное изучение материалов прошедшего после 1926 года периода, особенно в связи с ростом в армии так называемых “крестьянских настроений” и работы зарубежных к/р организаций и внутренней к/р, — приводят ОГПУ к убеждению, что терсистема на сегодняшний день все еще имеет ряд слабых мест, для изжития коих требуются мероприятия РВС СССР». В отношении политических настроений указывалось: «Настроения кр-цев в терчастях в большинстве случаев хуже, чем в кадровых, и первые более подвержены антисоветским влияниям, что особенно ярко выявилось при проведении перевыборов советов в местах расположения тердивизий, а также по т. н. “крестьянским настроениям”. Крестьянские настроения в терчастях носят более массовый характер, чем в кадровых частях. Деревенская верхушка пытается использовать армию для борьбы с Соввластью и защиты своих интересов путем соответствующей

обработки переменного состава. Нередко в районах комплектования переменники втягиваются в местные кулацкие группировки, противодействующие мероприятиям Соввласти в деревне»⁶¹.

ОГПУ не ограничилось только констатацией фактов. Наряду с выводами были и конкретные предложения, в том числе по усилению кадров начсостава территориальных частей, по пересмотру принципов комплектования этих частей и пр.: «*Выводы и предложения*: 1) Особенности терсистемы требуют, как одно из неперменных условий, особо крепкого, политически выдержанного кадра начсостава. Командование на местах до сих пор этому вопросу уделяет совершенно недостаточное внимание. Надо, чтобы в терчасть направлялся бы лучший комполитсостав. 2) Неизбежность наличия в переменном составе тердивизий преобладающего % крестьян — требует особо серьезного внимания к социальному отбору при комплектовании кадровых красноармейцев. При отборе прослойки рабочих особое внимание должно быть уделено отбору промышленных рабочих, % каковых должен быть максимальным, во много сильнее, чем в кадровых дивизиях... 5) При чистке от социальночуждого элемента РККА из тердивизий были изъяты (в силу трудности выявления) не все подлежащие удалению из армии лица. Работа по их дальнейшему выявлению и удалению должна быть продолжена. Систематическое изучение социально политической физиономии переменников и чистка терчастей необходимы еще в силу тех социальных изменений, кои происходят в деревне за время пребывания переменников в части»⁶².

Дальнейшие шаги власти не ослабили ситуацию в деревне. Наоборот, принятые постановления по усилению ХЗ, в частности постановления СТО от 7 мая 1929 г. «О хлебозаготовках» и от 31 мая 1929 г. «О мерах к усилению хлебозаготовок в июле — августе 1929 г.», а также постановление СНК СССР от 21 июня 1929 г. «Об организации хлебозаготовок на 1929/30 г.» вновь обострили и без того напряженную ситуацию в деревне, заставляя последнюю использовать самые активные формы протеста⁶³. Ситуация в деревне не могла не отразиться на настроениях армии. Тем более что по данным ОО ОГПУ (по состоянию на 1 августа 1929 г.) рост недовольства не уменьшался. Более того, наряду с проявлениями отдельных недовольств ОО указывали на появление в армейской среде красноармейских группировок, недовольных хозяйственной политикой власти, что, безусловно, было более чем тревожным симптомом. «Случаев высказывания недовольства по крестьянским вопросам» было отмечено: в мае-июне-июле соответственно: *по ЛВО* — 1 274, 973, 706; *по УВО* — 1 542, 2 742, 1 974; *по СКВО* — 766, 1 802, 1 125; *по СибВО* — 2 863, 2 012 (показатели за июль по СибВО отсутствовали). При этом, как отмечалось в сводке, «большая активность кулацкой и зажиточной части выражается в увеличении числа а/с, к/р группировок, в большей части возглавляемых кулаками, усилении нажима на армию

через письма, ходяков и агитацию против пятилетки. Эти группировки ставят себе целью срыв разъяснительной работы политаппарата путем организованных выступлений на занятиях — обработка отдельных красноармейцев и пр. По данным за февраль—апрель ОО учтено 56 а/с красноармейских группировок с количеством 297 чел., в том числе 26 — младших командиров, из коих 23 [группировки] ликвидированы оперативным порядком с количеством 103 чел. За май—июль месяцы с.г. вновь выявлено по округам 70 а/с группировок, с количеством 362 участников, из коих 4 группировки состоят исключительно из младшего н/с (всего 24 человека). Из этих группировок ликвидировано 34 с количеством 158 человек»⁶⁴.

Отмеченный органами ОГПУ тревожный симптом по вовлечению в сферу КН комначсостава был также зафиксирован и политорганами Красной армии. Об этом свидетельствует отложившийся в материалах ПУ РККА обзор, датированный декабрем 1929 г. Обзор этот интересен не только постановкой вопроса, но и его дальнейшей судьбой. Подготовленный для официального информирования и подписанный начальником ПУ РККА Я. Б. Гамарником обзор имел первичный заголовок «Сращивание начсостава с классово враждебными элементами». Однако это название слишком кричаще обозначало проблему политических настроений начсостава. В связи с этим прежний заголовок был заменен на новый — «О подборе работников, посылаемых для работы в деревню». Но и этот камуфляж не смог прикрыть остроту описываемых явлений. В результате обзор, подготовленный для рассылки, в том числе и в округа, остался лежать в делах ПУ РККА с надписью на документе «Нач. ПУРа приказал сообщить, что рассылать обзор не будет. 2. 1. [19]30». Примеры сокрытия информации (даже сугубо служебной) пока единичны, и поэтому особенно интересно подробнее остановиться на тех зафиксированных явлениях, которые стали причиной засекречивания данного обзора⁶⁵.

Задача этого обзора заключалась в показе форм и средств, используемых армейскими политорганами для «непосредственного влияния Красной Армии на деревню». В их арсенале были две основных формы: *первая (заочная)*, предусматривающая посылку писем в деревню от имени красноармейцев с призывами поддержки действий власти; *вторая (очная)*, предусматривающая «массовое личное участие начсостава и красноармейцев в работе в деревне». Признавая последнюю форму наиболее эффективной и важной, политорганы уделяли ей большое внимание. Поэтому содержание обзора ПУ РККА было нацелено на анализ «подбора работников», посылаемых для работы в деревню. Основные требования политорганов к подобным лицам были: «Внимание всех работающих в деревне военнослужащих должно быть заострено на задаче выдержанного, активного, продуманного осуществления в деревне линии партии... Классовая непримиримость в

условиях обостряющейся классовой борьбы и упорного сопротивления капиталистических элементов является важнейшей задачей всех военнослужащих, ведущих работу в деревне». Особенно же большое значение придавалось «работе среди населения начальствующего состава территориальных частей в междусборовый период, в период работы с допризывниками и вневойсковиками». Именно поэтому так болезненно и тревожно была воспринята тенденция «сращивания» начсостава с «классово враждебными элементами деревни» — «когда наименее устойчивые элементы армейской парторганизации и начсостава попадают под влияние и даже сращиваются с кулацко-капиталистическими элементами деревни». В обзоре отмечалось, что «сращивание» имеет разные корни, не только родственные — «через своих родных, жен, знакомых», но и бытовые — «классово враждебные элементы опутывают того или иного неустойчивого командира или политработника выпивкой, угощением, предоставлением лучшей квартиры, уюта в деревенской обстановке, извлекая из этого для себя выгоду»⁶⁶.

Какова бы ни была причина взаимодействия начсостава с «классово враждебными элементами деревни», озабоченность политорганов прежде всего проявлялась в отношении политических настроений начсостава и поддержки, которую «враждебные элементы» получали от начсостава. В обзоре отмечалось: «Особенную остроту вопрос имеет в территориальных частях, где большое количество лиц начсостава выбрасывается в район комплектования для проведения межсборовой работы, краткосрочных сборов, допризывной подготовки, обучения вневойсковиков и т. д. Имеется целый ряд фактов связи начсостава с социально чуждыми элементами именно в междусборовый период... Все это оказывается возможным благодаря тому, что отдельные лица начсостава не только недооценивают (или не понимают) классовой борьбы в стране, не видят ее, не получают твердых директив проведения четкой классовой линии, но сами подвержены известным мелкобуржуазным колебаниям, классово индифферентны и неспособны проводить классово выдержанную линию». Примером тому в обзоре приводился факт, опубликованный в № 279 «Красной Звезды», когда член партии, нач. военно-хозяйственного довольствия артполка, приехав в отпуск в деревню, пользуясь авторитетом как военный работник, проводил «явно кулацкую работу (кричал, что хлеб брать можно только по согласию, что хлебозаготовки неправильны и т. д.)». Когда его привлекли к партоответственности, он утверждал, что «никаких кулаков и классовой борьбы в деревне нет»⁶⁷.

Пристального внимания политорганов заслуживали факты, когда кулаки пытались использовать начсостав в своих «классовых целях». В качестве яркого примера в обзоре приводился факт срыва хлебозаготовок в ЛВО (в районе 30-го стр. полка). Два ротных командира, Чернов и Питкевич, направленные для вневойсковой работы в деревню,

своим вмешательством в действия местных властей сорвали хлебозаготовки почти в целом районе. Приехав в деревню, они спросили у крестьян: «Где живут индивидуально обложенные?» Им указали «махрового кулака». Они пошли к нему ночевать. Кулак стал жаловаться на непосильный налог и хлебозаготовки. После ночной беседы оба командира пошли в сельсовет и стали проверять правильность обложения не только этого кулака, но и других зажиточных. В результате командиры заявили председателю сельсовета, что не следует раскулачивать кулаков. Весть о деятельности командиров быстро разнеслась по остальным деревням. В итоге крестьяне стали выжидать и приостановили подвоз хлеба. Действия командиров были оценены как «прямая контрреволюция», и они были арестованы. Видимо, подобных случаев было немало, иначе вопрос о подборе кадров в деревню не стал бы предметом самостоятельного обзора ПУ РККА. Вывод данного обзора был категоричным: «Этот случай свидетельствует о наличии серьезных недочетов в работе отдельных парторганизаций и политаппарата. Недостаточным вниманием и механическим подходом полковой парторганизации к выполнению этой ответственной задачи можно в значительной мере объяснить посылку на хлебозаготовки непроверенных, неподготовленных и слабо политически грамотных лиц, которые своими действиями играют на руку классовому врагу». Завершая обзор, его авторы очень четко определили значимость политических настроений в армии в свете «нового курса» в деревне: «Помощь Красной Армии социалистической переделке с/х будет действительной только тогда, когда она будет проникнута духом классовой настроенности и непримиримости к классовому врагу»⁶⁸.

К концу 1929 г., несмотря на описанные тревожные явления, в целом острога КН в армии в сравнении с 1928 г. снизилась. В сводке ПУ РККА о крестьянских настроениях от 26 октября 1929 г. говорилось: «1) Взросшая кулацкая активность в стране находит и в армии почву для своей агитации среди некоторой части середняков, настроившихся и колеблющихся под влиянием изъятия хлебных излишков у состоятельных слоев деревни. Тем не менее основная масса бедняцко-середняцких слоев все время противостоит кулацкой агитации и остается в основном политически здоровой. 2) Так называемые «крестьянские настроения» в армии в условиях обострения классовой борьбы в стране получают отчетливое кулацкое выражение, и по существу они уже превратились из расплывчатых «общекрестьянских» настроений в чисто кулацкие настроения (подчеркивания документа. — Н. Т.), отражающие в основном классовые интересы капиталистических элементов деревне»⁶⁹.

Выводы политорганов Красной армии подтверждал и ОО ОГПУ. В упоминаемой ранее сводке ОО ОГПУ говорилось: «В связи с окончанием в отдельных районах хлебозаготовительной кампании 1928–29 гг.

и поступлением в части сведений о благоприятном урожае по ряду округов отмечается снижение крестьянских настроений у основной (средняцко-бедняцкой) массы красноармейцев. Рост или стабильность этих настроений имеют место лишь в тех частях, кои укомплектованы главным образом из производных районов (Сибирь, бывш. Самарск. и Пензенск. губернии и т. д.), в коих последние месяцы еще производился нажим на хлебозаготовки. Кроме того, почти по всем округам можно видеть, что попутно с понижением крестьянских настроений в основной средняцко-бедняцкой прослойке мы имеем рост этих настроений среди кулаков и зажиточных, хотя по некоторым округам (например, УВО, ККА⁷⁰) зажиточная прослойка стала реже высказывать свое недовольство Соввластью, по-видимому, потому, что а/с разговоры не встречают больше прежней поддержки среди широкой красноармейской массы»⁷¹.

Произошедший перелом в настроениях крестьянской части армии в позитивную сторону, безусловно, был заслугой политорганов, которые смогли перестроить свою работу, сделать ее более эффективной. Хотя недочеты в этом направлении еще были немалые, и об этом говорили сами политорганы — «недостаточно четко и решительно ведется работа по разоблачению кулацкого характера КН, по освобождению колеблющейся части красноармейцев из-под влияния кулацкой агитации, по линии агитации за необходимость сдачи хлебных излишков середняками; недостаточное до сих пор изучение состава красноармейцев и их настроений, слабое информирование и инструктирование низовых работников по вопросам текущей политики и практики партии и Соввласти»⁷² — но результат был налицо.

1930 г.

1930 г. принес новые политические задачи, став годом сплошной коллективизации деревни и ликвидации кулачества как класса. Эти задачи были определены на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г.⁷³ В соответствии с ними была определена и работа политорганов армии. В директиве ПУ РККА от 12 декабря 1929 г. указывалось прежде всего на два основных направления — «обострение классово-борьбы в стране требуют неусыпной пролетарской бдительности в казарме» и «повысить роль армии как школы строителей социализма»⁷⁴. С развертыванием в общегосударственном масштабе практической работы по ликвидации кулачества («раскулачиванию») и созданию колхозов политорганы продолжали изучать и следить за настроениями армии, тем более что вовлечение ее в эти процессы шло достаточно активно.

Учитывая ошибки прошлых лет, ПУ РККА в начале 1930 г. послало своих сотрудников на места, в районы расположения территориальных дивизий, с целью изучения «реакции казармы на пово-

рот в политике партии». Среди регионов, подвергшихся изучению, были Северный Кавказ, Украина и Поволжье, в том числе Донской, Кубанский, Самарский, Сталинградский, Донецкий, Донецко-Шахтинский, Шевченковский и др. округа. По итогам этих поездок было создано совещание (26 февраля 1930 г.) под председательством Я. Б. Гамарника⁷⁵. Один из выступающих (Ильин), посетивший 7-ю территориальную дивизию, располагавшуюся на Украине (Черниговский, Роменский, Нежинский и Конотопский округа), так характеризовал настроение казармы в частях дивизии: «Чем сейчас интересуется казарма? Следует учитывать, что кулак и крепкий середняк, экспортник на Украине проявляют себя сейчас исключительно активно в направлении срыва наших задач. Выступают они примерно под такими лозунгами: “Коллективизация — это возврат к панщине”; “Государство опять хочет насадить помещиков, крестьян сделать крепостными”; “Кулаки такие же крестьяне, как и все”; “Кулаков теперь нет, кулака давно раскулачили, на селе есть лишь более крепкие крестьяне-труженики”; “Помогите, покончат с нами, а тогда и за середняка примутся”; “Обирают на селе, а нэпманов в городе не трогают”; “Середнячку государству невыгодно идти в колхозы вместе с беднотой”; “Бедняк и батрак ничего не дают, а середняк повинен сдавать все свое майно” и т. п. Это — выступления кулацкой части. Ведут такого порядка разговоры и переменники, ведутся они в казарме. По такой примерно линии идет и антисоветская работа в казарме»⁷⁶.

Характеризуя процессы, происходящие в казарме, и обобщая результаты своих бесед с красноармейцами, докладчик привел свои подсчеты: «Я имел возможность беседовать с личным составом дивизии, ко мне поступило на этих беседах около 1 500 красноармейских записок. Я их обработать не смог полностью, но вчерне обработал. Если взять эти записки, то в них вопросов организационного порядка — как будет проведена коллективизация, как ликвидировать кулака как класс — такого характера вопросов 43–45 %. Вопросы, в которых проявляется жалость к кулаку, забота о нем и его семье — 15 %. Недопонимание коллективизации отражено в 7 % записок, нежелание идти в колхозы — 4 %. Не был обойден вниманием и *младший начсостав*, который дал «примерно такую же картину: вопросов организационного порядка — 45 %, выражающих жалость к кулаку — 15 %, но зато вопросов недопонимания политики партии — всего 1 %. Вывод такой: 75 % вопросов более или менее деловых и здоровых, и только 25 % можно отнести к колебаниям».

Несколько иная картина настроений была дана в отношении вневоинской молодежи, т. е. тех, кто не прошел школу политического воспитания через армию: «Если сопоставить этот анализ с анализом характера вопросов, заданных вневоинскими, то тут мы имеем несколько иную картину. Вопросы такого порядка — “Что будет с тем,

кто категорически не пойдет в коллектив?», задано 26 % к общему количеству заданных вопросов. Вопросы, показывающих на жалость к кулаку, — до 24 %, т. е. здесь уже 50 % заданных вопросов говорят о крайне слабой работе, проведенной с вневойсковиками. Причем следующих 25 % вопросов следует отнести за счет такого рода вопросов: «Почему сейчас, а не раньше ликвидируют кулака как класс?»; «Чем вызваны продовольственные затруднения?»; «Будут ли приниматься в колхозы лишенцы по суду?»; «Как поступят с религиозно настроенными?» и т. п. И только 14 % вопросов затрагивают вопросы организационного порядка и справочные. То есть среди вневойсковиков мы имеем, грубо говоря, как раз обратную картину той, что характерна для кадрового состава дивизии. Из этой коротенькой цифровой характеристики можно сделать, пожалуй, близкий к действительности вывод и о состоянии настроений переменников, так как вневойсковики вряд ли чем от них отличаются»⁷⁷.

На совещании было уделено внимание и настроениям начсостава в связи с изменением политики партии в деревне. И хотя в целом вывод был позитивным — «начсостав в своей основной массе также правильно усвоил новый поворот в политике нашей страны», в то же время признавалось, что «в смысле выявления его настроений вокруг коллективизации и поворота в политике» это направление информационной работы политорганов является «наиболее слабым». При этом указывалось, что до сих пор нет точных данных у политорганов о наличии близкого родства или связи начсостава с конкретными социальными группами в деревне. Отмечалось также наличие попыток «некоторой части» начсостава «отмежеваться, спрятаться за спину политработников от непосредственного активного участия в деле разъяснения переменникам и красноармейцам новой политики партии». Необходимость усиления как общей, так и политической работы с начсоставом была признана важнейшей задачей политорганов и парторганизаций армии. Более того, на совещании прозвучали требования решительнее поставить вопрос «о примерности командира как военного и политического руководителя в деле коллективизации — командир не должен ждать, чтобы красноармейцы на него показывали пальцем»⁷⁸.

Более чем серьезным обстоятельством, отмеченным еще ранее органами ОГПУ, стала тенденция оформления и роста бедняцко-средняцких группировок в армии — «не кулацких, не верхушки, а вот именно бедняцко-средняцких» — и как следствие этого увеличение выступлений отдельных красноармейцев. Было подмечено, что причины появления подобных группировок вытекали первоначально из хозяйственно-бытовых вопросов, перерастающих затем в более серьезные недовольства. Таким образом, на первый взгляд безобидные неурядицы становились поводом формирования внутри армии политических группировок, в которые в результате объединялись лица, недовольные

политикой власти, в частности политикой ликвидации кулака как класса. Наиболее распространенным способом действий участников этих группировок («кулацких элементов в казарме») было высмеивание и критиканство записавшихся в колхозы.

В дальнейшем деятельность подобных группировок подавалась в информационных сводках ПУ РККА как «кулацкие настроения». Появление трудностей в колхозном строительстве и в первую очередь — возникающие «искривления» — вызывали обострение недовольств и усиление выступлений «кулацких элементов». Их основными доводами были: «коллективизируют насильно»; «коллективизация есть кабала, барщина и крепостное право»; «коллективы несут голод и гибель»; «за счет коллективов будут жить бедняки и лодыри»; «хозяйственному крестьянину коллективы не к чему и что надо развивать и поддерживать индивидуальное хозяйство»; «взяты непосильные темпы коллективизации»⁷⁹. Политорганы указывали, что наряду с агитацией против действий власти, в том числе в вопросах колхозного строительства, «кулацкие элементы» занимались распространением слухов и сеянием паники. Так, например, в отношении льгот для красноармейских хозяйств говорилось: «Льготы — это маневр, приманка, временная мера, которая скоро будет отобрана, которая не будет осуществлена»⁸⁰.

В первой половине 1930 г. основным лейтмотивом КН в армии являлись вопросы колхозного движения. Наряду с общей позитивной картиной этих настроений, характеризующихся как «здоровые», «одобряющие» и «поддерживающие», были и отрицательные моменты, проявляющиеся в виде «отдельных отрицательных настроений, неверных суждений, измышлений и кривотолков вокруг деревенской политики партии». При этом отмечалось, что позиция красноармейцев-середняков была осторожной и выжидательной. Они в большинстве своем «избегали высказывать свою точку зрения на поворот в политике партии (курс на сплошную коллективизацию), стали проявлять сомнения и колебания». Более того, наиболее распространенной темой их разговоров стало отношение партии к середняку в связи с политикой ликвидации кулачества как класса, как бы раскулачивание не задело и середняцкие хозяйства: «Не тронут ли раскулачиванием середняка»; «Не станут ли ликвидировать середняков»⁸¹.

К осени 1930 г. сводки политорганов армии фиксировали значительный рост «кулацкой агитации», и в связи с этим усиление «кулацких настроений» в частях, особенно на сборах территориальных дивизий. В сводке ПУ РККА «Обострение кулацких настроений в армии», датированной 8 сентября 1930 г., указывались следующие направления этих настроений: 1) агитация против колхозного строительства, 2) развертывание ХЗ, 3) товарные и продовольственные затруднения, 4) вопросы военной опасности⁸².

В отношении *колхозного строительства* отмечалось, что эти «настроения» достигли большой остроты, особенно среди красноармейцев-переменников, вышедших из колхозов: «Хоть зарежь, а в колхоз не пойду...»; «От имени вышедших из колхозов заявляем, что ни за что в колхозы не пойдём...».

Развертывание хлебозаготовок вновь усилило поток писем в армию «кулацкого характера с воплями о грабеже», с просьбами «защитить крестьянство, повернуть оружие против Советской власти». При этом отмечалось, что увеличилось и количество «прибытия в части кулацких ходоков из деревни». Ситуация напоминала 1928 г., когда отрицательные настроения в армии в связи с хлебозаготовками дали резкий рост. Приходящие письма из деревни взывали к красноармейцам: «Не успели собрать хлеб, а его уже отбирают...»; «В этом году крестьяне не дадут хлеб, они уже попробовали, как жить голодными...»; «Надо готовиться к срыву хлебозаготовок, добывать оружие, тайком бить представителей по хлебозаготовкам...»; «Дома берут и берут без конца, скорей бы сентябрь, приехать домой и перестрелять всех заправил...». Политорганы сообщали и о более тревожных симптомах: «Есть факты голосования против (и воздержания) резолюции на красноармейских собраниях по вопросу хлебозаготовок». Так, например, в 4-м горно-стрелковом полку 1-й дивизии (САВО) от голосования воздержались 10 чел. и 3 чел. — против, большинство из которых были «средняки и зажиточные — уральцы».

Товарные и продовольственные затруднения в деревне становились не только причиной обострения настроений личного состава армии, но и предметом «антисоветской агитации» в ее рядах. Товарный голод, рост цен на сельскохозяйственные продукты, перебои с разменной монетой, плохая работа кооперации — все это занимало «довольно видное место» в настроениях армии. В числе примеров в сводке приводились и такие: «Сволочи, пятилетку строят на мужицкой спине, ненавижу я эту власть...» (заявление красноармейца-средняка 6-го Кавказского стр. полка), «Пятилетний план только на бумаге, а на деле голодовка...»; «Пятилетка съела крестьянина...»; «Наша пятилетка на шее рабочих и крестьян, в тезисах цифр много, а хлеба и товаров нет...».

Внимание политорганов было обращено на то, что «недовольства» уже не ограничивались только рамками группы красноармейцев-крестьян. Их стали проявлять и красноармейцы из рабочей среды: «Рабочие голодают, в столовых жрать нечего, на “Потемкине” восстание тоже началось на почве недовольства пищей...»; «Напевают, что с каждым годом промышленность растет, а на деле совсем наоборот — мануфактуры, хлеба и табаку нет. Кто у власти и комсоставу в армии — живется хорошо...». Последнее высказывание свидетельствовало еще об одной тревожной тенденции — рядовой состав (и крестьянин, и рабочий) стал сравнивать свое положение с начсоставом,

не в пользу последнего: «Комсостав и их семьи получают все, жены комсостава ничего не делают, наши же семьи перегружены работой и ничего не имеют...»; «Начсостав консервы жрет, а рабочих жмут, ни черта не дают...»; «Возьми жен нашего начсостава, они не отличаются от буржуев...».

И наконец, усиление «недовольства» политикой власти вновь, как в 1928 г., возродило разговоры о *военной опасности*. Опасность подобных разговоров заключалась в том, что они способствовали пораженческим настроениям среди рядового состава и тем самым могли негативно отражаться на боеспособности армии: «Если бы была война, все красноармейцы повернут штыки в обратную сторону...»; «Соввласть будет существовать только до первой войны, а там настанет ее гибель, так как каждый крестьянин выйдет с чем попало и будет кричать — долей Соввласть...»; «Учат нашего брата, как народ уничтожать, учите, мы их же будем и бить...»; «У нас в стране кушать нечего, а поэтому мы не сможем удержаться, и нас побьют...»; «На случай войны не ходите защищать Соввласть, а дезертируйте и организуйте банды, разрушайте колхозы, убивайте работников, избивайте евреев и разрушайте военные склады...». Как видим, вопросы военной угрозы и пораженческие настроения были теснейшим образом связаны с призывами свержения власти, а это уже слишком серьезные симптомы, которые политорганами характеризовались как «скрытая борьба за разложение рядов армии».

Выводы армейских политорганов подтверждали и органы ОГПУ, указывая, что чрезвычайно большой по сравнению с прошлыми годами рост «кулацких настроений» наблюдался «особенно в период весенних перегибов по коллективизации». В сводке ОО ОГПУ «Основные отрицательные моменты политсостояния РККА» от 14 октября 1930 г. отмечалось: «Наиболее важным моментом, характерным для данного года, является более усиленный, чем прежде, переход к/р элемента в армии к организованным методам своей работы, т. е. к массовому созданию группировок, зачастую связанных с к/р организациями, возникающими вне армии и руководимыми последними. Вместе с тем значительно растет количество фактов активного участия в к/р организациях отдельных лиц младшего, среднего и даже старшего начсостава»⁸³. Причем в феврале–марте 1930 г. из общего числа писем из деревни до 90 % в среднем были отрицательные. При этом органы ОГПУ указывали на возрастающую тенденцию «призывов к армии восстать с оружием в руках против Соввласти»; «фиксирувавшаяся раньше в единичных случаях агитация за восстание против Соввласти стала теперь намного более частым явлением»⁸⁴.

Динамика роста «кулацких настроений» в течение 1930 г. характеризовалась по данным ОО ОГПУ с учетом показателей по четырем округам (ЛВО, БВО, УВО и СКВО) следующими цифрами⁸⁵:

1929 г.						<i>Октябрь</i>	<i>Ноябрь</i>	<i>Декабрь</i>
						2 305	2 608	3 167
%						100 %	128 %	156 %
1930 г.	<i>Январь</i>	<i>Февраль</i>	<i>Март</i>	<i>Апрель</i>	<i>Май</i>	<i>Июнь</i>	<i>Июль</i>	<i>Август</i>
	4 296	8 178	7 750	5 061	3 751	5 759	6 239	6 363
%	212 %	401 %	380 %	248 %	184 %	282 %	306 %	313 %

Эти показатели роста распределялись по следующим социальным группам (в процентах)⁸⁶:

	1929 г.	1930 г.		
	<i>4 четверть</i>	<i>1 четверть</i>	<i>2 четверть</i>	<i>3 четверть</i>
Средняки	45,6 %	51,0 %	53,4 %	50 %
Зажиточные	31,7 %	24,7 %	12,2 %	9 %
Бедняки	10,9 %	13,0 %	14,6 %	14 %
Рабочие и батраки	2,0 %	7,3 %	10,6 %	11 %
Прочие и неустановленные	9,8 %	4 %	9,2 %	12 %
Колхозники	–	–	–	4 %
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %

Несомненно, рост «кулацких настроений» в армии, в свою очередь, влиял на усиление карательных мер как со стороны политорганов, так и ОГПУ. По данным ОГПУ, «чистка» армии в связи с ее «засоренностью» была «весьма значительна». За 6 месяцев 1930 г. (январь–июнь) из армии было изъято 5703 человека⁸⁷, в то время как этот же показатель на 15 января 1929 г. составлял 4029 человек⁸⁸.

1931 г.

1931 г. не внес существенных перемен в «настроения» красноармейцев. По-прежнему в сводках фиксировались проявления «нездоровых» явлений и «недовольств». Как и в предыдущие годы, суть этих «настроений» сводилась к вопросам «1) колхозного строительства; 2) текущих хозяйственно-политических кампаний и мероприятий партии и власти; 3) хода выполнения пятилетки и трудностей переживаемого периода, в особенности трудностей товарного и продовольственного снабжения». В информационной сводке ПУ РККА от 7 мая 1931 г. отмечалось: «Более важное место в последнее время занимают вопросы хлебных, мясных и лесных заготовок, которые, мол, «разоряют крестьянство». Особенно ожесточенной критике со стороны кулацко настроенных элементов подвергаются лесозаготовки, причем нередко эти элементы целиком и полностью поддерживают заграничную клевету о «принудительном

труде...” Сущность антиколхозных настроений по-прежнему сводится к попыткам дискредитировать и опорочить новые, социалистические формы ведения сельского хозяйства». Как и всегда, выводы подтверждались примерами конкретных высказываний: «Колхозы — это барщина, сам не вступлю и другим не советую...» (красноармеец, середняк-единоличник); «Средняка продолжают раскулачивать, в колхоз гонят насильно...» (краснофлотец, середняк-единоличник); «Бедняки-лодыри, они не умеют работать и из-за нежелания трудиться идут в колхозы...» (красноармеец, середняк-единоличник); «Сплошная коллективизация не улучшает моего положения и положения моей семьи. Раньше жили с кулаками, но лучше...»; «В колхоз не пойду потому, что там нет порядка... Колхозные поля зарастают бурьяном... В колхозах плохая организация труда... Колхозники — голы и босы, ходят как нищие... Только на бумаге имеются хорошие колхозы»⁸⁹.

Работа политорганов армии в первой половине 1931 г. была нацелена на организацию политико-воспитательной работы вокруг весенней посевной кампании и вступления красноармейцев-единоличников в колхозы. Результаты этой работы, как отмечалось в цитируемой нами сводке ПУ РККА, «вызвала значительное усиление здорового влияния казармы на селе». Среди форм политической агитации наибольшее распространение получили индивидуальные и групповые письма красноармейцев родным, в сельсоветы и колхозы с разъяснением задач весенней посевной кампании, призывающие к выполнению планов сева и вступлению в колхозы. Особое внимание было уделено агитации среди середняков, в том числе и среди красноармейцев. Приводимые примеры высказываний этой категории красноармейцев говорили о том, что процесс «вовлечения красноармейцев в колхозы недопустимо слаб». В сводке отмечалось: «В этих частях вступившие за последнее время в колхозы насчитываются единицами; чрезвычайно низок удельный вес колхозников среди старослужащих; темпы коллективизации переменников отстают от темпов колхозного прилива в районах комплектования; есть немало коммунистов и комсомольцев-крестьян, не вступивших еще в колхозы»⁹⁰.

Несмотря на имеющиеся недочеты, политорганы сообщали о «значительных результатах влияния казармы на деревню». Наряду с массовой посылкой писем получили распространение и другие формы влияния на деревню: выезд на места красноармейских бригад по вербовке новых колхозников, организация земляческих групп по подготовке своих родных к вступлению в колхозы, заключение соц. соревнования с селами на лучшее выполнение плана посевной кампании.

Однако деревня продолжала рассматривать армию как свою защитницу и писала своим сыновьям о трудностях повседневной жизни: «У нас здесь совершенно нет выхода, сено забрали, солому, семена тоже забирают, одним словом, что попало на глаза, то и забирают. Сейчас

крестьян гонят на лесозаготовки, гонят всех до одного без пощады. Трудно жить на белом свете. Скоро все подохнем. Больше я не могу терпеть и писать, голова разбита, не знаю, куда деваться. Зачем нас обобрали кругом? Теперь осталось только взять лошадь и корову...»; «Забирают последнюю корову...»; «Мясозаготовку проводят неправильно. У нас нет коровы, а заставляют платить за нее...»; «С нас требуют 130 пудов хлеба...»; «Имущество описано и подлежит продаже...»⁹¹. Подобные письма, телеграммы и разговоры приезжающих родных и односельчан оказывали отрицательное воздействие на красноармейцев, проявлявшееся в усилении «демобилизационных настроений», а также в проявлении апатии к службе и работе, в недоверии и огульном обвинении местных властей.

Вывод, заключающий цитируемую сводку, сводился к следующему — отдельные «отрицательные политические настроения красноармейцев отражают процессы классовой борьбы, происходящей в стране». Усиление этих настроений происходит в зависимости от «переживаемых трудностей»⁹². Этот вывод, сделанный политорганами армии в мае 1931 г., был правомерен не только для одного года, но и для остальных предыдущих лет, несмотря на то, какие бы положительные примеры (их было тоже немало) не приводились в сводках ПУ РККА и ОГПУ. Впереди был 1932 г., принесший голод и новый взрыв недовольства не только в Красной армии, но и стране в целом.

Подводя итог обзору КН в армии, позволим сделать тоже несколько выводов.

Первый вывод — КН в армии, возникнув как отклик на изменения политики партии в деревне, на протяжении всего рассматриваемого периода не утихали, несмотря на заверения политорганов. В основе этих настроений лежала позиция крестьян-красноармейцев, которые либо поддерживали, либо не поддерживали мероприятия партии в отношении деревни. Сущность КН составляли вопросы, являющиеся основными для жизнедеятельности деревни. Это были *вопросы* — проведения и размеров ХЗ; изменения товарных отношений на рынке, в частности по продаже хлеба; повышения цен на хлеб; трудностей со снабжением деревни промышленными товарами; порядка и размеров с/х налога и самообложения. С развертыванием колхозного строительства и проведением массового раскулачивания к ним добавились вопросы «перегибов» при осуществлении этих мероприятий. Все перечисленные вопросы были актуальны как для «крестьянских настроений», так и пришедшим им на смену «кулацким настроениям». Напомним, что эта перемена в названии произошла в тот период, когда начался процесс массового раскулачивания, т. е. активизации борьбы с кулаком. Поэтому правомерно сделать вывод о том, что тот водораздел, который проводили политорганы в отношении «крестьянских» и «кулацких» настроений, навряд ли обоснован. Изменения названия «настроений»

можно рассматривать как очередной камуфляж, примененный соответствующими органами в угоду политической ситуации в стране.

Второй вывод, который можно сделать на основании проведенного исследования заключается в том, что субъектом носителем КН являлся прежде всего крестьянин-красноармеец в целом. В эту общую категорию могли входить все три социальные группы крестьян, проходящие службу в армии (крестьяне-бедняки, крестьяне-средняки и крестьяне-кулаки). В зависимости от периода роль каждой из социальных групп могла либо усиливаться, либо понижаться. *Постоянными составляющими* «настроений» были зажиточные крестьяне (кулаки), те из них, кому удалось преодолеть ограничения по линии тылового ополчения и которые всегда резко и негативно относились к действиям властей, составляя им стойкую оппозицию. *Переменным составляющим* «настроений» являлись остальные две группы — красноармейцы-средняки и красноармейцы-бедняки. Последние в большинстве своем всегда поддерживали «новый курс» власти в деревне. Их позиция не могла существенно влиять на КН в армии, за исключением начального этапа «нового курса», когда методы «чрезвычайности» обострили до предела ситуацию в деревне и соответственно настроения всех слоев деревне. В связи с этим правомерно предположить, что колебания в настроении армии определялись в большинстве своем позицией красноармейцев-средняков. Ситуация, сложившаяся в конце 20-х гг. сравнима со временем Гражданской войны, когда от позиции середняка зависела судьба всей власти.

Наконец, *третий вывод*, вытекающий из нашего исследования. Общая стабилизация настроений в армии, наблюдающаяся по сводкам с конца 1929 г., имела в своей основе несколько причин. Безусловно, что важнейшей из них являлась политическая и агитационная работа с красноармейскими массами, особенно колеблющимися. Однако нельзя также забывать и о «карательной» кампании, проводившейся внутри армии и нацеленной на изъятие из ее рядов «социально чуждых элементов». Наряду с чисткой армейских рядов происходила чистка и внутри деревенского общества. Наиболее активное и недовольное политикой партии крестьянство высылалось из деревни, молодежь призывного возраста подлежала контролю в отношении социального состава со стороны призывных комиссий. Необходимо помнить, что на защите интересов армии стояла вдобавок система тылового ополчения. Таким образом, «просочиться» (через призыв или сборы) в армейские ряды «социально чуждым элементам» становилось все труднее, а со временем и невозможно.

Другим важнейшим фактором, влияющим на стабилизацию настроений в армии, являлось активное вовлечение армии в процесс социалистического строительства в деревне через организацию красноармейских колхозов и систему курсов для подготовки колхозных кадров.

Возвращающиеся из Красной армии демобилизованные красноармейцы, получившие армейскую политическую закалку, в основной массе своей становились опорой власти в деревне. Более того, приобретенные ими организационные и хозяйственные навыки на армейских курсах делали их центральными фигурами в новых колхозах и совхозах.

Проведенная агитационная, воспитательная и организационная работа в течение 1928–1931 гг. позволила ПУ РККА доложить в декабре 1932 г. в ЦК ВКП(б), что «подавляющая масса начсостава и красноармейцев сплочена вокруг генеральной линии партии и активно поддерживает политику партии»⁹³. В подтверждение этого вывода приводились цифры «громadной тяги красноармейцев и начсостава в партию и комсомол» за 1-е полугодие 1932 г. — 136 596 заявлений в партию и 107 265 заявлений в комсомол, что на 54,6 % и 34,5 % превышало соответствующие показатели за 1-е полугодие 1931 г. Наряду с этим отмечалось, что «вопрос об отрицательном влиянии на настроения красноармейцев тех перегибов, нарушений революционной законности в отношении семей красноармейцев, бюрократической практики в работе местных организаций, который потребовал специальных решений ЦК и СНК, — сейчас еще не снят»⁹⁴. Однако деятельность армейских политорганов и военного командования, нацеленная на повседневную проверку и работу с письмами и жалобами красноармейцев, давала свои эффективные результаты, и — главные из них — армия в целом оставалась лояльной к власти.

Глава 4

КРАСНАЯ АРМИЯ НА «ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ»

§ 1. Начало «великого перелома»

Известно, что 1930 г. начался с решений партии о развертывании сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Этим решениям, изменившим коренным образом политическую ситуацию в стране, предшествовала статья И. В. Сталина «Год великого перелома», опубликованная в ноябре 1929 г. Принятые Политбюро ЦК ВКП(б) постановления от 5 и 30 января 1930 г. определяли характер и сроки проведения сплошной коллективизации и раскулачивания не только на ближайшую перспективу, но и в последующий период. В настоящее время опубликованы как тексты этих постановлений, так и документы, показывающие процесс их обсуждения и принятия¹. В исследованиях последних лет подробно описаны события, предшествующие принятию этих постановлений, и ход их выполнения.

Основные положения постановления от 5 января 1930 г. сводились к следующему. Партия «в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества перешла к политике ликвидации кулачества как класса». Намеченные пятилетним планом развития народного хозяйства сроки и объемы коллективизации были изменены — запланированные на пять лет 20 % посевной площади были заменены «на огромное большинство крестьянских хозяйств». Сроки окончания коллективизации были передвинуты на осень 1930 г., правда, допускалось некоторое послабление — «во всяком случае, весной 1931 г.»». В понятие «большинства крестьянских хозяйств» были отнесены такие важнейшие зерновые районы, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ. Последний пункт постановления указывал: «11. ЦК ВКП(б) подчеркивает необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин. Вместе с тем ЦК со всей серьезностью предостерегает парторганизации против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения, могущего создать опасность подмены действительно социалистического соревнования по организации колхозов игрой в коллективизацию»².

Опубликованные документы показывают, что начавшаяся уже после решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. гонка по вовлечению крестьян в колхозы со стороны местных органов власти с еще большим размахом продолжилась после принятия январского постановления. Уже 5 января 1930 г. ИНФО ОГПУ подготовил справку об административном произволе в связи со сплошной коллективизацией в ЦЧО³. Там за 10 дней коллективизация хозяйств возросла с 26 до 82,4 %⁴. Эти примеры были не единичными.

Одновременно с форсированием коллективизации началась борьба с кулаком, которая преследовала цель ликвидации его как класса. Хотя в утвержденном 5 января варианте постановления Политбюро ЦК ВКП(б) ни слова не было сказано о формах и методах борьбы с кулачеством, в проекте постановления этому вопросу внимание все же было уделено. В представленном комиссией Я. А. Яковлева проекте предлагалось: «Кулака в колхозы не пускать, применяя в отношении его в районах сплошной коллективизации, в соответствии с решениями объединяющихся в коллективы бедняков и середняков и местных съездов советов, конфискацию кулацких средств производства с передачей их в неделимые фонды колхозов, отвод кулакам отдаленных и худших земель, выселение из районов злостно-кулацких элементов и т. п.» (пункт 3)⁵. Сразу же после опубликования решений Политбюро от 5 января продолжилась работа по подготовке постановления «по кулачеству». Уже 11 января 1930 г. председатель ОГПУ Г. Г. Ягода обратился к руководящим работникам своего ведомства с предложением разработать репрессивно-административные меры в отношении кулачества. В записке, адресованной Евдокимову, Мессингу, Прокофьеву, Благодравову и Бокию, говорилось:

«Вопрос о кулаке сейчас стоит настолько актуально при том остром положении (классовая борьба при реконструкции сельского хозяйства) в деревне, что необходимо немедленно наметить целый ряд мер в отношении сплошной очистки деревни от кулацкого элемента.

Кулак как класс должен быть уничтожен. При сплошной коллективизации деревни, где кулаки выкидываются из коллектива, с другой стороны, он (кулак) великолепно понимает, что при коллективизации деревни он должен погибнуть, тем ожесточеннее, тем яростнее он будет оказывать сопротивление, что мы и видим сейчас на селе. От повстанческих заговоров, от контрреволюционных кулацких организаций до поджогов, терактов включительно. Они будут и уже жгут хлеб, колхозы, они уже убивают активистов и представителей власти. Если мы быстрым, решительным ударом, как во время хлебозаготовок, не нанесем удара, мы к моменту весенней посевной кампании будем иметь ряд сплошных восстаний и срыв кампании. Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет. Меры помимо экономических, которые мы также должны наметить

(какие), в первую очередь необходимо разработать меры репрессивно-административного характера, как то: СОУ должно разработать области, откуда немедленно надо выселить, арестовать, заключить в лагерь кулачке. Подход такой: 1) особо злостных — в лагерь, семья выселяется, 2) кулак, ведущий антисоветскую агитацию, — на поселение и т. д. Это примерно. Важно учесть количество с семьями и места ссылки, районы Крайнего Севера и пустынные места Казахстана и других районов. Необходимо наметить их.

Прошу Вас к 14 января дать мне беглый материал: 1. Сколько всего арестовано за 6 месяцев, т. е. с начала хлебозаготовок, по всем линиям. 2. Какие наиболее опасные в смысле активности районы (т. е. откуда в первую очередь надо изымать). 3. Сколько и каких организаций нами ликвидировано за этот отрезок времени или за год. 4. Тов. Бокий, прошу дать: 1) сколько человек можно принять в существующие лагеря; 2) где можно открыть новые (кроме острова Вайгач) лагеря; 3) нельзя ли организовать не тип лагеря, а организованное поселение, где можно добровольно их (кулаков) организовать на работах, без охраны, давая первое время продовольствие и одежду. Используя их не только для разработки природных богатств, но и с/х работы — запашка земли и т. д.

Надо подойти к вопросу использования со всех сторон, подсчитав примерно сумму денег как на переселение, так и на организацию лагерей. В первую очередь надо расширить уже имеющиеся до предела, потом открытие новых, и организация и использование труда ссыльных с семьями. Как правило, все кулаки выселяются с семьями.

Прошу каждого обдумать целый ряд мероприятий на эту операцию. Завтра часов в 12 прошу зайти ко мне для обсуждения настоящего вопроса. Записку прошу никому и никуда не передавать. *Г. Ягода*⁶.

Через два дня, 13 января, зам. председателя ГПУ Украины К. М. Карлсон направил Е. Г. Евдокимову докладную записку с практическими предложениями, в том числе проводить выселение кулачества в несколько очередей. При этом он обращал внимания своего руководства на «большие трудности», которые необходимо предусмотреть — «малочисленность периферийного аппарата ГПУ, отсутствие в ряде мест необходимой вооруженной силы, заминки с транспортом, отсутствие необходимых пересыльных пунктов» и др.⁷ Но не только ОГПУ было озадачено вопросом ликвидации кулака как класса. Ему в помощь, а скорее всего для руководства, 15 января была организована Политбюро ЦК ВКП(б) комиссия под руководством В. М. Молотова «по выработке мер в отношении кулачества»⁸. Через две недели работы комиссия представила свой вариант проекта постановления «по кулаку», которое легло в основу печально известного решения.

На сегодняшний день опубликованы не только текст постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»⁹,

но и материалы комиссий и подкомиссий, занимающихся его разработкой, в том числе различные варианты проектов. Таким образом, исследователи получили возможность узнать, как проходило обсуждение и принятие окончательного варианта этого текста постановления.

Опубликованные в 2-м томе серийного издания «Трагедия советской деревни» документы показывают, как менялись итоговые цифры подлежащих выселению кулаков и их семей, а также разнарядки по регионам. Зачастую инициаторами их повышения были представители местной власти, предлагавшие ускорить темпы коллективизации и увеличить число раскулаченных. Приведем несколько примеров таких инициатив, ставших известными благодаря документальному изданию «Трагедия советской деревни»: *18 декабря 1929 г.* — секретарь Тамбовского окружкома ВКП(б) О. Т. Галустян обратился с просьбой к Я. А. Яковлеву — включить округ в число округов сплошной коллективизации¹⁰; *21 декабря 1929 г.* секретарь ВКП(б) Средне-Волжского крайкома М. М. Хатаевич, выступая на бюро крайкома, говорил: «Задача, поставленная пленумом крайкома о том, чтобы на 50 % охватить колхозами все крестьянство нашего края к 1 мая, очевидно, будет не только выполнена, но и перевыполнена. Ясно, что мы никаким образом не должны сдерживать того стремления к коллективизации, какое выявилось в нашей деревне»¹¹. Напомним, что именно партийные функционеры СВКрая предложили один из округов Нижней Волги объявить образцовым показательным округом сплошной коллективизации¹² — таким округом стала Автономная Республика Немцев Поволжья¹³. После принятия постановления от 5 января 1930 г. местные органы активно принялись осуществлять данные сверху указания. Однако внимание их все больше и больше нацеливалось не на коллективизацию, а на раскулачивание и ликвидацию кулачества. Так, например, *8 января 1930 г.* бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) приняло постановление о выселении 20 тыс. кулацких хозяйств¹⁴.

Размах местных инициатив заставил И. В. Сталина написать личную директиву об опасности увлечения раскулачиванием в ущерб коллективизации, в которой указывал приоритеты. 30 января 1930 г. шифром на места была передана директива за его подписью:

«С мест получают сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что только такая установка обеспечивает правиль-

ное проведение политики партии. Секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*. № 1/с-113ш»¹⁵.

Обратим внимание на дату директивы — 30 января. В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло известное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Сталин в очередной раз показал себя мастером демагогии. С одной стороны — он поучал местных руководителей и указывал на «центр тяжести», обеспечивающий «правильное проведение политики партии». С другой — инициировал принятие постановления, определившее масштабы и сроки выселения более чем 100 тыс. крестьянских семей. Эти два противоречащих друг другу документа были отправлены на места для неуклонного исполнения с разницей в один-два дня.

Основные положения постановления Политбюро от 30 января 1930 г. сводились к следующему. Подлежащие выселению кулаки распределялись на три категории, каждая из которых отличалась от другой мерой наказания — заключение в концлагеря (1-я категория), высылка в отдаленные местности СССР (2-я категория), расселение на новых землях за пределами колхозных участков (3-я категория), но в пределах района проживания (пункт 3). Кроме того, в районах сплошной коллективизации отменялось действие Закона об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве (пункт 1), а также подлежали конфискации у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы (пункт 2). Обращает на себя внимание оговорка в отношении хозяйств, где членами семей были красноармейцы.

В пункте 4 (раздел I) постановления, определяющем количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств, говорилось: «Выселению и конфискации имущества не подлежат семьи красноармейцев и командного состава РККА. В отношении же кулаков, члены семей которых длительное время работают на фабриках и заводах, должен быть проявлен особо осторожный подход с выяснением положения соответствующих лиц не только в деревне, но и у соответствующих заводских организаций»¹⁶.

Согласно постановлению проведение оперативных действий по конфискации имущества и выселению кулаков было возложено на местные органы власти и ОГПУ. При этом из промышленных областей в помощь местным парторганизациям подлежало мобилизации на 4 месяца 2500 партийцев, которые должны были к 20 февраля уже прибыть на места (пункт 1 раздела IV «Особые постановления»). В свою очередь, ОГПУ было разрешено передоверить свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел полномочным представительством ОГПУ (ПП ОГПУ) в областях совместно с представителями крайкомов ВКП(б) и прокуратуры (пункт 2). Размах предстоящих практических

действий потребовал увеличить штаты ОГПУ на 800 человек, а состав войск ОГПУ — на 1 000 штыков и сабель. РВС СССР вменялось передать ОГПУ соответствующее количество личного состава (пункт 3).

Опубликованные документы показывают масштаб подготовительной организационной работы, проводившейся по линии ОГПУ в течение января 1930 г., нацеленной на реализацию практических мероприятий по конфискации имущества и выселению кулачества. Отметим, что все действия ОГПУ предпринимались до утверждения Политбюро решений «по кулачеству». Так, например, *18 января* ОГПУ отдало директивы: а) всем ПП о приведении местных органов ОГПУ в состояние мобилизационной готовности в связи с предстоящим выселением кулаков; б) о создании при ПП ОГПУ оперативных групп и разработке конкретных планов выселения кулаков; *23 января* — директива о подготовительных мероприятиях по выселению «кулацко-белогвардейского элемента» из районов сплошной коллективизации; *24 января* — председатель ОГПУ Г. Г. Ягода обращается с запиской к руководящим работникам управления об усилении вмешательства центральных органов ОГПУ в проведении раскулачивания; *25 января* — директива ОГПУ о принятии мер по организационному раскулачиванию и выселению кулаков. Последняя директива была вызвана необходимостью упорядочить начавшееся на местах стихийное выселение кулаков и изъятие их имущества. Обращаясь к своим региональным представительствам, центральное руководство требовало от них «ускорить присылку плана выселения со всеми расчетами и картой». Одновременно ПП ОГПУ напоминалось: «Обязательно строго проверить, чтобы в число выселяемых кулацких семейств не попали семьи, которых дети служат в Красной Армии»¹⁷.

2 февраля 1930 г. был издан приказ ОГПУ № 44/21, завершивший подготовительный этап и определивший порядок и сроки проведения первоочередных операций по кулачеству. Во-первых, мероприятия ОГПУ должны были сводиться к двум основным направлениям: 1) немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, относящегося к группе 1-й категории; 2) массовое выселение наиболее богатых кулаков и их семейств, относящихся к группе 2-й категории, в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества.

Во-вторых, в приказе ОГПУ по каждой из выделенных категорий были определены количественные показатели выселяемых семей и последовательность проведения оперативных мероприятий по регионам и районам страны. В первую очередь подлежали выселению: *УССР* (30–35 тыс. семей), *Северный Кавказ и Дагестан* (20 тыс. семей), *Средне-Волжском край* (8–10 тыс. семей), *ЦЧО* (10–15 тыс. семей), *Нижне-Волжский край* (10–12 тыс. семей), *Белоруссия* (6–7 тыс. семей), *Сибирь* (25 тыс. семей), *Урал* (10–15 тыс. семей), *Казахстан* (10–15 тыс. семей). Обращает на себя внимание, что за основу количе-

ственных показателей была взята семья, а не численность людей. Это означало, что выселению подлежало по крайней мере в три раза больше людей, так как минимальная семья состояла из трех человек.

В-третьих, в приказе определялись сроки начала проведения операций по регионам — по СКК, СВК, НВК — 10 февраля; по УССР, ЦЧО — 15 февраля; по Белоруссии — 1 марта. Указанным ПП ОГПУ предписывалось представить не позднее 7 февраля на утверждение окончательно и подробно разработанные планы операций.

Наконец, приказ ОГПУ определил порядок руководства и проведения операций на местах. Рассмотрение дел на лиц, проходящих по 1-й категории, возлагалось на *тройки*, в которые должны были входить представители от ПП ОГПУ, крайкома ВКП(б) и прокуратуры; состав троек утверждался коллегией ОГПУ. Руководство операциями по выселению кулаков и их семейств, относящихся ко 2-й категории, возлагалось на *оперативные тройки* (в районах — *оперативные группы*), которые организовывались распоряжением ПП ОГПУ; во главе их стояли руководители ПП ОГПУ (в округах и областях — начальники отделов ОГПУ). Проведение оперативных действий возлагалось на ПП ОГПУ. Им предписывалось «на случай возможных осложнений» организовывать при ПП ОГПУ «чекистско-военный резерв», в «районах наиболее угрожаемых» — маневренные группы из частей ОГПУ, которые должны были находиться в распоряжении окротделов ОГПУ. Отдельно в приказе оговаривалась степень участия Красной армии: «Части Красной Армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с краевыми организациями и РВС. ПП ОГПУ организовать там, где недостаточно частей войск ОГПУ, в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной Армии»¹⁸.

Основные положения приказа ОГПУ от 2 февраля были подтверждены соответствующими законодательными актами СНК СССР и Наркомата юстиции РСФСР — 3 февраля были приняты *постановление СНК СССР* о мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. и *циркуляр НКЮста РСФСР* всем краевым и областным прокурорам и НКЮ автономных республик о мероприятиях по подавлению сопротивления кулачества. Вслед за ними 4 февраля *ЦИК СССР* утвердил подготовленное СНК СССР постановление о предоставлении ОГПУ права передоверять свои полномочия ПП ОГПУ по внесудебному рассмотрению дел в связи с раскулачиванием¹⁹.

Таким образом, Красная армия не была включена в состав исполнителей этой политической кампании. Более того, она была выведена из-под удара ее карающего меча. Предусмотренная в особом разделе постановления от 30 января 1930 г. оговорка запрещала раскулачивать семьи красноармейцев и комсостава. Исполнение карательных акций

было возложено на органы ОГПУ с привлечением войск ОГПУ. Правда, все же предусматривались ситуации возможного использования частей Красной армии, но не регулярных, а специально подготовленных, профильтрованных войсковых групп и только «в скрытом виде». Последнее свидетельствует о том, что власти не могли отказаться от услуг армии окончательно.

Обращает на себя внимание, что при обсуждении вопросов «по кулачеству» среди членов комиссии и подкомиссий, готовивших данное постановление, нет имени К. Е. Ворошилова. Может ли этот факт означать, что военное ведомство не участвовало ни в дискуссиях, ни в практической реализации решений Политбюро? Среди опубликованных документов мы не находим прямого участия наркома в принимаемых решениях. Однако наличие в них оговорок, касающихся Красной армии, говорит о том, что военное руководство было в курсе принимаемых решений, хотя бы потому, что К. Е. Ворошилов являлся членом Политбюро.

Пока еще не выявлены архивные документы, показывающие степень участия К. Е. Ворошилова в принятии соответствующих пунктов, касающихся Красной армии, включенных в тексты постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января 1930 г. Исследования последних лет говорят о том, что дискуссия по ним была и непосредственное участие в ней нарком принимал. Даже при отсутствии документальных подтверждений можно быть уверенным в том, что К. Е. Ворошилов отстаивал интересы своего ведомства. Зная ситуацию в армии — как ее политико-моральное состояние, так и степень боеготовности, нарком не мог не понимать, что массовое вовлечение армии в борьбу с народом могло повлечь за собой дестабилизацию армейских рядов. Волна «крестьянских настроений» в армии, поднявшаяся в связи с усилением хлебозаготовок и потребовавшая мобилизации усилий не только армейских полторганов, но и всего военного аппарата управления, еще не ушла в прошлое, а оставалась реальной угрозой.

Любопытен следующий факт. Весной 1930 г. на X конференции Бауманского РК ВКП(б) г. Москвы В. В. Куйбышев в своем заключительном выступлении обратил внимание присутствующих на слухи, которые «гуляли» среди коммунистов: «Кстати о разговорчиках и о шушукании. Одним из ярких примеров подобного рода может служить заданный мне письменно такой вопрос: “Правда ли, что Сталин ранил Ворошилова?”. На многих собраниях задавали обратный вопрос, “Правда ли, что Ворошилов ранил Сталина?”»²⁰. Назвав «все это» «сплошной и гнусной антипартийной клеветой, которая распространяется заведомыми врагами партии», Куйбышев вынужден был признать, что «подобного рода слухи» «усиленно муссируются», и не где-нибудь, а в Промакадемии. При этом он задал в зал вопрос: «Вы от меня, конечно, не будете ждать опровержения этих “фактов”». Даль-

нейший ответ на него показал, что слух этот имел длинные корни и достаточно большую аудиторию: «И когда взялись проверить, откуда идут эти слухи, кто их пускает, то оказалось, что эти слухи пущены и гуляют довольно давно, что не один коммунист знал об этом слухе, но только одному из них пришла правильная мысль сообщить об этом в ЦК и ЦКК». В заключение Куйбышев сказал: «Я остановился на этом вопросе потому, что он из простой уголовщины становится политическим явлением». Политическая составляющая этого слуха заключалась в том, что не только коммунисты передавали его друг другу. Этот слух был зафиксирован в сводках и донесениях армейских политорганов. Так, например, в донесении ПУ МВО о событиях в Глушковском районе в марте 1930 г., где переменный состав принял «самое активное» участие в крестьянских волнениях, сообщалось о «бешеной агитации» кулаков. Среди приведенных «кулацких провокаций» был и слух — «Ворошилов убил Сталина»²¹. Известно, что слухи в рассматриваемый нами период зачастую имели не только конкретного автора, но и целенаправленный характер. На сегодняшний день у нас нет ответа на вопрос — кто же автор этого слуха. Однако его популярность говорит о том, что образ Ворошилова, «стреляющего в Сталина», ассоциировался с защитником, борющимся со злой силой. Возможно, что этот слух, разлетевшийся по всей стране, стал отражением не только сложных партийных отношений между руководителями страны, но и надежд простого народа на избавление от зла.

После принятия январских постановлений Политбюро гиперактивность захлестнула всю страну, начиная от партийных и государственных функционеров в регионах и заканчивая деревенскими активистами на местах. Крестьянство отреагировало на это ростом выступлений, число которых за февраль 1930 г. увеличилось более чем в два раза, достигнув 1 048 против 400 в январе²². Политбюро было достаточно осведомлено обо всем, что происходило в деревне. Опубликованные во 2-м томе издания «Трагедия советской деревни» документы подтверждают это. Информация о ходе выполнения принятых постановлений партии шла из различных органов — сводки, справки и обзоры ОГПУ, донесения ПП ОГПУ, сводки Секретариата СНК СССР и Колхозцентра, сведения Наркомзема РСФСР, доклады региональных партийных руководителей, доклады и политдонесения командования военных округов. Тем не менее до конца февраля не принималось никаких практических мер, чтобы ввести в рамки разумного процесс коллективизации и раскулачивания.

2 марта 1930 г. в центральной прессе была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», написанная по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 февраля²³. Первым, кто откликнулся на соответствующее решение Политбюро, было ОГПУ. В директиве руководства ОГПУ, разосланной 1 марта 1930 г. всем полномочным

представителям на места, требовалось принять меры по ликвидации перегибов в раскулачивании и обратить внимание на «столь безобразное и абсолютно недопустимое явление»²⁴. Вслед за этим руководство ОГПУ отдало целый ряд распоряжений, относящихся к перегибам по вопросам переселения раскулаченных семей²⁵.

10 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, закрепляющее основные положения статьи Сталина²⁶. При утверждении текста постановления на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение: «Разослать постановление всем национальным ЦК, краевым и областным комитетам, секретарям окружных комитетов с обязательством снять копии и разослать секретарям районных комитетов. Считать необходимым ознакомление с постановлением членов правлений Колхозцентра СССР, полпредов ГПУ, прокуроров, членов республиканских совнаркомов. В печати постановление не опубликовывать. Предложить президиумам ЦИК союзных республик выслушивать жалобы по религиозным делам и исправлять допущенные искривления и перегибы»²⁷. 15 марта это постановление ЦК было опубликовано в газете «Правда»²⁸. Предпринятое Центром отступление изменило направление работы местных органов, которые активно стали отчитываться перед центральными органами о перегибах. Однако это не смогло в корне изменить ситуацию в деревне — количество крестьянских выступлений за март, по данным ОГПУ, составило 6 528 тысяч²⁹, намного превысив февральские показатели. Впереди была посевная, и власть понимала, что необходимо в корне переломить настроения крестьянства.

Через месяц после первой статьи И. В. Сталин вновь обращается к возможностям печати, способной быстро довести до масс «решения» и «ошибки» органов власти. 3 апреля 1930 г. была опубликована новая статья И. В. Сталина «Ответ товарищам колхозникам», построенная в форме вопросов, якобы полученных Сталиным, и десяти ответов на них. В статье осуждался «неправильный подход к середняку», указывалось на ошибки колхозного движения (нарушение добровольности, «ленинского принципа учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству»; «перескакивание» через артель к коммуне). В качестве причины этих ошибок Сталин вновь указал на «головокружение от успехов», возложив вину на местных работников и «отдельных членов ЦК». Указав на невозможность «отступления» в колхозном строительстве, Сталин подчеркнул, что главной продолжает оставаться «правая опасность». Говоря о кулаках — «пауках и кровопийцах», Сталин объяснил возможность проведения успешной политики ликвидации кулачества как класса тем, что колхозное и совхозное производство теперь сможет компенсировать производственные потери в результате ликвидации кулачества³⁰. Одновременно 2 апреля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял закрытое письмо «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями

партийной линии»³¹. Осуждая действия на местах, ЦК требовал от партийных организаций положить этому конец — «с таким положением партия не может мириться», указывалось в постановлении³². Прежде всего ЦК требовал прекратить применение методов насилия в отношении середняка и, что крайне важно, призывал «обеспечить перелом в работе парторганизаций в отношении к середняку». Кроме того, «наряду со всемерной поддержкой колхозов» ЦК обязывал «обеспечить на деле содействие единоличникам в посевной кампании»³³. Отметим, что принятые ЦК новые установки были законодательно подтверждены и развиты в соответствующих постановлениях правительства и органов государственной власти³⁴.

Ожидаемые со стороны ЦК результаты не заставили себя ждать. Уже 18 апреля ОГПУ доносило об изменении настроений крестьянства. Так, например, в соответствующей сводке по материалам ЦЧО и Северного Кавказа отмечалось «удовлетворение и положительные настроения основной массы середняков и бедняков» в районах Центральной Черноземной области, в частности статьей т. Сталина «Ответ товарищам колхозникам» и постановлениями о льготах. Кроме того, отмечалось также повсеместное уменьшение выходов из колхозов и увеличение числа возвращающихся. В отношении СККрая указывалось: «Постановления ЦК и статьи т. Сталина бедняцко-середняцким населением встречены с большим одобрением. Имеются отдельные рассуждения бедняков, что решения вынесены не в связи с перегибами, а бунтами. Распространено мнение, что постановление ЦК есть новый курс Советской власти, взятый на развитие единоличных хозяйств». Там же указывалось, что «постановления ЦК и крайкома явились неожиданностью для подавляющего большинства работников мест. Выявилась растерянность, идущая по двум линиям: 1) считали популяризацию постановлений нецелесообразной (приведет к ухудшению работы) и поэтому старались решениям придать негласный характер; 2) не знали, что предпринять, и квалифицировали постановления как капитуляцию»³⁵.

«Сталинской демагогией» были названы действия партии по осуждению «перегибов» авторами проекта «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД» во вводной части к 3-му тому, в котором был опубликован основной комплекс информационных материалов ОГПУ за 1930—1931 гг. Насилие над деревней продолжалось. «Тем не менее, — пишут они — динамика массовых выступлений в деревне пошла на убыль: в марте их было 6 528, в апреле — 1 992, в мае — 1 375, в июне — 886. В этом сыграла свою роль и весенняя посевная кампания, приходящаяся в основном на апрель и май, и возвращение значительной части крестьянских хозяйств к самостоятельной обработке земли. Производство основной массы сельскохозяйственной продукции, без которой страна существовать не может, оставалась за семейным хозяй-

ством. Это понимали и деревня, и власть. Деревня питала надежду на то, что насилие первых месяцев 1930 г. не повторится, что опыт будет учитываться властью. Власть, напротив, лишь сделала паузу на время сельскохозяйственных работ»³⁶.

§ 2. Органы и войска ОГПУ как вооруженная сила в борьбе с крестьянством

В истории России, особенно первой трети XX в., немало примеров, когда армия как вооруженная сила использовалась властью для наведения общественного порядка внутри страны, и в первую очередь в подавлении крестьянских волнений. Ярчайшие среди них относятся к периоду первой русской революции и годам Гражданской войны, когда власть вынуждена была привлекать армию на «внутреннем фронте», чтобы сохранить свои устои. Особенно актуальным вопрос борьбы с крестьянским движением стоял перед большевистским руководством, которое должно было воевать на два фронта — внешний и внутренний, против так называемых «белых» формирований и крестьянства. Без привлечения армейских частей борьба с крестьянством, недовольным политикой новой власти, навряд ли могла иметь эффективный результат, а следовательно, и победный исход для самой власти.

После окончания Гражданской войны функции подавления восстаний перешли к НКВД РСФСР, в том числе к органам милиции, войскам ВЧК и формированиям ЧОН. Однако размах движения заставил центральную власть вновь обратиться за помощью к армии, внутри которой и были разработаны методы борьбы с массовым повстанчеством. Привлечение вооруженной организованной силы в лице армии позволило преодолеть широко распространившуюся в 1921–1922 гг. волну повстанческого движения. С конца 1922 г. функции поддержания порядка внутри страны вновь перешли в НКВД РСФСР, что и было закреплено приказом РВС Республики 1922 г. за № 456/77 и совместным приказом РВС Республики и ГПУ 1923 г. за № 823/215.

С образованием СССР была проведена реорганизация органов ГПУ. В ноябре 1923 г. было образовано ОГПУ СССР, которое согласно утвержденному ЦИК СССР «Положению об ОГПУ и его органах» стало самостоятельным независимым ведомством от НКВД РСФСР. В связи с этим войска ГПУ вышли из подчинения НКВД РСФСР и вошли в состав ОГПУ СССР. Руководство войсками осуществлял заместитель председателя ОГПУ через штаб войск.

В конце 1926 г. в структуре органов ОГПУ произошли организационные изменения, которые, в свою очередь, отразились на порядке подчинения войск ОГПУ. Приказом ОГПУ от 6 ноября 1926 г. на базе Отдела пограничной охраны и Главной инспекции войск было обра-

зовано *Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ (ГУПО и ВОГПУ)*. Начальник управления осуществлял руководство пограничной охраной и войсками ОГПУ при полном подчинении (во всех отношениях) внутренних войск председателю ОГПУ. Начальником ГУПО и ВОГПУ в 1926–1929 гг. был З. В. Кацнельсон, а в последующие годы — С. Г. Вележев и И. А. Воронцов. На местах войска подчинялись: в *пограничных округах* — начальникам управлений пограничной охраны и войск ОГПУ округов, в *внутренних округах* — начальникам инспекций войск ОГПУ округа, края, области. Командующим войсками ОГПУ округа, края, области являлся полномочный представитель ОГПУ (ПП ОГПУ)³⁷. Таким образом, к концу 1926 г. была создана единая система органов и войск ОГПУ, нацеленная на тесное взаимодействие между руководящим и исполнительным звеньями.

В середине 1920-х гг. размежевание задач между Красной армией и органами ОГПУ на «внутреннем фронте» было определено приказом РВС СССР от 10 июля 1926 г. № 365/59, подписанным зам. наркома по военным и морским делам И. С. Уншлихтом и зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой. Основные положения приказа сводились к следующему: борьба с бандитизмом повсеместно (за исключением Средне-Азиатского военного округа) возлагалась на органы ОГПУ (пункт 1); на части Красной армии соответственно возлагалась *только* борьба с бандитизмом (басмачеством) на территории Средне-Азиатского военного округа при соответствующем содействии со стороны органов ОГПУ (пункт 2). Как видно, сфера деятельности войск ОГПУ была огромной — практически территория всей страны.

Подготовка властями массовых карательных мероприятий по раскулачиванию крестьянства, естественно, должна была предусмотреть и увеличение численности войск ОГПУ. Напомним, что в постановлении от 30 января 1930 г. предусматривалось увеличение численности войск ОГПУ на 1000 штыков и сабель, что и было оформлено постановлением СНК СССР от 3 февраля 1930 г.³⁸ В начале марта 1930 г. было принято решение об увеличении войск еще на 5000 человек. В июле 1930 г. практическое осуществление мероприятий по кулачеству потребовало увеличения численности войск ОГПУ еще на 7500 человек и пограничной охраны — на 2500 человек. Все решения по увеличению численности соответствующих войск оформлялись постановлениями Распорядительных заседаний СТО СССР. На сегодняшний день нам известны соответствующие постановления РЗ СТО СССР от 3 февраля, 11 февраля, 15 марта, 30 июля. Последнее постановление предусматривало не только увеличение численности войск, но и конского состава (по пограничным округам — 1500 лошадей, по внутренним округам — 3000 лошадей)³⁹. По данным А. А. Здановича, в августе 1930 г. численность внутренних и пограничных войск ОГПУ была увеличена еще на 6000 человек, а контингент сотрудников ОГПУ — на 3165 человек⁴⁰.

Наряду с общими решениями принимались также решения и по конкретным регионам. Так, например, решением РЗ СТО СССР от 11 февраля 1930 г. численность войск ОГПУ в Казахстане была увеличена с 20 февраля 1930 г. на 200 человек и 200 лошадей. Таким образом, только за 1930 г. численность войск ОГПУ была увеличена почти на 20 тыс. человек, а с учетом пограничной охраны — на 22 тыс. человек.

В исследованиях по истории Внутренних войск годы коллективизации и раскулачивания деревни представлены крайне скупо. Отсутствует информация как о численности этих войск в рассматриваемый нами период, так и о конкретных действиях по подавлению крестьянских выступлений. Автор многих трудов по истории Внутренних войск, В. Ф. Некрасов, пишет, что после окончания Гражданской войны в июне 1922 г. СТО определил численность войск ГПУ (так они назывались в то время) в 50 тыс. человек (против 126 300 человек во время войны); позднее их численность была доведена до 56 400 человек⁴¹. Однако остается неясным — на какой период времени эта цифра соответствовала действительности. Приходится констатировать, что в работах В. Ф. Некрасова обзор деятельности Внутренних войск в 1920-е — начале 1930 гг. ограничивается только рамками определенных направлений. Это — борьба с бандитизмом на территории Северного Кавказа и Закавказья, с басмачеством — в Средней Азии, а также охрана объектов промышленности и железнодорожных сооружений⁴².

А. М. Плеханов, автор фундаментального исследования по истории органов безопасности в 1920-е гг., основанного на большом количестве новых архивных материалов, к сожалению, доводит историю войск ВЧК–ОГПУ только до 1928 г.⁴³ Однако он приводит сведения, дополняющие нашу информацию о численности войск ОГПУ. Согласно его данным, с 1 октября 1927 г. численность войск была увеличена на 2 тыс. человек (решение СТО от 20 августа 1927 г.)⁴⁴ Хотя автор не указывает исходную цифру войск, к которой шла прибавка, все же он приводит интересные показатели динамики роста центрального аппарата ВЧК–ОГПУ за 1922–1927 гг. Из них следует, что численность списочного состава центрального аппарата ОГПУ после сокращения в начале 1920-х гг. вновь начала увеличиваться со второй половины: 1922 г. — 2 659 человек, 1923 г. — 2 610, 1924 г. — 1 812, 1925 г. — 2 359 и состоявших на хозрасчете 489 человек, 1926 г. — 2 527 и на хозрасчете — 494 человек, 1927 г. — 2 489 и на хозрасчете — 496 человек⁴⁵.

Отмечая, что структура и численность органов и войск ОГПУ по существу оставалась неизменной до конца 1928 г., Плеханов указывает на изменения, которые произошли в структуре территориальных органах ОГПУ, прежде всего в ПП ОГПУ. Так, 28 июня 1928 г. приказом Г. Г. Ягоды были сформированы Полномочные Представительства ОГПУ в Нижне-Волжском крае с центром в Саратове, в Центрально-Черноземной области с центром в Воронеже и Средне-Волжской обла-

сти — с центром в Самаре⁴⁶. Основанием для этих организационных изменений явились постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14, 21 мая и 11 июня 1928 г. об образовании Нижне-Волжского края, Центрально-Черноземной и Средне-Волжской областей.

А. М. Плеханов приводит также и другую не менее важную информацию об организационных изменениях в органах ОГПУ. В частности, текст записки Г. Г. Ягоды от 29 мая 1928 г., направленной начальникам ряда управлений ОГПУ (Артузову, Воронцову, Кацнельсону и Благодрахову): «Вопрос о некоторых наших органах на одной территории стоял и стоит очень остро, необходимо с этим покончить. Не может быть несколько “хозяев” на одну губернию или даже маленького уезда вроде Мерф, где 5 наших органов. Необходимо пересмотреть всю дислокацию, объединить все в одном здании (если можно), лишить права подписи ордеров, если есть нач. губотдела. Все это проработайте и доложите мне. Срок месячный»⁴⁷. Вопрос был проработан. Приказ ОГПУ, отданный 15 августа 1928 г., устранял этот недостаток, впредь из всех руководителей оперативных органов стал назначаться старший оперативный начальник в каждом из регионов страны. В приказе отмечалось, что наличие на территории губерний (округов) нескольких самостоятельных, не зависимых друг от друга оперативных начальников, приводило «к параллелизму в оперативной работе и общему ослаблению таковой»⁴⁸.

Изменения в структуре территориальных органов ОГПУ могли происходить по инициативе руководства республиканских ГПУ. Например, в Украине в 1927–1928 гг. в связи с усилением подрывной работы националистических организаций была создана сеть районных уполномоченных ГПУ, которые развернули широкую сеть информаторов в сельских районах из коммунистов, комсомольцев и незаможных крестьян. Опираясь на эту информационную сеть, районные уполномоченные значительно улучшили оповещение окружных исполкомов Советов и республиканского центра о том, что происходит на селе: о политическом положении, противниках власти, нарушениях законности, спекуляции, сделках с землей и др.⁴⁹

Таким образом, начатое в 1926 г. организационное объединение по линии ОГПУ в единую систему органов управления и исполнения оперативной работы было продолжено в последующие годы.

Политика ликвидации кулачества и его выселения из мест проживания требовала усиления конвойных войск.

Важная информация о реорганизации и численности конвойных войск приводится в юбилейных изданиях, посвященных истории органов МВД России⁵⁰. С сентября 1922 г. до июня 1924 г. конвойная стража находилась в составе войск ОГПУ. 26 июня 1924 г. СТО принял постановление: «1) Конвойную стражу в составе 17 тыс. человек полностью, передать из ОГПУ в НКВД союзных республик. 2) Обязанности по

отношению к конвойной страже в отношениях укомплектования личным составом, снабжения и довольствия возложить на Военвед»⁵¹. По согласованию с НКВД союзных республик руководство конвойной стражей на территории всей страны возлагалось на начальника Главного управления мест заключения РСФСР Е. Г. Ширвиндта. Политическое обслуживание конвойной стражи возлагалось на Политическое управление РККА. Однако практика показала несовершенство такого порядка. В целях улучшения оперативного руководства войсками постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 октября 1925 г. «О конвойной страже Союза ССР» было создано Центральное управление конвойной стражи СССР, подчиненное непосредственно СНК СССР. Начальник Центрального управления конвойной стражи назначался СНК СССР по согласованному представлению Народных комиссариатов внутренних дел союзных республик. Им стал Е. Г. Ширвиндт. Комплектование конвойной стражи, а также снабжение ее всеми видами довольствия было возложено на органы НКВД. Была проведена организационная перестройка конвойных команд по принципу РККА (взвод, рота, батальон, полк). Все войска были сведены в две дивизии и шесть отдельных бригад общей численностью 14 802 человека⁵².

Авторы одного из юбилейных изданий пишут: «Ликвидация кулачества, усиление репрессий в 30-х гг. вызвали рост объема задач, связанных с конвоированием по стране значительных масс людей. В связи с этими постановлениями правительства численность конвойных войск сначала была увеличена до 18,5 тыс. человек, а затем до 20 тыс. человек. Все это потребовало приведения названия конвойной стражи в соответствие с ее войсковой организационной структурой. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. конвойная стража была переименована в конвойные войска СССР, а Центральное управление конвойной стражи — в Центральное управление конвойных войск СССР. К августу 1934 г. в Москве, Харькове, Самаре, Новосибирске имелись конвойные дивизии, а в Ростове, Ленинграде и Ташкенте — отдельные бригады конвойных войск»⁵³.

Таким образом, правомерно сделать следующий вывод. Если сопровождение результатов «операций по кулачеству» потребовало увеличения конвойных войск почти в 1,5 раза, то, скорее всего, во столько же раз, как минимум, требовалось увеличить число исполнителей этих операций. Однако установить точную цифру войск ОГПУ в рассматриваемый период пока не удалось. Как бы там ни было, но увеличение войск на более чем 20 тыс. человек только за один 1930 г. стало существенным подспорьем для проведения операций «по кулачеству».

Столь значительный рост численности войск ОГПУ был проведен за счет возможностей военного ведомства. Напомним, что в постановлении Политбюро от 30 января 1930 г. РВС СССР вменялось в обязанность передать ОГПУ соответствующее количество личного

состава (пункт 3). Речь шла о выделении начальствующего и рядового состава, прежде всего из кадровых частей РККА. В служебной записке от 2 февраля 1930 г. (№ 474006) на имя зам. председателя РВС СССР И. С. Уншлихта зам. председателя ОГПУ С. А. Мессинг просил обеспечить выделяемый из РККА личный состав «положенным ему вооружением, снаряжением и обмундированием, а кавалеристов, помимо этого, с лошадьми и полным конским снаряжением». При этом им было точно указано количество необходимого личного состава по категориям и родам войск. Помимо этого руководство ОГПУ обращало внимание военного руководства и на политическую подготовку выделяемого контингента. В той же записке указывалось: «Весь рядовой состав желательно получать из числа призванных в 1928 году индустриальных рабочих, партийную и комсомольскую прослойку довести до 15 % членов ВКП(б) и 50 % членов ВЛКСМ»⁵⁴. Естественно, в противном случае идеологическая устойчивость войск могла отразиться на итоговых результатах.

Обратим внимание — власть использовала и другие способы, позволяющие поддерживать боеспособность войск ОГПУ. Так, например, в марте 1930 г. согласно постановлению РЗ СТО СССР увольнение старослужазших красноармейцев призыва 1927 г. из частей пограничной охраны ПУ УССР, БССР и Закавказья было задержано до 1 июля 1930 г.⁵⁵ Эти меры позволили увеличить численность войск на 5000 человек⁵⁶, когда накал крестьянских выступлений был крайне высок.

Важно отметить, что на сегодняшний день опубликован значительный комплекс распорядительных и информационных документов органов ОГПУ, позволяющих воссоздать степень участия и масштаб практических действий, проводившихся силами ОГПУ при осуществлении политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Мы вновь адресуем читателя к уникальным по значимости документальным изданиям «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», подготовленных усилиями многих архивов, в том числе и ЦА ФСБ России. Однако среди них крайне незначителен процент документов, показывающий организационную и боевую деятельность войск ОГПУ. Наиболее значимым документом нам представляется Справка Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ, подводящая итоги участия войск в «операциях по кулачеству» за первую половину 1930 г.⁵⁷ К сожалению, подобных документов за последующие месяцы и годы в архивах выявить не удалось. С учетом сказанного уделим должное внимание этому документу, так как практически он является единственным опубликованным и доступным документом, в котором обобщен опыт строительства и деятельности войск ОГПУ за рассматриваемый период.

В справке приводятся численные показатели, характеризующие организационную работу по направлениям и регионам. Полученная

от руководства страны прибавка в 6,2 тыс. человек (за первую половину 1930 г.) распределялась между: а) формированием новых частей войск ОГПУ — 2415 человек, б) усилением существующих частей войск ОГПУ — 1785 человек, в) усилением пограничной охраны — 2 тыс. человек. В этой же справке содержится информация о вновь сформированных частях: в Казахстане — 432 человека, в Нижне-Волжском крае — 491 человек, в Средне-Волжском крае — 207 человек, в Сибирском крае — 405 человек, на Урале — 102 человека, в Нижегородском крае — 80 человек, в Северном крае — 117 человек, в Центрально-Черноземном крае — 581 человек. Всего было сформировано 16 новых отдельных частей⁵⁸.

Обращает на себя внимание, что большинство вновь сформированных частей были кавалерийскими. Из них — один кавполк (11-й Воронежский в ЦЧО) численностью в 581 человек и девять кавдивизионов в 100 (чуть более) человек, являющихся мобильными и подвижными отрядами. Среди стрелковых формирований также был один полк (7-й Саратовский в НВКрае) численностью в 371 человека и пять дивизионов от 100 и более человек. В справке приводятся цифры укомплектования конским составом как вновь сформированных, так и существующих частей войск ОГПУ — 1656 лошадей⁵⁹. Отметим, что конский состав в войска ОГПУ поступал не только за счет РККА и от местных исполкомов. Большинство лошадей было закуплено непосредственно частями.

В справке отмечались трудности, которые пришлось преодолевать: «Работа по формированию новых частей крайне осложнилась: 1) тем, что на формирование частей поступали красноармейцы и начальствующий состав из рядов РККА, не имеющие представления о службе и работе наших войск, люди нам не известные, не проверенные; 2) кратким временем, в течение которого необходимо было создать части, освоить их, сделать их боеспособными и могущими безотказно выполнять поставленные перед ними задачи; 3) необходимостью в течение 10–15 дней обеспечить и оборудовать для размещения вновь создаваемых частей казарменные помещения, инвентарь, снабдить их вооружением, конским составом, снаряжением, артиллерийским довольствием, предметами казарменного обихода и т. п.» Несмотря на трудности, отмечали авторы документа, «вся работа по формированию новых и усилению существующих частей была проведена вовремя и достаточно четко и закончена в основном примерно в течение месяца»⁶⁰.

Усиление личным составом существующих частей зависело от особенностей регионов и проводимой в них работы. Среди *пограничной охраны* наибольшее внимание было уделено УССР — 600 человек, БССР — 400 человек, Закавказье — 390 человек, Средняя Азия — 305 человек, Казахстан — 305 человек; среди *войск ОГПУ*: Северо-Кавказский край — 304 человека, Дальневосточный край — 301 человек,

Закавказье — 210 человек, Северный край — 194 человек, Московская обл. — 161 человек, Сибирский край — 119 человек, Нижегородский край — 107 человек, в остальных регионах и областях (Уральская обл., Средняя Азия, Ивановская Промышленная обл., БССР, Западная обл., Казахстан) — по 100 и менее человек⁶¹.

Интересны также приводящиеся в справке показатели боевого снабжения органов и войск ОГПУ, среди которых были пулеметы «Максим» — 122 и Дегтярева — 255, тачанки пулеметные — 61, мортирок Дьяконова — 35 и гранат к ним — 1 839, пулеметы «Льюиса» — 2, грузомашин АМО — 55, бронемашин БА-27 — 3. Большая часть перечисленной техники была направлена во вновь формирующиеся части. Кроме того, войска и органы ОГПУ за первую половину 1930 г. получили боевых винтовочных патронов — 2 835 000 шт., револьверов «Наган» — 445 и патронов к ним — 102 410⁶².

В справке содержались и первоначальные итоги, обобщающие опыт боевой работы. К операциям «по кулачеству» преимущественно привлекались войска ОГПУ, однако недостаточность этих войск и осложнение обстановки в пограничных районах вызвали необходимость привлечь также части пограничной охраны к соответствующим операциям. В целом же пограничная охрана и войска ОГПУ использовались: а) для проведения мероприятий по выселению кулачества; б) по изъятию кулацких, байских манайских и антисоветских элементов; в) для ликвидации массовых антисоветских выступлений; г) для борьбы с бандитизмом⁶³.

В справке отмечалась чрезвычайная активность кулачества, «применявшего все формы сопротивления мероприятиям партии и соввласти, начиная с агитации против политики партии в деревне и кончая террором, бандитизмом и организацией восстаний». Одной из форм сопротивления было бегство кулаков за рубеж. Массовость и вооруженный характер «бегства» потребовали от руководства ОГПУ и пограничной охраны принять решительные меры к усилению охраны границы. Столь повышенное внимание к этому вопросу объяснялось тем, что, эмигрируя за рубеж, кулачество увлекало за собой не только середняков, но и бедноту, недоложную перегибами на местах. Более того, нередко вместе с собой прихватывалось ценное имущество, например, стада каракулевых овец в Средней Азии. Естественно, что ситуация в СССР активизировала деятельность со стороны властей некоторых сопредельных государств (Польша, Персия, Западный Китай) по проведению «контрреволюционной работы», в том числе по организации закордонного бандитизма, восстаний и банд на советской территории, а также мусаватистских ячеек в Закавказье и др.

Малочисленность войск ОГПУ перед масштабами операций «по кулачеству» повлияла на способы привлечения этих войск, выразившиеся в «оперативно-боевых перебросках». Отметим, что «переброски»

отличались между собой — одни осуществлялись в пределах одного округа распоряжением ПП ОГПУ, другие — по Союзу распоряжением центрального руководства ОГПУ. Так, например, за четыре месяца (к 5 июня 1930 г.) **по Союзу** распоряжением ОГПУ в «перебросках» было задействовано **2856 человек**, из которых наибольшее число пришлось на Отдельную дивизию особого назначения (ОДОН) и Высшую пограничную школу (ВПШ), находившиеся в Москве, соответственно — 1852 и 477. В свою очередь, география и численность личного состава «перебросок» по *ОДОНу* выглядела следующим образом: Закавказье — 464, СКК — 467, НВК — 336, ЦЧО — 273, Урал — 202, Северный край — 74, Башкирия — 36; соответственно по *ВПШ*: Московская область и Центр — 332, УССР — 50, СКК — 35, Закавказье — 25, БССР — 20, Северный край — 15. Не менее интенсивными были «переброски» войск ОГПУ внутри округов. За те же четыре месяца **внутри округов** было «переброшено» **5194 человека**; самыми активными регионами в этом отношении оказались: Закавказье — 1620, СКК — 962, Сибирь — 796, УССР — 565, СВК — 280, Средняя Азия — 270, Урал — 259, ДВК — 125. Последнее место в этом списке занимает Московская область — 16.

Как мы отмечали, пограничная охрана также участвовала в операциях «по кулачеству». Общая картина «перебросок» **пограничной охраны** выглядит следующим образом: всего за те же четыре месяца было задействовано **5838 человек**. По регионам цифры распределялись: Закавказье — 3825, Казахстан — 679, УССР — 599, Сибирь — 266, ДВК — 200, Средняя Азия — 179, БССР — 90. Продолжительность подобных «перебросок» была различной — от 15 дней до 3 месяцев⁶⁴.

Таким образом, в «перебросках» было задействовано около 14 тыс. человек. Однако в справке, откуда взяты приведенные показатели, общее число «переброшенных» бойцов было указано в **15337 человек**. Объясняя эту разницу, авторы справки ссылались на то, что при составлении соответствующих таблиц были опущены соответствующие данные по войскам ОГПУ, находившимся в местах своего постоянного расквартирования. Это означает, что около 1,5 тыс. человек привлекались к операциям «по кулачеству» в местах своего расквартирования войск.

Несомненно, что «переброски» сформированных для выполнения конкретных задач отрядов определяли тактику действий войск ОГПУ и пограничной охраны. Свою «малочисленность и незначительность по составу» отряды компенсировали большой подвижностью и маневренностью. Среди примеров, приведенных в справке, были и такие: один из дивизионов войск ОГПУ в течение 2 недель ликвидировал 102 массовых выступления в УССР; дивизион 1-го полка ОСНАЗ, «пробыв 2,5 месяца в ЦЧО и будучи в течение всего этого времени в непрерывных перебросках по области, в связи со сложившейся обстановкой переброшен в Дагестан, где уже около месяца принимает участие в ликвидации массового бандитизма»⁶⁵.

Расширившиеся задачи и функции войск, в том числе борьба с бандитизмом, обслуживание органов ОГПУ по выполнению текущих операций (обысков, выемок, опечатаний, арестов, засад, оцеплений), конвоирование особо важных арестованных, внешняя охрана мест заключения и др. были отражены в Уставе службы внутренних войск, утвержденном в 1931 г.

Исследователи истории спецслужб отмечают как важный факт, что в 1931 г. наряду с Уставом службы внутренних войск было разработано и утверждено «Наставление по оперативно-боевому использованию» войск ОГПУ (НОБИ-31), которым определялся порядок действия войск при проведении чекистско-войсковых операций. При этом они отмечают, что «в сочетании с вышедшим в 1929 г. Полевым уставом РККА эти документы заложили хорошую нормативную основу для выработки единого подхода к боевому использованию войск, организации их повседневной деятельности, обучения и воспитания»⁶⁶.

Оперативные мероприятия, сопровождавшиеся боевыми столкновениями, влекли за собой потери с обеих сторон, которые ко времени составления справки исчислялись со стороны войск ОГПУ и погранохраны в 244 человека (убитых, раненых, пропавших без вести). Учетные потери противоборствующей стороны составили 1482 человека, из них убитых — 1115. Однако авторы оговаривали, что эти цифры относятся только к тем, кто принимал участие в открытой вооруженной борьбе с отрядами ОГПУ. «Против антисоветски настроенных толп, вооруженных копьями, вилами, камнями и т. п., — писали авторы справки, — огнестрельное оружие применялось лишь в исключительных случаях, только при особой агрессивности со стороны толпы и очевидной невозможности иного воздействия на нее. [...] Возбужденные толпы рассеивались путем разгона их кав. подразделениями частей, применением прикладов, шашек плашмя и не причиняющих вреда взрывчатых пакетов». При этом указывалось, что «всего на 1 мая убито и ранено при ликвидации массовых выступлений 34 человека, что к общему числу вышеприведенных убитых и раненых составляет 3,5 %»⁶⁷. Таковы были первые результаты борьбы с деревней, отраженные в документах.

В многотомном документальном издании по истории Внутренних войск, осуществленном в 1970-х гг.⁶⁸, большая часть документов представлена приказами, сводками, ходатайствами, связанными с наградами личного состава войск и описаниями боевых эпизодов. Несомненно, что эти материалы также важны для потомков, но они не дают цельного представления о масштабах оперативной работы войск.

На сегодняшний день крайне важно восстановить объективную и полноценную картину деятельности Внутренних войск в период проведения основных операций по раскулачиванию, выселению крестьянства и подавлению его выступлений. Призывая к поиску новых документов, необходимо помнить, что ответственность за происходящее в деревне

насилие лежит не на исполнителях принятых наверху политических решений, а на тех, кто инициировал их.

Точную оценку антинародной политики большевистского руководства и роли в ней органов ОГПУ дал в своем исследовании А. М. Плеханов. Опираясь на выводы «внимательного аналитика большевизма» Н. А. Бердяева, считавшего, что «большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма» и «в высшей степени милитаризованная сила»⁶⁹, Плеханов пишет: «Диктатура большевиков в 1921–1928 гг. была опосредованной диктатурой меньшинства, объединенного в политическую организацию, обладавшую своеобразным пониманием исторического процесса, переоценивавшим свои возможности воспроизвести в собственной политической программе реальные интересы абсолютного большинства населения»⁷⁰. Объясняя механизм этого явления, он делает вывод, что «иначе и быть не могло, потому что формирование новой системы происходило в экстремальных условиях Гражданской войны, когда сверхцентрализм и государственное принуждение играли важную роль в мобилизации сил и ресурсов страны»⁷¹. Далее, указывая на набиравший «с каждым годом все большую силу» процесс подмены государственных органов власти партийными, Плеханов называет причины: «Этому способствовал ряд обстоятельств: во-первых, сама партия стала живой тканью госаппарата, органом диктатуры, во-вторых, не удалось провести четкое разграничение функций РКП(б) и советов, а реальная власть сосредоточилась в руках узких коллегий: “троек”, “пятерок”, ревкомов, чека, в которые входили представители партии. Как составная часть механизма советского государства, органы ВЧК–ОГПУ строили свою практическую деятельность на основе единых теоретических принципов и политики РКП(б)»⁷².

§ 3. Основные положения использования Красной армии на «внутреннем фронте»

Начало проведения массовых операций «по кулачеству» потребовало четкого разграничения задач между Красной армией и органами ОГПУ на «внутреннем фронте». Как отмечалось ранее, таким основным документом, определяющим сферы деятельности этих двух военизированных структур, был приказ РВС СССР от 10 июля 1926 г. № 365/59. Приведем текст этого приказа полностью, так как он являлся для Красной армии основополагающим в вопросах привлечения армейских частей внутри страны:

«1. Борьба с бандитизмом повсеместно возлагается на органы ОГПУ, за исключением Средне-Азиатского военного округа.

2. На территории Средне-Азиатского военного округа борьба с бандитизмом (басмачеством) возлагается на части Красной Армии при соответствующем содействии со стороны органов ОГПУ.

3. Привлечение частей РККА органами ОГПУ допускается:

а) В приграничных районах для содействия войскам пограничной охраны, когда на том или ином участке границы ожидаются попытки проникновения из-за рубежа значительных вооруженных групп бандитов или намечаются попытки выступления местного бандитизма элемента в угрожающем масштабе и когда сил пограничной охраны для борьбы с этими явлениями — недостаточно. В указанном случае вопрос о привлечении частей Красной Армии органами ОГПУ разрешается командованием соответствующих округов.

б) Во внутренних районах, когда, по мнению органов ОГПУ, содействие частей РККА для борьбы с бандитизмом является необходимым, привлечение последних производится каждый раз только с особого разрешения РВС СССР.

4. При возникновении бандитского движения в широких размерах на какой-либо части территории СССР, ликвидируемого с помощью частей РККА, руководство операциями возлагается на лицо, назначаемое по соглашению Уполномоченного ОГПУ и Командующего войсками округа.

5. Приказ РВСР 1922 г. за № 456/77 и РВС и ГПУ 1923 г. за № 823/215 — отменить.

Заместитель народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР *Уншлихт*

Заместитель председателя ОГПУ *Ягода*⁷³.

Очень важным являлся пункт 3 настоящего приказа, который предусматривал условия и порядок привлечения частей РККА органами ОГПУ для укрепления безопасности внутри страны. Отметим, что условия привлечения армейских частей были разными: для *приграничных районов* (пункт 3, подпункт «а») — один, для *внутренних районов* (пункт 3, подпункт «б») — другие. Для приграничных районов достаточно было разрешения командования соответствующих округов. Для внутренних районов привлечение армейских частей разрешалось «каждый раз только с особого разрешения РВС СССР». Приказ предусматривал также порядок совместных действий органов ОГПУ и частей РККА. В подобных операциях руководство возлагалось на лицо, назначаемое по соглашению Уполномоченного ОГПУ и командующего войсками округа (пункт 4).

Постановление «по кулачеству» от 30 января 1930 г. не изменило существующий порядок, отведя роль исполнителя намеченных мероприятий органам ОГПУ. Напомним, что в принятом в развитие данного постановления приказе ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 ответственными за проведение операций были названы ПП ОГПУ, которые, в свою очередь, могли привлекать войска ОГПУ. Согласно приказу ОГПУ использование частей Красной армии допускалось только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с

краевыми организациями и РВС военных округов. В тех районах, где недостаточно было частей из войск ОГПУ, ПП ОГПУ разрешалось организовывать в скрытом виде «войсковые группы из надежных, профильтрованных особыми органами ОГПУ частей Красной Армии»⁷⁴. Таким образом, сохранялся существовавший порядок использования частей Красной армии на «внутреннем фронте», утвержденный приказом РВС СССР 1926 г.

3 февраля 1930 г. за подписью наркома К. Е. Ворошилова была разослана во все военные округа директива (№ 25/ш), подтверждающая прежний порядок привлечения частей РККА. Приказ РВС СССР от 10 июля 1926 г. № 365/59 действовал на протяжении всего периода проведения операций «по кулачеству». В 1933 г. в связи с проявлением тенденций в округах привлекать армию для сельскохозяйственных работ Ворошиловым был вновь отдан приказ, подтверждающий основные положения использования армейских частей на «внутреннем фронте».

Таким образом, Красная армия не только не привлекалась, но и не рассматривалась властью как военная сила для осуществления политических решений в отношении крестьянства, хотя за годы Гражданской войны ею был накоплен немалый как боевой, так и организационный опыт, позволивший достаточно быстро справиться с массовым бандитизмом, как политическим, так и уголовным.

Научные исследования последнего времени, как мы отмечали ранее, свидетельствуют о том, что вопрос о привлечении армии к операциям по раскулачиванию и «влиянии столкновений на армию в связи с раскулачиванием» не был однозначным. Несомненно, что К. Е. Ворошилов, принял активное участие в отстаивании прежнего порядка использования войск Красной армии на «внутреннем фронте». Позиция наркома в этом вопросе имела серьезные основания. Одно из них — волна «крестьянских настроений» не спадала; вопрос — можно ли использовать армию, имеющую крестьянскую основу, в реализации антикрестьянской политики, для многих был однозначен. Было и другое обстоятельство, которое, скорее всего, учитывал Ворошилов. Постановление Политбюро «Об обороне СССР», принятое в июле 1929 г., нацеливало Красную армию к серьезным организационным изменениям, связанным в том числе с разработкой мобилизационных мероприятий. Несомненно, что эта важнейшая как для страны в целом, так и для армии в частности работа требовала от военного руководства огромных организационных усилий и сосредоточения внимания на усилении боеготовности армии.

Усугубляли и без того непростую ситуацию развернувшиеся внутри военного ведомства споры между К. Е. Ворошиловым и М. Н. Тухачевским на перспективы модернизации Красной армии. Суть этих споров составляли вопросы соотношения между необходимостью и целесообразностью новых формирований внутри Красной

Армии, позволявших усилить обороноспособность страны. Позицию, занимаемую К. Е. Ворошиловым в этих вопросах, исследователь вопросов мобилизационного планирования конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. О. Н. Кен выразил как позицию «оборонной достаточности», которая заключалась в реальном видении перспектив. В работе О. Н. Кена подробно описываются основные положения и ход обсуждения этих вопросов⁷⁵.

Обратим лишь внимание на следующее — увеличение числа дивизий, в том числе стрелковых, кавалерийских, артиллерийских, предлагаемое М. Н. Тухачевским, требовало прежде всего увеличения призывного контингента, в большинстве своем состоявшего из тех же крестьян. Остроту спорам внутри военного ведомства, как точно отметил О. Н. Кен, придавало следующее обстоятельство: обе стороны имели общего оппонента в лице Генерального секретаря ЦК ВКП(б)⁷⁶. Сталинская демагогия вновь проявилась сполна. С одной стороны, он был инициатором политики «милитаризации», с другой стороны — политики «раскулачивания».

Таким образом, армия оказывалась в центре непростой ситуации, что называется — между двух огней. Политика партии в деревне обострила до предела взаимоотношения между властью и крестьянством. Любая эскалация действий против крестьян отражалась не только на армии, но и на призывниках. Их недовольства, приумноженные на такие же настроения самих красноармейцев, могли спровоцировать взрыв, подобный Кронштадтскому мятежу, а может быть, и сильнее.

Осознавая, что крестьянство может встать на свою защиту, как это было неоднократно в годы Гражданской войны, власть вынуждена была пойти на уступки, выведя семьи красноармейцев за пределы карательных действий при раскулачивании. Вместе с тем власть понимала, что в случае экстремального развития событий в деревне единственной опорой для нее может быть только регулярная армия. Поэтому спокойствие армии было залогом успешного осуществления политики партии в деревне. Если бы армия стала привлекаться к операциям по раскулачиванию, это создало бы условия для развития внутренней войны между армией и народом.

Мы не знаем, какие аргументы приводило военное ведомство в защиту прежнего порядка привлечения армии, мы также не знаем, какие взгляды на этот вопрос были у главного идеолога и вдохновителя «нового курса».

К сожалению, в архивах пока не найдены документы, проливающие свет на вопрос — приходилось ли К. Е. Ворошилову отстаивать прежний порядок привлечения армейских частей на «внутреннем фронте» перед сторонниками «ускоренных темпов». Как бы то ни было, главным остается следующий факт — разумная позиция военного руководства победила над желанием тех, кто хотел быстрых успехов.

В РГВА среди материалов Штаба РККА сохранились документы, уточняющие некоторые аспекты обсуждения вопросов использования армейских частей в оперативных мероприятиях при раскулачивании. 11 января 1930 г. на имя Павловского была послана следующая небольшая записка: «Н[ачальник] Ш[таба] приказал составить всем комвойскам маленькую директиву об изменении п[ункта] “б” “Порядок вызова войск” согласно приказа РВС [СССР] № 365/59–1926 г. Трутко». Проект такой директивы был составлен за подписями начальника Штаба РККА и начальника 1-го управления Штаба РККА. Директива предназначалась командующим войсками всех десяти военных округов, копия ее направлялась также заместителю председателя ОГПУ при СНК СССР. В ней говорилось:

«В соответствии с приказом РВС СССР № 365/59 от 1926 г. и во изменение параграфа 225 “Временного Устава гарнизонной службы РККА” издания 1924 г. — народный комиссар по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР приказал: 1) Во всех случаях, предусмотренных в параграфе 225 “Вр. Устава гарнизонной службы РККА” для содействия органам ОГПУ или местным гражданским властям во внутренних районах привлечение частей РККА допускается: а) при введении чрезвычайных мер охраны революционного порядка в форме исключительного или военного положения — с разрешения Реввоенсовета соответствующего военного округа; б) при обычном положении — с разрешения РВС СССР. 2) О всех случаях вызова частей РККА надлежит немедленно доносить. Начальник Штаба РККА. Начальник 1-го управления Штаба РККА (*Вакулич*)»⁷⁷.

Сравнение двух вариантов текстов общего пункта приказа 1926 г. и директивы 1930 г. показывает наличие некоторых расхождений, которые на первый взгляд не меняют суть дела.

В тексте приказа 1926 г. пункт «б» не был разделен на подпункты и предусматривал общий порядок привлечения армейских частей для всех внутренних районов страны, при этом основным критерием являлось «мнение органов ОГПУ», но «только с особого разрешения РВС СССР». В тексте директивы 1930 г. пункт «б» разделен на подпункты, которые уточняли условия привлечения частей: «а) при введении чрезвычайных мер охраны революционного порядка в форме исключительного или военного положения» и б) «при обычном положении». В первом случае требовалось разрешение соответствующего РВС военного округа, во втором — разрешение РВС СССР. Как видим, уточнение коснулось не только разграничения ответственности между центральным (РВС СССР) и окружными (РВС округа) органами военной-политической власти. Определялись также условия, при которых органы местной власти могли оперативно принимать соответствующие решения, превышающие их полномочия. Кроме того, в варианте текста директивы 1930 г. был включен дополнительный пункт, обязывающий

о всех случаях вызова частей РККА «немедленно доносить». Таким образом, текст новой директивы конкретизировал порядок привлечения армейских частей на «внутреннем фронте».

Подготовленный для утверждения проект был напечатан на бланке начальника Штаба РККА, имел непроставленную дату — « » января 1930 г. и был подписан начальником 1-го управления Штаба РККА Вакуличем. На документе имеется помета самого Вакулича, проливающая свет на причины задержки окончательного утверждения директивы: «Подождать до решения ЦК об охране тыла. В[акулич]. 26 января 1930 г.». Напомним, что между 11 и 26 января происходило активное обсуждение вопросов по организации мероприятий по выселению кулачества из районов проживания. Скорее всего, военное командование ждало окончательного текста постановления «по кулачеству», в котором должны были быть отражены вопросы «охраны тыла» и определены ответственные за исполнение органы.

По всей видимости, отложенная в конце января директива была послана в округа 3 февраля, когда окончательно прояснилось, кто будет отвечать за исполнение соответствующих операций. На сегодняшний день поиск разосланного в военные округа текста этой директивы пока не дал положительных результатов — ни в секретариате Ворошилова, ни в управлениях военных округов, куда она передавалась шифром с грифом «совершенно секретно», текст ее не обнаружен. Однако косвенные источники говорят о том, что в первых числах февраля в округа наркомом были посланы не одна, а две директивы, в которых подтверждался порядок привлечения армейских частей на «внутреннем фронте». Наши знания о них основываются прежде всего на донесениях командующего МВО А. И. Корка в связи событиями в г. Медвыни. Эти события последних чисел января 1930 г., когда личный состав дислоцирующегося в городе 243-го полка без согласования с военными инстанциями был привлечен к акции по раскулачиванию городского населения, получили широкий резонанс. Возможно, они стали причиной появления директивы, направленной наркомом в военные округа.

Так, в одном из своих донесений А. И. Корк докладывал К. Е. Ворошилову, что директива, «запрещающая привлечение войсковых частей к операциям изъятия или охраны выселяемых кулаков», получена им утром 3 февраля. Учитывая, что расшифрованная и совершенно секретная директива наркома не могла бы пролежать без движения в штабе округа даже один час, правомерно говорить о реальной дате этой директивы — 3 февраля 1930 г. В другом донесении А. И. Корк указывает на получение им второй директивы от Ворошилова.

Причины появления второй директивы от 6 февраля 1930 г. уточняет опубликованный протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1930 г. В нем были зафиксированы результаты проведенного накануне, 4 февраля, опроса членов Политбюро по вопросу «о мерах в

отношении кулачества». Среди принятых Политбюро решений было и относящееся к деятельности Московского обкома партии: «а) Отменить решение бюро Московского обкома от 31 января 1930 г. о выселении от 9 до 11 тыс. кулацких семейств (по 2-й категории), как не отвечающее постановлению ЦК о кулаках от 30 января 1930 г. и не согласованное с ЦК; б) Решение бюро Мособкома не рассылать, а если уже разослано, — вернуть в бюро Мособкома»⁷⁸. Несомненно, что этим решением Политбюро осудило не только действия московского партийного руководства, но и подведомственных ему медыньских функционеров.

С учетом сказанного проясняются причины появления второй директивы Ворошилова от 6 февраля — ведь в Медыни отличились не только гражданские, но и военные. Каковы бы ни были причины появления февральских директив наркома, важно главное — они подтверждали прежние установки в отношении привлечения Красной армии для внутренних задач — войска разрешалось использовать для проведения различных акций лишь с разрешения РВС военных округов либо РВС СССР.

Таким образом, на протяжении всего периода проведения операций «по кулачеству» действовали положения приказа РВС СССР № 365/59-1926 г. В 1933 г. был издан новый приказ № 004 от 3 марта, подтверждающий основные положения прежнего приказа. Однако новый приказ имел несколько измененный акцент: он затрагивал «порядок привлечения частей Красной Армии, не входящих в круг их обязанностей». Приказ этот адресовался «только РВС округов, армий и морей» и начинался словами: «В течение последних лет по различным поводам, лично и в письменной форме, мною неоднократно отдавались категорические приказания командующим и РВС округов и морей о запрещении им без специального в каждом отдельном случае разрешения РВС СССР привлекать красноармейские части для выполнения поручений, не входящих в круг их прямых обязанностей (различного рода работы, операции по изъятию контрреволюционных и кулацких элементов и т. д.). Эти мои постоянные категорические приказания диктовались теми соображениями, что Красная Армия как важнейшая часть социалистического государственного аппарата должна заниматься прежде всего возложенным на нее делом, т. е. боевой подготовкой красноармейцев, начсостава и соединений в целом, за что все мы отвечаем перед партией, перед правительством и перед всеми трудящимися»⁷⁹.

Причины появления нового приказа наркома о порядке использования войск разительно отличались от предыдущих.

Командующий войсками СКВО, «не испросив разрешения [РВС СССР], принял участие в разработке широкой программы привлечения красноармейских частей к весенней посевной кампании и вместе с краевыми партийными органами прислал эту программу на утверждение

в центр». За проявленную инициативу, нарушающую требования приказа, он получил от Ворошилова предупреждение — ему было поставлено «на вид» за «невыполнение моих неоднократных указаний». При этом в приказе указывалось, что «в разработанном плане нет никаких указаний, как увязывает командование округа эту большую дополнительную нагрузку для войск с выполнением плана боевой подготовки». В заключение нарком вновь подтверждал «всем РВС округов, армий и морей, всем командующим» установленный порядок — «отвлечение красноармейских частей от их прямых обязанностей может происходить только в случае особо государственной важности и только с разрешения РВС СССР»⁸⁰.

Как следует из текста приказа, недовольство наркома было вызвано действиями подчиненного ему командующего, который хотел оказать помощь селу в посевной кампании. На первый взгляд — уж куда более позитивное намерение. Однако окрик наркома потребовал сосредоточить внимание на прямой функции, возложенной на армию, — боевой подготовке войск. Видимо, все «перегибы» политики партии в деревне отражались на призываемом в армию пополнении, его обучение основам боевой подготовки требовало больше усилий.

Как бы ни стремилось военное руководство держать под контролем действия своих подчиненных, всегда находились лица, проявившие большую активность, чем остальные. В этом отношении показательны тексты постановлений РВС трех военных округов — Приволжского, Украинского, Ленинградского⁸¹.

РВС военного округа работал в тесном взаимодействии с местным партийным руководством. Существовала практика, когда секретарь обкома (крайкома) ВКП(б) входил в состав РВС военного округа. Постановления РВС военного округа всегда подписывались командующим военным округом и начальником политуправления округа, одновременно являющимся членом РВС округа.

Указанные нами постановления окружных РВС нацеливали на развертывание практической работы в армейских рядах по осуществлению январских решений партии о сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса. Они отличались между собой как датировкой (в ПриВО — 20 января, Украинском — 2 февраля и Ленинградском — 6 февраля 1930 г.), так и тональностью содержания. Наиболее лаконичной и выдержанной была директива РВС ЛВО, наиболее радикальной — директива РВС ПриВО. Директиву УВО отличала осторожность в формулировках. Возможно, что на тональность этих директив оказало влияние время их принятия. Хотя между ними разница в несколько дней, но в эти промежутки зачастую принимались ключевые решения Центра.

20 января 1930 г. РВС Приволжского военного округа издал директиву, отвечающую духу времени. Приведем ее полностью, чтобы на ее

примере показать, как менялось отношение окружного военного руководства к общеполитической кампании:

«Решительный курс партии на сплошную коллективизацию крестьянского хозяйства неразрывно связан с задачей ликвидации кулачества как класса. Партия вступает в самый решающий этап классовой борьбы в деревне. В ответ на рост активности кулачества, в ответ на его выступления против коллективизации и террора в отношении партийного и советского актива на селе партия, поставив своей задачей ликвидацию кулачества как класса, решила нанести ему новый решительный удар. В ближайшее время предстоит выселение в отдаленные местности из областей, расположенных на территории Приволжского военного округа, больших масс кулачества. При проведении этой операции возможны отдельные случаи кулацких и антисоветских выступлений, которые могут потребовать использования частей Красной Армии для их ликвидации.

В целях активного содействия партийным и советским организациям и органам ГПУ в выполнении этой исключительно ответственной задачи приказываю:

1. Немедленно установить связь с краевыми, областными и местными комитетами партии и органами ГПУ в целях информации о практических планах проведения этих решений и о порядке использования, в случае нужды, частей Красной Армии.

2. Использование частей допускать только с разрешения РВС округа.

3. Заблаговременно во всех гарнизонах под руководством начальника и комиссара гарнизона иметь подготовленные для этого отряды без всякой организационной ломки и без нарушения нормального хода боевой подготовки. При выделении этих отрядов особое внимание обращать на обеспечение их решительным политическим и классово выдержанным командным и красноармейским составом и сильной партийной и комсомольской прослойкой, обеспечивая каждое выступление отрядов интенсивной политической работой в них.

4. Вся подготовка к проведению этой задачи должна проводиться совершенно секретным порядком. Знакомить с этими мероприятиями можно лиц начсостава не ниже командира и комиссара части. Сейчас ознакомить командиров и комиссаров школ и полков гарнизона.

5. Немедленно принять решительные меры к изъятию из частей кадра и переменного состава кулацких, антисоветских элементов и всех, кому отказано в приеме в колхозы. Самыми решительными мерами пресекать проникновение кулацкой антисоветской работы в частях, усилив также изучение политико-морального состояния красноармейцев кадра и переменного состава терчастей.

6. Во всей системе партийной и политической работы необходимо заострить внимание на решении партии о ликвидации кулачества как класса, мобилизуя общественное мнение красноармейцев кадра и пере-

менного состава и влияние их на деревню для ликвидации кулачества как класса и необходимости выселения их из деревни в отдаленные местности.

7. Особое внимание уделить политической работе в конвойных частях.

8. Усилить связь и политическое воспитание переменного состава в междуборовый период, особенно вокруг вопросов ликвидации кулачества как класса.

9. О выполнении настоящего и о политических настроениях начсостава и красноармейцев в связи с ликвидацией кулачества срочно и полно доносить в Пуокр. В особо важных случаях — немедленно шифром. Командующий войсками *Базилевич*. Член РВС *Дуганов*⁸².

Постановление было распечатано в 28 экз., из которых 17 экз. были направлены в части округа, 1 экз. — командиру и военному комиссару 1-й бригады ВНУС, по 1 экз. — нач. ПУ РККА, военному прокурору ПриВО, председателю военного трибунала ПриВО, нач. ОО ОГПУ по ПриВО. Кроме органов ОГПУ копия постановления была направлена региональным партийным руководителям, являющимися членами РВС округа: Хатаевичу, Шеболдаеву, Кабакову, а также ответственному секретарю обкома ВКП(б) АТССР Разумову, ответственному секретарю обкома ВКП(б) АБССР Быкину. Как видим, среди адресатов рассылки присутствуют фамилии региональных партийных руководителей.

Обращает на себя внимание: во-первых, практическая направленность директивы — речь идет о подготовке к конкретным действиям (пункт 1), которые должны были проводиться «совершенно секретным порядком» (пункт 4); во-вторых, директива не запрещает использовать части Красной Армии, предусматривая такой вариант — «в случае нужды» (пункт 1), но «только с разрешения РВС округа» (пункт 2). Однако «на случай нужды» все гарнизоны должны заблаговременно подготовить для этого отряды, правда, «без всякой организационной ломки и без нарушения нормального хода боевой деятельности» (пункт 3). На наш взгляд, этот пункт слишком явно отражал тенденцию к инициативе, так активно проявляющуюся на местах. Интересно, что этот пункт обеспокоил и начальника ПУ РККА Я. Б. Гамарника, который, получив текст директивы, написал резолюцию: «Сообщить [в] секретариат т. Ворошилову. Пункт 3-й вызывает у меня сомнения. 27/1-30 г.» Остальные пункты касались организации партийной и политической работы (пункты 6–8), но и в них внимание «заострялось» на решении партии о ликвидации кулачества как класса. Напомним, что до официального постановления о кулачестве оставалось еще десять дней.

В отличие от ПриВО РВС Украинского военного округа проявил большую сдержанность. Его постановление было принято 2 февраля 1930 г. за подписью командующего войсками УВО И. Э. Якира

и начальника политуправления УВО Г. Д. Хаханьяна. Скорее всего, оно появилось как следствие приказа ОГПУ № 44/21. Несомненно, что командование округа было своевременно осведомлено об этом приказе, а значит, и о соответствующем пункте в нем, касающемся использования частей Красной армии. По поводу привлечения войск в постановлении говорилось: «Учитывая возможность требований местных организаций о привлечении частей к ликвидации явлений бандитизма и острых кулацких эксцессов в отдельных районах, РВС УВО предлагает использовать для этого в первую очередь полковые школы частей. Одновременно на основе специального постановления ЦК КП(б)У РВС УВО указывает, что привлечение частей и выдача оружия местным организациям могут быть произведены только по особому разрешению в каждом отдельном случае РВС УВО. РВС УВО также категорически запрещает производство каких-либо специальных формирований и каких-либо реорганизаций частей для выполнения указанных выше требований, тем более указывает на недопустимость каких-либо изъятий или замен из выделяемых частей (полкшкол) начсостава. РВС УВО твердо убежден, что командование дивизии и корпусов проявит всю необходимую выдержку, чутке и политический такт, категорически исключив поспешные и необдуманные мероприятия» (пункт 4)⁸³.

Политическая сдержанность РВС округа проявилась и в других пунктах этого постановления — *в отношении к переменному составу*: «Боевая подготовка частей округа должна быть поднята на высшую ступень, особенно межсборовая работа и руководство переменным составом частей. Предстоящие сборы переменного состава должны быть превращены в огромной важности политическую кампанию по разъяснению переменникам задач 100 % коллективизации хозяйств переменников, по поднятию общего темпа коллективизации села и связанной с этим ликвидацией кулачества как класса, по подготовке к предстоящей посевной кампании и задач повышения боевой подготовки частей. Каждый переменник после сборов должен быть активным проводником наших мероприятий на селе» (пункт 3); *в отношении с конвойными частями*: «В связи с привлечением конвойных частей для конвоирования выселяемых кулацких элементов особое внимание обратить на приведение этих частей в полную готовность. Необходимо усилить руководство, особенно политическое, этими частями и в необходимых случаях подкреплять их на этот период работниками... В частях должны быть усилены дисциплина и политическая работа. Политорганам обратить внимание на мелкие гарнизоны, особенно в районах возможных кулацких эксцессов и бандитизма, усилив руководство этими гарнизонами и в необходимых случаях работниками»; *в отношении учета особенностей местных условий*: «На корпусных и дивизионных политсовещаниях во исполнение настоящего постановле-

ния установить мероприятия по его реализации с учетом особенностей каждого округа, части и всех местных условий» (пункт 8).

Наконец, постановление *РВС Ленинградского военного округа* от 6 февраля 1930 г., подписанное командующим войсками ЛВО М. Н. Тухачевским и членом РВС ЛВО И. Е. Славиным, отличалось лаконичностью, присущей боевому приказу. Четко обрисована цель: «В связи с развертыванием практической работы по ликвидации кулака как класса внутри страны, в частности Ленинградской области, проводятся в течение ближайших месяцев следующие мероприятия: а) изъятие и выселение органами ОГПУ злостных контрреволюционных кулацко-поповских элементов; б) изъятие и выселение органами Советской власти из районов сплошной коллективизации раскулаченных батрацко-бедняцко-средняцкой массой кулацких элементов»⁸⁴.

В отношении боевой подготовки предписывалось: «Установить четкое выполнение в частях требований внутреннего распорядка в соответствии с Внутренними Уставом РККА (пункт 2)», в частности, особое внимание требовалось уделить наблюдению за посещением казарм гражданскими лицами и военнослужащими других частей, а также контролю и предупреждению «возможной антисоветской агитации со стороны ходоков» (подпункт «в»); при необходимости допускалось «ограничить увольнение красноармейцев из района казарм, особенно в тердивизиях, в дни базарных съездов населения, одновременно улучшив политико-культурное обслуживание красноармейцев в свободное время» (подпункт «г»). Как и в предыдущих постановлениях, внимание политорганов и комначсостава нацеливалось на проведение краткосрочных сборов переменного состава в терчастях, сборов вневойсковиков, приписки переменного состава к второочередным дивизиям: «Подготовительная работа должна обеспечить при помощи местных органов власти своевременное исключение из списков, привлекаемых на обучение красноармейского состава, лишенцев и кулаков» (пункт 2). *В отношении использования частей Красной армии* в постановлении указывалось: «Войсковые части округа к операциям по изъятию кулацких элементов ни в коем случае не привлекаются» (пункт 4). Только в исключительных случаях — «при возникновении чрезвычайных обстоятельств» разрешалось «оперативное использование» войсковых частей для оказания содействия органам ОГПУ, но «под личную ответственность командования дивизий, донося немедленно об этом РВС округа». Отметим, что в постановлении имелась отсылка к «особому списку» частей, утвержденному РВС округа и рассылаемому дополнительно. В пункте предписывалось командованию дивизий, соответствующих списку, «подготовить особо надежные и устойчивые в политическом отношении войсковые подразделения, обеспечив их соответствующей партийно-рабоче-батрацко-бедняцкой прослойкой. Указанные подготовительные мероприятия командирам и комиссарам

частей лично провести в строго секретном порядке под видом текущей мобилизационной работы». Как видим, армейские части не привлекались к операциям, но все же их рассматривали как опору в случае непредвиденных ситуаций, и даже более того, они должны были быть готовыми к этой работе.

Заслуживает внимания еще один пункт этого документа, свидетельствующий о сверхсекретности намечаемых мероприятий: «В развитие настоящей директивы командованию частей никаких письменных распоряжений не давать, ограничиваясь соответствующими личными указаниями» (пункт 7). Напомним, что РВС ПриВО разрешал «знакомить» с мероприятиями начсостав не ниже командира и комиссара части, РВС УВО — начсостав до командиров и комиссаров (пом. по политчасти) дивизии. Во всех трех директивах имелся еще один общий пункт — об усилении темпа работ по выявлению и изъятию «социально чуждого элемента» из рядов армии, но подробнее об этом мы будем говорить далее.

Обзор трех окружных постановлений РВС показал — командование военных округов было в курсе всех принимаемых в Центре решений по ликвидации кулачества как класса. Эта информация приходила к ним как по линии Центра и ОГПУ, так и по линии местных органов. Несмотря на официальный запрет привлечения армейских частей, все же были предусмотрены ситуации, заставляющие войска (или часть их) держать в состоянии боевой готовности.

Среди местных функционеров было немало, проявляющих свою инициативу в угоду общей политике Центра. Однако мало кому известно, что такие случаи были и в Красной армии. Примером инициативы местных военных органов является информационное письмо ПУ ПриВО с предложением организовать социалистическое соревнование. Письмо это было послано 31 января 1930 г. в адрес начальников соответствующих управлений СКВО, УВО, Кавказской Краснознаменной армии. Обращают внимание два обстоятельства: прежде всего автор письма — все тот же ПриВО, известный нам по своей инициативной директиве от 20 января; второе — дата письма — на следующий день после постановления Политбюро по кулачеству. Текст письма небольшой, приведем его полностью:

«№ П2/25/3101. Самара.

Дорогой товарищ! Через газету Приволжского военного округа “Красноармеец” политическим управлением ПриВО и редакцией “Красноармейца” сделан вызов трем округам: УВО, СКВО и ККА на соцсоревнование по весеннему севу, коллективизации, подготовке кадров и ликвидации кулачества как класса. Соображения, которыми руководствовались при этом вызове, изложены в “Красноармейце” от 28 января (посылается при этом письме). В основном: объединение работы округов вокруг указанных задач диктуется общностью обстоя-

новки районов, где расположены округа как районов производящих, как районов сплошной коллективизации.

По линии редакции принципиальное согласие уже получено. Дело за окончательным принятием вызова вами, дело за организацией соревнования, дело за выработкой условий и заключением договора. Объявляя наметку наших обязательств, мы выставили ряд практических организационных мероприятий. Заключение договора мы предлагаем провести в Ростове-на-Дону в день 12-й годовщины РККА. Мы внесли предложение об организации в эти дни годовщины Всесоюзного дня помощи весеннему севу, мы считаем, что общий наш почин в организации дня дает возможность это предложение осуществить.

Летом в сталинградских лагерях — междуокружной слет ударных по коллективизации частей; подведение итогов соревнования — 7 ноября в Харькове. Арбитр — ПУР, газета «Красная звезда». Для премирования лучшего округа мы предлагаем создать премиальный тракторный фонд (четыре трактора, по одному от округа).

Мы начинаем развертывать кампанию в газете. По линии политорганов даются указания.

Ждем от вас необходимого отклика, необходимого обсуждения наших предложений, нужных дополнений мероприятий. С товарищеским приветом: зам. нач. ПУОКРА *Фасинов*⁸⁵.

Интересна реакция одного из вызываемых на соревнование — ПУ СКВО, расположенного в городе, в котором планировалось провести заключение соглашения — Ростове-на-Дону. Правда, начальник ПУ СКВО С. Н. Кожевников пишет 14 февраля не своему коллеге, а в Москву — начальнику ПУ РККА Я. Б. Гамарнику:

«Уважаемый Ян Борисович! ПриВО вызвал УВО, ККА и СКВО на социалистическое соревнование по следующим пунктам: а) весенний сев, б) коллективизация, в) подготовка кадров и г) ликвидация кулачества как класса.

В условиях отсутствуют вопросы боевой подготовки, что противоречит указаниям ВВС СССР и ПУРа, кроме того, мы (СКВО) по отдельным моментам этих условий идем вперед.

Обстановка Северного Кавказа к тому же настолько своеобразна и напряжена, что превращаться округу в с/х академию не считаю возможным, а потому от такого соревнования мы отказались, но думаем, что не отстанем в деле подготовки округа к коллективизации, а по ликвидации кулачества как класса уже работаем практически, не забывая боевой подготовки.

Думаю, что наш отказ не будет истолкован как оппортунизм. С коммунистическим приветом *С. Кожевников*⁸⁶.

Приведенное письмо ПУ СКВО интересно не только своей реакцией, но и содержанием. Из него выясняется, что округ «идет впереди» и «работает практически» по таким важнейшим делам — как ликвидации

кулачества как класса, правда, при этом не забывая и боевую подготовку, крайне важную в условиях боевой обстановки в округе. Действительно, на территории Кавказа в течение 1929–1930 гг. шли боевые действия против националистических формирований.

Северный Кавказ, Украина и Закавказье в силу своих природных условий и социального состава жителей относились к регионам, составляющим предмет особого интереса власти. На них пришелся основной «удар по кулаку». Напомним, что первоначальные цифры подлежащих выселению в этих регионах были следующими: *Северный Кавказ и Дагестан*: концлагерь — 6–8 тыс., высылка — 20 тыс.; *Украина* — соответственно: 15 тыс. и 30–35 тыс.⁸⁷; *Закавказье* — высылке подлежало 10 тыс. семей⁸⁸. На территории Украины располагался УВО, на территории Северного Кавказа — СКВО, на территории Закавказья дислоцировалась Кавказская Краснознаменная армия (ККА). Из этого следует, что ПУ ПриВО вызвало на соревнование своих коллег по «политическому признаку» — тех, на чьи территории пришелся главный удар «по кулаку».

Заслуживает внимания ответное письмо Я. Б. Гамарника начальнику ПУ ПриВО, копии которого были посланы и в другие округа — УВО, СКВО, ККА: «Генеральная задача Красной Армии состоит в том, чтобы подготовить высококвалифицированного в военном отношении и политически грамотного бойца, способного с оружием в руках бороться за дело социализма. [...] Эта задача должна подчинить себе все остальные, в том числе и работу по подготовке весеннего сева, коллективизации и подготовки кадров социалистического переустройства деревни». Далее начальник ПУРа указывал: «В Вашем предложении нет ни слова о главном — о боевой подготовке (подчеркивание документа. — Н. Т.). Нельзя вызывать на социалистическое соревнование округа, не сделав главным и основным в социалистическом соревновании боевую подготовку. При этом Вами дана явно неверная и опасная формулировка — “соревнование на ликвидацию кулака как класса”. Как может армия соревноваться по вопросам ликвидации кулака как класса? Видимо, речь идет о воспитании красноармейцев в духе разъяснения им, усвоения ими новой политики партии. Но об этом надо так ясно и сказать. Но если речь идет об этом, о таком смысле предложения, то при чем тут соревнование?» Не было поддержано ПУРом и предложение по организации «межокружного слета ударных по коллективизации частей», так как подобные массовые слеты «отрывают значительное количество красноармейцев от непосредственной боевой учебы» и «не отвечают задачам, поставленным РВС СССР по боевой подготовке РККА»⁸⁹.

Несмотря на стремление военного руководства держать под контролем ситуацию в войсках и пресекать ненужные и политически вредные инициативы, невозможно было предусмотреть все и вся.

§ 4. «Медынское дело» в Красной армии

Для армии, жизнь которой строго регламентировалась уставами и приказами, любое не предусмотренное ими событие является «чрезвычайным происшествием». Таким «ЧП» для Красной армии стало «медынское дело», превратившееся в нарицательный образ. О нем военное руководство вспоминало всегда, когда появлялась необходимость охладить чрезмерно активных командиров, забывающих о существующем порядке привлечения армии к операциям на «внутреннем фронте».

Суть «медынского дела» заключалась в следующем. 30–31 января 1930 г. 243-й полк принял участие в операции по изъятию ценностей у «торговцев, недоимщиков и лишенцев» в городе Медыни. Решение произвести раскулачивание торговцев и лишенцев города и использовать 243-й полк как реальную силу было принято 28 января 1930 г. на заседании бюро районного комитета ВКП(б) и согласовано с окружными партийными и исполнительными органами, находящимися в г. Вязьме. В описываемый период г. Медынь входила в состав Вяземского административного округа (ныне этот город находится в составе Калужской области). Руководство полка, в том числе и политическое, согласилось содействовать этой акции, при этом не поставив в известность командование дивизии. 30 января после митинга и под звуки оркестра полк выступил на осуществление этой абсолютно неподготовленной акции. В ходе ее производились обыски в домах, отбиралось личное имущество, которое свозилось в заранее подготовленные помещения, а когда эти помещения были загружены, — то в казармы полка и во двор одного из подразделений. Собранное имущество впоследствии было расхищено и частично съедено самими участниками акции — красноармейцами. Такова кратце суть «медынского дела».

Позднее, расследуя эти события, командование МВО доносило наркомку обороны: «В числе 70 семейств, у которых было отобрано имущество, более половины не были лишены избирательных прав, а 6 человек были советскими служащими». При этом указывалось, что «если изъятие имущества у лишенцев возможно признать законными действиями, то в отношении изъятия имущества у советских служащих и у лиц, не лишенных избирательных прав, действия 243-го полка можно рассматривать не иначе, как самый обыкновенный погром, но произведенный лишь без кровопролития»⁹⁰.

«Медынские» события получили широкий резонанс. В частности, К. Е. Ворошилов взял под личный контроль расследование причин этого «дела» и потребовал от командующего Московским военным округом А. И. Корка тщательного разбора. Более того, о «медынских» событиях стало известно И. В. Сталину, что, в свою очередь, усилило внимание к данному инциденту и других органов. Самостоятельные

расследования были проведены Политическим управлением РККА, Особым отделом ОГПУ, а также состоящим в распоряжении наркома Г. М. Штерном, который представил на имя К. Е. Ворошилова справку «Медынское головоуятие». В многочисленных донесениях и отчетах различных уровней события характеризовались как «грубейшая политическая ошибка»; «произошло не обычное раскулачивание, а контрреволюционное дело»; «безобразно извращена линия партии» и пр. Несомненно, причиной столь пристального внимания к событиям в Медыни стали не размах акции — ведь число раскулаченных составляло менее 100 человек с несколькими подводами конфискованного имущества. Истинная причина лежала в дискредитации общего курса партии на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса. Серьезная политическая кампания, не успев начаться и нарастить обороты, превращалась в фарс.

По всей видимости, событий, подобных «медынским», было немало на огромном пространстве СССР. Однако вызывает удивление, почему именно они стали предметом столь пристального внимания военного руководства, вплоть до наркома. Расследование «медынского инцидента» проходило по линии различных органов — военных, партийных, особых, что породило целый комплекс отчетных документов, один перечень которых говорит о неординарности происходящего события: 3 февраля 1930 г. — внесрочное донесение политотдела 81-й стрелковой дивизии начальнику политического управления МВО (№ 27/с); 4 февраля 1930 г. — резолюция внеочередного заседания полкового бюро ВКП(б) 243-го стрелкового полка (приложена к политдонесению политотдела 81-й стрелковой дивизии от 6 февраля); 5 февраля 1930 г. — резолюция общеполкового собрания военнослужащих 243-го стрелкового полка (приложена к политдонесению политотдела дивизии от 6 февраля); 5 февраля 1930 г. — объяснение председателя Медынского РИКа Я. Я. Машкарова окружному прокурору по Вяземскому округу (копия окружному и районному комитету партии); 6 февраля 1930 г. — политдонесение политического отдела 81-й стрелковой дивизии начальнику политического управления МВО; 6 февраля 1930 г. — внеочередное донесение начальника Особого отдела ОГПУ МВО Пряхина командующему войсками МВО А. И. Корку; 6 февраля 1930 г. — доклад командующего войсками МВО А. И. Корка К. Е. Ворошилову (№ 16/к); 6 февраля 1930 г. — доклад командующего войсками МВО А. И. Корка К. Е. Ворошилову (№ 17/к); 12 февраля 1930 г. — докладная записка начальника организационно-распределительного отдела Политического управления РККА И. Петухова начальнику Политического управления РККА Я. Б. Гамарнику (в дополнение к устному докладу); [февраль] 1930 г. — справка состоящего в распоряжении НКВМ Г. М. Штерна для К. Е. Ворошилова «Медынское головоуятие»⁹¹.

Таким образом, налицо неординарная ситуация, развитие которой мы можем наблюдать через призму различных документальных свидетельств.

Инициаторы и исполнители

Инициатором «медынского» раскулачивания, как следует из документов, были местные районные органы партии, которые, видимо, должным образом решили отреагировать на постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г., причем их не смутила разница между городскими жителями города, занимающимися торговлей, ремеслом и пр. видами заработка, и деревенским населением, в частности зажиточными хозяйствами, о которых говорилось в постановлении ЦК партии.

Решение, принятое на бюро районного комитета партии г. Медыни, получило одобрение (было согласовано) с вышестоящими окружными органами партийной и исполнительной власти. Особенно подробно развитие событий, предшествующих принятию решения о раскулачивании, описано в объяснении председателя Медынского РИКа (районного исполнительного комитета)⁹². Из этого объяснения следует, что инициаторы акции ставили перед собой задачу «раскулачить город» и «выявить всех, кого можно раскулачить в городе». При этом уполномоченный окружного комитета партии, присутствующий на заседании районного комитета партии, указывал, что «нужно всех выявить и обобрать, взять с них за старое, за новое и за два года вперед». Составлением списка хозяйств, подлежащих раскулачиванию, занимались председатель районного исполнительного комитета (РИКа) и председатель городского совета (горсовета). Первоначально в список были включены «существующие бывшие торгаши и спекулянты». Всего в этот список на раскулачивание было внесено 52 хозяйства, отдельно был составлен список на «крепких зажиточных кустарей». При согласовании списка в райкоме партии было решено «кустарей не задевать», а «список кустарей аннулировать», оставив только двух, в том числе «часовых дел мастера», за скрытую спекуляцию золотом. Первоначальный список был дополнен еще 27 хозяйствами. Новое дополнение было внесено председателем городского совета, оно уже не обсуждалось в райкоме партии. На этом закончился подготовительный этап акции «по раскулачиванию» города. Все подготовительные мероприятия получили одобрение в окружном комитете партии.

Архивные документы подробно воссоздают картину происходящих событий со всеми деталями, в том числе и негативными. После составления списка руководство района (секретарь райкома партии, председатель РИКа, председатель горсовета, начальник городской милиции) отправились в 243-й стрелковый полк, дислоцировавшийся в городе. Полк был собран по тревоге в клубе, где открыли митинг. На нем высту-

пил секретарь райкома партии с пятиминутной речью о предстоящем раскулачивании, завершившейся бурными аплодисментами.

При полном одобрении со стороны полка началось формирование соответствующих бригад и их инструктирование. Инструктаж проходил на отдельном совещании с уполномоченными от бригад, выделенных из состава полка, и касался прежде всего двух вопросов — как брать имущество и подписки о выезде (руководство района приняло решение, что раскулаченные должны были покинуть город в течение двух-четырех дней). Главным инструктором выступал начальник милиции при участии председателя РИКа и командира полка. Ими были даны следующие установки: «брать все»; «до последней тряпки, и то пойдет в утильсырьё»; «быть вежливым, бережным к имуществу». Были выделены лица, которым поручалось принимать конфискованное имущество. Однако не было предусмотрено достаточного количества подвод и помещений для конфискованного имущества, что сказалось на результатах акции. В конце совещания-инструктажа уполномоченные от бригад получили удостоверения на проведение акции. Затем полк в составе выделенных бригад и с оркестром вышел из казарм в город. Под музыку оркестра началась акция «по раскулачиванию».

Бригадами забиралось все — вещи (даже одеяла из-под ребенка, валенки прямо с ног), продукты, деньги — оставлялись только стены. Среди конфискованных вещей были — карманные фонари, мыло, карандаши, книги, пальто, платья, часы, зеркала, музыкальные инструменты, драгоценности. Зачастую действия бригад доводились до абсурда. В одном доме бригада из трех красноармейцев, прежде чем приступить к обыску, первоначально поела, так как поднятые по тревоге многие участники операции не успели пообедать в полку.

Руководил операцией РИК, сюда красноармейцы приносили отобранные вещи и продукты. Причем некоторые мелкие вещи и продукты сотрудники РИКа разрешали брать красноармейцам себе со словами: «Съешьте сами, пусть не едят дети кулаков». Отбираемое имущество первоначально свозилось в выделенные для этой цели сараи, а когда они заполнились — в хозяйственные постройки одной из рот полка, а позднее сваливалось прямо во дворе. Наиболее ценные и хрупкие предметы по разрешению руководителей бригад складировались в казармах или уносились комсоставом на временное хранение домой. Под конец операции временное хранение приобрело уже уголовный характер — вещи без спроса расхищались из складских помещений.

Правомерен вопрос: «А что же делало в этой ситуации партийное руководство района и самого полка?» Документы свидетельствуют, что секретарь Медынского райкома ВКП(б) в период проведения операции нигде не показывался, а председатель городского совета, более того, ушел в баню. Молчаливую позицию заняло и партбюро полка. Об участии полка в раскулачивании не были поставлены в известность ни

политотдел, ни командование 81-й дивизии, в состав которой входил полк. Единственными органами, которые проявили оперативность, были органы ОГПУ. Уполномоченным особого отдела 31 января в 10 часов было донесено в Калугу по линии ОО ОГПУ об участии полка в раскулачивании. 2 февраля начальник ОО ОГПУ МВО сообщил о факте участия полка в раскулачивании на заседании бюро окружного комитета партии. Тогда же об этом узнали и командир дивизии, и начальник политотдела дивизии. Действия «особистов» были правомерны, так как особые отделы ОГПУ действовали в армейской среде с целью выявления фактов, нарушающих повседневную жизнь армии, будь то политические, бытовые, дисциплинарные чрезвычайные происшествия — «ЧП». Дальнейший ход расследования показал, что «медыньские» события квалифицировались как политическое «ЧП».

Проследим ход разбирательства по линии различных учреждений. Поскольку первыми доложившими о проведении акции в г. Медыни были «особисты» и по линии ОО ОГПУ информация об этом пошла по разным инстанциям, начнем с них.

Реакция ОО ОГПУ

2 февраля в Калугу был вызван для объяснений командир полка, который проинформировал органы ОГПУ о проведенной операции, при этом умолчав об отрицательных фактах. Первое донесение окружного ОО ОГПУ в деле не сохранилось. Это, видимо, была краткая информация с констатацией факта о проведении акции. В тот же день, 2 февраля, по линии ОО ОГПУ об инциденте было сообщено в НКВД. В последующие дни информация уточнялась.

6 февраля начальником окружного ОО ОГПУ было послано донесение командующему МВО А. И. Корку о «медыньских событиях», в котором указывались конкретные детали проведения акции со всеми негативными проявлениями⁹³. Это — участие военнослужащих, в том числе и младшего командного состава, в проведении обысков, нарушение порядка проведения обыска (отсутствие описи имущества и ценностей), хищение вещей и денег при обысках военнослужащими, а также поедание продуктов, отобранных у обыскиваемых, и др. Всего к 6 февраля «особистами» было установлено 32 человека военнослужащих, присвоивших себе вещи, ценности и деньги в процессе проведения обысков. Донесение содержит четкие факты, цифры и фамилии, которые отсутствуют в донесениях других органов. Оно заканчивалось словами: «Расследование продолжается. Дополнительные материалы будут сообщены». К донесению была приложена резолюция внеочередного заседания полкового бюро ВКП(б) от 4 февраля 1930 г.

Документы говорят об эффективных методах работы ОО ОГПУ, что позволяло оперативно добывать необходимую информацию и быть

осведомленными о повседневной жизни армии и проявлении нездоровых настроений в ней. Так, например, в донесении от 6 августа указывалось: «Среди отдельных красноармейцев существует убеждение, что похищенное имущество останется в их личном пользовании. Отмечены разговоры: “Когда поедем в деревню, там ловчее будем раскулачивать, зевать не будем”»⁹⁴.

Реакция военного руководства

2 февраля руководство НКВМ было проинформировано по линии ОГПУ о факте участия полка в акции раскулачивания. В тот же день об этом органы ОГПУ сообщили в ПУ МВО.

3 февраля соответствующая информация из ПУ МВО была доведена до сведения командующего войсками МВО А. И. Корка. Он, в свою очередь, сообщил об этом инциденте по телефону заместителю наркома И. С. Уншлихту, одновременно узнав, что последний уже в курсе дел. В тот же день командование МВО отдало распоряжение начальнику политотдела 81-й дивизии «безотлагательно выехать из Калуги в Медынь для расследования и принятия мер на месте»⁹⁵.

3 февраля К. Е. Ворошилов отдал в военные округа директиву «о запрете раскулачивания», означавшую, что части Красной Армии не должны привлекаться в соответствующих акциях.

5 февраля К. Е. Ворошилов через своего порученца потребовал объяснений от А. И. Корка.

6 февраля эти объяснения были им посланы. Отметим, что свои объяснения А. И. Корк оформил не как официальное донесение, а как личный рапорт, о чем свидетельствуют его номер — 16/к и наличие только одной подписи командующего. Известно, что в военной документации буквенные обозначения в делопроизводственных номерах означали либо секретность — «с»; «сс», либо оперативность — «оп», либо причастность какой-либо структуры к созданию документа: «ш» — штаба. В нашем случае буква «к» свидетельствует о неуставном обращении Корка к наркому⁹⁶. Однако особых подробностей командующий округом дать не мог, так как ждал результатов расследования, проводившегося в Медыни по его поручению командованием 81-й дивизии. Единственная информация, которой владел Корк, исходила от «особистов», о чем он и доложил наркому: «По линии особого отдела получил данные, что в Медыни происходило не раскулачивание крестьянства, а в самом городе Медыни по распоряжению районной партийной организации производилось изъятие имущества у местных непманов, при этом на основании постановления райкома в этом деле участвовал 243-й полк (комполка у своего прямого начальства согласия не спрашивал, а действовал, руководствуясь постановлением парткома). По сведениям особого отдела, до 32 человек из состава полка частью уличены и частью подозреваются

в «барахольстве»». К. Е. Ворошилов, прочитав этот рапорт, видимо, был неудовлетворен и потребовал дополнительных объяснений. Более того, наркомом было отдано распоряжение по округам о представлении донесений по «директиве запрета раскулачивания».

В тот же день, *6 февраля*, в своем повторном рапорте (№ 17/к) А. И. Корк докладывал Ворошилову о том, что подробный доклад командира дивизии ожидается завтра, 7 февраля, после чего он сможет представить более подробное донесение. Отметим, что все донесения А. И. Корка были оформлены под грифом «совершенно секретно». Причем второй рапорт Корка был написан на бланке РВС МВО, за двумя подписями — командующего войсками и члена РВС округа. В рапорте содержалась также информация о других случаях участия войсковых частей и отдельных лиц в раскулачивании⁹⁷. На рапорте имеется резолюция К. Е. Ворошилова: «За все безобразия воинских частей несет ответственность РВС округа. В[орошилов]».

7 февраля Корк, как и обещал Ворошилову, послал свой доклад (№ 19/к) вместе с докладом начдива 81-й стрелковой дивизии⁹⁸ и другими материалами по «медынским» событиям. Помимо уже известных фактов в докладе Корка содержалась и новая информация — в числе 70 семейств, у которых было отобрано имущество, более половины не были лишены избирательных прав, а 6 человек были советскими служащими. При этом указывалось, что «если изъятие имущества у лишенцев возможно признать законными действиями, то в отношении изъятия имущества у советских служащих и у лиц, не лишенных избирательных прав, действия 243-го полка можно рассматривать не иначе, как самый обыкновенный погром, но произведенный лишь без кровопролития».

Из доклада командования дивизии от 7 февраля явствует, что начальник дивизии узнал о событиях в Медыни в 13 часов дня 2 февраля от ПП ОГПУ Калужского округа, после чего он вызвал комиссара полка, который доложил, что раскулачивание произведено без всяких инцидентов и последствий. Объясняя свою плохую информированность о происшедших событиях в Медыни, начальник дивизии указывал в докладе на следующее: «Находясь в Медыни с 4 февраля по 5-е включительно, я сам себе постепенно только накапливал материалы о том, что в Медыни произошло не обычное раскулачивание, а контрреволюционное дело, которое мне ясно стало лишь к 6 февраля после разговора с представителями местных партийных и окружных организаций». Интересны выводы и меры, предпринятые начдивом после расследования: помимо снятия командования полка — командира и его помощника по политчасти — было признано необходимым переизбрать партбюро полка и в «особенности секретаря, не понявшего и не умеющего проводить генеральную линию партии», а также устроить показательный суд в самом полку над «злостными, наиболее неустойчивыми

элементами из красноармейцев и начсостава, выявившимися в процессе этой операции»⁹⁹.

Реакция политических и партийных органов

По политической линии первым отреагировал политотдел 81-й дивизии, в состав которой входил полк.

3 февраля начальником политотдела дивизии было послано «вне-срочное донесение» начальнику ПУ МВО за № 27/с, в котором кратко обрисовывалась проведенная акция по раскулачиванию со следующими заключительными словами: «Во время проведения изъятия имущества никаких эксцессов не было. Настроение красноармейцев приподнятое»¹⁰⁰. В этом же донесении содержался вывод: «Участие 243-го стр. полка в непосредственном изъятии имущества у лишенцев является неверным, в связи с чем командованию полка дано указание не допускать привлечения сил красноармейского и начальствующего состава к непосредственному участию в подобного рода мероприятиях». В донесении обращает на себя внимание следующее обстоятельство — участие полка в раскулачивании предстает как хорошо подготовленная акция с предварительной идеологической проработкой вопроса на политзанятиях и на общем собрании. Тон донесения спокойный — никаких безобразий, настроение приподнятое. Только вывод не соответствует этому спокойному тону: если все хорошо, то почему осуждается участие в акции личного состава полка?

А что же делала в сложившейся ситуации парторганизация полка? Оказывается, что на первых порах она никак не отреагировала на данные события.

4 февраля, лишь по приезде в полк командования 81-й дивизии (командира и начальника политотдела), было созвано заседание полкового бюро ВКП(б), на котором были вынесены соответствующие решения, осуждающие действия полка¹⁰¹. В тот же день после заседания бюро были проведены партийные собрания ячеек партии (самый низовой уровень партийных органов в армии) совместно с комсомолом.

К вечеру 4 февраля в полк приехал из Вязьмы секретарь окружного комитета партии, который принял участие в закрытом партийном собрании коммунистов полка. На этом собрании была принята резолюция¹⁰². Один из пунктов ее указывал на необходимость полного и своевременного информирования партийного состава по вопросам внутривнутрипартийной жизни. По всей видимости, на собрании шел открытый разговор по поводу своевременного информирования рядовых партийцев, которые не знают и не успевают следить за изменениями в курсе партии.

Реакция Вяземского окружкома ВКП(б) была моментальной. По возвращении из полка секретаря окружкома были сняты с работы зам. председателя РИКа и председатель горсовета, их дела переданы

прокурору. В постановлении окружкома указывались причины столь сурового решения — за допущенное головотяпство и безответственность в проведении акции в г. Медыни¹⁰³.

6 февраля после проведения собраний в полку политическим руководством дивизии в ПУ МВО было послано новое политдонесение¹⁰⁴, основные выводы которого сводились к следующему:

участие полка в раскулачивании — грубейшая политическая ошибка, свидетельствующая о том, что руководящий состав полка не уяснил нового этапа в политике партии по ликвидации кулака;

нарушен порядок информирования и согласования всех предпринимаемых шагов полкового командования с дивизионным командованием;

нарушены директивные указания о недопущении участия личного состава полка в работе местных организаций, если последнее требует отвлечения от учебы и боевой подготовки;

обращено внимание на ненормальные отношения, сложившиеся между военно-политическим руководством и органами ОГПУ (ОО), когда последние, зная о раскулачивании, не поставили в известность политотдел дивизии.

Оценки событий

Отложившийся комплекс донесений и резолюций позволяет не только детально воссоздать картину событий и реакцию руководства на них. Но, что не менее важно, в них содержится оценка, в том числе и политическая, событий и причин, их породивших. Обращает на себя внимание, что оценка эта трансформировалась от понятия «неверных» действий до «политической ошибки» и «грубейшей политической ошибки».

Так, в первом донесении начальника политотдела 81-й дивизии от 3 февраля вывод был следующий — «участие полка является неверным». 4 февраля полковое бюро на внеочередном заседании признало данную акцию «политической ошибкой». Та же оценка событий была дана и на общеполковом собрании военнослужащих. Причем указывалось, что красноармейцы и начальствующий состав полка, «полностью и целиком одобряя совершенно правильную линию компартии в деле социалистического строительства и ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации... чрезвычайно сожалеют о том, что в Медыни эта политика не получила правильного проведения». 6 февраля политотдел дивизии в своем донесении, составленном после первых шагов расследования, оценивал действия полка как «грубейшую политическую ошибку», причины которой лежат в «голом администрировании» со стороны командования полка и ответственного секретаря полкового бюро партии. В донесении отмечалась также «пол-

ная растерянность» парторганизации и политаппарата полка, который «достаточно не уяснил нового этапа в политике партии по ликвидации кулака как класса». 7 февраля начальник 81-й дивизии характеризует медыньские события как «контрреволюционное дело».

Военное командование в лице Корка политической оценки событиям не дает. В своем первом донесении он лишь ссылается на данные «особистов», согласно которым в Медыни проходило не раскулачивание крестьянства, а изъятие имущества у местных нэпманов. Однако в последующем донесении от 7 февраля Корк характеризует действия полка «погромом без кровопролития».

«Особисты» однозначно оценивали события, считая «политической ошибкой привлечение полка к операции» (донесение от 6 февраля). Кроме того, в их донесении отмечались неорганизованность в проведении операции, отсутствие предварительной подготовки операции, как политической, так и технической, отсутствие руководства и контроля во время проведения операции.

Интересно объяснение одного из ведущих исполнителей акции — председателя Медынского РИКа. Он признает себя виновным «в недопонимании раскулачивания», а также видит свою вину в том, что «доверился на старых руководителей с большим партийным стажем, каковые неверно передали установку окружкома и окрисполкома».

Все вышесказанное относилось к низовым и средним структурам власти. А какова же была реакция высших структур, и была ли она?

Реакция Сталина

К 7 февраля основные доклады были представлены, в целом картина была ясна. Однако неожиданно последовал новый виток событий.

8 февраля в секретариат Ворошилова из секретариата Сталина был послан документ — выписка из приказа от 28 января 1930 г. № 6 по 81-й дивизии. Приказ этот, выпущенный в форме листовки тиражом 1 тыс. экземпляров, имел собственный заголовок «В поход за сплошную коллективизацию». Основная цель этого «похода» заключалась в участии полка в посевной кампании и создании коммуны имени 81-й дивизии.

Выписка, присланная Ворошилову, содержала только один пункт этого приказа (пункт 3). Согласно его содержанию, всем частям дивизии предписывалось 4 февраля выступить в районы по согласованию с местными партийными и советскими органами, «имея задачей участие в выполнении плана посевной кампании и помощи советской власти в ликвидации кулачества как класса, проведение сплошной коллективизации отведенных районов» и пр. На выписке имелась следующая надпись помощника Сталина: «т. Ворошилову. По поручению т. Сталина передаю копию выписки из приказа т. Семашко (81 див.) 8 февраля. Товстуха». Что же смутило Сталина в этом пункте¹⁰⁵.

Посевные работы, как и уборочные, армия выполняла из года в год на протяжении длительного времени, оказывая помощь селу. Организацией и проведением этих кампаний ведало Политическое управление РККА, ежегодно издавая соответствующие директивные указания. Несомненно, это не могло вызвать у Сталина нареканий или сомнений. В чем причина столь явной реакции Сталина? Скорее всего, Сталина не удовлетворили методы проведения акции, которые искажали и превращали важнейшую политическую кампанию в фарс с уголовными штрихами. Возможно и другое объяснение. Информация о «медынских» событиях вместе с текстом приказа по 81-й дивизии от 28 января пришла к Сталину в те дни, когда завершался (или завершился) процесс обсуждения текста постановления Политбюро «по кулачеству» и мероприятий по его реализации. Действия в Медыни противоречили словам, которые в защиту армии мог высказать нарком Ворошилов при возникновении споров о степени участия Красной армии в реализации решений Политбюро. Известно, что через несколько дней, 5 февраля, Политбюро осудило принятое бюро Московского обкома партии решения о выселении от 9 до 11 тыс. кулацких семейств (по 2-й категории), «как не отвечающие постановлению ЦК о кулаках»¹⁰⁶. Осуждение решения Московского обкома партии означало также и осуждение действия военного командования МВО. Сталин не упустил возможности сказать об этом Ворошилову.

Если вспомнить известное изречение, что в каждой капле воды отражается весь мир, то события в Медыни можно рассматривать как отражение политики Центра на местном уровне. Как правило, любое решение, проходя путь сверху вниз, подвергается в той или иной мере трансформации. Зачастую решение, принятое в самых высших кругах политического руководства, спустившись на низший местный районный уровень, трансформируется не только в методах его осуществления, но и в принципиальных установках. «Медынское дело» — один из примеров тому. Причины подобной трансформации могли быть различны; одна из них — политическая неподготовленность местных руководителей, не успевающих осознать и правильно реагировать на все изгибы политики партии.

В подтверждение выдвинутого тезиса говорит дальнейшее развитие событий. Во время поездки в Медынь начдива 81-й с целью выяснения истинной картины происшедших событий им была проведена разъяснительная и политико-воспитательная работа с личным составом полка о том, «что происшедшее раскулачивание ничего общего с генеральной линией партии не имеет», кроме того, были очищены «бригады по коллективизации от всех неустойчивых элементов». После чего начдивом было решено все же выпустить полк в «поход за коллективизацию» вместе с остальными частями дивизии, что и было сделано 6 февраля. Однако поздно ночью, в 23 часа, в тот же день было получено приказание командующего округом А. И. Корка — возвратить полк с похода. Ошибка, допущенная в Медыни, не должна была повториться.

Первая реакция К. Е. Ворошилова на присланный из секретариата Сталина документ была эмоциональная и, говоря современным языком, неадекватная. На этой выписке Ворошилов написал резолюцию: «Идиотизм. В.» Но, несмотря на «идиотизм» ситуации, оставлять без внимания этот документ и все, что было связано с ним, Ворошилов не мог. Очевидно, что первым шагом наркома было обращение к начальнику Политического управления РККА Я. Б. Гамарнику. Данный инцидент был целиком на совести политорганов — из-за безответственности и бездеятельности их была допущена эта «политическая ошибка». В связи с этим ПУ РККА не могло и не должно было остаться в стороне от расследования причин инцидента. Прямых доказательств (документов) в архивных делах нет, но имеются косвенные свидетельства тому. Среди них докладная записка начальника организационно-распределительного отдела ПУ РККА И. Петухова на имя начальника ПУ РККА Я. Б. Гамарника от 12 февраля. Она была составлена, как явствует из подзаголовка, в дополнение к устному докладу. Автор докладной записки был послан Гамарником в Медынь, видимо, для того, чтобы составить истинную картину происходящих событий¹⁰⁷.

В отличие от предыдущих отчетных документов выводы, сделанные Петуховым, были более жесткими. Уже в первом пункте докладной записки «раскулачивание» торговцев и лишенцев в г. Медыни характеризовалось «не случайной ошибкой», а «политической авантюрой», причины которой кроются «в недостаточно четкой классовой линии» местных руководителей и «в неправильном понимании нынешней политики партии как в отношении кулака в деревне, так и в отношении эппмановских элементов в городе». Досталось и военному, и политическому командованию полка. Их действия были строжайше осуждены за своеволие и несогласованность с вышестоящими органами, а также за вовлечение полка (до 200 человек), несмотря на запрет, в проведение этой «операции». Из записки явствует, что случай использования полка в подобного рода «операциях» был не единичный — в 1929 г. полк дважды привлекали к «взиманию недоимок».

И наконец, последний вывод докладной записки — на наш взгляд, крайне важный для понимания причин такого сильного резонанса от «медынского дела». В нем говорится, что результатом «операции» стало ухудшение политических настроений у некоторой части местного населения. Среди местных рабочих и крестьян стали циркулировать слухи, «что подобные операции будут немедленно проведены по отношению ко всем ремесленникам, кустарям и зажиточной части крестьянства». Там же отмечалось (пункт 8) «значительное ухудшение» отношения к полку со стороны городского жителя, в том числе отдельных рабочих.

В докладной записке предлагался также целый ряд мер административного взыскания — отстранение от должности командования полка

сроком на один год, перевыборы полкового бюро партии, предание суду комсостава и политработников, присвоивших себе вещи, отмена приказа от 28 января 1930 г. № 6 и объявление строгого выговора командованию 81-й дивизии. В делах не отложился какой-либо документ, свидетельствующий об ответном обращении Гамарника к Ворошилову. Но с определенностью можно утверждать, что такое обращение было — возможно, в устной форме.

Ну а что же сам Ворошилов? Оказывается, он наряду с уже имеющимися источниками информации об инциденте решил провести свое расследование, о чем свидетельствует краткая справка, составленная Г. М. Штерном, состоящим для особых поручений при наркоме. В этой небольшой по объему справке (чуть менее 1 листа), датированной февралем (без указания даты), обобщена вся имеющаяся на тот период информация и дается предельно краткая картина «медынского» инцидента, характеризующегося как «головотяпство». Такой же четкий и немногословный вывод — «безобразно извращена линия партии, нарушены полком указания по военной линии»¹⁰⁸. Возможно, эта справка стала последней точкой в расследовании «медынских» событий и основой для устного доклада наркома для инстанции. В делах секретариата Ворошилова не обнаружено следов этого доклада, но что он был, сомневаться не приходится, так как ни один факт, попавший в сферу внимания Сталина, не мог остаться без объяснения и ответа.

Об этом свидетельствует записка, написанная Сталиным в ходе одного из заседаний Политбюро, возможно, 5 февраля, и отложившаяся в деле переписки Ворошилова и Сталина. На ней нет даты, нет подписи. Но этот клочок бумаги, заполненный почерком Сталина, показывает реакцию вождя с присущей ему манерой «легкого юмора». Вот ее текст: «Я вчера разговаривал с Ворошиловым о вовлечении 243 полка к делу раскулачивания. Ворошилов ругал командира полка сверх меры. Я его утешил, разъяснив, что командир полка, очевидно, осуществлял приказ Ворошилова о выработке 100 тыс. колхозных “вождей”»¹⁰⁹.

Резонанс «медынских» событий заставил военное руководство обратить серьезное внимание на вопрос привлечения частей Красной армии на «внутреннем фронте». Уже 11 февраля Политическим управлением РККА был представлен доклад «О фактах вооруженного участия военнослужащих в кампании ликвидации кулаков как класса»¹¹⁰. Приведенные в докладе примеры хотя и были немногочисленны, отражали существующую на местах тенденцию — привлекать части Красной армии, во-первых, для проведения операций по раскулачиванию; во-вторых, для подавления крестьянских выступлений. «Медынские» события стали для Красной армии нарицательными. Всякий раз, когда военное командование низшего и среднего уровня под давлением местных властей либо по своей инициативе использовало армию в подобного рода «акциях», оно получало окрик-предупреждение

сверху и напоминание о тех прямых задачах, решением которых должна заниматься армия.

Резонанс «медынских» событий прошелся по коридорам не только военного ведомства. В подтверждение приведем приказ ОГПУ от 18 марта 1930 г. № 90/44, подписанный Г. Г. Ягодой и начальником СОУ ОГПУ Е. Г. Евдокимовым. В нем отмечалось, что, несмотря на указания Центра, «до сих пор имеют место отдельные факты явного непонимания нашей линии при проведении операции по кулаку». Главный упрек в адрес местных органов состоял в том, что при осуществлении мероприятий по выселению кулачества не решалась основная задача — «концентрированный и классово выдержанный удар по контрреволюционному кулацкому активу». При этом указывалось, что наблюдаются попытки «подменить в операции качество голым количеством; превратить операцию в общую чистку района от антисоветских элементов». Такая практика местных органов была названа как «грубое и совершенно недопустимое искажение основного смысла операции»¹¹¹. Данный приказ адресовался местным органам ОГПУ, однако суть подверженных критике явлений относилась и к действиям других структур власти, в том числе и армии.

Для потомков, исследующих ушедшие в прошлое дни, сохранившиеся в архиве «медынские» документы важны по нескольким причинам. Они позволяют не только увидеть, как трансформировались решения власти по вертикали сверху — вниз, но и проследить реакцию верхов на «местные» события. Эти документы отражают низовой уровень решений и мероприятий, проводимых как следствие выполнения постановлений высших органов власти. Кроме того, отложившаяся группа документов по расследованию инцидента включает в себя донесения различных органов власти, что позволяет, во-первых, видеть оперативность их работы, во-вторых, сопоставлять степень достоверности излагаемой информации в донесениях армейских политорганов, органов ОГПУ и исполнительных органов районной власти. В целом рассмотренные нами документы иллюстрируют одновременно эпизоды как из жизни армии, так и региона, что немаловажно для воссоздания истинной истории, сотканной из тысяч и сотен тысяч подобных местных эпизодов.

§ 5. Красная армия и крестьянские выступления

Проведение коллективизации деревни в СССР сопровождалось повышенной степенью насилия в отношении крестьянства. На переход к насильственным заготовкам хлеба крестьянство отреагировало массовыми выступлениями, которых в 1928 г. было зарегистрировано 711. Дальнейшие действия власти еще более обострили ситуацию в деревне. В 1929 г. количество зарегистрированных выступлений достигает 1 307, а в 1930 г. — 13 754. Только за первые три месяца 1930 г. число крестьянских

выступлений составило 8 018, среди которых 160 приняли повстанческий (вооруженный) характер¹¹². Для сравнения приведем соответствующие показатели за предыдущий период. За время с 1 октября 1926 г. по 31 октября 1927 г. по СССР было отмечено 63 массовых выступления¹¹³.

Спротивление крестьян «новому» курсу в деревне было закрытой страницей советской истории. С публикацией информационных материалов ОГПУ в неоднократно цитируемых нами серийных изданиях исследователи получили возможность не только увидеть статистику выступлений, но и проследить их динамику и особенность. Наиболее важным и показательным годом является 1930 г., свидетельствующий о первой реакции крестьян на массовое раскулачивание и выселение. На сегодняшний день, по мнению В. П. Данилова, статистика выступлений крестьян в 1930 г. на территории СССР в целом достаточно известна¹¹⁴. По данным ОГПУ было зарегистрировано 13 754 массовых выступления, из которых $\frac{2}{3}$ пришлось на январь–март. Показатели этих трех первых месяцев массового выселения кулачества соответствовали следующим цифрам: январь — 402, февраль — 1 048, март — 6 528¹¹⁵. ОГПУ, анализируя динамику роста крестьянских выступлений за 1930 г., считало, что только 176 из них имели повстанческий характер¹¹⁶. К этой категории относились вооруженные выступления, проходившие под лозунгом свержения советской власти, имеющие руководителей из числа повстанцев и сопровождавшиеся попытками расширения территории, охваченной восстаниями. Кроме того, по Союзу органами ОГПУ было учтено за 1930 г. 55 вооруженных восстаний (Северо-Кавказский край, Казахстан, Сибирь, Закавказье, Средняя Азия и др.).

Несомненно, Красная армия не могла остаться в стороне от происходящих в обществе процессов, но степень участия в них была различной. Согласно установленному порядку армейские части могли привлекаться для подавления беспорядков на территории внутренних военных округов только с разрешения РВС Союза или РВС округа и при условии, когда выступления принимали «угрожающий характер». Однако действительность показывала, что нередко случалось, когда соответствующие решения принимались без согласования и разрешения союзного и окружного РВС. Опубликованные документы позволяют привести примеры как соблюдения установленного порядка, так и его нарушений.

Привлечение частей Красной армии с разрешения РВС

Приграничные округа

Известно, что 20 февраля 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по поводу национальных районов¹¹⁷. Оно распространялось на республики Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Бурято-Монголия, Казахстан,

Якутия (пункт 1 раздела «Особые постановления»). По поводу Таджикистана Политбюро обязывало Средазбюро ЦК представить свои соображения в месячный срок (пункт 2 того же раздела). Для Дагестана была установлена норма в 350 человек кулаков-активистов (1 категории), подлежащих заключению в концлагеря. Все операции по нацрайонам должны были быть проведены до 15 марта.

Большинство из перечисленных в постановлении республик и регионов входило в состав приграничных военных округов — Средне-Азиатского (САВО), Северо-Кавказского (СКВО) и Кавказской Краснознаменной армии (ККА). Известно, что в 1929–1933 гг. в них проводились чекистско-войсковые операции против вооруженных формирований, в которых совместно участвовали как армейские части, так и войска ОГПУ. Особенность национальных районов влияла на осуществление практических мероприятий на их территории. Несомненно, что военное командование военных округов, обладая реальной информацией о положении в округе, должно было информировать свое руководство о ситуации на местах.

Малочисленность имеющихся в арсенале исследователей подобных источников придает большую значимость тем из них, которые уже введены в научный оборот. Среди них — опубликованные документы военного командования СКВО. Напомним, что в состав округа входили следующие административно-территориальные единицы: а) Северо-Кавказский край, который включал 15 округов и 6 автономных областей; б) Дагестанская АССР и в) Калмыцкая автономная область. В числе *округов*, входящих в состав Северо-Кавказского края, были: Донской, Донецкий, Морозовский, Сальский, Кубанский, Терский, Ставропольский, Армавирский, Майкопский, Грозненский, Черноморский, Сунженский, Шахтинский, Таганрогский и г. Владикавказ (на правах округа), а также *автономные области*: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Северная Осетия, Ингушетия.

4 февраля 1930 г. командующий СКВО И. П. Белов обратился с письмом на имя К. Е. Ворошилова, в котором обратил внимание наркома на особенности проведения политики раскулачивания в округе. Отметим, что это письмо не было оформлено как рапорт или внеочередное донесение — оно имело № 20/л и пометы «Сов. секретно», «Только лично», свидетельствующие о личном обращении к наркому. Уже с первых строк становится ясным, что окружное командование было в курсе принимаемых в Центре решений:

«Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Мне известно, что вопрос об изъятии кулачества из национальных областей и Дагестана в принципе предreshен ЦК. Краевые власти Северного Кавказа и правительство Дагестана намерены это осуществить в конце февраля или в начале марта.

Я полагаю, что лично Вам и ЦК хорошо известна обстановка в национальных областях, поэтому не нахожу нужным писать подробный об этом доклад. Коснусь лишь отдельных моментов: 1) Культурность населения национальных областей: 80–90 % в среднем неграмотных. 2) Религиозные убеждения: 70–90 % до сих пор верит муллам на слово. 3) Экономика аула: отношения дореволюционные. Землеустройство не проведено. Земля обрабатывается дедовским способом и орудиями производства. 4) Школы есть, но в них не учатся. 5) Больницы — редкость и в них не лечатся. 6) Массовая работа не ведется; по заявлению областных руководителей, вести ее некому: нет актива. 7) Расслоения аула нет. Родовой быт во многих местах еще господствует, и кулаков члены родовой семьи добровольно не выдадут. 8) Силы врагов не учтены и не изучены. Бедняк, как и середняцкая масса, не чувствует Советской власти, в ауле Беной при проведении операции (в Чечне) были заявления бедноты: «Наша власть — человек с ружьем. Другой не видим»¹¹⁸.

За краткими, по-военному лаконичными выводами стоят особенности жизни данного региона. Обращают на себя внимание пункты 7 и 8. Однако этим автор не ограничивается, его следующий «момент» еще более показателен: «Областной партактив, не говоря об окружном и аульском, прятались за спину ОГПУ и РККА. Так как большинство населения не поймет нашей линии, то проведение операции по изъятию кулака из аула требует обеспечения крупной и надежной вооруженной силой». За этими словами командующего войсками округа подразумевалась не только численность выделяемого контингента, но и слишком расширенные задачи, ставившиеся перед военными: «Требования, предъявляемые по этой операции местными властями, очень велики. Считается нужным не только занять крепости, но выделить части для производства арестов, охраны и конвоирования изъятых кулаков».

Далее Белов обращает внимание наркома на особенности проведения будущих действий по раскулачиванию, подчеркивая при этом их плохую организацию: «Гарнизоны крепостей силой в 1 батальон будут привязаны к крепостям; передвигаться в зимних условиях в горах будет трудно, не имея специального горного оборудования. Пример — действия в Чечне: усилий приложено много, а сделано мало. Все это говорит за то, что операция потребует больших усилий и расходов со стороны войск округа и существенным образом повредит боевой подготовке частей. Мне кажется, было бы лучше, если бы операцию по изъятию кулачества в национальных областях провести в мае месяце. Организовали бы маневры с привлечением всех родов войск. Это было бы учебной практикой для войск».

Интересен вывод Белова, который, будучи военным, понимал, что распоряжения высшей инстанции не подлежат обсуждению: «Если нель-

зя отложить, [то] требуется немедленно присылка: в полки 28 стр. дивизии по одной горной батарее кроме существующей (всего три батареи в 28 дивизию), по одной батарее во Владикавказскую и Краснодарскую школы (2 батареи), 135 mortиров для метания ружейных гранат и 3 тысячи гранат к ним; 10 раций 24 ВТ горного типа; вьючевой обоз для полков 28 дивизии и школ комсостава; 40 горных кухонь; 24 легких миномета и 100 пулеметов Томсона; 40 пятитонных грузовиков; 20 гелиографов».

Возвращаясь к значимости данного источника, отметим, что это небольшое письмо, размером 1,5 страницы, содержит в себе крайне важную информацию. Помимо характеристики ситуации в регионе мы узнаем о непопулярности советской власти вообще в регионе; о тенденции местных властей использовать армию в своих узко практических целях; о плохой организации проводимых по раскулачиванию мероприятий; наконец, об объеме военно-технического имущества, необходимого для проведения операций.

Обращает на себя внимание тот факт, что командование округа уже было в курсе планируемых мероприятий «по кулаку», в том числе и по срокам их проведения. Скорее всего, информация шла от краевого комитета партии, возможно, от А. А. Андреева, который, будучи секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), входил в состав комиссии Молотова, разрабатывающей проект постановления Политбюро от 30 января 1930 г.¹¹⁹ Правда, И. П. Белов мог получить эту информацию одновременно от наркома, который являлся членом Политбюро. Как известно, 4 февраля было принято опросом решение Политбюро собрать совещание представителей парторганизаций нацрайонов, в том числе и Дагестанской, с целью выработки конкретных мероприятий в отношении кулачества. Известно, что совещание прошло в Москве 20 февраля и его результатом стало принятие соответствующего решения.

Опубликованные документы позволяют проследить дальнейший ход действий со стороны командования. К 8 февраля 1930 г. в штабе СКВО уже был разработан «План использования войсковых частей Северо-Кавказского военного округа на случай внутренних осложнений на территории Северо-Кавказского края и Дагестана». Примечательно, что подписан он был не только представителями военного командования — командующим войсками И. П. Беловым и членом РВС С. Н. Кожениковым; от партийного руководства края его подписал А. А. Андреев, который одновременно являлся членом РВС округа. План имел гриф «Совершенно секретно», усиленный припиской «Только для личного Вашего пользования». Приведем текст этого Плана полностью, так как он является на сегодняшний день единственным известным подобным источником:

«План использования войсковых частей Северо-Кавказского военного округа на случай внутренних осложнений на территории Северо-Кавказского края и Дагестана»

1. Войска округа в операции по изъятию кулачества непосредственно-го участия не принимают. Они являются резервом.

2. Все распоряжения об использовании войск в случае надобности дает только РВС округа после разрешения Наркомвоенмора.

3. В случае привлечения войск общее руководство операцией возлагается на представителя военного командования.

4. В первую очередь используются нормальные школы: Владикавказская пехотная, Северо-Кавказская национальная кавалерийская и ККУКС, с придачей артиллерии из гарнизонов, в которых они расположены.

5. Районы действий определяются: для Владикавказской школы — Терский, Ставропольский окр., национальные области и Дагестанская АССР; Северо-Кавказской кавшколы — Кубанский, Армавирский, Черноморский, Майкопский окр. и Адыгейская и Черкесская национальные обл.; ККУКС — Донской, Шахтинско-Донецкий, Сальский и Донецкий окр.

6. Представителями командования на местах являются:

Комдив и военкомдив-28 в районе национальных областей (кроме Адыгейской и Черкесской), Дагестанской ССР и Терского окр.

Комдив и военкомдив-5 кавалерийской — Ставропольский окр.

Комдив и военкомдив-74 стрелковой — Кубанского, Черноморского, Майкопского окр. и Адыгейской обл.

Комдив-11 кавалерийской — Армавирского окр. и Черкесской автономной обл.

Комдив-9 стрелковой — Донского и Сальского окр.

Комдив-13 стрелковой — Шахтинско-Донецкого и Донецкого окр.

В случае возникновения волнений указанным представителям командования подчиняются все гарнизоны в отведенных им районах по дополнительному распоряжению командования округа.

7. Перечисленным командирам теперь же ознакомиться в партийных органах, ОГПУ и исполкомах подробно с планом намеченной операции по изъятию кулачества и постоянно быть в курсе дела.

8. В случае необходимости немедленно просить телеграфно командование округа о присылке частей с изложением обстановки и краткого плана действий.

9. Прибывающие школы поступают в подчинение указанным лицам на правах отдельно действующих отрядов.

10. В случае использования красноармейских частей предусмотреть такое насыщение используемых подразделений средним начальствующим составом, которое гарантирует бесперебойное действие пулеметов и орудий.

11. Начальнику штаба округа разработать план воинских перевозок и распределение средств связи.

12. Начальнику ВВС разработать план перебросок авиации в распоряжение всех указанных выше командиров.

13. Начальнику снабжений разработать план обеспечения выделяемых частей всеми видами довольствия.

14. В случае потери связи с командованием округа представители командования на местах действуют самостоятельно с целью сохранения порядка в своем районе»¹²⁰.

Как видно, оставались в силе главные принципиальные положения приказа РВС СССР 1926 г. — армейские части являлись резервом, привлечение их предусматривается «только» распоряжением РВС округа, «после разрешения Наркомвоенмора» (пункт 1–2). Последняя приписка не присутствовала в тексте приказа РВС СССР, но могла быть в тексте директивы наркома, посланной в округа 3 февраля. Некоторое отличие от текста приказа наблюдается в пункте 3. Напомним, что в приказе руководство при совместных действиях войск ОГПУ и частей Красной армии возлагалось на лицо, «назначаемое по соглашению Уполномоченного ОГПУ и командующего войсками округа». В Плана руководство операцией оставалось за представителем военного командования. Возможно, что неудачный опыт чеченской операции, о которой писал И. П. Белов в письме наркому, был учтен военными при разработке данного Плана.

План определял круг представителей военного командования на местах и их права. При общем руководстве операциями со стороны окружного командования предусматривалось «в случае возникновения волнений» полное подчинение представителям командования всех гарнизонов в отведенных им районах», но «по дополнительному распоряжению командования округа» (пункт 6). При «потере связи с командованием округа» Планом предусматривалась самостоятельность действий представителей командования (пункт 14). План содержит важнейшую информацию о районах предполагаемых действий и конкретных исполнителях (на уровне дивизий) планируемых операций (пункты 5–6). Из Плана следует, что такими районами были: Армавирский, Донской, Кубанский, Майкопский, Черноморский, Шахтинско-Донецкий, Сальский и Донецкий округа, Терский, Ставропольский округ, Адыгейская и Черкесская национальные области, Дагестанская АССР.

Представителями окружного командования на местах являлись командиры 5-й и 11-й кавалерийских, 9-й, 11-й, 74-й стрелковых дивизий. Отметим, что этим командирам предписывалось «ознакомиться в партийных органах, ОГПУ и исполкомах подробно с планом намеченной операции по изъятию кулачества и постоянно быть в курсе дела» (пункт 7). Наличие этого пункта подтверждает тезис о том, что армия не рассматривалась властью и не входила в число непосредственных исполнителей мероприятий по кулачеству. В случае необходимости привлечения армии в первую очередь должен был использоваться лич-

ный состав военных школ, в частности Владикавказской школы, Северо-Кавказской кавшколы и Кавалерийских курсов усовершенствования комсостава (ККУКС), которым придавалась артиллерия (пункт 4). Прибывающему на места личному составу указанных школ придавался статус «отдельно действующих отрядов» с подчинением представителю окружного командования на местах (пункт 9). Привлечение регулярных армейских частей предусматривалось только в случае возникновения серьезных ситуаций. Обращает на себя внимание пункт Плана, в котором говорилось о необходимости «насыщения» подразделений красноармейских частей (в случае использования) средним начальствующим составом, что гарантировало бы «бесперебойное действие пулеметов и орудий» (пункт 10). Отметим, что Планом предусматривалось привлечение ВВС округа (пункт 12).

Скорее всего, План был разработан в первых числах февраля, когда был издан приказ ОГПУ, определяющий сроки и порядок проведения операций «по кулачеству». Вместе с ним были разработаны и другие документы, составляющие единый комплекс, в том числе: инструкция по ликвидации беспорядков, директива ПУ СКВО, схема антисоветских выступлений.

Содержание Плана дополняет докладная записка начальника штаба СКВО А. И. Верховского на имя начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова. В ней перечислялись организационные мероприятия, проведенные командованием округа «в целях предотвращения возможных крупных антисоветских выступлений и своевременной ликвидации таковых как в казачьих округах, так и в национальных областях». Отметим, что меры эти носили предупредительный характер. Суть их сводилась к следующему: «1) Даны указания комдивам усилить охрану складов, держать средний командный состав круглые сутки в расположении части, в каждом полку иметь боевую группу в составе полковой школы, готовой выступить через 2 часа по получении приказа. 2) Даны указания школам Владикавказской пехотной, Краснодарской кавалерийской и ККУКСу быть готовыми к выступлению через 2 часа по получении приказа в полном составе при одной батарее каждая. 3) Комдивам и начальникам школ дан план использования войск и организации управления на случай осложнений по определенным районам. 4) Всем командирам и комиссарам отдельных частей и военкоматам разослано письмо командующего об усилении дисциплины и разъяснения частям сущности проводимых мероприятий. 5) Командирам и комиссарам полков дана примерная инструкция по ликвидации возможных беспорядков в населенных пунктах при проведении операции по изъятию кулачества. 6) По линии политуправления СКВО дана директива всем командирам и комиссарам частей и военкоматам о проведении разъяснительной работы в частях в связи с мероприятиями партии. 7) По линии ВОСО проведена подготовка железных дорог и закреплены составы на случай переброски

войск. Подготовлена связь по прямым проводам на случай необходимости руководить подавлением тех или других вспышек. Подготовлена связь с аэродромом для переброски авиации». Перечисление проведенных организационных мероприятий заканчивалось следующим: «Все командиры предупреждены, что никакое вооруженное вмешательство не должно иметь места без указаний РВС округа»¹²¹.

Из этой же докладной записки мы узнаем оперативную ситуацию в крае, сложившуюся после начала массового «изъятия кулаков» органами ОГПУ на Кубани, в Майкопском, Армавирском, Терском, Донском и Сальском округах, а также «изъятия контрреволюционных главарей» и разгрома бандитских группировок в районах Ингушетии. При этом указывалось, что органы ОГПУ «силами своих частей приступили к операциям». Далее отмечалось, что «краевые органы считают нужным» занять крепости Хунзах, Гуниб, Ведено и Шатой в то время, когда там будет проводиться изъятие кулаков. Эта задача была поставлена перед военным командованием округа, которое, в свою очередь, возложило выполнение ее на 28-ю стрелковую дивизию.

Рассмотренные нами оперативные материалы штаба СКВО позволяют предположить, что подобные документы были разработаны в штабах других приграничных округов (САВО и Кавказкой Краснознаменной армии, действующей на правах округа). Наш вывод основан на том, что эти регионы рассматривались властью как районы повышенной активности националистических группировок и идущего за ним крестьянства. Вследствие этого от армейских частей требовалась повышенная боеготовность, что вызывало появление подобных оперативных планов.

Помимо столь важной оперативной плановой документации не менее важны для исследователей донесения, рапорты, записки представителей окружного военного командования, в которых содержится информация о ситуации в регионах. В обязанности окружного военного командования в том числе входило отслеживание ситуации в округе, анализ настроений населения и причин, влияющих на повышение напряженности на местах.

В цитируемой нами докладной записке начальника штаба СКВО подобного рода информация присутствовала. В ней отмечались характерные действия крестьянства, в частности то, «что кулак, ведя агитацию среди некоторых колеблющихся групп середняков и бедняков, а главным образом среди женщин, провоцирует эти группы на открытые выступления», которые «выливаются в такие эксцессы: толпы крестьян 200–300, а иногда и до 500 человек, преимущественно женщины, срывают собрания по коллективизации, избивают представителей местной власти и активистов при описи кулацкого имущества, громят места сосредоточения отобранного кулацкого имущества, раздавая его обратно кулакам, освобождают арестованных кулаков и т. п.». Наряду с сопротивлением отмечалась активная поддержка действиям ОГПУ

бедняцко-средняцких масс, что позволило к 7 февраля изъять по всему краю и выселить 10 368 кулаков. Обратим внимание, что эти результаты были достигнуты за два дня, так как в той же записке указывался день начала операций органами ОГПУ — 5 февраля. Реакция кулака на действия ОГПУ была однозначна — бегство с мест постоянного жительства, уход в горные районы, что усиливало бандитские группировки. В связи с этим штаб округа делал вывод — «есть основание думать, что к весне действие банд усилится».

Несколько другой характер носили выступления в национальных областях. Там активность «контрреволюционных и бандитских элементов» проявлялась в локальных террористических действиях. Проявлениями террора были — вывинчивание болтов в рельсах, разбор железнодорожного пути, убийство представителей партийной и государственной власти, ограбление кооперативов и др. Среди областей по активности террора выделялись Чечня и Ингушетия. По данным штаба СКВО, «органами ГПУ в этих областях насчитывается до 300 человек активных бандитов, группирующихся по 20–40–50 человек и возглавляемых контрреволюционными авторитетами. В записке отмечалось: «По всем национальным областям усиленно муссируются слухи о подготавливаемом весной восстании совместно с казачеством».

Подводя первые итоги начавшихся операций против кулачества в крае, начальник штаба СКВО указывал: «Все выступления до сих пор ликвидировались силами ГПУ и мобилизацией партии, комсомольской организации и бедняцких масс. Войска ОГПУ ныне дают наибольшее возможное напряжение. Поступают частичные требования к воинским частям — до сих пор не удовлетворяющиеся». На сегодняшний день документы, позволяющие дать ответ на вопрос, какие требования все же были удовлетворены армейским командованием и штабом СКВО в частности, не выявлены в архивах. Однако это не означает, что их нет. Поиск возможен не только на уровне центрального и окружного управления, но и на дивизионном уровне.

Внутренние округа

В отличие от приграничных округов, где привлечение частей Красной армии предусматривалось приказом РВС СССР и имело плановое начало, ситуация с внутренними округами была иная. В них привлечение армейских частей разрешалось только при чрезвычайных обстоятельствах, соответственно, о планировании подобных оперативных действий не могло быть и речи. Следовательно, документы, подобные Плану штаба СКВО, могли разрабатываться только в чрезвычайной ситуации, что в значительной степени затрудняет поисковую работу. Практика показывает, что искать источник, предусмотренный распорядительными указаниями или функциональной обязанностью учрежде-

ния, значительно легче, чем тот, который появляется в условиях чрезвычайщины.

Источники, свидетельствующие о санкционированном РВС СССР участия армейских частей в подавлении серьезных крестьянских выступлений, на сегодняшний день не выявлены. Более того, даже целенаправленный поиск по отдельным округам не принес положительных результатов. Известно, что в конце февраля — первой половине марта 1930 г. в Центральной Черноземной области отмечались массовые выступления крестьян в Борисоглебском, Козловском, Курском, Тамбовском и других округах. Полномочный представитель ОГПУ по области Н. Н. Алексеев доносил по прямому проводу в Москву в оперативное управление ОГПУ: «Всего оперировано по области по первой категории 6830 чел., ликвидировано 9 контрреволюционных организаций и 506 группировок. Проходит по контрреволюционным организациям и группировкам 3888 чел., одиночек — 2942 чел.». Там же он указывал: «Существующее распоряжение частям РККА часто исключает возможность своевременной ликвидации выступлений. Право в исключительных случаях брать отдельные проверенные взводы в районах Курска, Козлова, Тамбова, Ельца и Борисоглебска считаю необходимым. Прошу разрешения»¹²². Скорее всего, разрешения не последовало.

Опубликованные документы показывают, что командование МВО после событий в г. Медыни строго соблюдало установленный порядок привлечения войск. Даже при подавлении массовых волнений в Пителенском (в ряде документов — Петелинском) районе Рязанского округа армейские части не привлекались. Докладывая об этих событиях 2 марта 1930 г. наркому К. Е. Ворошилову, командование МВО указывало: «Врид. начальника гарнизона г. Рязани — командир 3 территориального полка донес, что 21 февраля 1930 г. население д. Веряево, Гридино Петелинского района под влиянием и руководством кулачества разобрано общественный скот, разбило кормушки, разобрано семенные и страховые фонды и дало возможность раскулаченным вернуть имущество. Последующие дни при посредстве набатного звона и посылок делегатов и связных на лыжах в окрестные села своего и соседних районов пытались вовлечь в выступление население последних. В результате антиколхозным движением были охвачены д. Веряево, Гридино, Павловка, Андреевка, Высокая, Обухово, Нестерово, Потапьево. Волнение продолжалось весь день. За это время убит 1 милиционер и ранено 8 чел. советского актива. Сожжен один дом в Гридино, разгромлена квартира председателя колхоза Веряево. Население д. Высокая, Нестерово, Потапьево, вооружившись кольями, оказало сопротивление изъятию кулацкого элемента органами ГПУ, последние применили оружие, в результате трое убито и шестеро ранено от населения». Далее говорилось: «В район Гридино распоряжением ОГПУ выброшено 150 штыков из ВПШ ОГПУ; вооружены местные парторганизации»¹²³. Естественно,

что 150 человек, вооруженных винтовками со штыками и обученных тактике ведения боя, могли представлять значительную силу против крестьянских кольев и эмоций. Условия 1930 г. отличались от периода Гражданской войны, когда деревня была насыщена оружием.

Привлечение армейских частей во внутренних округах в малых формах в виде отрядов из красноармейцев или взводов определяло и порядок оформления принятых решений. Выделение каких-либо отрядов из состава регулярных войсковых частей отражалось в строевых приказах по части как командировки, так как убывающий личный состав необходимо было снимать с довольствия. Однако цель и районы подобных командировок в приказах не указывались. Об этом сообщалось ограниченному кругу лиц, зачастую даже красноармейцы не могли знать заранее, куда их направляют. Вспомним соответствующий пункт в цитируемой нами ранее директиве РВС ЛВО от 6 февраля 1930 г. — «командованию частей никаких письменных распоряжений не давать, ограничиваясь соответствующими личными указаниями». Вся оперативная (распорядительная и отчетная) документация по подобным командировкам хранилась в секретном делопроизводстве и могла уничтожаться в первую очередь. Успеху поиска подобных материалов может способствовать знание, во-первых, районов, где происходили наиболее массовые выступления крестьян и, во-вторых, номеров частей Красной армии, дислоцировавшихся в этих регионах. Как бы ни был труден поиск источников, он все же возможен, это — главное.

Привлечение частей Красной армии без разрешения РВС

Проведенное нами исследование и опубликованные за последнее время документы свидетельствуют о том, что положения приказа РВС СССР 1926 г. в целом по армии соблюдались. Но было немало случаев, когда положения приказа нарушались. Самым нарицательным примером стали события в г. Медыни. Напомним, что в феврале 1930 г. К. Е. Ворошилов потребовал как от руководства ПУ РККА, так и от командования военных округов представить ему донесения обо всех случаях привлечения войск «для раскулачивания и прочих мероприятий», нарушающих установленный приказом РВС СССР порядок. В итоге исследователи получили комплекс донесений и докладных записок, в которых приводятся указанные факты. До недавних пор эти документы находились на закрытом хранении, но в настоящее время они рассекречены, часть из них опубликована, среди них — материалы ПУ РККА.

Через несколько дней после распоряжения наркома, 11 февраля 1930 г., ПУ РККА представил доклад «О фактах вооруженного участия военнослужащих в кампании ликвидации кулака как класса»¹²⁴. Однако донесения с мест по этому вопросу продолжали поступать в

**Из обзора Политического управления РККА
об отрицательных явлениях в Красной армии в 1933 г.**

(из фондов Российского государственного военного архива)

**привлечено военно-служащих за
различные преступления по одиноч-
ным и групповым делам за 1932-33 гг.**

Диаграмма № 1. Привлечение военнослужащих за различные преступления в 1932-1933 гг.

**КОЛИЧЕСТВО И ХАРАКТЕР
ЛИКВИДИРОВАННЫХ
К-Р И ПРОЧИХ ГРУППИРОВОК
В РККА**

Диаграмма № 2. Количество и характер ликвидированных контрреволюционных и прочих группировок в РККА за 1932-1933 гг.

Количество ликвидированных к-р и прочих группировок и арестованных по ним военнослужащих, по округам за 1933 г.

Диаграмма № 3. Количество ликвидированных контрреволюционных и прочих группировок и арестованных по ним военнослужащих (по округам) за 1933 г.

ДОЛЖНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ АРЕСТОВАННЫХ ПО КР. И ПРОЧ. ГРУППИРОВКАМ

Диаграмма № 4. Должностной и социально-партийный состав арестованных по контрреволюционным и прочим группировкам за 1932-1933 гг.

ИЗЪЯТИЕ СОЦЧУЖДОГО ЭЛЕМЕНТА ИЗ РККА

По службному составу:

из РККА

Диаграмма № 5. Изъятие социально чуждого элемента из РККА в 1932–1933 гг.

ДИАГРАММА ИЗЪЯТИЯ СОЦЧУЖДОГО ЭЛЕМЕНТА ИЗ Р.К.К.А. ПО ОКРУГАМ

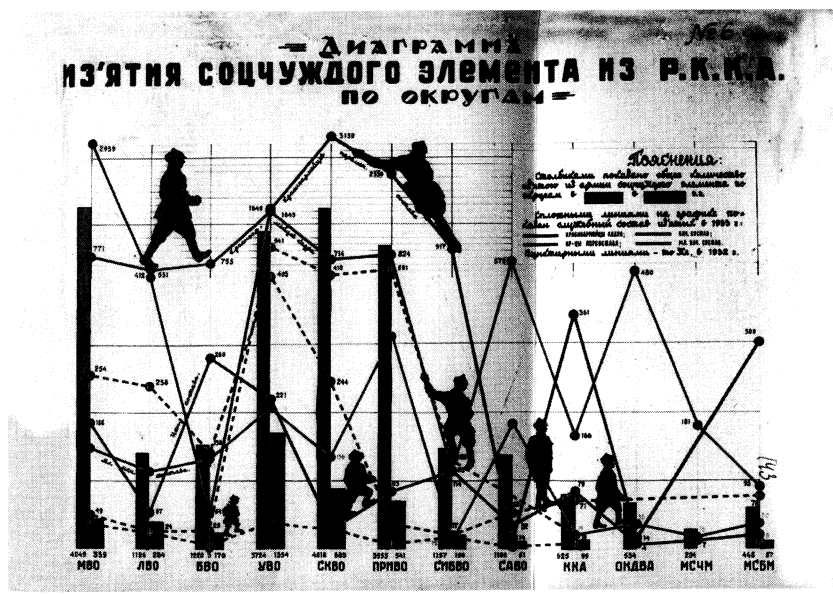

Диаграмма № 6. Изъятие социально чуждого элемента из РККА (по округам) в 1932–1933 гг.

ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ РККА

Диаграмма № 7. Дезертирство из РККА в 1932–1933 гг.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ЗА 1932 И ЗА 1933 г.г.

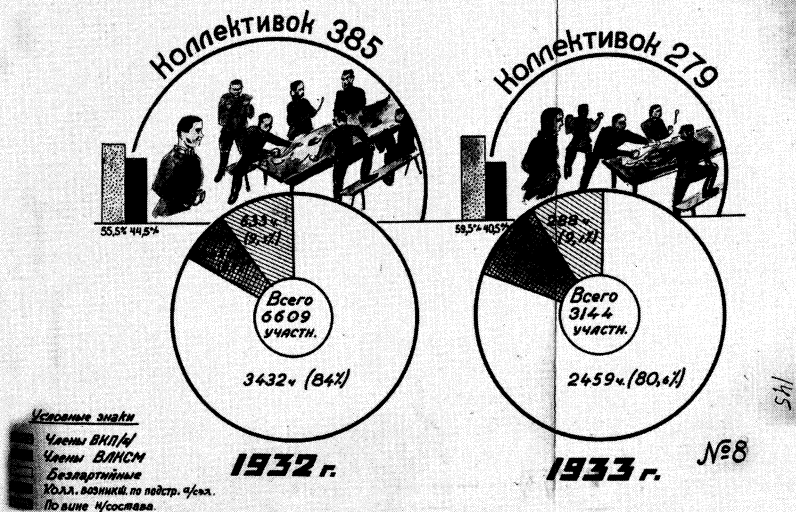
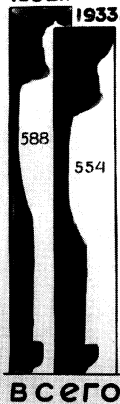

Диаграмма № 8. Коллективные нарушения дисциплины за 1932–1933 гг.

САМОУБИЙСТВА И ПОКУШЕНИЯ НА САМОУБИЙСТВА В АРМИИ ЗА 1932-33 г.г.

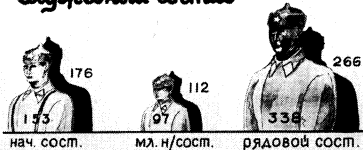
1932г. 1933г.

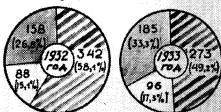
Причины самоубийств и покушений в 1933 году.

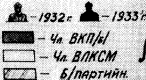
Служебный состав

Парт. состав

Условные знаки

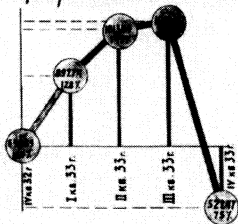

№ 9

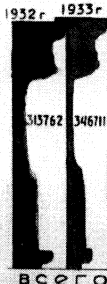
Диаграмма № 9. Самоубийства и покушения на самоубийства в армии за 1932-1933 гг.

динамика и характер отрицательных проявлений /высказываний/ в армии

динамика отрицательн. высказыв.

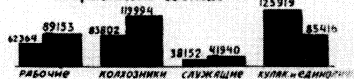
Общее количество отрицательных высказываний

Форменный состав /высказывавшихся/

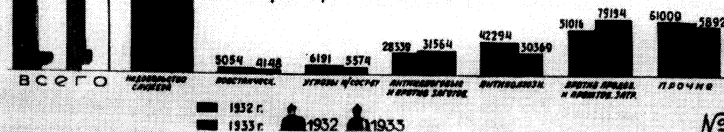
Социальный состав

парт. состав /высказывавшихся/

Характер высказываний

№ 10

Диаграмма № 10. Динамика и характер отрицательных проявлений (высказываний) в армии за 1932-1933 гг.

Материалы по заселению станицы Полтавской, переименованной
в Красноармейскую. Декабрь 1932 – март 1933 гг.

(из фондов Российского государственного военного архива)

Титульная обложка брошюры А. Радина и Л. Шацмана «За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в Северные края».

Ростов н/Д: Партиздат, 1932

Первое построение прибывших на Кубань красноармейцев и первый митинг.
Январь 1933 г.

Красноармейская ЗВЕЗДА

Высшая редакция красно-
армейской газеты партбюро
ВКП(б) №-ского полка
СТ. ПОЛТАВСКАЯ
Красная 69.

2 января
1933 год
№ 1

В ПОЗОРНОЙ СТАНИЦЕ СОЗДАТЬ большевистские, урожайные КОЛХОЗЫ.

Домая саботаж, организованный врагами, превратить Полтавскую, в станицу
цветущего социалистического земледелия.

Земля на Кубани—сама родит. При удовлетворительной обработке, с гектара земли, самая пшеница даст урожай в 120—150 пудов. Кукуруза—180—240 пудов.

Но в станице Полтавской, на плодородном черноземе, в прошлом году погибли, заросли бурьянами, три тысячи гектар высокоурожайной пшеницы «Украинки». Но станица выполнила только на 25 проц. задание по сева, сдав государству всего 6-8 пудов с гектара.

Какая сему причина? Остатки кулачества, охваченные контрреволюционными элементами, организовали саботажные бригады по сева и уборке урожая. Советскую власть пытаются прогнать голодом, подрывом колхозов изнутри.

Под влиянием кулацкой агитации на работу в поле выходило только одна треть колхозников, была крайне низкая производительность труда. Хлеб разорывался, расгаскивался, запыливался в ямах, но не сдавался государству. В станице вскрыто 400 ям. Хлеб и по сей час гниет в ямах, еще не найден полностью.

Партийная организация, станичный совет шли на поводу кулака. Эти предатели, агенты кулачества, вместо борьбы с контрреволюционными саботажниками, сами являлись проводниками саботажных действий. Они руководили кулаком вместе с контрреволюционными элементами, проводили в руководстве колхоза.

Крепкие организации колхозов раз предупреждали станицу. В 1931 году был разгромлен колхоз «Червоный пра-

пор» за явный саботаж сева и за злостное не выполнение обязательств перед государством. В 1932 году, 24 ноября, станицу Полтавскую занесли на черную доску сделав ей последнее предупреждение. Из станицы вывезли товары.

«Мы прямо опубликовали, — говорил секретарь Сев.Кав. Крайкома ВКП(б) тов. Шеболаев, — что будем выселять в северные края злостных саботажников, кулацких подцелов, не желающих сеять... И сейчас, когда эти остатки кулачества, пытаются организовать саботаж, выступают против требований советской власти, правильнее отдать плодороднейшую кулацкую землю колхозникам. живущим в малоземелье, на плохих землях в других краях.

Да они не только обрабатывают ее самым лучшим образом, целовать ее будут...»

И все же, саботаж в станице продолжался.

Кулацкие вело агитацию, усложняя подавшихся на кулацкую удочку.

— Та брешит, брешит... Вези станицу не выселять, хойайте хлеб глубже и дальше...

Хлеб ховали, перекладывали поглубже, срывали план осеннего сева.

Може ли было дальше терпеть паразитов, злостных саботажников на Кубани, поганящих плодородную землю? Конечно нет.

Мы создали тысячи и тысячи колхозов и должны добить их, чтобы эти колхозы были нашими колхозами, советскими колхозами, опорой советской власти на селе и в деревне.

Этой опорой колхозы станицы Полтавской не были.

Теперь колхозы станицы распущены. Саботажники, паразиты высланы из Полтавской.

Сегодня плодородная, черноземная земля передана колхозникам — демобилизованным красноармейцам. Сегодня они должны начать большевистскую работу по созданию новых, крепких, образцовых колхозов.

Конечно, трудностей будет много.

Но нет таких крепостей, которые не могут взять большевики.

Преданность делу партии, беспощадная непримиримость к агентам классового врага, большевистская напористость и ударный труд—вот что превратит «бойкотную» позорную станицу Полтавскую—в станицу цветущего социалистического земледелия.

А ограда и задача:

Быть классово бдительным. Беспощадно расправляться с малейшими попытками классового врага, который еще попытается вести подрывную работу.

Показать образцы трудового энтузиазма. Показать как нужно обрабатывать колхозные поля, как укреплять колхозы, как получать стоишьдесятки пудовые урожаи.

Во вторую патилетку станица Полтавская начала новую жизнь.

А строителями этой новой, социалистической жизни, является вы, лучшие ударники красноармейских частей.

И ваша задача, под руководством партии, создать в станице лучшие, образцовые, большевистские колхозы на Кубани.

Слово и дело за вами, товарищи, бойцы колхозники.

Красноармейская ЗВЕЗДА

Внезая редакция красно-
армейской газеты партбюро
ВКП(б) №-ского полка
СТ. ПОЛТАВСКАЯ
Красная 69.

4 января
1933 года
№ 2

СТАНИЦУ ПОЛТАВСКУЮ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ В СЕЛО КРАСНОАРМЕЙСКОЕ

Таково решение многолюдных митингов, собраний
переселенцев—колхозников и красноармейцев

Больше большевистской напористости

На собраниях и митингах красноармейцы колхозники приняли единодушное решение:

— Ходатайствовать перед Крайисполкомом о переименовании станицы в село Красноармейское.

И не только переименовать! Бойцы обаялись: превратить бывшую „бойкотную“ станицу, в образцовое советское село, создать очаг цветущего социалистического земледелия.

Это не просто слова. В станице уже бурлит жизнь, колхозная жизнь. Организируются новые колхозы, уже принято решение на годовом собрании БВО о вызове на социалистическое соревнование своего соседа, уже создаются бригады, уже чувствуется козыско-колхозный глаз на кончиках.

Но самое трудное впереди. Чтобы своевременно подготовиться к весне нужно дорожить каждым часом, каждым днем. Нам в наследство позорная станица оставила заросшие бурьяном запозаленные земли, сады. Нужен ремонт инвентаря, машин. Нужно овладеть техникой, подготовить кадры. Нужно организовать культурный быт. Перед нами почетный край кропотливой, упорной работы.

Эти трудности неизбежны и вполне преодолимы. Было бы лишь желание, уверенность и большевистская напористость.

Вот этой большевистской напористости не хватало у т.т. Попова, Акатьева и нескольких других колхозников из БВО. Нашелся даже такой, который свое недовольство

Ходатайствуем ПЕРЕД КРАЙИСПОЛКОМОМ.

Плодородный чернозем ст-цы Полтавской зарос бурьянами, засорен, загажен. Попорчены виноградники, сады. Расплодился крыс, мыши и другие с.-х. вредители.

Станица саботировала. Кулачье и контр-революционные элементы организовали подрыв колхозного строительства.

Мы—переселенцы колхозники, демобилизованные красноармейцы БВО заверили наше правительство и создадим в станице образцовые колхозы. Поля, сады, виноградники, огороды—будут очищены от сорняков и дадут социалистический урожай. Сама станица уже выселена, но если где либо остались корешки контр-революционного саботажа—эти корешки будут вырваны.

Почему мы строители новой колхозной жизни должны жить в позорной „бойкотной“ станице? Мы ходатайствуем перед Северо-Кавказским Крайисполкомом переименовать станицу В СЕЛО КРАСНОАРМЕЙСКОЕ, в село, которое будет передовым на Северном Кавказе.

Председатель собрания **Вострунов**.

Докажем ударной работой

В ответ на историческое решение Краевого комитета партии о выселении на ст. Полтавской контр-революционного гнезда мы колхозники красноармейцы БВО испепелившие в эту станицу единогласно поддерживаем предложение товарищей назвать станицу Полтавскую—село Красноармейское.

Мы не на словах, а на колхозных полях, ударной работой докажем, как нужно строить колхозное хозяйство.

Кручинин, Дружинин, Инкифоров.

— Станица не оправдала доверия партии. Поддержим ходатайство товарищей о переименовании станицы в село Красноармейское.

Председатель собрания красноармейцев УВО **Быков**. Постановления о переименовании станицы в село Красноармейское вынесла собрания группы бойцов колхозников БВО, УВО, ЛВО под председательством на собраниях т.т. **ЗУЕВА, ДМИТРИЕВА, РЯКИНА** и другие.

ли, здесь запряжка другая и он так запрягать коней не умеет.

Не только запряжкой, а сложными машинами должны овладеть переселенцы. По большевистски учиться, драться за укрепление колхоза,

лачля, оппортунистов и маловеров, показать образцы ударного труда, быть проводниками генеральной линии партии—вот задача красноармейцев колхозников.

Больше большевистской напористости! Выше темпы удар

ДОБЬЕМСЯ ВЫСОКОГО УРОЖАЯ!

КОЛХОЗНИКИ — КРАСНОАРМЕЙЦЫ ВЫЗЫВАЮТ НА СОЦСОРЕВНОВАНИЕ:

— В первый год второй пятилетки заставить землю Кубани дать
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УРОЖАЙ

— Выкорчевать остатки агентуры кулачья из станицы

Москва, тов. СТАЛИНУ

Мы красноармейцы—колхозники вселившиеся в станицу Полтавскую, вместо выданных контрреволюционных элементов шлем Центральному Комитету Партии и вождю Мирового пролета рьято тов. Сталину памятный боевой колхозный привет.

Приветствуя историческое решение правительства о выселении контрреволюционеров, саботажников станицы, пытавшихся голодом прощунать крепость пролетарской диктатуры, мы завернем ЦК и тебя тов. Сталин, что сплочением своих рядов вокруг генеральной линии партии, бесоциальной борьбы с остатками контрреволюционных элементов, борьбой с оппортунистами и перерожденцами, высокой трудовой дисциплиной и организованностью мы окончательно вырвем остатки кулачества и их агентов.

Станицу Полтавскую, под руководством партии, превратим в очаг цветущего социалистического земледелия
ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ.

Таким как Чернышев и Забуга—нет места в колхозе

В борьбе с саботажем, организованным кулачьем, переселенцы колхозники и красные партизаны станицы разоблачили несколько десятков пособников классового врага с партизанскими билетами в карманах.

И сейчас в наших рядах остались лазертарианы и интриганы, идущие на работу во вновь организованном колхозе.

Например, избрал членом суда колхоза ЧЕРНЫШЕВА Илью. А какой он судья. У него все родственники жены кулачье, высланы из станицы, несмотря на «партизанские» ходатайства Чернышева. Будучи членом правления колхоза «518» он упрятал у себя 2 пуда шерсти, он потакал сыну красть колхозное семя.

Вызываем...

В день ударника, мы колхозники красноармейцы БВО поселившиеся в станице Полтавской, вызываем на социалистическое соревнование УВО и других колхозников.

Наши условия:

В первый год второй пятилетки заставить землю Кубани дать полный социалистический урожай.

Позтому мы обязуемся:

до 15 января окосить поля от сорняков и с. х. вредителей.

Долностью быть готовыми к большевистской весне, организационно оформить и укрепить колхоз, отремонтировать инвентарь, сберечь и улучшить тягло, починить упряжь, создать культурный быт в своих кварталах: уголки, библиотеки, подготовить кадры, правильно расставить силы.

Только методом широкого социалистического соревнования и ударничества мы превратим наше село в очаг социалистического земледелия.

Особым пунктом подчеркиваем о классовой бдительности. Мы обязуемся беспощадно и до конца покончить с саботажем организованным классовым врагом. Мы отсекаем всякое, даже малейшее, проникновение классово-чуждых элементов в станицу и в своих рядах не потерим нитков, мажореров, играющих на руку классового врага.

Организовано, с высокой дисциплиной, под руководством нашей коммунистической партии, через соцсоревнование и ударничество—будем драться и добьемся больших успехов.

Кто с нами, товарищи!

По поручения красноармейцев колхозников—председателя РЯБКИН.

Создадим Ленинскую большевистскую партию организацию

Парторганизация ст. Полтавской на 50 процентов была засорена чуждыми, разложившимися, примазавшимися людьми, помогавшими кулачье организовать саботаж хлебозаводки и сева.

В новом селе Красноармейском, в селе, которое должно стать очагом социализма, нужно создать большевистскую организацию, передать партии Ленина, способные проводить генеральную линию партии.

9 января в колхозе проведет организация парторганизация на общем собрании коммунистов избирается комитет партийный комитет.

Нужно тщательно обследовать кандидатуры, чтобы набрать руководящие парторганизации, стойких лучших большевистов.

Ствет. редактор С. АНТОНОВ

Красные партизанки Ой-Щенко, Кондратенко и Слупчинская.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
УКРАИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

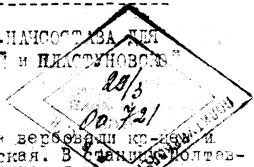
Секретно

№ 11/0064 *Воткин* 29/3 *29/3* марта 1920 г.

ПОЛКОВАЯ КОМАНДА ПУРКА-Т. О С Е П Я *Осепяну*

№ 13489/сс от 19. III - 33 г.

*Служба
Копия
Т. Кошарникова
М. С. С. Р.
М. С. С. Р.
М. С. С. Р.
М. С. С. Р.*

ОБ ИТОГАХ ВЕРБОВКИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И ИЛ. НАЧСТАВА ДЛН
ЗАСЕЛЕНИЯ СТАНИЦЫ ПОЛТАВСКАЯ, БЕЙСУГСКАЯ И ПЛАСТУНОВСКАЯ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ.

Донесу, что в текущем году части УВО не вербовали красноармейцев и командиров для станиц Полтавская и Уманская. В связи с полтавскому полковнику вербовка в 1932 г. в ПУРКА, сведения о составе заведенных и посланных в станицу Полтавская при сем прилагаю. В феврале текущего года, согласно директивы ПУРКА и ПУРКА № 95245/сс от 2 февраля 1933 г. части УВО завербовали и отправили 456 человек в станицы Пластуновская и Бейсугская. Характеристика посланных людей в эти станицы при этом прилагается.

О подходе и тщательности отбора, подготовка отобранных красноармейцев и командиров, а также их материальном обеспечении, помимо директивных указаний, лично Командующий войсками и Нач. Пуокр'а давались инструктивные установки на совещании начполиторганов округа в феврале с.г.

Отбором людей руководили начполиторганы и качество колхозников вполне отвечает требованиям, предъявленным ПУРКА и ПУРКА. Как проявилось, со всеми отобранными проведены краткосрочные семинары по обработке текущих решений и мероприятий партии и особенно по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов. В материальном отношении колхозники были полностью удовлетворены положением, согласно директивы ПУРКА и ПУРКА и сверх того дополнительными деньгами, продуктами, библиотеками и музыкальными инструментами.

Лучше чем другие в материальном отношении и в части политпросветности были снабжены красноармейцы 51 с.д., 2-я кав. див., 100 с.д.

51 с.д. снабдила каждого из отъезжающих, помимо того, что положено по директиве, дополнительно - комплектом рабочего обмундирования, по 50 рублей каждому /сверх 100 рублей/ по 4 двояных коробки консервов, библиотечкой - каждому, библиотечкой в целом для команды, новой гермошкой. Каждый из отъезжающих имеет книгу Сталина, Вопросы ленинизма и отдельные тома Ленина.

2 кав. дивизия снабдила отъезжающих помимо положенного - комплектом рабочего обмундирования, 1 килограммом сливочного масла, 2 килограммами конченостеи - каждому, также библиотечкой и муз. инструментами 100 с.д. по 50 рублей каждому /сверх 100 рублей/, библиотечкой, играми для всей команды, гермошкой, гитара, двумя мандолинами, двумя балалайками и др.

Уже были снабжены красноармейцы Яновского гарнизона Свуческой дивизии и Тульчинского гарнизона - 9 кав. дивизии.

Донесение начальника оргсектора Политического управления Украинского военного округа Петрунина начальнику организационного отдела Политического управления РККА Осепяну «Об итогах вербовки красноармейцев и младшего начсостава для заселения станиц Полтавской, Бейсугской и Пластуновской Северо-Кавказского края». 26/27 марта 1933 г.

ЗЗЗ

несмотря на тщательный отбор, в отдельных частях имели место выделение людей недостаточно дисциплинированных и не вполне отвечающих требованиям. Так, в составе выделенных УНР 28 было 3 человека, семьи которых на протяжении 3-х лет живут на Украине, 3 чел. из 3 к.д. по прибытию к месту формирования и отправки еще дома / Киев / стали пьянствовать, самостоятельно отлучаться. Распоряжением ч.ч. Пуокра и на месте погрузки в эшелон инструктором Пуокра эти 3 чел. были изъяти из эшелона и откомандированы обратно в части. 7 чел. из ~~Таврической~~ ~~десантно-штурмовой бригады~~ ~~и др. частей~~ ~~и др. частей~~

В целом же весь отобранный состав колхозников несомненно здоровый и ехал с большим рвением сделать образцовый красный колхоз.

«невный» место в пути следования случай дезертирства одного кр-на 31 с.д. и по прибытию на место отказ одного кр-на 100 сд оставаться в колхозе ввиду отсутствия леса и приходится топить соломой» были резко осуждены всеми кр-тами колхозниками.

Эшелон с завербованными был отправлен 15 февраля и прибыл к месту назначения 21 февраля /веч о сдаче и материалах первых шагов работы в станице Вейсумская прилагается/.

Слуя по докладу Военкома эшелона, сопровождавшего завербованных, кр-ты хорошо взялись за работу.

В целях ускорения переселения семей завербованных Пуокром с 15 по 20 февраля были разосланы подсобные списки с указанием адресов жителей семей в Политуправления военных округов для передачи их соответствующим Наркомзема и организации отправки семей.

Всего списки отправлены на 413 семей, находящихся в следующих военных округах:

МВО.... - 217 чел.	ПРИВО... - 107 чел.	Военкомат Казахский
ИЧА.... - 13 "	ЕВО..... - 7 "	АССР..... - 59 чел
СМВО... - 3 "	ОКРВА... - 3 "	ОКВО..... - 3 "

и живущих на «краине» 19 чел. Однако, по имеющимся в Пуокре сведениям подготовка к отправке семей ведется крайне медленно, а например - Военкомат Казахской АССР даже не имеет директивы ГУРКА и ГУРКА № 920, сс и не в курсе дела поезда отправки. Это требует срочных указаний штабом и Пуокром о форсировании отправки семей кр-цев.

За последнее время стали поступать в Пуокр тревожные данные о материальном положении колхозников красноармейцев. Еще 11.П. за № 41/042 Пуокр сообщил в ГУРКА о том, что кр-цы посланные для заселения станиц Подтанская испытывают острую материальную нужду. Краевая правительственная комиссия недостаточно помогает переселенцам, как продуктами питания и предметами хоз. обихода. Пуокром даны указания частям оказать дополнительную помощь отправленным кр-цам в части выследи по 100 рублей для каждого завербованного. Кроме того Пуокр из своих сумм также выдал 1000 рублей. Однако это крайне недостаточно и требует принятия срочных мер по линии Центральных органов.

необходимость этого диктуется еще и тем, что уже сейчас начали поступать тревожные сведения от кр-цев заселяющих станицы Плестуновская и Вейсумская. Из принятого решения донесения чуч. полков 1 кав. дивизии. Это на фоне материального положения начинают появляться острейшие и дезобильнейшие настроения среди кр-цев и колхозников.

324.

ЦУОКР высылает специально человека для ознакомления с состоянием колхозников на месте и примет ~~все~~ меры для оказания возможно й помощи. Однако это видимо, будет недостаточно. По примеру станции Полтавской требуется срочное вмешательство центральных органов.

- ПРИЛОЖЕНИЕ:
1. Сведения о завербованных и посланных в станицу Полтавская.
 2. Характеристика завербованных и посланных в станицу Пластуновская и Бейсугская.
 3. Акт о сдаче и приеме колхозников в станицу Бейсугская, протокол и приветствия.
 4. Донесение Начподива 1 к.д.

НАЧ ОРГ СЕКТОРА ЦУОУВО

Петрунин /ПЕТРУНИН/

26 марта 1933 г.

Окончание донесения

Переписка И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова
на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). [1930, 1933 гг.]

(из фондов Российского государственного архива
социально-политической истории)

№ 66 131
Я вена разго-
варивал с Воро-
шиловым о вое-
нени 243 покло
к делу распуца
тванну. Воро-
шилов ругает
командира пани
стерт мерв. Я
его членил, раз-
делал, три коман-
ды пани, олевиди
осужденни крими
Ворошилова о во-
работке во горн-
контрамах, "бомбах".

Записка И. В. Сталина к [В. М. Молотову] по поводу «медынских событий».
Не датирована, вероятно, февраль 1930 г. (автограф Сталина, серый карандаш)

73
Дорогие секретари
В. М. !
Может быть вас
даже указание
о привлечении
подготовки из красна
армейцев рядовых
всевозможных спе-
циализаций для
села? Известно
ли вам (в данном
случае известно) что
К. А. за последние
5 лет дала стране
не одну сотню тысяч
активных страв-
ников с. х. культуры
в деревне. Эти страв-
ники были авторами. В.

73 об
Ваше письмо
получено
Ура, ура
Красной Армии!
Мил.
А. Молотов?

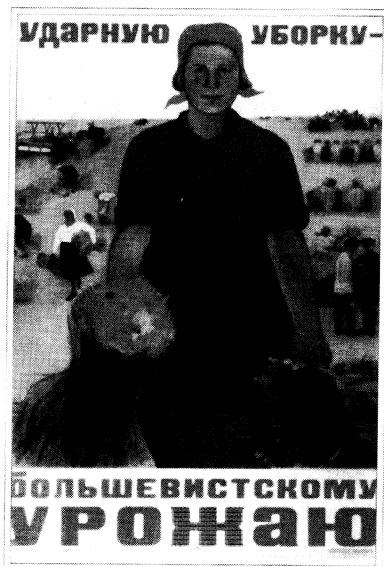
Записка К. Е. Ворошилова к И. В. Сталину и В. М. Молотову по поводу привлечения армейских частей к посевной кампании. Не датирована, вероятно, 1933 г. (автограф Ворошилова с ответом Молотова, серый карандаш)

**КРАСНАЯ АРМИЯ И
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ
ДЕРЕВНИ В СССР
(1928-1933 гг.)**

Составители
Андреа Романо и Нонна Тархова

**L'ARMATA ROSSA E LA
COLLETTIVIZZAZIONE
DELLE CAMPAGNE
NELL'URSS (1928-1933)**

A cura di
Andrea Romano e Nonna Tarхова

Dipartimento di Scienze Sociali • 11.0
Working Papers

Титульная обложка сборника документов «Красная армия и коллективизация деревни в СССР». Неаполь, 1996

Политуправление, они расширяли географию «нарушений» и дополняли подробностями имеющиеся факты¹²⁵. В итоге был составлен новый обзор «Об ошибках в частях при раскулачивании» от 15 марта 1930 г.¹²⁶ Собранные ПУ РККА донесения округов свидетельствовали о том, что события, подобные «медынским», были и в других военных округах. В январе–феврале 1930 г. к раскулачиванию привлекался личный состав в БВО (Брянский округ, Карачевский район), в ЛВО (Холмогорский район), в МВО (Острогожский округ), в УВО (Винницкий округ и др.), в САВО (90-й и 91-й кавполки), в ПриВО (Кустанайский округ). В этих донесениях содержалась информация о привлечении армейских частей к ликвидации беспорядков в деревне. Приведем отдельные примеры по военным округам:

Московский военный округ (МВО)¹²⁷

В ***Воронежском округе ЦЧО*** военком 56-го полка с 12 коммунистами, секретарем райкома и председателем волисполкома выехали в село *Шишовку* для восстановления порядка. В этом селе началось «брожение» в связи с антиколхозной агитацией со стороны кулаков; под натиском двухтысячной толпы группа местных коммунистов вынуждена была покинуть село. Отряд военных встретили кольями и камнями. Установить спокойствие удалось без применения оружия.

В ***Острогожском округе***¹²⁸ из состава 1-го запасного кавполка 10-й кавдивизии привлекались отряды в 100 человек для усмирения «вооруженной кольями и вилами» толпы крестьян сел *Песковатка* и *Нижний Игорец*. В первом случае «изъятие» кулаков и активных участников выступления, прогнавших из села представителей местных властей, прошло без сопротивления со стороны населения; во втором отряд, встреченный двухтысячной толпой «во избежание осложнений» вынужден был возвратиться обратно, однако, прибыв ночью вторично в село, «произвел операцию без всяких эксцессов». Посылка отрядов на места проводилась по требованию партийных органов.

В том же Острогожском округе имелись случаи привлечения частей 57-го стрелкового полка 19-й дивизии «по требованию секретаря райкома». В село *Подсередное*, крестьяне которого собрались к сельсовету с криками: «Отдайте нам обобществленных лошадей...», «Не мешайте нам, и мы не будем мешать вам...» был послан автомобиль с пулеметом. Местная милиция ничего не смогла сделать против толпы, пустившей в ход камни, кирпичи и колья. «Для того чтобы остановить толпу, теснившую милиционеров, — как сообщалось в докладе, — была открыта стрельба вверх из пулемета. Толпа разбежалась. Милиция и ГПУ изъяли 25 человек зачинщиков выступления и неблагонадежного элемента. Среди них 7 переменников». В селе *Казацком*, где 2 000 крестьян осадили сельскую школу, в которой укрылись местные работники (правда, к

моменту прихода батальона школа оказалась разгромленной, а местным работникам удалось скрыться), усилиями красноармейцев было изъято 47 зачинщиков. В села *Репинка и Марьевка* батальон направился по собственной инициативе и более того, применил там оружие, выпустив из пулемета две очереди патронов. Батальон выступил и участвовал во всех этих операциях без разрешения командования полка.

В селах *Троицком, Урыв и Платава (Платово)* для ликвидации беспорядков была привлечена *полковая школа 57-го кавполка*, причем с ведома и при участии командира полка. Более того, командование полка при постановке задачи указывало: «Главное — это под видом проведения тактического учения весьма тактичная, не поддающаяся на всякие провокации демонстрация силы». Но внешне действия школы обставлялись как случайное совпадение района тактического учения с районом крестьянского выступления. При этом «младшему начсоставу и комзводам было приказано курсантам не сообщать о сложившейся политической обстановке в этом районе, — как отмечалось в донесении ПУ МВО, — а в случае вопросов разъяснять, что цель выхода — тактическое учение (работа разведывательных отделений в полосе большой глубины). Не подавать никакого вида перед населением, не принимать никаких активных мер борьбы и применять их только в случае открытого грабежа и насилия и только с распоряжения уполномоченного ОГПУ или командира полка и если выступление кулачества будет направлено непосредственно против школы»¹²⁹. События в этих селах, особенно в с. Платава, приобрели угрожающий характер. Восставшие крестьяне окружали и отрезали ударные бригады по раскулачиванию во главе с уполномоченными ОГПУ, вытесняли из села милицию и гражданских коммунистов, разгоняли сельсоветы, выбирали новых старост, обращались к соседним селам с призывом к восстанию. В обзоре ПУ РККА говорилось, что отряд в 50 человек из партийцев и комсомольцев 57-го стрелкового полка был окружен толпой 2500–3000 человек. «Впереди шли дети, потом женщины и позади мужчины. Начальник отряда приказал стрелять вверх из пулемета. Толпа разбежалась. Но когда отряд приступил к арестам, отдельные части его опять подверглись нападению. Один из гражданских коммунистов был ранен толпой, другие находились под угрозой расправы. Видя безвыходное положение гражданских коммунистов, два младших командира выстрелили и убили одного из наступавших. Другого убили, отстреливаясь, гражданские коммунисты. Толпа разбежалась»¹³⁰.

Отметим, что описание событий в этих селах мы имеем по двум источникам — докладу ПУ РККА от 15 марта 1930 г. и информационной сводке ПУ МВО от 26 февраля 1930 г.; это позволяет провести анализ обоих текстов. Сравнение документов показало, что ПУ РККА при отборе информации допустил целенаправленное умалчивание отдельных фактов, что привело к искажению всей картины происходя-

щих событий, а в итоге — к смягчению акцентов выводов. Так, например, в обзоре, представленном К. Е. Ворошилову, умалчивалось о том, что командование 57-го кавполка неоднократно в течение двух-трех дней выделяло отряды из личного состава полковой школы на подавление восстания в с. Платава и окружающих его районах. При этом действиями последнего отряда в селе Урыв руководил непосредственно командир полка. Также ничего не сообщалось ни о «камуфляжной» тактике военных, ни о действиях ударных бригад, возглавляемых уполномоченными ОГПУ. Приведенный нами отрывок из обзора ПУ РККА о применении оружия против крестьян в селе Платава относился к событиям 2 февраля, и действующий там отряд состоял не из 50 человек, а из 98.

В докладе ПУ РККА крайне скупо говорилось о действиях полковой школы в с. Урыв, в то время как там также было применено оружие, причем по приказанию командира полка. В донесении ПУ МВО указывалось: «Комполка приказал: “Дать из станковых пулеметов вверх несколько коротких очередей и раздать боевые патроны курсантам”. После выстрелов из пулемета возбуждение улеглось, и операция была проведена спокойно. Операция в с. Урыв произвела ошеломляющее впечатление не только на Урыв, но и на с. Троицкое, Голодаевка, Девицы. Кулацкая активность резко снизилась, и в остальных селах операции были проведены спокойно. Тактика школы в последующих операциях была такой же»¹³¹. Обратим внимание, что ПУ МВО, приводя «факты вооруженного участия частей и групп военнослужащих в работе гражданских организаций», оценивает их как «совершенно ничем не вызванным и не оправдываемым»¹³². Наличие в арсенале исследователей как первичных, так и вторичных материалов, крайне важно, хотя не всегда это возможно. Сравнение текстов, относящиеся к элементам внутренней критики источников, позволяет оценить степень объективности подготовленных для высшего руководства документов.

Ленинградский военный округ (ЛВО)

В ***Новгородском округе*** отряд из 26 человек красноармейцев и командного состава *16-й дивизии* по распоряжению начальника Особого отдела дивизии выехал в *деревню Речки*, в которой, по данным ОГПУ, под влиянием попов рассылались воззвания, проводились явочные собрания. Арест попа органами ОГПУ вызвал волнение среди крестьян, в итоге поп был ими освобожден, они понесли его на руках домой, выделили охрану для его защиты и «заставу» к колокольне. Арестовав главарей, отряд возвратился в Новгород. Указывая на этот факт, автор обзора ПУ РККА пишет: «В этом случае никакой необходимости всылке красноармейского отряда не было. Отряд сформирован без ведома командования и политотдела дивизии. Отряд до прибытия на

место даже не знал о цели своей отправки, красноармейцам не была разъяснена политическая сущность дела»¹³³.

Украинский военный округ (УВО)

В ***Зиновьевском округе*** политрук *учебного пункта при 43-м полку* вызвал по тревоге роту допризывников и отправил ее в село *Злынка*, где около 400 женщин, собравшихся при снятии колоколов, вооружились палками и камнями, избивли председателя сельсовета и двух милиционеров. Роту встретили камнями, лишь после двух залпов вверх толпа стала расходиться.

Северо-Кавказский округ (СКВО)

В декабре 1929 г. во время вспыхнувших выступлений ***в станице Махосевской***, расположенной в 25 км юго-восточнее Майкопа, командиром 1-й бригады 27-го кавалерийского полка 5-й кавалерийской дивизии по требованию местных органов ОГПУ был послан отряд во главе с командиром эскадрона. Присутствие отряда и решительные действия его командира позволили быстро навести порядок, не доводя до применения оружия¹³⁴. Однако командование округа осудило действия комбрига, принявшего подобное решение без разрешения окружного командования и вдобавок не поставившего об этом в известность вышестоящие органы. По этому поводу комвойсками СКВО был отдан соответствующий приказ № 2/2 от 2 января 1930 г., в котором напоминалось о порядке вызова войск для содействия органам ОГПУ, при этом указывалось на соответствующий приказ РВС СССР за 1926 г.¹³⁵ Кроме того, командующий войсками округа требовал о всех случаях антисоветских выступлений в районе расположения войск доносить ему «немедленно телеграфом в зашифрованном виде»¹³⁶. Отметим, что и в дальнейшем донесения, приходившие в Москву из штаба СКВО, были всегда обстоятельными и точными в оценках ситуации в округе.

Сибирский военный округ

В ***Семипалатинском округе*** начальником школы младшего состава 4-й отдельной конвойной бригады был организован отряд из красноармейцев-курсантов, младших командиров в числе 118 человек, который выступил на подавление «кулацкого выступления». Во внеочередном донесении ПУ СибВО от 11 марта 1930 г. обращалось внимание на «полное отсутствие каких бы то ни было политических директив со стороны командования бригады». При этом указывалось, что неожиданное выступление отряда и плохая организация его — не проверено вооружение, только после напоминания военкома были взяты с собой

ложки и чайные кружки, «создали среди части начсостава некоторую растерянность»¹³⁷.

Архивные документы свидетельствуют, что командование военных округов стало регулярно присылать соответствующую информацию после «медыньских» событий и директив наркома. Кстати сказать, что донесения с подобной информацией входили в разряд секретных и даже совершенно секретных. Благодаря этому обстоятельству большинство из присланных военными округами материалов о случаях «непрофильного» привлечения войск было собрано воедино. Из них в секретариате наркома было сформировано дело, которое до середины 1990-х гг. оставалось на секретном хранении, хотя и не содержало никаких военных тайн. Таким образом, сегодня мы имеем возможность узнать не только о событиях в Медыни, но и отголосках их в других военных округах.

§ 6. Участие переменного состава Красной армии в крестьянских выступлениях

До сих пор мы рассматривали Красную армию как военную силу, которая при разных условиях могла использоваться для подавления крестьянских волнений и поддержания общественного спокойствия. Однако документы свидетельствуют о том, что личный состав Красной армии, будучи в большинстве своем крестьянским, мог принимать непосредственное участие в крестьянских волнениях. В первую очередь это касалось переменного состава территориальных частей, так называемых переменников. Они являлись основой для территориальных частей, которые в свою очередь составляли большинство внутренних военных округов. Особенность службы переменного состава заключалась в том, что проходила она вблизи от дома, всего лишь несколько месяцев в году. Остальное время жизнь переменника ничем не отличалась от жизни обычного крестьянина. Естественно, что изменения политики партии в деревне не могли не отразиться на настроениях переменного состава. Уже в первых донесениях и сводках о «крестьянских настроениях» в армии отмечалась более активная реакция на события со стороны переменного состава территориальных частей. Их устные выступления как на собраниях, так и внутри казармы были более резкими и критичными в отношении действия властей в отличие от красноармейцев кадровых частей. Такая же активность проявлялась зачастую и в непосредственных действиях.

В связи с этим уже в марте 1928 г. ПУ РККА направило циркуляр начальникам политуправлений военных округов об изучении социального состава территориальных частей (№ 023645/сс)¹³⁸. Согласно циркуляру изучению подлежали переменный и кадровый красноармейский состав, причем каждая из выделенных групп в отдельности — состав полковых школ, состав отделенных командиров (пункт 3). Внутри пере-

численных групп изучение должно было быть нацелено на «подробное освещение социального состава дивизии по следующим социальным группам: рабочий, батрак, бедняк, середняк, зажиточный, кулак и другие группы, если таковые будут» (пункт 4). Для изучения каждому округу предлагалось выбрать две территориальных дивизии; для ПриВО были дополнительно включены 8-я кавалерийская, для СКВО — 11-я кавалерийская (пункт 1). Изучение предлагалось вести «на основании статистических и иных данных, имеющихся в соответствующих партийных и советских учреждениях района комплектования (по возможности не ниже округа, уезда), а также материалов, имеющихся в политотделе и штабе дивизии». При этом указывалось, что «ни в коем случае не прибегать к личному опросу красноармейцев» (пункт 2).

Примером активности переменного состава и участия его в выступлениях являются события в ПриВО — в селе Началове Астраханского района. Это село характеризовалось как «богатое и кулацкое», имеющее общее число в 900 дворов, из них 240 хозяйств кулацких с постоянным наймом батраков и значительная часть остальных хозяйств — середняки с сезонным наймом батраков. Профиль села определялся как «садово-огороднический» и «сбыт молока в город»¹³⁹. Село являлось районом комплектования 2-й стрелковой роты 31-й стрелковой Сталинградской дивизии и было расположено в 12 км севернее г. Астрахани. В нем проживали 45 переменников, из которых в январе 1930 г. было выявлено 9 кулаков. Первоначально эти переменники-кулаки были лишены права на голосование, а в начале февраля они были изгнаны из переменного состава роты. Остальные переменники в большинстве своем, являясь середняками, естественно, отказались вступить в образуемый в январе 1930 г. в этом селе колхоз. Лишь в начале февраля райкому партии при содействии полкового командования (поход полка за коллективизацию) удалось заложить колхоз, в который вошли 250–300 человек батраков и бедняков. Однако влияние новой ячейки, образованной из числа прибывших «в счет 25 000» рабочих, было крайне слабое. Причем в донесении военкома полка отмечалось, что «село в гражданскую войну было с белыми и уходило с ними». 22 февраля 1930 г., после очередных мероприятий по раскулачиванию, в селе начались массовые выступления.

Все развивалось по обычному сценарию. Толпа в 700–1 000 человек собралась по набату в колокол, окружила сельский совет и потребовала от сельсовета и коммунистов-рабочих отменить раскулачивание и выселение кулаков. Уговоры разойтись не помогли. «Толпа кулаков и пьяных баб, — говорилось в донесении, — очевидно, специально напеченных, взломали окна и двери и зверски убили 6 и ранили 7 человек коммунистов и колхозников, забаррикадировавшихся в сельсовете и не решавшихся стрелять в толпу»¹⁴⁰. Отметим, что действия со стороны убитых коммунистов были охарактеризованы в донесении

как «буквально поня[ших] директиву ЦК партии о неприменении оружия при раскулачивании». В этих событиях приняли участие проживающие в селе переменники. Как отмечал в донесении военком 91-го стрелкового полка, из них 15 были кулаками, из которых 9 человек были «выявлены в январе и изъяты из полка 5 февраля и 6 человек выявлены и также раскулачены 20–21 февраля местной властью». «Эти кулаки-переменники, — указывал комиссар полка, — были в толпе, причем у троих отцы принимали участие в расправе над коммунистами и арестованы». Позиция остальной части переменников — 27 человек, была пассивной — «они испугались и сидели дома». Только один принимал участие в восстании и был арестован. В донесении указывалось, что из этих 27 переменников, среди которых были как бедняки, так и середняки, «лишь в последнее время» вступили в колхоз 15 человек. Помимо переменников в «началовских» событиях «большую контрреволюционную роль» играли 2 красноармейца, демобилизованные осенью 1929 г. из кадров Красной армии. Один звонил в колокол, а другой руководил восстанием. Оба также были арестованы. Обращает на себя внимание вывод донесения военкома полка: «В общем, переменники как передовые советские люди не чувствовались, они не были опорой в деревне, не сигнализировали о возможности восстания, плелись за кулацкими настроениями, а в момент, когда было нужно вмешаться и организованно воздействовать на толпу, чтобы не допустить расправы над коммунистами и рабочими, — играли пассивную роль и сидели дома»¹⁴¹.

События в Началове не на шутку обеспокоили окружное командование. Сразу же, 24 февраля, не дождавшись донесений от полкового и дивизионного командования, было проведено заседание РВС ПриВО, на котором был заслушан доклад военного прокурора округа т. Казаринского и председателя военного трибунала т. Иевлева «О подсудности дел о контрреволюционных преступлениях, совершенных переменниками в период между сборами». Принятое по вопросу постановления, подписанное командующим округом Г. Д. Базилевичем и членом РВС М. С. Дугановым, гласило: «Имея в виду актуальность задачи очищения переменного состава от антисоветского элемента до общих сборов персостава, мобилизации общественного мнения деревни вокруг этой задачи, а также необходимость быстрого и решительного удара по контрреволюционной преступности в районах комплектования и сплошной коллективизации, считать целесообразным передачу дел о контрреволюционной деятельности переменников в период между сборами на рассмотрение военного трибунала. Ходатайствовать перед РВС СССР о внесении соответствующего представления в Президиум ЦИК СССР»¹⁴². Кстати сказать, полученное ПУ ПриВО соответствующее донесение из политотдела дивизии было тотчас, 4 марта 1930 г., послано начальнику ПУ РККА¹⁴³.

Приведенный нами пример участия переменников в крестьянских выступлениях не был единичным. О подобных примерах поведения переменного состава писали наркому из других округов. Так, например, комвойсками СКВО И. П. Белов, сообщая 2 января 1930 г. К. Е. Ворошилову о выступлении крестьян против хлебозаготовок в станице Махощевской Майкопского округа, отмечал: «Красноармейцы-переменники, проживающие в станице, проявили себя пассивно, а по некоторым сведениям, принимали частичное участие в выступлениях»¹⁴⁴. В политдонесении политотдела 5-й кавдивизии об этих событиях указывалось, что после окончания волнений политрук эскадрона собрал переменников и провел с ними беседу. Во время беседы большинство из них упорно молчали, «только после проведенной работы на бедняцко-середняцких собраниях, отдельно переменников и партизан, они осудили свое поведение и поведение главарей»¹⁴⁵. Отметим, что такую же, зачастую непримиримую позицию занимали и бывшие партизаны, в большом количестве проживающие на Северном Кавказе. На это крайне серьезное обстоятельство было обращено внимание К. Е. Ворошилова. Действия «разложившихся партизан», руководимых кулачеством, проявились в том, что они вместе с женщинами под лозунгами «Заготовки прекратить, довольно грабить»; «Наши вожди Бухарин, Рыков и Томский за крестьян, они против хлебозаготовок» стали выгонять из кварталов местные комиссии по хлебозаготовкам¹⁴⁶, не давали забирать хлеб у индивидуально обложенных и оштрафованных. В донесении политотдела 5-й кавдивизии в ПУ СКВО, подробно описывающем ход событий, говорилось: «К моменту прихода отряда красноармейцев по станице ходила толпа человек в 300 с вилами, топорами, а по некоторым данным, кое у кого были и винтовки, «обрезы», с криками: «Долой хлебозаготовки, нас грабят». Там же указывалось, что «в станице имеется около 200 экз. нарезного оружия» и «что цель буянивших — вызвать отряд на площадь и разоружить»¹⁴⁷.

Об участии переменников в крестьянских выступлениях сообщало и ПУ МВО. В частности, в донесении о событиях в Глушковском районе в марте 1930 г. отмечалось их «самое активное» участие. В этом районе комплектования 164-го стрелкового полка 55-й стрелковой дивизии кулаки «развели бешеную агитацию» и, «извратив смысл статьи Сталина и постановления ЦК, — говорились в донесении, — используют эти документы в своей разлагательской работе»¹⁴⁸. Обращает внимание, что среди приведенных в донесении «кулацких провокаций» были и такие — «Польша заняла Киев»; «Сибирь восстала, и ей на помощь идет Китай»; «Ворошилов убил Сталина». Последняя — крайне интересна, так как данный слух встречается не только в этом донесении. Позиция, занимаемая большинством переменников, характеризовалась так: «Переменный состав ничем не выделяется в положительном смысле, даже наоборот, проявляет отрицательную активность. От с/с

ячеек ВКП(б), правлений колхозов, активистов-переменников сыпятся просьбы к полку повлиять на переменников, которые со всеми наравне разваливают колхозы»¹⁴⁹. Среди приведенных в донесении примеров были и такие: «По полученным сведениям от местных работников, в селах Сухиновка и Кобылки переменники заявили: “Мы вас, гражданских работников, слушать не хотим, пусть приедут и расскажут нам политработники и командиры из полка”». Примечательно, что на просьбу председателя окрисполкома выслать кого-либо из кадрового состава 164-го стрелкового полка в этот район был получен ответ: «Подивом это запрещено». Несомненно, что подобное поведение переменников предъявляло повышенные требования не только к работе политорганов, но и со стороны командного состава. В отношении последнего в том же донесении говорилось: «Среди начсостава полка чувствуется некоторая растерянность, неуверенность в разрешении тех конфликтов, которые происходят в районе».

Несомненно, руководство военным ведомством, будучи заинтересовано в стабилизации внутриармейской ситуации, предприняло со своей стороны меры для снижения напряженности в районах комплектования войск. Первым таким шагом стало согласование с инстанцией и проведение через нее дополнительных решений в отношении бывших красных партизан. На заседании Политбюро от 25 февраля 1930 г. было утверждено предложение К. Е. Ворошилова о дополнении к пункту 1 постановления Политбюро от 30 января 1930 г. в отношении красноармейских семей. В новом тексте дополнения, подписанном Секретарем ЦК ВКП(б) И. Сталиным, говорилось: «Также не подлежат выселению и конфискации имущества бывшие красные партизаны и действительные участники гражданской войны (участвовавшие в боях, имеющие ранение или какие-либо другие заслуги). По отношению к ним указанные меры принимаются только тогда, когда они превратились в кулаков, ведущих активную борьбу с коллективизацией или участвующих в контрреволюционных группировках. Однако во избежание ошибок необходимо стремиться к тому, чтобы каждый отдельный случай был обязательно рассмотрен в местном руководящем партийном органе»¹⁵⁰.

В свою очередь ПУ РККА послало 10 своих ответственных сотрудников в территориальные дивизии с целью выяснить настроения красноармейцев, в частности переменников, которые не только проявляли «нездоровые» настроения, но и менее активно шли в колхоз. Если среди кадрового состава «коллективизированных» хозяйств насчитывалось до 50–60 %, то среди переменного состава подобных хозяйств было только 15–20 %¹⁵¹. Поездки политработников были предприняты в самые активные по крестьянским выступлениям регионы Северного Кавказа, Украины и Поволжья. В ряду подвергшихся изучению регионов были: Кубанский, Самарский, Сталинградский, Шевченковский округа; Донецкий, Донецко-Шахтинский, Донской

округа; Конотопский, Нежинский, Роменский, Черниговский округа и др. По итогам этих поездок 26 февраля 1930 г. было создано совещание под председательством Я. Б. Гамарника¹⁵². Один из выступающих, посетивший 7-ю территориальную дивизию, располагавшуюся на Украине, отмечал, что большинство красноармейцев интересовало: «Как будет проведена коллективизация, как ликвидировать кулака, как класс». В отличие от них вневоинскую молодежь больше интересовало: «Что будет с тем, кто категорически не пойдет в коллектив?» Среди вопросов были и такие: «Почему сейчас, а не раньше ликвидируют кулака как класс?»; «Чем вызваны продовольственные затруднения?»; «Будут ли приниматься в колхозы лишенцы по суду?»; «Как поступят с религиозно настроенными?»¹⁵³ На совещании было также уделено внимание настроениям начсостава в связи с решениями партии в отношении деревни. Было отмечено, что это направление работы политорганов является «наиболее слабым», что «до сих пор нет точных данных у политорганов о родственных связях начсостава с конкретными социальными группами в деревне»¹⁵⁴.

Высказанные на совещании предложения были учтены ПУ РККА при разработке текста директивы «О задачах политорганов и парторганизаций на сборах новобранцев территориальных частей», принятой 21 марта 1930 г. В одном из пунктов этой директивы указывалось: «Задачей политорганов и парторганизаций является быстрое овладение активностью новобранцев, с тем чтобы, опираясь на рабочую, батрацко-бедняцкую прослойку и передовую часть колхозников-средняков, добиться быстрой ликвидации отдельных нездоровых настроений и создания подъема и энтузиазма вокруг задач боевой подготовки на сборах и подготовке к работе между сборами». И далее: «Эти задачи лежат в плоскости обеспечения максимального повышения боевой подготовки, укрепления и поднятия дисциплины, повышения политической устойчивости новобранцев, сплочения их вокруг политики партии, преодоления колебаний и отрицательных настроений в связи с имевшими место искривлениями партийной линии в осуществлении массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса и в плоскости мобилизации красноармейцев против враждебной кулацкой агитации»¹⁵⁵.

Опубликованные документы говорят о том, что не только словом, но и делом боролись в армии против активных переменников. Свидетельством чему является директива РВС МВО от 11 марта 1930 г. об изъятии кулаков из переменного состава территориальных частей. Эта секретная директива была адресована командирам и комиссарам корпусов, дивизий, начальникам политотделов дивизий и гарнизонов. В ней предлагалось «немедленно приступить к проверке всего переменного состава с целью очищения тервойск от враждебных элементов, поставив первоочередной задачей проверку новобранцев как подлежа-

щих явке на сбор в ближайшие месяцы»¹⁵⁶. Выявленные «враждебные элементы» подлежали зачислению в тыловое ополчение. Говоря современным языком — из юридически полноправных граждан они становились представителями маргинальных слоев, теряя одновременно свои гражданские права. Правда, директива призывала к «осторожному подходу» и «избеганию механического подхода» в решении этих вопросов. Для окончательного решения вопроса об отчислении переменного состава предписывалось создать комиссии при 2-м, 3-м и 10-м корпусах под председательством комиссара или помполита в составе начальника особого отдела корпуса и прокуратуры.

Отметим, что наряду с карательными мерами РВС округа требовал «строго проверять на месте факт раскулачивания и устанавливать — нет ли ошибок в этом деле», при этом работа по проверке должна была вестись армейскими органами в «полном контакте» с окружными и районными комитетами партии, исполкомами Советов. Как пример «неправильной работы» был приведен упоминаемый нами ранее 164-й полк 55-й стрелковой дивизии — по решению местных властей в нем было намечено «к изъятию» из переменного состава около 300 человек. РВС округа предлагал также «в случае возникновения тех или иных вопросов, требующих дополнительных разъяснений», обращаться за указаниями к нему.

Причины появления этой директивы ясны. Настроения переменников могли стать поводом для более серьезных осложнений во время сборов. Военное и политическое руководство Красной армии не могло допустить проявления каких-либо недовольств политикой партии, когда значительные массы мужского населения получают в руки оружие. Поводов для подобных недовольств в действительности было предостаточно. О перегибах в ходе коллективизации и раскулачивания, о нарушениях директив в отношении хозяйств красноармейцев и красных партизан сообщалось в сводках многих военных округов¹⁵⁷. ПУ МВО, призывая к «чистке» армейских рядов и одновременно к «осторожности» в этой работе, опиралось на основополагающие документы высших органов власти, в том числе на постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении от 10 марта 1930 г.¹⁵⁸, а также на директиву Наркомвоенмора от 16 июля 1928 г. № УМЗ/06552сс.

Опубликованные в последнее время документы позволяют исследовать до сих пор малоизвестную страницу в истории Красной армии, каковой являлась «чистка» ее рядов, проводившаяся в период политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. По терминологии армейских директив эта акция, начавшаяся в июле 1928 г. на основании указанной нами директивы, именовалась как «изъятие социально чуждых элементов». В действительности характер проводимой «чистки» был сопоставим с проводимым в деревне «рас-

кулачиванием». Важно отметить, что эта армейская акция, начавшись ранее общегосударственной, переросла со временем в длительную кампанию и проводилась вплоть до 1934 г.

§ 7. «Раскулачивание» в Красной армии

Известное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» положило начало массовой акции по «раскулачиванию». Однако семьи красноармейцев и командного состава РККА не подлежали выселению и конфискации имущества. Более того, в отданной несколько ранее, 25 января 1930 г., руководством ОГПУ директиве о принятии мер по организованному раскулачиванию и выселению кулаков отдельным пунктом оговаривалось: «Обязательно строго проверить, чтобы в число выселяемых кулацких семейств не попали семьи, которых дети служат в Красной Армии» (пункт 3)¹⁵⁹. Таким образом, предусмотренная в секретных директивах оговорка выводила семьи красноармейцев и комсостава из-под удара карательной кампании.

В дальнейшем при проведении кампании по выселению кулачества руководство ОГПУ внимательно следило за соблюдением этого положения на местах. Так, например, в директиве от 5 марта 1930 г. № 597, подписанной Г. Г. Ягодой и Е. Г. Евдокимовым, указывалось: «Несмотря на категорические указания ОГПУ, в последнее время зарегистрирован ряд случаев раскулачивания, высылка семей красноармейцев до вычистки последних из армии. Местные органы не всегда своевременно реагируют на перегибы в отношении семей красноармейцев. Информация соответствующих особых органов о сыновьях кулаков, служащих в армии, до сего времени не налажена. [На] запросы особых отделов местные органы отвечают несвоевременно, часто совсем даже не отвечают. Указанные безобразные явления свидетельствуют, что не все местные органы усвоили важность этого вопроса»¹⁶⁰. Однако ни «важность вопроса», ни какие-либо другие аргументы не означали, что Красная Армия оставалась тем спасительным островом, который обошла стороной бушующая политическая стихия. До сего дня мало кому известно, что массовые репрессивные меры в отношении кулаков внутри армии начались намного ранее, чем по всей стране, — летом 1928 г.

Напомним, что 1928 г. был для Красной армии крайне напряженным. Сводки армейских политорганов и органов ОГПУ свидетельствовали о неблагоприятном положении дел внутри армии и всплеске так называемых «крестьянских настроений». В связи с этим 22 июня 1928 г. состоялось расширенное заседание РВС СССР с привлечением как высшего, так и окружного командования. В заседании приняли участие члены РВС СССР Ворошилов, Уншлихт, Бубнов, Баранов,

Постников, Тухачевский, Егоров. От военных округов были приглашены: Куйбышев, Булин, Угланов (МВО); Сааков, Комаров (ЛВО); Якир, Затонский, Гричманов (УВО); Белов, Андреев, Смирнов (СКВО); Базилевич, Дуганов, Шверник (ПриВО); Ланда, Кнорин (БВО), а также представители от ОГПУ — Ягода, Дуплицкий, Павлуновский, Павловский, Ольский¹⁶¹. Обратим внимание, что среди приглашенных участников из округов были не только военные, но и партийные функционеры. На заседании состоялся серьезный и обстоятельный разговор о состоянии армии.

Итогом этого обсуждения стало постановление РВС СССР от 27 июня 1928 г. о политико-моральном состоянии РККА. При общей характеристике состояния армии как «здорового и политически устойчивого» отмечалось «расширение отрицательных явлений». Среди «трудностей и противоречий», отражающихся на состоянии армии, назывались такие, как «рост активности кулацкой части крестьянства в условиях нашего общего наступления на частнокапиталистические элементы» и «активное противодействие социалистическому строительству враждебных пролетариату классовых сил» (пункт 2). Состоящее из 17 пунктов постановление подробно останавливалось на важнейших болевых точках состояния армии. При этом указывалось: «Взятые сами по себе эти явления ни в коей мере не представляют из себя какой-либо серьезной опасности для политической устойчивости и боеспособности Красной Армии, но в то же время в условиях переживаемого периода они требуют к себе самого пристального внимания и максимального усиления работы по их искоренению» (пункт 2). К отрицательным явлениям военное руководство относило: а) рост количества дисциплинарных проступков; б) «постепенный» рост с конца 1926 г. коллективных нарушений воинской дисциплины; в) случаи самовольных отлучек и «отдельные случаи» явного дезертирства; г) «некоторое усиление случаев» пьянства красноармейцев и младшего командного состава за последний год (пункт 3).

Наряду с этим был отмечен рост «крестьянских настроений», вызванных хлебозаготовительными кампаниями и хлебными затруднениями 1927/28 г. В отдельном пункте постановления указывалось: «Нынешние “крестьянские настроения” в казарме характеризуются не только своей остротой, но и тем, что они будут иметь более или менее длительный характер, ибо в настоящее время мы вступили в такой период, который характеризуется усилением нашего наступления на частнокапиталистические элементы в деревне (нажим на кулака, увеличение сельскохозяйственного налога и пр.), еще более решительным вытеснением их из экономики страны (коллективизация крестьянского хозяйства, совхозы и пр.) и связанным с этим повышением активности враждебных пролетарской диктатуре классов и групп населения в обстановке неизбежных затруднений текущего периода» (пункт 4)¹⁶².

РВС СССР призывал все уровни военного руководства, начиная с РВС округов, командования корпусов, дивизий и даже полков, «не оставлять без должного расследования и соответствующего наказания виновных ни одного проступка, искажающего правильную политическую линию и способного ослабляюще действовать на политико-моральную устойчивость войск» (пункт 14-а). Низовым партийным организациям предлагалось также активно участвовать в борьбе с отрицательными явлениями «путем тщательного их обсуждения на закрытых собраниях ячеек, воспитывая на этом всех членов партии» (пункт 14-в). Соответствующее место в этой борьбе было отведено органам прокуратуры и военным трибуналам, которые были призваны обеспечить «всемерное ускорение следствия и суда по подобного рода преступлениям». Более того, РВС СССР призывал их: «В отдельных наиболее ярких случаях с разрешения РВС округов практиковать показательные суды, придавая им воспитательный и предупредительный характер. Результаты этих судов оглашать по Красной Армии приказами РВС округов и РВС СССР, с обязательным прочтением их во всех частях на собраниях начсостава» (пункт 14-г).

Следующим шагом РВС СССР по наведению порядка в армейских рядах стало принятие совершенно секретной директивы от 16 июля 1928 г. № 065652/сс, предписывающей произвести изъятие из армии классово чуждых и социально опасных элементов, приурочив это изъятие ко времени общего призыва и увольнения. Начатая «чистка» армейских рядов была направлена на стабилизацию внутриармейской ситуации. Если ранее проводившееся изъятие «наиболее злостных элементов кулачества» через аресты, о чем сообщалось в справке ПУ РККА от 7 апреля 1928 г.¹⁶³, имело отдельный характер, то с принятием данной директивы эта акция превратилась в массовую политическую кампанию.

В соответствии с директивой изъятию подлежали лица («элементы») по следующим признакам: «1) социально чуждые по происхождению (дети попов, бывших жандармов, полицейских), зарекомендовавшие себя с резко отрицательной стороны по службе и по влиянию на окружающих; 2) явно кулацкие, родители которых лишены избирательных прав; 3) из числа зажиточных, которые в течение последнего времени проявили себя активными и сознательными проводниками классово чуждых влияний»¹⁶⁴. Списки увольняемых должны были утверждаться распоряжением РВС округов и направляться далее в соответствующие губернские или окружные (по месту жительства) исполкомы с ходатайством о зачислении в тыловое ополчение. Вся работа по отбору к изъятию должна была проводиться в строго секретном порядке. Однако директива предписывала не допускать массового увольнения и избегать в этом деле методов «кампании» и «ударности»¹⁶⁵.

Начало новой кампании в армии повлекло изменения в работе специальных армейских органов. В день утверждения упомянутой секретной директивы Центральное военно-политическое совещание приняло резолюцию о карательной политике военных трибуналов, которая была утверждена председателем РВС СССР К. Е. Ворошиловым¹⁶⁶. Резолюция предписывала: «точно и ясно» разграничить понятия «дознание» и «расследование»; пересмотреть инструкцию для производства дознаний в военном ведомстве (пункт 2); командирам частей вменялось в обязанность «немедленно по совершении в их частях преступлений, по коим необходимо производство дознания, назначать таковое с обязательством оканчивать дознание по воинским и мелким имущественным и должностным преступлениям в трехдневный срок» (пункт 3); устанавливался срок дознания — 24 часа, в течение которых начальники должны были просматривать законченные дознания и направлять их к подлежащим военным следователям с приложением всех документов (пункт 4). Военной коллегии и Военной прокуратуре Верховного Суда Союза ССР предлагался следующий порядок рассмотрения дел (пункт 6): «*Следователям*: а) рассматривать поступающие к ним дознания в 3-дневный срок; б) заканчивать следственные действия по несложным делам в 2 недели. *Прокурорам*: держать у себя материал предварительного следствия с обвинительным заключением не свыше 3 дней, а в случае пересоставления последнего — не свыше 7 дней. *Трибуналам*: а) довести срок нахождения дела в трибунале от момента поступления его до момента рассмотрения в судебном заседании до 1–2 недель; б) принимать в производство трибуналов только дела, диктующие действительную необходимость разрешения их в судебном порядке».

Кроме того, предлагалось: «Освещать вопросы карательной политики в красноармейской прессе, популяризировать приговоры военных трибуналов как в печати, так и в приказах, с зачитыванием таковых в частях» (пункт 11) и «Упорядочить состояние штрафных частей, усилив в последних дисциплину и превратив их в действительную школу воспитания неустойчивых в политико-моральном отношении бойцов, не сводя штрафные части на положение “домов отдыха”» (пункт 14). Отметим также еще один пункт резолюции, утвержденной военным руководством к действию: «Во[енному] к[омандованию] дать указания военным трибуналам, что карательная политика ВТ в данное время не подлежит пересмотру в сторону ее снижения, а по делам о преступлениях контрреволюционных, разглашения военной тайны, продаже и хищении оружия, халатном отношении к секретной переписке, нарушении правил несения караульной службы (на особо важных постах и пограничной полосе) и злостно-корыстных должностях (взятки, подлоги и т. д.), необходимо усиление судебной репрессии. Рекомендовать военным трибуналам, по возможности, сузить применение условного осуждения» (пункт 12)».

Первые итоги армейской «чистки» были подведены в январе 1929 г. В подготовленном Военной прокуратурой обзоре указывалось — всего на 15 января 1929 г. изъято 4029 человек, среди которых крестьянство составляло только часть подверженных чистке групп. Так, например, по ЛВО среди «изъятых» крестьяне составляли 59,6 %, по УВО — 91,2, по СибВО — 63,5, по Морским силам Балтийского моря — 29,3, по Морским силам Черного моря — 53,3 %¹⁶⁷. Основные выводы данного обзора указывали на своевременность начатой работы и необходимость ее продолжения.

В 1930 г. — в период проведения широкомасштабных «операций» по кулачеству «чистка» армии продолжалась. Обращает на себя внимание наличие тесной взаимосвязи между двумя кампаниями — внутриармейской и общесоюзной. В цитируемой ранее директиве ОГПУ от 5 марта 1930 г. указывалось: раскулачивание и высылка семей красноармейцев не должны были проводиться до «вычистки» последних из армии. Существующий механизм взаимосвязи обязывал местные органы власти сообщать особым органам заблаговременно сведения о сыновьях кулаков, служащих в армии. В свою очередь, особые органы должны были на места сообщать информацию об «изъятых» из армии «социально чуждых» лицах. Такое тесное взаимодействие между особыми и гражданскими органами позволяло обоим действовать в общем направлении, но одновременно не нарушать соответствующие пункты общепартийных директив. В связи с этим правомерно сделать вывод о том, что Красная армия, будучи частью крестьянского социума, стала также объектом политического насилия.

После известных статей Сталина в центральных газетах 2 марта и 3 апреля 1930 г., а также постановлений ЦК ВКП(б) от 10 марта и 2 апреля 1930 г. о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении было сделано отступление. Свообразная передышка с вехом верхов отразилась и на армии. Как и в случае с гражданскими органами, в центр из военных округов стали поступать сводки с мест «об искривлениях». Военное ведомство, в свою очередь, само стало подводить итоги. Среди рабочих материалов ПУ РККА имеется информационный обзор «Как отразились перегибы в проведении политики партии в Красной Армии», составленный в апреле 1930 г. В нем отмечалось, что перегибы на местах коснулись непосредственно семей военнослужащих. «Почти в каждом полку, — говорилось в обзоре — имеются красноармейцы, семьи которых раскулачены. Имеется ряд случаев раскулачивания семей начсостава»¹⁶⁸. Среди примеров последнего приводились семьи комкора А. И. Тодорского и комкора В. Н. Левичева, возглавлявшего одно из центральных управлений НКВМ.

ПУ РККА отмечало, что наиболее грубые нарушения линии партии шли главным образом в работе по чистке армейских рядов от социально чуждых элементов. Сообщения местных органов о раскулачивании,

выселении и лишении избирательных прав семей красноармейцев не проверялись, и на основе этих сведений военнослужащие увольнялись из армии даже без санкции РВС округов, что нарушало установленный порядок¹⁶⁹.

В сводке ПУ РККА от 1 июня 1930 г. также отмечалась необоснованность мотивов исключения. Зачастую в частях и подразделениях увольняли из армии как «врагов» и «контрреволюционеров» красноармейцев, не желающих вступать в колхоз. В ряде мест мотивацией исключения из армии служили такие лозунги: «Кто против вхождения в колхоз, тот против советской власти»; «Не может оставаться в армии красноармеец, не состоящий в колхозе». Так, например, РВС ПриВО в своей директиве от 20 января 1930 г. дал указание, что изъятию из переменного и кадрового состава подлежат классово чуждые элементы и «все не принимаемые в колхозы». В результате подобного «головкружения» цифры представленных к увольнению в ПриВО были, по мнению ПУ РККА, «неимоверно велики»: части 32-й дивизии представили к увольнению 497 человек, части 34-й дивизии — 268, один лишь 101-й полк — 133 человека. Политорганы отмечали «необдуманность, несерьезный подход к делу»¹⁷⁰. Среди примеров, приведенных в соответствующем документе, имеются и такие — комиссия 80-й дивизии (УВО) постановила изъять из армии 83 красноармейца, в результате внимательного ознакомления этот список сократился до 18 человек; достаточными мотивами для изъятия из армии считались: «Красноармеец Левченко настроен антисоветски, критикует все мероприятия советской власти, говорит, что надо бросить землю»; «красноармеец Костинцев, рабочий, связан с сельским хозяйством, поет в церкви, не хотел петь, когда его об этом просили красноармейцы, высказывается против соц. соревнования»¹⁷¹.

Работа с «перегибами» и «извращениями» началась сразу же после указаний сверху. РВС военных округов и политорганы поспешили отреагировать должным образом на коррективы в политике партии. Так, например, ПУ ПриВО отдало директиву, в которой «категорически» запрещалось увольнение и изъятие из армии «по причине отказа вступить в колхоз». РВС МВО в директиве от 11 марта 1930 г. указывал, что изъятие «кулацкого» и «чуждого» элемента из состава переменников и новобранцев территориальных частей и перечисление их в тыловое ополчение «требует осторожного подхода к решению вопроса» и «избегания механического подхода в решении этих вопросов»¹⁷².

Известен также циркуляр ПУ ОКДВА от 19 марта 1930 г. об изъятии кулаков из частей, в котором предлагалось всем начальникам и военкомам отдельных частей «немедленно ознакомиться с последним постановлением ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями». В циркуляре говорилось: «Директива ЦК ВКП(б) предусматривает проверку

списков раскулаченных и лишенных избирательных прав с немедленным исправлением допущенных в этой области ошибок в отношении середнячества, бывших красных партизан, членов семейств сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных)»¹⁷³. В связи с этим ПУ ОКДВА предлагало провести проверку списков, имеющихся у местных органов и армейских на лиц рядового и младшего начальствующего состава, принадлежащих к кулацким семьям или семьям, лишенным избирательных прав. При этом разрешалось проводить «чистку» из рядов РККА ранее установленным порядком — через особые отделы дивизий и армейскую комиссию по изъятию только в отношении активных красноармейцев и младшего комсостава — тех, которые проводили «контрреволюционную работу или злостную систематическую агитацию». В отношении остальных социальных групп (рабочие, бедняки, середняки и т. п.) изъятие из армейских рядов могло производиться «только в исключительных случаях — когда все меры морально-политического воздействия действительно совершенно исчерпаны и антисоветская работа их разлагающе влияет на окружающую среду». Циркуляр содержал в себе крайне важное указание — раскулачивание семей красноармейцев и начсостава может производиться только в том случае, если последние изъяты из Красной армии. Предусматривалось также, что красноармейцы и младший комсостав, вышедшие из кулацких хозяйств и семей лишенцев, могут оставаться в рядах РККА как исключение, при условии, если они проявили свою преданность советской власти. Безусловно, при этом требовался «строгий индивидуальный подход»¹⁷⁴.

В циркуляре ПУ ЛВО от 20 марта 1930 г. также предлагалось политорганам принять меры через местные партийные организации к восстановлению в правах неправильно раскулаченных семей начсостава и красноармейцев. При этом им рекомендовалось использовать поручительство красноармейцев за членов своих семей перед местными органами. При необходимости к поручению красноармейцев должна была прилагаться характеристика на него, подтверждающая преданность делу советской власти и подписанная командиром и комиссаром части; они же должны были заверять и поручительство¹⁷⁵.

В июле 1930 г. ПУ РККА совместно с отделом статистики ГУ РККА был составлен обзор «Итоги изъятия красноармейцев и младшего начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 Закона об обязательной военной службе»¹⁷⁶. В основу обзора были положены данные, поступившие из частей, а также материалы обследования причин увольнения по отдельным дивизиям БВО, ПриВО, ЛВО и по Балтморю. Уделим должное внимание этому обзору, так как до сих пор источники, подобные ему, не были известны и введены в научный оборот.

Согласно обзору всего из РККА за отчетный период по данным, поступившим в отдел статистики ГУ РККА, было изъято 7 802 человека, из них кадровый состав составлял 3 873 человека и переменный — 3 929 человек. В отношении переменного состава данные в обзоре приводились за время с 15 ноября 1929 г. по 15 марта 1930 г. Основной материал распределялся по трем разделам: 1) численность изъятых из РККА, 2) причины увольнения и 3) социальное положение изъятых.

1. Численность изъятых из РККА. В обзоре отмечалось, что численность изъятых по округам значительно отличалась между собой в связи с тем, что процесс «изъятия» по военным округам проходил неравномерно. Особо отмечалось, что по ряду военных округов (ПриВО, БВО, СКВО) увольнение из армии носило характер «ударной кампании». Распределение итоговых показателей было представлено в следующей таблице¹⁷⁷:

Военные округа	Уволено из кадрового состава		Уволено из переменного состава	
	В абсолютных цифрах	На 1 000 чел. списочной численности рядового и мл. начсостава	В абсолютных цифрах	На 1 000 чел. списочной численности рядового и мл. начсостава
МВО	398	5,7	239	1,2
ЛВО	384	6,7	52	0,9
БВО	806	10,7	382	5,6
УВО	634	6,1	521	3,1
ПриВО	353	13,6	1372	14,0
СКВО	373	11,2	1211	19,3
СибВО	157	10,9	152	5,8
ОКДВА	228	4,7	—	—
САВО	191	6,9	—	—
ККА	148	4,1	—	—
Военный комиссариат Казакской АССР	2	4,2	—	—
Балтийский флот	119	6,5	—	—
Черноморский флот	43	4,4	—	—
Каспийский флот	7	16,1	—	—
Дальневосточная флотилия	30	22,0	—	—
<i>Всего по РККА</i>	<i>3 873</i>	<i>7,4 %</i>	<i>3 929</i>	<i>5,8 %</i>

В обзоре указывалось на особенно резкие колебания в цифрах, наблюдающиеся по дивизиям. Так, например, в группе *изъятых из кадрового состава*: по БВО — в 5-й стрелковой дивизии — 45 человек, в 37-й дивизии — 121 человек, по ПриВО — в 1-й стрелковой дивизии — 14 человек, в 31-й — 62 человека; в группе *изъятых из переменного состава частей*: по СКВО — четыре дивизии вместе дают 308 человек, а одна 12-я кавалерийская дивизия — 502 человека; по УВО — в восьми дивизиях вместе изъято 176 человек, а в одной 46-й дивизии этого же округа — 167 человек¹⁷⁸. Обследование четырех дивизий по ПриВО и БВО выявило, что значительное число изъятых из частей этих округов лиц было утверждено дивизионной комиссией, которая являлась основным органом, регулирующим увольнение. Тем самым в названных округах нарушался установленный порядок изъятия «социально опасных элементов» — их увольнение проходило без санкции РВС округа. Например, в 34-й стрелковой дивизии ПриВО из общего числа 268 человек, представленных полками к увольнению, было уволено 213 человек, в том числе 203 — утверждено дивизионной комиссией и только 16 — утверждено РВС округа.

В обзоре приводилась таблица распределения «изъятых» по должностным группам и по статьям Закона об обязательной военной службе¹⁷⁹:

Группы военнослужащих	Всего уволено по кадровому составу	Из них в %		% изъятых по отношению к списочному составу своей группы в РККА
		По ст. 243	По ст. 39	
Курсанты нормальных школ	205	9,3	90,7	0,88
Младший начсостав	474	30,0	70,0	0,48
Курсанты войсковых школ	103	27,2	72,8	0,12
Одногодичники	206	26,2	73,8	1,54
Рядовой состав	2 885	27,1	72,9	0,87
<i>Всего</i>	<i>3 873</i>	<i>26,4</i>	<i>73,6</i>	<i>0,70</i>

2. Причины изъятия. Известно, что «изъятие» проходило в соответствии с двумя статьями — по ст. 243 (лишенцы) и по ст. 39 (не лишённые избирательного прав). Изъятые *по ст. 243* составили: по кадровому составу — 26,4 %, по переменному — 31,1 %; изъятые *по ст. 39* составили: по кадровому составу — 73,6 %, по переменному — 68,9 %¹⁸⁰. Обследование ряда дивизий вскрыло, что часть изъятых «кулаков» оказалась в действительности середняками и т. д. В обзоре приводились таблицы, показывающие причины увольнения как в кадровом составе РККА, так и в переменном составе территориальных частей¹⁸¹:

Уволенные из кадрового состава РККА:

Причины увольнения по ст. 243 (лишенцы)	Число уволенных	Причины увольнения по ст. 39 (не лишённые избирательных прав)	Число уволенных
Всего уволено	1 024	Всего уволено	2 849
Из них в %		Из них в %	
		<i>1. Члены семей лишенцев</i>	
Кулаков	53,1	Кулаков	43,5
Предпринимателей	4,3	Предпринимателей	5,2
Торговцев	15,9	Торговцев	8,8
Связанных с религиозным культом	3,1	Связанных с религиозным культом	3,7
Члены семей полицейских, жандармов и пр.	4,1	Полицейских, жандармов и пр.	3,7
Белогвардейцев и членов их семей	1,1	Белогвардейцев	1,1
Членов семей помещиков, дворян и пр.	1,6	Помещиков, дворян, генералов и пр.	1,4
Контрреволюционная деятельность и бандитизм	1,1	Члены семей прочих лишенцев	3,4
Арестованных Особым отделом	1,8		
Прочих лишённых избирательных прав	13,9		
		<i>2. Остальные</i>	
		Уголовных элементов	2,9
		Осуждённых ВТ	2,6
		Арестованных и изъятых О[собыми] о[тделами]	2,0
		Антивоенски-настроенных и ведущих агитацию	5,1
		Недисциплинированных и неисправимых	4,5
		Связанных с границей и перебежчиков	0,8
		Контрреволюционная деятельность и связь с преступным элементом	3,0
		Оппозиционеров	0,4
		Кратно облагавшихся и бойкотиров	1,0
		Причины не указаны или недостаточно ясны	6,9

Уволенные из переменного состава территориальных частей:

Причины увольнения по ст. 243 (лишенцы)	Число уволенных	Причины увольнения по ст. 39 (не лишённые избирательных прав)	Число уволенных
Всего уволено	1 221	Всего уволено	2 078
<i>Из них в %</i>		<i>Из них в %</i>	
Кулаков	49,8	Кулаков	35,2
Владельцев предприятий, связанных с с/хозяйством	3,8	Владельцев предприятий, связанных с с/хозяйством	1,2
Владельцев кустарно-производственных предприятий	0,7	Владельцев кустарно-производственных предприятий	0,4
Торговцев	7,2	Торговцев	2,7
Связанных с религиозным культом	1,7	Связанных с религиозным культом	1,7
Лишенных избирательных прав по суду	12,0	Прочих социально чуждых элементов	44,9
Лишенных избирательных прав по Конституции	24,8	Уголовных элементов	9,7
		Недисциплинированных и неисправимых	4,2

Среди приведенных в таблицах данных о причинах увольнения обращает внимание значительное число «изъятых» по группам: «кулаки»; «торговцы»; «прочие социально-чуждые»; «антисоветски настроенные», а также «в отношении которых причины недостаточно ясны или не указаны». В обзоре отмечалось, что эти данные, «несомненно, свидетельствуют о наличии перегибов».

Причины «перегибов» при «изъятии», по мнению авторов обзора, могли быть в случае «некритического подхода войсковых частей к использованию материалов, полученных от местных органов», а также «по вине самих войсковых частей, которые, желая избавиться от того или иного красноармейца, старались подвести его под одну из статей увольнения». В обзоре приводились примеры как одного, так и другого вариантов. Вот некоторые из них¹⁸²:

«А) Перегибы местных органов и их отражение в практике увольнения из РККА:

1) Пом. командира взвода артдива 95-го стр. полка (ПриВО) Блейхорт был изъят из кадра на основании следующих сведений, полученных из Вязовского РИКа Аткарского округа и аналогичных сведений, полученных по линии ОО: «Сын кулака, выселенного из района с конфискацией имущества и осужденного на 2 года, имеет тесную связь с отцом, поддерживает и защищает его и считает выселение отца неправильным». После

изъятия т. Блейхорт из полка названный РИК сообщил о нем следующее: “Хозяйство Блейхорт восстановлено, имущество возвращено, сам он принят в колхоз и ко всем мероприятиям относится хорошо”. По отзывам командования полка, т. Блейхорт был хорошим командиром. Вязовский район дает 38 % неправильно раскулаченных и ныне восстановленных.

2) По приказанию РВС ПриВО из 20-го батальона местных войск был изъят красноармеец *Никонов*. Никонов был раскулачен и получил следующее письмо от родных: “Не радуйся, так что дома делать нечего, все продали, вся семья ходит по дворам. Там ночуем да там остались в одних рубашках”, “как красноармейку меня очистили, забрали ящик, постель и подушки, не знаю, куда податься, придется, видно, с голоду помирать, не придется и с Вами повидаться”. После изъятия Никонова из РККА райисполком сообщил: “Хозяйство Никонова относится к группе середняков, сельхозналогом обложен в сумме 15 руб., раскулачивание такового сельсоветом было произведено неправильно, и в настоящее время все конфискованное имущество возвращено обратно. Райисполком считает со своей стороны такое действие (изъятие из армии) слишком преждевременным и беспричинным и просит со своей стороны данный вопрос урегулировать в положительную для Никонова сторону”.

3) *Елманов*, красноармеец (БВО) — имеет 15 десятин земли, 2 лошади, 2 коровы, овец 13, налога платит в сумме 12,5 руб.; уволен как кулак (по справкам сельсовета). Избирательных прав не лишен и не подлежит индивидуальному обложению; процентной надбавки нет. Хозяйство считается середняцким. [...]

Б) Перегибы самих войсковых частей:

1) Красноармеец 101-го стр. полка (ПриВО) *Десятников* изъят как “индивидуально обложенный и антисоветски настроенный” с зачислением в тыловое ополчение. После изъятия Десятников подал заявление, в котором пишет, что он “не знал, что такое тыловое ополчение”, просит его дело пересмотреть и зачислить его “обратно в РККА, где он желает с честью выполнить свой долг перед партией и советской властью”. К заявлению приложены документы РИКа, свидетельствующие о том, что Десятников — “середняк, избирательных прав ни он, ни его родственники не лишены, все виды налогов и сборов уплатил полностью и все свои излишки хлеба сдал государству полностью и добровольно”.

2) Красноармеец *Филатов* (ПриВО) получил телеграмму: “Павел скрылся, имущество грабят, тащат”. По справке сельсовета, выданной на имя Филатова, видно, что он середняк, избирательных прав не лишен и платит сельхозналога 12 руб. 38 коп.

3) *Гребнев*, красноармеец 10-й местной стр. роты (БВО), по материалам Особого Отдела округа уволен как классово чуждый элемент. Комитет взаимопомощи и Мысаковский сельсовет удостоверяет, что “он с десятилетнего возраста батрачил и батраком ушел в армию”.

4) На кр-ца 12-й стр. полка *Караваева* пришла из РИКа выписка из протокола, где указывалось, что лишен прав голоса только его отец, а он избирательных прав не лишен. На этом отношении зам. нач. подива написал резолюцию об изъятии красноармейца Караваева как социально чуждого по 243 ст. 12 февраля полк произвел увольнение без разрешения дивизионной комиссии, а 20 марта, когда выяснилось, что его семья была ошибочно лишена избирательных прав, полк ходатайствует перед дивизионной комиссией о возвращении кр-ца Караваева. Но так как директива Наркома запрещала возвращение неправильно изъятых обратно в кадровые части, дело о кр-це Караваеве ставится 29 марта на дивизионной комиссии, где проводится следующее постановление: “Изъять как социально чуждого, отец кулак, лишен избирательных прав”. Это после того, когда был представлен материал, указывающий на неправильное лишение избирательных прав и отнесение к кулацкой группе семьи кр-ца Караваева. Вместо признания допущенной полком и зам. нач. подива ошибки и ее исправления дивизионная комиссия проводит увольнение Караваева задним числом.

5) По 34-му артполку (ПриВО) имели место случаи увольнения середняков по характеристикам, составленным начсоставом, не дающим достаточных оснований для увольнения».

Среди приведенных в обзоре примеров подобных ситуаций со стороны начальствующего и командного состава были и такие: «Комиссар 20-го батальона местных войск (ПриВО) представил список на 7 красноармейцев, “семьи которых раскулачены”, “все они получили письма, что их родители раскулачены”. Дивкомиссия не утвердила этот список и запросила дополнительный материал от местных органов. Ответы получены следующие: “прав гражданства не лишен ни он, ни его родственники, середняк, в настоящее время в колхозе” или “не раскулачены, к мероприятиям соввласти отношение хорошее”»; «2-й полк (ЛВО) представил к изъятию 41 чел., а изъято было из них дивизионной комиссией только 4; окружная же комиссия утвердила 2-х»; «4-й арт. полк Туркестанской стр. дивизии представил 16 чел.; дивизионной комиссией было изъято только 2, а окружная — утвердила только 1».

3. Социальное положение изъятых. В обзоре приводились таблицы по социальному положению «изъятых» из кадрового и переменного состава¹⁸³.

А) Социальное положение уволенных из кадрового состава:

	В %						
	Крестьян						
	Рабочих	Батраков	Бедняков	Средняков	Кулаков	Служащих	Прочих
По ст. 243	6,1	0,2	0,1	13,4	54,9	7,3	18,0
По ст. 39	12,0	0,7	0,9	24,0	45,0	7,2	10,2
Итого уволено	10,4	0,6	0,7	21,2	47,5	7,3	12,3

Авторы обзора обращали внимание на социальный состав уволенных по ст. 39 — *не лишённые избирательных прав*. Из таблицы видно, что перегибы допускались не только в отношении «кулаков» и «средняков», но и в отношении «рабочих». Так, по проверенным материалам на 271 рабочих — членами семей лишенцев (кулаков, полицейских, жандармов, помещиков, дворян и пр.) оказались только 162 человека. Проверка показала также, что среди уволенных «средняков» по ст. 39 только 36,4 % являются членами семей лишенцев, 22 % — «антисоветски настроенные и ведущие агитацию» и 18,9 % — имеют «неизвестные или недостаточно освещённые причины».

Б) Социальное положение уволенных из переменного состава:

	В %		
	Рабочие	Крестьяне	Прочие
По ст. 243	2,3	94,0	3,7
По ст. 39	1,7	95,5	2,8
Всего	1,9	95,0	3,1

В обзоре отмечалось, что причины увольнения «рабочих» были аналогичны причинам, приведенным по кадровому составу. Группа «крестьян», уволенных по ст. 39, распределялась на: кулаков — 42,1 %; прочих социально чуждых — 41,8 %, уголовников — 9,6 % и др. В целом авторы обзора признавали, что увольнение из армии происходило в основном за счет «классово чуждых элементов», «просачивающихся» в РККА в значительных размерах. Однако при этом они отмечали наличие существенных «перегибов».

Наряду с итоговыми данными по «изъятию» в обзоре приводилась и другая справочная информация, как, например, по срокам пребывания уволенных в РККА. Продолжительность службы в РККА «изъятых» видна из следующей таблицы¹⁸⁴:

Группы военнослужащих	Продолжительность пребывания в части в %		
	от 1 до 6 мес.	от 6 до 12 мес.	свыше года
Рядовой состав	47,6	2,6	49,8
Мл. начсостав	7,4	6,9	85,7
Курсанты нормальных школ	25,0	5,0	70,0
Курсанты войсковых школ	74,7	3,5	21,8
Одногодичники	54,0	18,2	27,8
Всего	41,8	4,2	54,0

Таблица показывает, что большинство уволенных прослужили в войсках больше одного года. Причина «засоренности» Красной армии «социально чуждым элементом», по мнению авторов обзора, объяснялась прежде всего тем, что классовому отбору при проведении призывов до 1928 г. уделялось меньше внимания, чем при призыве 1929 г.

Заслуживают внимания приводимые в обзоре сведения об органах местного военного управления (областных военкоматах и территориальных управлениях), «допустивших» при призывах в ряды РККА наибольший процент изъятых «классово чуждых элементов». Наиболее явными нарушителями спокойствия армии были определены: в ПриВО — Хаперский ОВК (46,7 %), в БВО — Бобруйский ОВК (13,8 %), в СибВО — Владивостокский ОВК (12,5 %), в Казахской АССР — Петропавловский ОВК (16,1 %) ¹⁸⁵.

Общие выводы обзора отвечали духу времени:

«1. Высокая численность изъятых за период с 1/XI-29 г. по 1/VI-30 г. является прямым следствием обострения классовой борьбы в стране [...] и усиления в связи с этим со стороны политорганов, командования и партийных организаций классовой бдительности и организационных мер по очищению РККА от чуждых элементов.

2. Органы местного военного управления, несмотря на повышенное при призыве 1929 г. (по сравнению с прошлыми призывами) внимание к вопросам классового отбора, все же допускают просачивание чуждых элементов в значительных размерах.

3. В процессе изъятия были допущены перегибы, принимавшие в отдельных дивизиях значительные размеры. Неправильное изъятие в основном явилось прямым отражением перегибов местных органов, допущенных при проведении хлебозаготовок, коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Пересмотр раскулаченных и лишенцев после директивы ЦК ВКП(б) о перегибах в полной мере вскрывает их характер.

4. Одновременно были допущены перегибы и по вине самих частей. Они выражались главным образом в недостаточно критическом подходе к использованию материалов местных органов и необоснованных представлениях к увольнению. Причем эти перегибы получили большее распространение в тех военных округах, где процесс изъятия не регулировался или слабо регулировался окружными и дивизионными комиссиями.

5. Вместе с этим перегибы, допущенные местными органами, особенно в районах комплектования терчастей, вскрывают, что партийные организации и политаппарат ряда частей очень слабо занимаются изучением своих районов комплектования и процессов, происходящих в них в связи с коллективизацией.

6. Необходимо в каждой дивизии проверить практику изъятия и решительно бороться как с неправильным изъятием из РККА без достаточной проверки мотивов увольнения, так и с недостаточным вниманием, уделяемым вопросу классового отбора в РККА, привлекая виновных как в том, так и в другом случае к строжайшей ответственности» ¹⁸⁶.

«Просачивание чуждых элементов» в Красную армию продолжалось в последующие годы, хотя призывные комиссии на местах

тщательно следили за социальным положением тех, кто должен был пополнить армейские ряды. Итоговые цифры «изъятых» из Красной армии «социально чуждых» лиц, приведенные ПУ РККА в материалах к докладу в ЦК ВКП(б) в декабре 1932 г., дают следующую картину. За 1931 г. было «изъято» из кадровых частей 1 552 человека, за 1-ю половину 1932 г. — 414 человек. Там же для примера приводились соответствующие цифры «изъятых» за 1-ю половину 1931 г. — 1 009 человек. Большинство уволенных из армии прослужили в войсках свыше 1 года. Среди уволенных за 1-ю половину 1931 г.: свыше 1 года — 55,3 %, от 6 месяцев до 1 года — 18 %; за 1-ю половину 1932 г.: свыше 1 года — 53,9 %, от 6 месяцев до 1 года — 13 %¹⁸⁷.

Как видно из приводимых нами документов, внимание политорганов было сосредоточено на личном составе Красной армии, состоявшем на действительной военной службе. Однако командиры запаса и демобилизованные красноармейцы оказались без защиты от действий местных органов по раскулачиванию. В связи с рядом подобных запросов с мест военный прокурор РККА М. М. Ланда в мае 1930 г. был вынужден обратиться к начальнику ПУ РККА с просьбой сообщить, «распространяется ли полностью директива ЦК ВКП(б) о недопущении раскулачивания семей военнослужащих и допуске их в колхозы на переменный состав территориальных частей». На бланке этого обращения имеется помета, сделанная сотрудником секретариата ПУ РККА: «По указанию наркома распространяется и на переменный состав терчастей. А. Б. 28/V-30»¹⁸⁸. Напомним, что по инициативе К. Е. Ворошилова в конце февраля 1930 г. под защиту партийного постановления попала категория красных партизан. Отдадим дань действиям наркома, который в очередной раз проявил свою принципиальную позицию. 21 мая 1930 г. в секретный отдел ЦК ВКП(б) на имя А. Н. Поскребышева было направлено письмо из секретариата К. Е. Ворошилова о необходимости изменения отношения к командирам запаса «в связи с проведением на практике ликвидации кулачества как класса». Это письмо содержало текст обращения К. Е. Ворошилова ко всем секретарям ЦК национальных компартий, областных бюро ЦК, обкомов, крайкомов, губкомов и окружкомов ВКП(б). Нарком писал о необходимости «исключительно бережного и чуткого отношения к командирам запаса, в особенности участникам Гражданской войны». Он просил дать указание местным парторганизациям о «решительном прекращении всякого рода необоснованных репрессий по отношению к командирам запаса», считая, что «применение к командирам запаса таких репрессий, как лишение избирательных прав, конфискация имущества и высылка без суда, возможна только после самого тщательного изучения всех материалов, требующих этого, и не иначе, как по согласованию этого вопроса с РВС соответствующих военных округов»¹⁸⁹.

Глава 5

УЧАСТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

§1. Формы и методы влияния армии на сознание красноармейца-крестьянина

Красная армия с момента своего создания являлась структурой, через которую власть оказывала влияние на крестьянство, вовлекая его в сферу своих интересов. Армия пропускала через свои ряды все молодое, наиболее активное в общественной жизни и боеспособное мужское население страны, в подавляющем большинстве связанное с деревней. Опыт Гражданской войны показал, что от настроений крестьянства частую зависел исход политической борьбы.

Крестьянин, приходя в армию, отрывался от своих корней и прямых обязанностей, становясь «винтиком», посредством которого власть проводила свою политику. Условия армейской службы заставляли красноармейца-крестьянина освоить не только военные навыки. В армии он вовлекался в систему партийно-политической работы, что позволяло оказывать на него определенное идеологическое воздействие. Таким образом, армия в значительной степени способствовала вовлечению крестьян в круг интересов власти, независимо от их социальных интересов. Так, например, участие армии в подавлении многочисленных крестьянских волнений в годы Гражданской войны не означало, что среди красноармейцев не было сочувствующих этому крестьянскому движению. Однако, выполняя приказы своих командиров, красноармеец в первую очередь выступал как орудие власти, загоняя свои крестьянские чувства в глубь себя. Добросовестное выполнение воинских обязанностей требовало от солдата, а тем более крестьянина, политической сознательности, в том числе освобождения от старых социальных пережитков. Без этого не могло быть сознательной воинской дисциплины — основы успеха в бою. Отсюда исходит необходимость важнейшей функции, возложенной на армию, — воспитательной.

Опыт первых русских революций и мировой войны показал, какое сильное идеологическое воздействие на солдатские массы можно оказывать через армию. Гражданская война продемонстрировала существующую зависимость между силой власти и боеспособностью армии, с одной стороны, и степенью сознательности крестьянских масс — с другой. Первые решения Революционного военного совета Республики (РВСР) — высшего военно-политического органа страны, свидетельствуют о том, что руководители Советского государства и военного ведомства это обстоятельство учитывали при создании армии. В «Соображениях о призыве 20-летних в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию», приложенных к первому протоколу заседания РВСР в сентябре 1918 г., говорилось: «Необходимо призвать родившихся в 1898 году. Этот призыв должен стать переходом к упорядочению формирования армии. До сих пор мы пользовались человеческим материалом, уже побывавшим на военной службе и при этом преимущественно в эпоху развала старой армии. Отсюда большие наши затруднения в деле установления дисциплины и порядка в армии. Мы в дальнейшем не сможем, разумеется, отказаться совершенно от частично призванных до настоящего времени возрастов. Но необходимо перейти к более молодым возрастам, которые еще не изведали военной службы, не потрепаны испытаниями войны, не выбиты из равновесия резким переломом режима в старой армии и по молодости своей гибче и восприимчивее... Из этих 20-летних нужно формировать самостоятельные дивизии без примеси других возрастов, дабы не вводить ферменты разложения»¹. Таким образом, наряду с формированием новой армии одновременно предусматривался процесс формирования нового сознания красноармейцев — вчерашних крестьян.

Система коммунистического воспитания в армии начала складываться с первых месяцев ее существования. Воспитательная работа в армии преследовала две цели — воспитать сознательного бойца и будущего гражданина. Красноармейцы, воспитанные в новой идеологии, возвращаясь домой, в деревню, становились проводниками интересов власти, составляя ее опору на местах. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что воспитательная работа в армии была второй основополагающей функцией армии в условиях советской власти наряду с защитой государства. Эти принципы организации и функционирования армии показали свою эффективность в годы Гражданской войны, так как огромная масса в большинстве своем неграмотных людей смогла сражаться за власть Советов и одержать не только военную, но и идеологическую победу. В последующей борьбе за крестьянство власть активно использовала накопленный «боевой» опыт воспитательной работы через армию.

Воспитательную работу в армии проводили политические органы, имеющие разветвленную сеть внутри нее и являющиеся прямыми представителями новой власти. Структура политического аппарата (от полка до военного округа) существовала параллельно со структурой военного аппарата. При этом каждый из них выполнял соответствующие задачи. Проводимая армейскими политорганами работа была нацелена на каждого бойца, не оставляя без внимания ни красноармейца, ни младшего командира, ни беспартийных, ни членов партии.

После окончания Гражданской войны, когда на смену боевой жизни пришли мирные будни, армия стала активно использоваться в созидательных целях. Формы этого участия в жизни страны были различными — от конкретной помощи народному хозяйству (посевная кампания, сбор урожая и пр.) до участия в политических кампаниях (выборы в Советы, сбор пожертвований, организация колхозов). Используя армию в созидательных целях, власть не только получала конкретную помощь, но, что самое главное, делала из красноармейца активного строителя-созидателя новой жизни. В 1920–1930-е гг. армия являлась одной из структур общества, через которую шла советизация населения, в том числе и крестьянства. Для достижения этой итоговой цели применялись самые различные формы и методы. Остановимся более подробно на некоторых из них.

Воспитательная работа в армии складывалась из двух направлений — политического воспитания и культурного просвещения красноармейских масс, каждое из которых преследовало свои задачи. Задачи политического воспитания были нацелены на формирование политической сознательности, патриотизма, интернационализма, социальной активности. Задачи культурного воспитания, в свою очередь, преследовали цель — обучение грамотности и умению самостоятельно разбираться в текущих событиях, а также приобщение крестьянства к мировой и национальной культуре.

Политическое воспитание достигалось путем *боевой агитации* и *политической пропаганды* всего личного состава и *политического просвещения* коммунистов. Наиболее действенным средством воздействия на массы в условиях войны была боевая агитация, которая позволяла оперативно разъяснять красноармейцам сложившуюся обстановку, выдвигаемые партией задачи и лозунги, способствовала мобилизации их на выполнение этих задач. Основными формами агитации были митинги, собрания, конференции, индивидуальные и групповые беседы, читки газет, книг, журналов, агитационные кампании. Последние использовались как наиболее массовые формы политической агитации.

Не менее важное место в системе политического воспитания красноармейско-крестьянских масс занимала политическая пропаганда, которая была нацелена на распространение политических знаний,

и в первую очередь основ марксизма, программы РКП(б)–ВКП(б), мероприятий советской власти. Но в отличие от боевой агитации политическая пропаганда основывалась на систематической работе с массами. Формами этой работы были ежедневные политзанятия (впоследствии — политчас) с беспартийными и партийные школы, кружки с членами партии. Методы работы — убеждение, разъяснение, индивидуальная работа с каждым.

Культурное просвещение проводилось через работу школ, библиотек и клубов, создаваемых в каждой части. Красноармеец-крестьянин 1920-х гг. в большинстве своем был малограмотен, малоразвит, плохо понимал значение военной службы в мирное время, не имел навыков участия в общественной жизни. Через обучение грамоте и приобщение к чтке газет и литературы, через кружковую работу и участие в спектаклях, инсценировках воспитывалась активная позиция крестьянина — будущего кадра советской работы в деревне. Так, например, Первое Всероссийское совещание по агитационно-пропагандистской работе в Красной армии, проходившее в сентябре 1922 г., ставило следующую задачу перед воспитательными организациями в армии: «...поднять красноармейца-крестьянина, воспитанного в привязанности к мелкой собственности, с его ограниченной идеологией, до понимания преимуществ крупного коллективного производства перед мелким индивидуальным»².

С началом «нового» курса в деревне работа армейских политорганов с крестьянством вновь становится актуальной, а накопленный «боевой» опыт, в частности по формам и методам — востребованным. Политико-воспитательная работа в армии нацеливается на новые задачи — политическое и культурное воздействие на деревню через сотни тысяч демобилизующихся красноармейцев и младших командиров. Их осуществление проводится не только путем устного воздействия на армейские массы, как это было ранее. Появляются новые, более активные формы — подготовка кадров для сельского хозяйства из числа красноармейцев и организация «красноармейских» колхозов.

Наглядным примером активизации работы армейских политорганов в связи проведением политики партии в деревне может стать перечень циркуляров и директив ПУ РККА, отданных в рассматриваемый период и опубликованных в соответствующих изданиях³: *10 ноября 1927 г.* — Циркуляр об усилении работы парторганизаций по вовлечению в партию рабочих и беднейших крестьян в связи с 10-летием Октябрьской революции (№ 27); *18 января 1928 г.* — Циркуляр о проведении идейно-воспитательной работы с молодыми коммунистами, вступившими в партию в связи с 10-летием Октябрьской революции (№ 1); *15 февраля 1928 г.* — Директива о мерах по улучшению политико-просветительной работы в частях Красной Армии (№ 63821);

20/22 августа 1928 г. — Директива о мерах по использованию увольняемого в долгосрочный отпуск из рядов РККА рядового и начальствующего состава в работе по социалистическому переустройству деревни (№ 92132); 1 февраля 1929 г. — Директива о проведении разъяснительной работы по решениям ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о расширении посевных площадей и повышении урожайности (№ П4/3090); 25 февраля 1929 г. — Директива о проведении разъяснительной работы в связи с опубликованием нового Закона о едином сельскохозяйственном налоге (№ П4/3626); 3/8 мая 1929 г. — Директива об улучшении дела подготовки из отпускников кадров для социалистического переустройства сельского хозяйства (№ П4/5451); июнь 1929 г. — Директива Всесоюзного переселенческого комитета при ВЦИК СССР, РВС СССР и Всесоюзного совета колхозов о порядке использования красноармейцев и младших командиров-отпускников в колхозном строительстве (№ 03/298/0706); 3 июля 1929 г. — Директива Госсельсиндиката и ПУ РККА о подготовке трактористов из красноармейцев-отпускников и младшего начсостава запаса (№ 7118); 17 декабря 1929 г. — Директива о задачах политорганов и парторганизаций армии в проведении весенней сельскохозяйственной кампании (№ 12254); 31 января 1930 г. — Директива о работе с красноармейцами по разъяснению политики партии, направленной на ликвидацию кулачества как класса (№ 13159); 8 февраля 1930 г. — Директива о подготовке в армии колхозных кадров (№ 2046); 22/24 апреля 1930 г. — Директива о привлечении красноармейцев и начсостава к обучению на заочных сельскохозяйственных курсах Наркомзема (№ П2/4089); 31 июля 1930 г. — Директива о развертывании массовой работы в частях в связи с проведением кампании хлебозаготовок (№ 2/7867); 20/22 августа 1930 г. — Директива об активизации работы по вовлечению в колхозы подлежащих увольнению красноармейцев (№ П2/8581); 22 августа 1930 г. — Директива Наркомзема СССР и ПУ РККА об использовании подготовленных в РККА 100 000 сельскохозяйственных работников для укрепления колхозно-кооперативных планов (№ П2/8606); 30 августа 1930 г. — Директива о развертывании работы курсов по подготовке колхозных кадров (№ П2/8808); 27 января 1931 г. — Директива об агитационной работе в армии в связи с предстоящей весенней посевной кампанией (№ П2/1748); 12/15 февраля 1931 г. — Директива Наркомзема СССР и ПУ РККА о подготовке из числа увольняемых красноармейцев кадров трактористов (№ ПС/2277); 28 февраля 1931 г. — Директива о привлечении красноармейских хозяйств к участию в выполнении планов заготовок сельскохозяйственной продукции (№ ПС/2621); 13 июля 1931 г. — Директива о проведении субботника по уборке урожая (№ ПС/6692); апрель 1932 г. — Директива об улучшении руководства политической агитацией в частях армии (№ 17988);

10 мая 1932 г. — Директива о разъяснении нового Закона о сельскохозяйственном налоге и постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок по урожаю 1932 года и развертывании колхозной торговли хлебом» (№ 18971); 25 августа 1932 г. — Директива об усилении внимания политорганов к вопросам военной кооперации (№ 22616); 10 сентября 1932 г. — Приказ ПУ РККА об улучшении работы ленинских уголков (№ 17); 28 октября 1932 г. — Директива об устранении недостатков в руководстве и проведении политзанятий с красноармейцами; 15/16 января 1933 г. — Директива об улучшении работы низовых агитаторов; 15 февраля 1933 г. — Директива о задачах армейских политорганов в связи с проведением зимних учебных сборов переменного и приписного состава (№ 12); 4 марта 1933 г. — Директива о мерах по обеспечению успешного проведения посевной кампании в сельскохозяйственных предприятиях войсковых частей и военной кооперации (№ 40); 30 мая 1933 г. — Директива об улучшении политической агитации в лагерях и на сборах новобранцев территориальных частей (№ 80); 20 июля 1933 г. — Директива о проведении единого политдня, посвященного уборке, охране урожая и своевременной хлебосдаче (№ 117); 20 сентября 1933 г. — Директива об улучшении подготовки низовых агитаторов из переменного состава территориальных частей для работы между сборами (№ 165); 19 декабря 1933 г. — Директива о повышении уровня политзанятий с младшим комсоставом и красноармейцами (№ 209); 23 декабря 1933 г. — Директива о повышении квалификации и улучшении организации работы инструкторов пропаганды в войсках (№ 210).

§ 2. Организация курсов по подготовке кадров для сельского хозяйства

Подготовку кадров для советской деревни можно рассматривать как самостоятельное направление работы в армии, преследующей не только политические и воспитательные, но и созидательные цели. Начало целенаправленной подготовки таких кадров из армейских рядов было положено в 1924–1925 гг. Выполняя рекомендации ЦК РКП(б), изложенные в циркулярном письме от 17 марта 1924 г., ПУ РККА организовало агитационную кампанию среди демобилизуемых красноармейцев за организацию ими сельскохозяйственных коммун⁴. В последующем работа с кадровыми красноармейцами-отпускниками стала приобретать практический характер, меняясь от агитационных форм воздействия к получению системных знаний по основам культурного земледелия и организации коллективного труда в сельском хозяйстве.

В циркуляре ПУ РККА от 2 июня 1925 г. № 40 об организации подготовки увольняемых в бессрочный отпуск красноармейцев-отпускников

для работы в деревне указывалось: «Всю работу следует проводить путем организации самодеятельных групп красноармейцев по изучению интересующей их работы в деревне. Такие группы могут быть по вопросам: а) налоговой политики, б) кооперации, в) работы низового советского аппарата, г) сельского хозяйства (землеустройство, землепользование, колхозы и т. д.), д) работы комитетов взаимопомощи, е) работы изб-читален, ж) военной пропаганды среди населения и др.»⁵ В циркуляре были определены организационные вопросы проведения этих занятий (группа — не более 25 человек, время занятий — вечернее внеслужебное, руководители — наиболее квалифицированные партийцы части, знакомые с деревенской работой). Несколько ранее, в апреле 1925 г., была объявлена программа занятий с подобным контингентом красноармейцев. Основное место в программе занимало изучение таких тем, как «Мероприятия по улучшению сельского хозяйства»; «Основы землепользования»; «Классовое расслоение современной деревни»; «Как создать сельскохозяйственные или потребительские кооперативные объединения» и др. (всего 20 бесед)⁶. Таким образом, десятки тысяч демобилизованных красноармейцев-крестьян, прослушав эти беседы, становились «активными деревенскими общественниками», а также инициаторами создания и руководителями трудовых сельскохозяйственных коммун. В результате этой работы за несколько лет до начала массовой коллективизации уволенными в запас красноармейцами были организованы сотни трудовых сельскохозяйственных коммун, являющихся примером целесообразности коллективного ведения хозяйства.

Первые курсы по подготовке «массовых колхозных кадров» начали организовываться в армии в 1927 г. Всего в течение этого года было подготовлено 31 756 человек. Из них только 133 тракториста предназначались для конкретной работы на земле и 8 000 — человек для торгово-кооперативной работы⁷. Остальные имели более широкий профиль подготовки — для административно-советской, торгово-кооперативной, профсоюзной, общественной, культурной и просветительской работы.

С августа 1928 г. ситуация меняется. Военное ведомство совместно с Наркомземом ходатайствовали перед правительством об увеличении плановых показателей по подготовке будущих «сельских низовых кадров» в два раза, а саму подготовку сделать более дифференцированной⁸. Однако из запланированного числа (68 000 человек) через курсы подготовки было пропущено «колхозников» и «организаторов военной работы на селе»: первых — 3 687 человек (5,8 %), вторых — 5 141 человек (7,6 %). Крайне незначительным был процент вовлечения через курсы красноармейцев-отпускников из рабочих — 1 476 человек (2,2 %)⁹. Анализируя малоутешительные итоги работы за год, Политическое управление РККА отметило следующие явные недочеты: плохую орга-

низаторскую работу, скромность работы курсов (деятельность их исключительно в послеманевренный период), недостаточное внимание к вопросу комплектования кадрами¹⁰.

В апреле 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором содержался ряд предложений по улучшению подготовки отпускников РККА для использования их в деле социалистического переустройства деревни. В частности, в постановлении было предложено в текущем году подготовить к колхозному строительству не менее 15–20 тыс. человек отпускников, что составляло 25–30 % от общего количества охваченных курсовой работой. В развитие постановления ЦК ВКП(б) директива ПУ РККА от 3/8 мая 1929 г. № П4/5451 определила основы курсовой работы с отпускниками. Согласно директиве в различные периоды учебного года (до и после маневров) полагалось развертывать курсы: 1) руководителей военной работы и активистов Осоавиахима, 2) кино- и радиомехаников, 3) трактористов и шоферов, 4) ликвидаторов неграмотности, 5) антирелигиозных работников, организаторов физкультуры, 6) советского строительства, 7) колхозников, 8) кооператоров, 9) политпросветработников, 10) милиционеров¹¹. Для наглядности приведем итоговые цифры (по годам) подготовленных кадров, позволяющие сравнить показатели, как количественные, так и по специальностям. Обращает внимание, что за три года происходит постепенное перераспределение кадров. Больше внимание уделяется подготовке колхозников, трактористов, сотрудников кооперации — крайне необходимых для деревни кадров¹².

Основные показатели подготовки кадров по специальностям из числа красноармейцев-отпускников за 1927–1929 гг.

Год рождения [отпускников]	Количество по годам		
	1903	1904	1905
[Год демобилизации отпускников]	1927	1928	1929
1. Совработников	10 168	17 304	4 546
2. Торговых кооп. работников	8 000	14 247	14 814
3. Военных работников	4 000	5 141	1 776
4. Милиционеров	3 035	5 947	1 910
5. Проф. и обществ. работников	–	2 900	2 484
6. Киномехаников	500	3 236	1 691
7. Колхозников	–	3 687	16 223
8. Трактористов	133	3 758	8 517
9. Политпросветработников	3 196	3 274	1 714
10. Прочих работников	2 724	8 354	11 061
<i>Итого</i>	<i>31 756</i>	<i>67 998</i>	<i>70 986</i>

Однако, несмотря на значительные количественные показатели, достигнутые в 1929 г., руководство ПУ РККА отмечало наличие существенных недочетов в деле организации подготовки кадров для деревни. В подготовленной в январе 1930 г. докладной записке для РВС СССР об участии Красной армии в колхозном строительстве (откуда и взята таблица), в частности указывалось, что «...подготовка колхозных кадров занимала еще второстепенное место, причем это необходимо констатировать не только в отношении количества, но и в отношении качества». В числе основных недостатков назывались отсутствие «учета потребности и типа необходимых стране на данном этапе колхозных работников», а также отсутствие связи в работе «частей с местными организациями и помощи со стороны последних»¹³. Все это приводило к тому, что подготовка кадров для деревни велась без согласования их будущего использования с учетом потребностей конкретных районов.

1930 г., ставший годом сплошной коллективизации, в свою очередь, потребовал от армейского руководства усиления внимания к подготовке кадров для деревни. В принятом 30 января 1930 г. постановлении РВС СССР «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве»¹⁴ общее число будущих «массовых работников для деревни» было определено в 100 тыс. человек. Из них 75 тыс. должны были составить кадры «для колхозной системы, способные руководить колхозами, отдельными отраслями работы в них, обслуживать тракторы, комбайны, сложные с/х машины и быть передовыми борцами за превращение простейших колхозов в высшие формы» (пункт 2). Более того, РВС СССР поставил перед Политическим управлением РККА задачу — добиться в текущем 1930 г., чтобы «все 100 % красноармейцев и младших командиров [из числа] крестьян, увольняемых из РККА, были вовлечены в колхозы» (пункт 1).

Естественно, что при столь высоких плановых показателях особое внимание было обращено на работу всей сети специальных курсов. В отданной в развитие постановления РВС СССР директиве ПУ РККА от 8 февраля 1930 г. (№ 2046) определялся порядок функционирования сети курсов¹⁵. Курсы подлежали комплектованию в первую очередь из числа батрацко-бедняцкой части красноармейцев. Через них должны были проходить красноармейцы и младший начсостав последнего года службы за шесть-восемь месяцев до их увольнения. Подготовка кадров (как в количественных, так и качественных показателях) должна была быть согласована с планами Наркомзема СССР и увязана по военным округам с соответствующими гражданскими организациями. При проведении кампании 1930 г. учитывались все недочеты имеющегося опыта.

Кампания 1930 г. имела особый статус. Напомним, что согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 5 января планировалось завершить

коллективизацию большинства крестьянских хозяйств к осени 1930 г., причем в таких важнейших районах, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ.

На Красную армию была возложена важнейшая политическая задача — обеспечить новое коллективное сельское хозяйство низовыми специалистами. Подготовка «квалифицированных работников для нужд коллективизации и индустриализации сельского хозяйства» должна была проводиться на специально организуемых курсах из числа красноармейцев, подлежащих демобилизации осенью 1930 г. Планом предусматривалось подготовить: руководителей колхозов — 10 500 человек, трактористов — 10 225, животноводов — 10 925, полеводов — 8 300, садоводов и огородников — 5 750, счетоводов — 5 250 и т. д.¹⁶

Учитывая значимость кампании, на помощь политорганам пришли и другие ведомства. Среди материалов РГВА имеется заверенная копия циркуляра Наркомата по просвещению, адресованного всем краевым, областным и окружным отделам народного образования и присланного в ПУ РККА и Наркомзем для сведений. В этом циркуляре от 9 февраля 1930 г. указывалось, что «с подобной огромной политической и хозяйственно-экономической важности задачей Красная Армия наиболее успешно [может] справиться только при условии широкой помощи ей со стороны хозяйственных и общественных организаций, в первую очередь со стороны органов народного образования»¹⁷. Руководство Наркомпроса, обращаясь к своим органам, предлагало оказывать «всемерное содействие и помощь» политотделам отдельных частей Красной армии. В связи с этим на отделы народного образования возлагались следующие задачи: «а) помочь политотделам организовать программно-методическое руководство работой этих курсов: составление учебных планов, программ, консультации и т. д.; б) оказать содействие в подборе преподавателей и инструкторов как по линии педагогических кадров профшкол, техникумов, так и по линии привлечения в порядке общественной работы студенчества старших курсов вузов и техникумов; в) предоставлять в распоряжение курсов лаборатории, кабинеты, мастерские и т. д. для практической работы курсантов»¹⁸.

Совместная работа различных ведомств, систематическая работа армейских политорганов, целенаправленный охват большинства увольняемых из армии красноармейцев дали положительные результаты, позволив достигнуть запланированного рубежа. Осенью 1930 г. были подведены итоги кампании.

Как видно из приведенной таблицы, подготовка кадров на армейских курсах шла по многим специальностям — от председателя колхозов до поваров, избачей и пр. специалистов. Такая степень охвата деревенских работников была направлена на быстрейшую советизацию села, рас-

Сведения о подготовленных кадрах через РККА по военным округам и специальностям¹⁹

Специальности (человек)	Округа										
	ЛВО	МВО	УВО	ККА	БВО	СКВО	СибВО*	ПривО	САВО	ОКДВА	
Руководителей колхозов и поселковых товариществ	2 113	3 565	3 340	1 640	3 646	1 763	517	784	1 310	600	
Полеводов	880	2 280	5 740	2 075	1 672		121	479		600	
Садоводов-огородников	235	–	1 720	565			35	Садовод. – 20 Огород. – 186		Садовод. – 20 Огород. – 50	
Сырьевщиков	4	465	410					85		160	
Животноводов разных специальностей	945	2 900	5 500	330	2 117	540	92			600	
Животноводов (мясной скот)								282			
Животноводов (молочный скот)								186			
Овцеводов								80			
Птицеводов								25			
Трактористов	2 140	3 915	5 050	2 150	2 835	2 135	655	1 700	2 600	2 850	

Специальности (человек)	Округа										
	ЛВО	МВО	УВО	ККА	БВО	СКВО	СибВО*	ПриВО	САВО	ОКДВА	
Счетоводов	790	1 680	1 360	800	1 600	160	139	338	1 020	650	
Культработников	440	550	1 250	1 070	5 95	800	99	77			
Политпросвет- работников									1 010		
Избачей										440	
Радио- кинорботников								571			
Шоферов								358	240		
Мастеров по ремонту с/х машин							15		400		
Кооперативных работ- ников							54	352			
Советских работников								185			
Организаторов отдель- ных отраслей с/х									800		
Питание (поваров)									740		
Прочих работников	620	795	250	530	2 758						

* В отношении СибВО в документе говорилось, что кроме указанных цифр подготовлено столько же, но отсутствуют данные по специальности (примеч. документа).

пространяющуюся на все уровни управления в деревне. Отметим, что среди подготовленных кадров наибольшее число представляли следующие группы:

Трактористы	– 26030 чел.
Руководители колхозов и поселковых товариществ	– 19278 чел.
Полеводы	– 13847 чел.
Животноводы разных специальностей	– 13492 чел.
Счетоводы	– 8537 чел.
Культработники	– 4881 чел.
Садоводы-огородники	– 2831 чел.
Сырьевщики	– 1124 чел.
Политпросветработники	– 1010 чел.
Организаторы отдельных отраслей с/х	– 800 чел.
Питание (повара)	– 740 чел.
Избачи	– 440 чел.
Мастера по ремонту с/х машин	– 415 чел.
Кооперативные работники	– 406 чел.
Шоферы	– 498 чел.
Советские работники	– 185 чел.

Цифровые показатели по округам распределялись следующим образом:

УВО	– 24 620 чел.
МВО	– 16 150 чел.
БВО	– 15 223 чел.
ККА	– 9 160 чел.
ЛВО	– 8 167 чел.
САВО	– 8 120 чел.
ОКДВА	– 5 970 чел.
ПриВО	– 5 708 чел.
СКВО	– 5 398 чел.
СибВО	– 3 454 чел. (с учетом примечания).

22 августа 1930 г. Наркомзем совместно с ПУ РККА направило в адрес ряда учреждений следующую директиву (№ П2/8606) о порядке использования подготовленных через РККА кадров «массовой квалификации» в счет «100 000». Директива была подписана от Наркомзема СССР Н. И. Ежовым — зам. наркома по кадрам и от НКВМ СССР — А. С. Булиным — зам. начальника ПУ РККА²⁰. Адресатами директивы были представители правлений — Колхозцентра, Союза Союзов, Овцевода, Скотовода, Трактороцентра, Рисотреста, Молочно-огородного

треста, Льносовхозтреста, Семеноводтреста, Садово-виноградного треста и треста комбинированных предприятий, а также Наркомземы союзных республик и все начальники политуправлений военных округов (начпуокры), армий (начпуармы), флотов (начпуфлоты).

Директива напоминала, что 25 сентября 1930 г. начинается увольнение в долгосрочный отпуск красноармейцев 1906 года рождения, среди которых имеется свыше 100 000 человек, подготовленных для низовых колхозных и совхозных кадров согласно постановлениям РВС СССР и Коллегии Наркомзема СССР по заявкам соответствующих хозорганов и колхозно-кооперативной системы (пункт 1). Наркомзем СССР и ПУ РККА предлагали указанным учреждениям осуществить использованиеготавливаемых кадров на следующих основаниях (пункт 2):

«а) Все подготовленные используются в основном по месту их жительства, за исключением тех, кто пожелает быть использованным вне района своего места жительства.

б) Все подготовленные, возвращающиеся из частей и получившие в частях удостоверение об окончании курсов (спец. ком. политорганы с участием местных организаций) берутся на специальный персональный учет районными колхозными и кооперативными организациями. Использование взятых на учет проводится по договоренности районных колхозно-кооперативных организаций с местными партийными и советскими организациями и с правлениями колхозов, поселковых товариществ и других простейших форм объединения. Из числа взятых на учет колхозно-кооперативные организации намечают наиболее подготовленных для работы в аппарате и заготовительно-сбытовых пунктах (сырьевщики, приемщики и т. д.). Колхозно-кооперативные организации обеспечивают дальнейшую переквалификацию подготовленных в армии по линии своей курсовой системы для дальнейшего их совершенствования и выдвижения. Колхозно-кооперативные организации обеспечивают первоочередное использование батрацко-колхозной и бедняцкой части подготовленных.

в) Красноармейцы-отпускники, подготовленные в счет «100 000», выразившие согласие перехода на работу по линии сельхозтрестов (Скотовод, Овцевод, Свиновод, Зернотрест, Рисотрест, Совхозцентр и др.), направляются на работу по нарядам уполномоченных этих трестов в соответствующие хозяйства, в основном в районы, совпадающие с местом жительства увольняемых красноармейцев. Хозорганизации обеспечивают красноармейцам-отпускникам, изъявившим желание работать в их хозяйствах, средства на проезд с места жительства до места работы».

Государственные сельтресты и органы колхозно-кооперативной системы обязывались отвечать за правильное и своевременное использование кадров, подготовленных для их системы в РККА (пункт 4). Для урегулирования всех вопросов, связанных с использованием лиц

в счет «100 000», при политуправлениях военных округов должны были создаваться специальные комиссии в составе представителей от земорганов, колхозно-кооперативных организаций, уполномоченных сельскохозяйственных трестов и с привлечением представителей местных партийных, советских организаций и Союза сельхозлесрабочих. В задачи комиссий входило (пункт 3) «наметить порядок распределения подготовленных кадров между заинтересованными организациями (согласно первоначальных заявок); предоставить возможность проводить вербовку подготовленных кадров в отдельных частях; координировать свою работу с другими округами, получая сведения от них о предстоящем приезде подготовленных в счет «100 000» и сообщая им о возвращении подобных лиц по месту жительства. Все подготовительные мероприятия и планы использования подготовленных в счет «100 000» должны были быть проведены к 10 сентября и не позже 20 сентября представлены в НКЗ СССР — отдел кадров»²¹.

Завершающим актом кампании 1930 г. по подготовке колхозных кадров стала директива ПУ РККА от 5 августа 1930 г. № 7982. В ней предлагалось политорганам организовать экскурсии для красноармейцев, подлежащих увольнению из РККА, в колхозы, совхозы, на заводы и другие промышленные объекты с целью ознакомления с достижениями колхозного, совхозного и промышленного строительства в СССР. По согласованию с Наркоматом путей сообщения (НКПС) была установлена льготная скидка для оплаты перевозок экскурсантов. Как и подобает кампании, была определена разверстка по военным округам²².

Красная армия продолжала оставаться кузницей технических, руководящих и колхозных кадров для деревни и в последующие годы, хотя и не в таких размерах. Так, например, в конце 1932 г. — начале 1933 г. особое внимание было обращено на подготовку кадров для колхозов Северного Кавказа, куда было направлено 4000 человек. К концу 1933 г. эта цифра составила уже 16000 человек²³.

Однако в деревню направлялись не только демобилизованные красноармейцы. Для работы в политотделах МТС и совхозах формировались также отряды из числа армейских политработников, имеющих опыт руководящей партийно-политической работы не менее 10 лет. Несомненно, что подготовленный как в политическом, так и в техническом отношении воинский контингент становился хорошей опорой партии и власти в обновленной деревне.

Приведем для наглядности документ, выявленный в материалах ПУ РККА и свидетельствующий о роли Красной армии и ее воздействии на деревню. В июле 1930 г. Наркомторг СССР обратился в ПУ РККА с предложением принять активное участие РККА в хлебозаготовительной кампании. В обращении говорилось, что «основным методом проведения предстоящей хлебозаготовительной кампании

явится общественно-массовая работа на селе во всех ее формах и видах. Среди них особенно важное значение приобретает участие РККА и ее общественное воздействие на село за полное выполнение хлебозаготовительного плана, за продажу государству всех товарных излишков хлеба»²⁴. Со стороны Наркомата были определены следующие формы общественного участия РККА в предстоящей кампании: «1) посылка красноармейцами индивидуальных и коллективных (земляческих) писем в свои села о полной продаже государству товарного хлеба родственниками и односельчанами; 2) проведение соцсоревнования между отдельными красноармейцами и целыми частями РККА на лучшую сдачу хлеба государству отдельными хозяйствами и целыми селами; 3) проведение соцсоревнования между отдельными частями РККА (на лучшее прохождение воинской и политико-просветительной учебы) и отдельными районами и селами (на лучшее выполнение хлебозаготовительного порайонного и поселкового плана); 4) работа на селе отпускников и переменников, направленная на усиление хлебозаготовок, в том числе вхождение армейских представителей в состав комиссий содействия хлебозаготовкам при сельсоветах; 5) агитационно-разъяснительная работа отдельных частей РККА в окружающих селах во время маневров и стоянок с организацией при этом красных обозов имени РККА; 6) направление в более ответственные районы хлебозаготовок агитационных бригад РККА; 7) организационная и материальная помощь местных частей РККА окружающим селам в вывозе хлеба на сыпные пункты путем предоставления перевозных средств и тары (во временное пользование) и рабочей силы». По всем перечисленным направлениям политорганы Красной армии имели наработанный опыт, который активно использовался в практической работе уже не один год. Однако и эти испытанные формы работы давали сбой. Так, например, 24 февраля 1930 г. зам. наркомвоенмора И. С. Уншлихт обратился к начальнику ПУ РККА Я. Б. Гамарнику с секретным письмом:

«Из писем красноармейцев в деревню видно, что практика коллективных писем в деревню о коллективизации зачастую дает эффект прямо противоположный нами предполагаемому. Вслед за такими письмами следуют опровержения со стороны красноармейцев, заявления, что их заставляют писать так, а не иначе. Нет ли здесь неумелого подхода к столь сложному и ответственному вопросу, нет ли здесь моментов администрирования? Достаточно ли инструктированы наши политработники?»²⁵

Наиболее активной формой воздействия на село со стороны армии были агропоходы, которые сочетали в себе как агитационные, так и практические средства. В одном из донесений ПУ БВО об итогах подобного похода в феврале 1930 г. указывалось:

«Во время агропохода отдельные группы-бригады, взводы, роты и даже полки объявляли себя ударными, заключали между собой дого-

воры по соцсоревнованию, проявляли действительно боевые темпы работы. На местах участникам агропохода были организованы торжественные встречи населением, устраивались короткие митинги, после чего группы-бригады распределялись по деревням и колхозам и приступали к практической работе. Красноармейцы и начсостав работали не покладая рук. Устраивали собрания бедноты, общие сходы, партийные и комсомольские собрания, собрания женщин, на которых разъясняли генеральную линию партии, новые задачи колхозного строительства; производили запись в колхозы и работу по организации новых колхозов; участвовали в работе по зерноочистке, в ссыпке семян, по обобществлению скота и инвентаря; ремонтировали сельхозинвентарь, машины, упряжь; ремонтировали и строили новые скотные дворы и сараи и прочее.

Помимо массовой работы на собраниях агропоходники провели очень большую индивидуальную работу по хатам, беседуя и разъясняя отдельным крестьянам вопросы колхозного строительства, задачи партии и Соввласти в этом отношении. Кроме того, отдельные специальные бригады оказывали медицинскую и ветеринарную помощь, работали по сбору утильсырья, организовали ячейки Осоавиахима, военные уголки, избы-читальни и прочее. Красноармейцы и начсостав пользовались громадным авторитетом среди батрацкой, бедняцкой и середняцкой части деревни. Отношение их к Красной Армии было чрезвычайно хорошее и теплое»²⁶.

Помимо агропоходов Красная армия активно использовалась в других сельскохозяйственных кампаниях. С середины 1920-х гг. армейские части систематически вовлекались в организацию посевных и хлебозаготовительных работ, примером чему являются опубликованные соответствующие директивы ПУ РККА²⁷.

§ 3. Организация красноармейских колхозов

По мере проведения «нового» курса в деревне на первый план выходила задача создания колхозов как основной опоры власти. Определенное место в этой важнейшей работе было отведено и Красной армии в части организации колхозов в приграничных регионах. Начало планомерной работы по организации на переселенческих землях красноармейских колхозов было положено постановлением ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г.²⁸ и соответствующей директивы ПУ РККА от 3/8 мая 1929 г. № П4/5451²⁹. Эта работа проводилась как часть общей работы по подготовке отпускников Красной армии для переустройства деревни. К 1930 г. из числа демобилизованных (1904 и 1905 гг. рождения) было организовано более 150 крупных красноармейских колхозов. Однако, как и в случае с курсами, организация красноармейских колхозных групп и колхозов не была «увязана» ни с планами Переселенческого

комитета, действующего при ЦИК СССР, ни с «материальными и техническими ресурсами, необходимыми для организации хозяйства, в особенности на переселенческих землях»³⁰.

С началом «массового развертывания сплошной коллективизации» был положен новый виток работы по организации красноармейских колхозов. Основные положения были изложены в упоминаемом ранее постановлении РВС СССР от 30 января 1930 г. «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве». С учетом накопленного опыта Реввоенсоветом СССР было принято решение ограничить работу по организации красноармейских колхозов конкретными регионами. Одновременно были сужены и организационные задачи. В постановлении предусматривалось создание красноармейских групп для строительства крупных колхозов только на переселенческих землях Дальнего Востока и Казахстана (пункт 6). При этом все планы должны были быть согласованы с Наркомземом СССР и особенно с «материально-техническими средствами, отпускаемыми на эти нужды соответствующими правительственными и хозяйственными организациями»³¹. Весной 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений по экономическому и политическому укреплению пограничной полосы, в том числе по организации колхозов с привлечением в них демобилизованных красноармейцев. В связи с этим 23 марта 1930 г. К. Е. Ворошиловым в РВС БВО, УВО и ЛВО было направлено следующее письмо:

«Эти постановления Инстанции уже разосланы секретарям ЦК КП(б) У[краины], ЦК КП(б) Б[елоруссии] и Ленинградского облпаркома. Вам надлежит лично самым детальным образом ознакомиться с ними для того, что бы принять активное участие в своевременном их проведении в жизнь и разделении наравне с партками соответствующей ответственности за всякого рода искривления или извращения директив Инстанции. О ходе выполнения этих директив обязываю Вас периодически докладывать мне краткими сов. секретными сводками. К. Е. Ворошилов»³².

К лету 1930 г. число красноармейских колхозов в стране достигло 176. Из них на Дальнем Востоке было только 11, в то время как в других регионах соответственно: УССР — 21, Западная область — 20, Центрально-Черноземная область — 19, Сибирский край — 18, Северо-Кавказский край — 14, Нижне-Волжский край — 13³³. В августе 1930 г. ПУРКА была принята директива об усилении внимания и активизации работы по вовлечению красноармейцев-отпускников в колхозы; пункт 4 гласил: «Увязать эту кампанию с широким вовлечением красноармейцев в колхозы Дальнего Востока»³⁴. Согласно заданию Наркомзема СССР в 1930 г. подлежало переселению и размещению по колхозам и МТС Дальнего Востока 26 500 человек едоков³⁵ — из числа демобилизованных красноармейцев и членов их семей. Однако результаты этой кампании оказались таковыми, что разбором их вынуждены были зани-

маться судебные органы. В письме Военной прокуратуры Верховного Суда СССР от 27 марта 1931 г. «О бюрократическо-формальном отношении к переселению бывших красноармейцев на Дальний Восток», направленном наркомом земледелия СССР и РСФСР, говорилось о «преступно-небрежной организации переселения», в результате чего «план переселения фактически был сорван, ибо прибыло всего переселенцев, быв. кр[асноармей]цев и их семей, 7391 человек, т. е. 27 %. Из них ушел обратно 1941 человек, или 25 %. Таким образом, осело 5543 человека, или 21 % общего плана переселения. Необеспеченность жилищем и другими условиями угрожает, что весной часть осевших еще может уйти»³⁶.

План вербовки в колхозы с привлечением бывших красноармейцев на 1931 г. предусматривал создание красноармейских колхозов по следующим регионам: в Ленинградской области — 20, с количеством 1000 человек; в Западной обл. — 10 с количеством 500 человек; в Карельской АССР — 5 с количеством 250 человек; в Дальне-Восточном крае — 8700 красноармейских семей³⁷. Общий план вербовки красноармейцев на Дальний Восток был определен в 10000 человек, что в два раза меньше по сравнению с 1930 г.³⁸ На 1 января 1932 г. эти плановые показатели были перевыполнены и составили 13482 человека. Однако из завербованных выбыло обратно 1125 человек (8,3 %) ³⁹. По данным ОГПУ, в ряде коммун этот процент значительно превосходил средние показатели, достигая иногда 33 и даже 68,7 %. Руководство секретно-политического отдела ОГПУ (СПО ОГПУ), сообщая об этих тревожных фактах военному ведомству, обращало внимание К. Е. Ворошилова и на другие явления: «Обратническим тенденциям подвержены даже отдельные партийцы и комсомольцы, причем некоторые из них не останавливаются даже перед сдачей парт[ийных] документов»⁴⁰. Ни постановление СНК СССР от 23 апреля 1931 г. «О красноармейском переселении в ДВК», ни решения коллегии НК РКИ СССР от 3 июля 1931 г.⁴¹, ни поездка на Дальний Восток в октябре 1931 г. наркома К. Е. Ворошилова⁴² не смогли изменить ситуацию к лучшему.

Причинами «обратничества» — так была названа тенденция возвращения красноармейцев из колхозов — являлись: отсутствие удовлетворительного жилья для красноармейцев-переселенцев; неудовлетворительное снабжение их промтоварами, в том числе техническим инвентарем; плохое снабжение и обслуживание в пути. Так, например, нормы снабжения продуктами в пути для красноармейцев-переселенцев были значительно ниже соответствующих норм для обычных демобилизованных красноармейцев. Страдали не только сами переселенцы, но и члены их семей. В частности, снабжение детей в дороге также было обеспечено неудовлетворительно, хотя средства на это были выделены Детской комиссией ЦИК СССР. На местах прибытия переселенцев ждало немало трудностей. Им приходилось жить либо в сколоченных

на скорую руку сараях, либо в частном секторе по завышенным ценам. Отмечались случаи, когда в одной комнате проживали до 50 человек. Все это вызывало «обратнические» настроения.

В феврале 1932 г., после своей поездки на Дальний Восток, К. Е. Ворошилов обратился с обстоятельным письмом в Политбюро ЦК ВКП(б), в котором проанализировал ситуацию с колхозами Дальнего Востока: «Заселение пограничной полосы Дальнего Востока красноармейскими колхозами имеет огромное значение как для экономического роста этого богатейшего края, так и для обороноспособности нашего Союза на возможном Дальневосточном театре» — писал он, отмечая, что «эффективность колхозного строительства пока не оправдывает затраченных средств и усилий». При этом он указывал: «Личным своим ознакомлением с состоянием красноармейских колхозов в поездке по Дальнему Востоку, изучением материалов Наркомзема прихожу к определенному выводу, что существовавший и существующий порядок строительства пограничных колхозов добровольно вербуемыми не дает должного и быстрого эффекта»⁴³. В письме были приведены цифры «отлива» из колхозов Дальнего Востока за 1924–1930 гг. В частности,

1924/25 гг. — переселено — 5 183 человек, отлив — 2 521 чел.;

1925/26 гг. — переселено — 11 227, отлив — 3 118;

1926/27 гг. — переселено — 40 830, отлив — 9 874;

1927/28 гг. — переселено — 50 674, отлив — 15 093;

1928/29 гг. — переселено — 34 287, отлив — 11 172⁴⁴.

Учитывая значение Дальнего Востока, нарком указывал, что формирование военных колхозов на территории ОКДВА является важнейшим оборонным мероприятием. В этой связи он предлагал организовать в пограничной полосе на территории Дальнего Востока Особый Колхозный корпус. Основное назначение корпуса, по мнению наркома, виделось в создании ряда опорных военных пунктов, которые могли сыграть роль «барьеров» против агрессивных мер со стороны соседних стран. Создание Колхозного корпуса позволило бы в значительной степени содействовать организации на территории Дальнего Востока системы колхозов, а в итоге — экономическому росту и заселению региона.

В письме должное внимание было уделено принципам формирования и организации корпуса. Основу корпуса должна была составлять структура стрелкового корпуса с учетом специфических задач, возлагаемых на Колхозный корпус. По замыслу К. Е. Ворошилова, построение колхозов должно было проводиться по принципу колхоз-батальон, «территориально насаждаемый на важнейших путях и операционных направлениях». Вся боевая учеба должна была базироваться на батальоном учебном центре. Там же должно было базироваться все материальное обеспечение боевой подготовки (склады вещевого довольствия, оружия и боевых припасов). Предполагалось,

что посевная площадь всего корпуса будет в 78 000 га с преобладанием зернового хозяйства.

Предложения К. Е. Ворошилова были рассмотрены на заседании Политбюро 3 марта 1932 г. (протокол № 90, пункт 16)⁴⁵. Уже 14 марта 1932 г. К. Е. Ворошиловым был представлен проект постановления Политбюро по вопросу организации Особого Колхозного корпуса в ОКДВА, разработанный комиссией, созданной по решению Политбюро. В препроводительной записке к проекту указывалось, что «основные принципиальные вопросы формирования, организации и хозяйственного строительства корпуса приняты комиссией единогласно». Только по вопросам материального обеспечения были внесены поправки к проекту со стороны Наркомзема в лице т. Яковлева⁴⁶. 16 марта 1932 г. на заседании Политбюро был рассмотрен вопрос о сроке службы в Колхозном корпусе ОКДВА (протокол № 92, пункт 22)⁴⁷.

Решение о формировании Особого Колхозного корпуса на территории ОКДВА было оформлено постановлением ЦК ВКП(б) от 16 марта 1932 г.⁴⁸ и приказами НКВМ от 20 марта № 0015 и от 28 марта 1932 г. № 0018. Отметим, что оба приказа входили в разряд совершенно секретных. Последним приказом объявлялось о призыве 350 специалистов по сельскому хозяйству для формирования Особого Колхозного корпуса. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) численность корпуса была определена в 60 тыс. человек и являлась дополнительной к штатному составу РККА на 1932 г.; на 1933 г. она уже включалась в штатную численность РККА. В составе корпуса полагалось формирование трех стрелковых и одной кавалерийской дивизии. Формирование корпуса должно было проходить в два этапа: 1) 1932 г. — управление корпуса и трех дивизий (без артполков), 2) весна 1933 г. — формирование корпусных частей и дивизионных артполков и развертывание четвертой (кавалерийской дивизии). Срок окончания формирования корпуса был определен к 1 июня 1933 г.

В январе 1933 г. было принято решение о формировании на территории ОКДВА 1-й Колхозной дивизии, а в течение года была сформирована еще одна дивизия.

В ноябре 1933 г. командир Особого Колхозного корпуса Калмыков, выступая на расширенном заседании РВС СССР, подводил итоги первого года работы. В отношении сельскохозяйственных работ результаты были следующими: план сева, определенный на 1933 г. в 100 000 га, был выполнен на 106 %; план сенокоса, заданный в 30 000 га, был выполнен — выкосили 34 000 га, собрали 50 000 тонн сена. Кроме того, части корпуса подняли в 1933 г. 32 000 га паров и 58 000 язби. В отношении хлебозаготовительной кампании показатели, озвученные командиром корпуса, были следующими: «Государству мы должны были в этом году дать 121 806 центнеров хлеба к 1 января. Мы к 10 ноября этот план полностью выполнили. Общий сбор зерновых культур

в этом году будет у нас около 3 500 000 пудов. Таким путем, кроме хлебосдачи государству мы полностью обеспечиваем себя семенами, полностью обеспечиваем себя продовольствием, фуражом и овощами. Таким путем в этой части мы, безусловно, задачу, поставленную народным комиссаром, выполнили»⁴⁹.

Наряду с сельхозработами корпусом были проведены значительные строительные работы. В частности, было построено зернохранилищ на 250 000 центнеров, овощехранилищ — на 5 000 тонн, свинарников — на 5 000 голов, коровников — на 4 000 коров, конюшен — на 3 000 лошадей. Несмотря на достигнутые немалые результаты в области строительства, оно, по мнению командира корпуса, продолжало оставаться тормозом, особенно в отношении жилищного фонда. В 1934 г. планировалось завезти на Дальний Восток 10 000 семей. Для этих семей по указанию начальника ПУ РККА Я. Б. Гамарника было принято решение РВС СССР строить маленькие 2-квартирные домики с хозяйственными постройками, общее число которых должно было составить 5 тыс. Решение этой проблемы зависело не только от наличия денежных средств, хотя их сумма была немалая и исчислялась почти в 50 млн рублей. Крайне важно было иметь в наличии как строительный материал, так и рабочую силу. В связи с этим командир корпуса, выступая на расширенном заседании РВС СССР, предложил «создать при каждом батальоне строительное подразделение, т. е. создать строительные роты и этим самым обеспечить строительство и оседание красноармейцев на ДВК после службы, которая кончается у них весной 1935 года»⁵⁰.

На заседании РВС СССР командир корпуса уделил также должное внимание боевой подготовке бойцов. «В отношении бойцов, — говорил он, — мы производили подготовку в сочетании боевой подготовки с сельскохозяйственными и строительными работами. На каждом участке в поле организовали учебные взводные пункты и, отрывая бойцов на 10–15 минут по очереди, проводили подготовку одиночного бойца. В период между посевной и уборочной производили краткосрочные, двух-трех-дневные сборы для сколачивания подразделений, а после окончания уборочной в ноябре месяце провели батальонные, полковые и дивизионные учения. У нас начальствующий состав — высший, старший, до командиров батальона включительно, подготовлен вполне удовлетворительно».

Важнейшей организационной задачей, по мнению командира корпуса, должна была стать разработка положения о Колхозном корпусе, позволившего определить и разграничить сферу взаимоотношений командования корпуса с местными организациями, в том числе в части плана по сельхозработам.

Создание красноармейских колхозов шло не только на Дальнем Востоке, в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 17 мая 1931 г. в Ленинградской и Западной областях, в Карельской АССР

было организовано 35 красноармейских колхозов⁵¹ и вселено в них 1 500 красноармейских семей, что являлось эквиваленту 4 500 душ⁵². Планом на 1932 г., утвержденным постановлением коллегии Наркомзема СССР от 21 февраля 1932 г. по согласованию с ПУ РККА, было определено организовать 58 красноармейских колхозов с вселением в них 3 475 красноармейских семей. Кроме того, было предусмотрено доприселить в красноармейские колхозы, организованные в 1931 г., 6 778 красноармейских семей. Общий план переселения на 1932 г. был установлен в 10 253 красноармейских семей. Фактические показатели соответствовали следующим цифрам: в течение 1932 г. было организовано 46 новых красноармейских колхозов и переселено 7 407 семей красноармейцев (22 221 душа). Запланированная организация 5 красноармейских колхозов в Казахстане и 5 красноармейских колхозов в ЗСФСР, с вселением в 1932 г. 250 красноармейских семей, не была выполнена. Лишь частично были заготовлены стройматериалы для освоения этих работ в 1933 г. Организация новых красноармейских колхозов в 1933 г. Наркомземом СССР и ПУ РККА не предусматривалась. Были намечены мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению существующих красноармейских колхозов и доприселение в построенные колхозы 3 550 красноармейских семей. Распределение показателей по республикам было следующим: РСФСР — 1 700, УССР — 850, БССР — 450, ЗСФСР — 250, Узбекская ССР — 100, Туркменская ССР — 100, Таджикская ССР — 100⁵³.

По данным ПУ РККА, в 1933 г. в пограничных регионах СССР (кроме Дальнего Востока) имелось 113 красноармейских колхозов.

	Кол-во красноарм. колхозов	Кол-во красноарм. семей
Карелия	11	58
Ленинградская область	35	605
Западная область	11	243
БССР	13	408
УССР	10	4 143
Северо-Кавказский край	13	523
ЗСФСР	5	—
Туркменская ССР	2	41
Узбекская ССР	1	60
Таджикская ССР	2	—
Киргизская ССР	5	81
Казахская ССР	5	18
<i>Итого</i>	<i>113</i>	<i>6 180</i>

Степень вовлечения войск в колхозное строительство в период проведения политики сплошной коллективизации деревни не ограничивалась только рассмотренными выше мероприятиями — подготов-

кой кадров для сельского хозяйства и организацией красноармейских колхозов. Помощь селу — проведение агропоходов, участие частей в посевных кампаниях и уборке урожая, всегда расценивалась как неотъемлемая часть общей политической работы в армии.

После проведения массовой чистки деревни и выселения десятков тысяч крестьянских семей из мест постоянного проживания ситуация на селе значительно ухудшилась. Голод 1932–1933 гг. усугубил ситуацию. Созданные наспех молодые колхозы и совхозы не справлялись с плановыми показателями по заготовкам. В этой связи помощь армейских частей была не только желательна как шефская, но крайне необходима как государственная задача. Однако, признавая политическое значение этого направления работы, командующие военными округами неоднократно обращали внимание военного руководства на тот факт, что отвлечение частей на полевые работы зачастую отрицательно сказывается на боевой подготовке войск. В этом отношении показательными были выступления командующих округами на расширенном заседании РВС СССР в ноябре 1933 г.

Командующий войсками УВО И. Э. Якир так характеризовал сложившуюся ситуацию в округе: «Должен сказать, что Украинский военный округ начал учебный год в очень тяжелых условиях чисто хозяйственного порядка. И мы имели возможность у нас на селе проверить в этом году политическую сознательность, крепость и преданность наших бойцов. Весь тот опыт, который мы имели в этом году, говорит нам о том, что в политических настроениях бойцов и начсостава нашего Украинского военного округа мы имеем огромный перелом. Товарищи, наши бойцы и коммунисты работали на селе, оказали большую помощь нашим колхозам. Наш Украинский военный округ имеет 1 000 подшефных колхозов. И в этих колхозах наши партийные организации и отдельные бойцы провели огромную работу по осуществлению с.-х. мероприятий, по укреплению колхозов. И мы вправе сказать, что эту работу наши бойцы выполнили отлично. Мы проделали огромную работу на селе. Наши бойцы непосредственно сталкивались с колхозной массой, помогали укреплять колхозы, причем не только не было вредного влияния на них, но, наоборот, наши бойцы и партийные организации, участвуя в классовой борьбе на селе, показали, что политическое состояние бойцов и начсостава нашего округа весьма высоко»⁵⁴.

Столь же внушительной была работа, проведенная в 1933 г. армейскими частями на Северном Кавказе. Помощник командующего войсками СКВО В. М. Примаков в своем выступлении отмечал: «Размеры нашего участия видны из того, что если в прошлом году войска округа на совхозных полях отработали 1 300 тыс. трудодней, то в этом году они отработали 2 520 тыс. трудодней, причем только на одни войсковые части, т. е. на долю 5 дивизий пехоты и 2 дивизий кавалерии пришлось 1 520 тыс. трудодней в текущем году»⁵⁵.

Однако им были указаны и негативные стороны этой работы:

«Боевая подготовка СКВО в минувшем году и в этом году в середине работ была сломана, и программа была нарушена призывом всех частей округа для работ на совхозных полях. На работе новобранцев это отразилось так, что новобранцы вместо 3 месяцев работы по боевой подготовке работали только 1,5 месяца, а остальные 1,5 месяца целиком провели на «Гиганте», на Белоглинском совхозе и на других гигантских совхозах края. Так как у нас имеется полная уверенность в том, что состояние совхозов потребует в будущем году такого же нашего участия в их работе, потому что от нас потребуют спасти урожай, и снова потребуют участия большой массы пехоты в уборке урожая, — нужно это дело заранее учесть и заранее нам сказать: постройте ваш план с учетом того, что с 15 июля по 15 августа вы будете работать на совхозных полях. Это нам будет гораздо легче сделать, и нам удастся гораздо лучше провести подготовку войск, чем если мы будем всякий раз получать указания о нормальной плановой работе, а потом, когда срок подходит, эти указания ломаются, и все дивизии идут на уборку урожая». Среди выдвинутых им предложений были и такие — призыв новобранцев начинать 15 апреля с тем, чтобы с 15 июля по 15 августа в боевой подготовке новобранцев был плановый перерыв, во время которого можно убрать совхозные поля, а штабы дивизий и корпусов смогут организовать выходы штабов в поле. После этого, с 15 августа по 15 сентября — 2-я полоса работы на общем сборе, с тем, что с 15 сентября по 1 октября снова можно мобилизовать армейские части на уборку кукурузы и масличных растений».

В своем выступлении В. М. Примаков коснулся и такого важного вопроса, как заселение края, в частности пустующих станиц Дона и Кубани, красноармейскими семьями.

«Я должен доложить Реввоенсовету, — говорил он, — что мы считаем необходимым поставить вопрос не только о заселении Кубани, где процесс заселения уже развернут, но и заселения Дона, где целый ряд станиц, как: Гундурская, Калитвинская, Усть-Калитвинская, имеют по 200–150 пустующих усадеб, причем основная их масса приходится на долю белых эмигрантов, которые и теперь еще в Болгарии имеют Гундоровский свой полк. В этих усадьбах примерно 70 % исправных и годных для жилья домов, в которых не хватает только стекол, кое-где подразвалены печи, а все остальное исправно»⁵⁶. По мнению Примакова, «заселение Дона, способного вместить десятки тысяч красноармейских семей, сразу облегчит работу войск округа, потому что изменится лицо Донской и Кубанской станицы и в условиях классовой борьбы, которая там проходит с большим напряжением, мы будем иметь огромную поддержку многих тысяч красноармейских семейств. Это для нас очень важный и актуальный вопрос, который мы считаем необходимым поставить со всей силой для того, чтобы он был рассмотрен в срочном порядке».

Интересен следующий факт. Не только командующие военными округами высказывали недовольство по поводу чрезмерной политической нагрузки, выполняемой армейскими частями в угоду политическим кампаниям. Найденный нами документ — записка К. Е. Ворошилова, адресованная И. В. Сталину и В. М. Молотову — является свидетельством тому, что нарком и сам это прекрасно понимал. Более того, он пытался заступиться за армию и освободить ее от не свойственных ей обязанностей. Эта записка, написанная на клочке бумаги, подвернувшейся во время заседания Политбюро, не имеет даты, но, что важнее, имеет ернический ответ одного из них. Приведем текст этой записки полностью, чтобы потомки могли прочитать очередной пример сталинской демагогии.

«Сталину, Молотову.

Дорогие секретари ВКП(б).

Может быть, Вы дадите указание о приостановлении подготовки из красноармейцев работников всевозможных специальностей для сева? Известно ли Вам, а должно быть известно, что Красная Армия за последние 5 лет дала стране не одну сотню тыс. активных строителей соц. работы в деревне. Зря [смеетесь]. Над собой смеетесь. В.

[Ответ на обороте:]

Ура, Ура, Ура Красной Армии. Мол[отов].

[Ответ Ворошилова:] А Медынь?»⁵⁷

§ 4. «Красноармейские» станицы на Кубани

Известно, что 1932 г. для Кубани стал годом массовой депортации местного населения из казачьих станиц. Недовольный ходом сева и хлебозаготовок И. В. Сталин распорядился выслать 2000 «кулацко-зажиточных» семей из кубанских станиц. Это решение было оформлено как постановление ЦК ВКП(б) (особая папка) от 22 ноября 1932 г.⁵⁸ Несколько ранее, 22 октября 1932 г., Политбюро приняло решение о создании чрезвычайных комиссий «в целях усиления хлебозаготовок». Одна из них под руководством В. М. Молотова была направлена на Украину, другая, под руководством Л. М. Кагановича, — на Северный Кавказ. Отметим, что состав комиссии Кагановича был намного представительнее своего украинского собрата. Если комиссия Молотова состояла из пяти человек вместе с ее председателем, то в комиссию Кагановича вошли восемь человек. О ее представительности говорит должностной состав участников — М. А. Чернов (Комитет заготовок), Т. А. Юркин (Наркомат совхозов), А. И. Микоян (Наркомат снабжения), Я. Б. Гамарник (начальник Политуправления РККА), М. В. Шкирятов (ЦКК ВКП(б)), Г. Г. Ягода (ОГПУ), А. В. Косарев (ЦК ВЛКСМ). Перед комиссией Кагановича была поставлена задача «выработать и провести меры по слову саботажа, сева и хлебозаготовок, организованного кон-

трреволюционными кулацкими элементами на Кубани»⁵⁹. Более того, в момент работы комиссии Л. М. Каганович одновременно назначается на должность заведующего только что созданным в аппарате ЦК ВКП(б) отделом сельского хозяйства. О значимости этой новой структуры говорили отводимые ему задачи. На отдел возлагались функции наблюдения за работой земорганов как по линии совхозов, так и колхозов и МТС, а также контроль и руководство за работой парторганизаций в деревне⁶⁰.

Не останавливаясь подробно на деятельности работы комиссии Кагановича, скажем только, что 14 декабря 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», в котором отдельный подраздел (пункт 7) касался кубанской станицы Полтавской. В нем говорилось: «а) Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из ст. Полтавской (Северный Кавказ) как наиболее контрреволюционной всех жителей, за исключением действительно преданных Советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых. Ответственность за проведение этого решения (пункт “а”) возложить на т. Ягоду, Гамарника (с заменой т. Булиным), Шеболдаева и Евдокимова»⁶¹. Имя начальника ПУ РККА Я. Б. Гамарника было не случайным. За 1931 и 1932 гг. Красная армия, в частности ее Политическое управление, накопили немалый опыт по переселению значительных красноармейских масс и их семей на Дальний Восток. Видимо, в принятии решения о переселении красноармейцев на Кубань учитывался не только имеющийся у армии опыт, но и фактор благоприятных условий дальнейшего хозяйствования. В отличие от Дальнего Востока, где организация колхозов требовала много сил и материальных затрат, землеустройство Кубани было отлажено и не требовало столь больших усилий от новых хозяев.

События в станице Полтавской повторились и в других станицах Кубани. Всего на «черную доску» было занесено 15 казачьих станиц. Пожалуй, только на Кубани созданию красноармейских колхозов предшествовали трагические события — поголовное выселение (депортация) из станиц местного населения. Так, например, в трех станицах — Полтавской, Медведовской и Урюпинской проживали в общей сложности 47,5 тыс. человек, а выслано было 45,6 тыс.⁶²

За несколько лет до этих событий — в 1929 г. силами военного ведомства было проведено обследование приграничных районов Кубани с описанием «маршрутов». Сохранившиеся в материалах Оперативного управления Штаба РККА документы позволяют воссоздать образ кубанских станиц, не подвергнувшихся еще насилию. О станице Полтавской сказано было следующее: в длину — 7 км, в шири-

ну — 4 км, в радиусе 7 — 8 км, дворов — 3 624, жителей — 17 000, лошадей — 7 000, коров — 3 405, повозок — 1 500. После подробного перечисления количества колодцев, имевшихся в каждом доме, вдобавок к ним было пять общественных и один артезианский с ручным насосом, кузниц (их было 14), лесных складов, мастерских и пр. объектов, в заключении Штаба отмечалось выгодное военно-географическое расположение станицы. Она «раскинулась среди садов, маскирующих дома. Вместимость станицы в летнее время — до двух дивизий, коим можно укрыто расположиться в садах; в зимнее время укрыто расположить можно не более одной дивизии. Станица может быть хорошо использована для круговой обороны». По мнению военных, этому способствовали равнинная местность без деревьев по обе стороны дороги при выезде из станицы, наличие больших садов по сторонам станичных улиц и отсутствие «резких ориентиров». Кроме того, указывалось, что «дорога проходит по сравнительно твердому грунту и легко может объезжаться в случае необходимости по обе стороны». Отмечалось также и качество воды в колодцах — ее было достаточно, но она пахла болотом и была жесткая от присутствия извести. Среди объектов социально-культурного назначения в станице имелись больница на 30 коек, семь школ 1-й и 2-й ступени, в которых обучались до 7 тыс. человек, а также педагогический техникум на 350 человек. Помимо этого имелось 2 электростанции — одна «для кино», вторая — «для освещения на 1 000 лампочек». Кратко была дана и политическая характеристика станицы: «Общее настроение маломощного середняка и бедняка в связи с неурожаем натянутое, но все же политически благонадежное. Красное партизанство было развито сильно — настроение хорошее. Настроение зажиточных середняков и кулаков антисоветское. Основная масса — политически благонадежная»⁶³. Скорее всего, при окончательном принятии решения, какой станице быть первой в этой политической акции, учитывались все факторы — как общехозяйственные, так и географические. Расположение станицы и ее особенности в отношении «круговой обороны» были важны на случай оперативных действий. Напомним, что вооруженное сопротивление сталинскому «новому курсу» на территории Северного Кавказа, в частности на Кубани, было крайне активным.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) и краевой власти о занесении станицы на «черную доску» и последовавшего за ним выселения ее населения Реввоенсоветом СССР была отдана секретная директива от 20 декабря 1932 г. за подписью зам. наркома обороны М. Н. Тухачевского о порядке вербовки, отбора и отправки красноармейцев в станицу Полтавскую⁶⁴. О степени секретности этой директивы можно судить по имеющейся на ней надписи: «Подлежит возврату в секретариат ПУ РККА». Директива имела 12 пунктов. Основными требованиями при вербовке являлись добровольность, тщательный индивидуальный отбор, политическая преданность, дисциплинированность.

При этом указывалось, что отбор должен проводиться из числа «добросовестных колхозников, хозяйства которых находятся на неудобных землях и в условиях малоземелья». Уроженцы Северного Кавказа и Украины вербовке не подлежали. Вербовка шла из числа демобилизующихся красноармейцев 1908 года рождения, а также из числа оставшихся на сверхсрочную службу. Более того, разрешалось вербовать из призыва 1931 г., т. е. 1909 года рождения, с досрочным увольнением в долгосрочный отпуск. В составе завербованных должно было быть не менее 40 % «тщательно проверенных» членов и кандидатов партии и 20 % комсомольцев. Политорганам предписывалось разъяснять завербованным красноармейцам цель их переселения, а также «о передаче им в станице Полтавской всех земель, озимых посевов, строений, инвентаря и скота высленных оттуда» (пункты 2–3). Ответственность за вербовку красноармейцев возлагалась на РВС округа, а также на командиров и военкомов (помполитов) частей и соединений. В отборе красноармейцев должны были участвовать особые отделы, являющиеся представителями органов ОГПУ (пункт 4).

Отметим, что основная масса демобилизованных в 1932 г. к моменту начала вербовки уже была отпущена по домам. Из 313 тыс. подлежащих увольнению к 15 декабря 1932 г. остались в рядах армии только 63 тыс. человек⁶⁵, причем по отдельным округам, намеченным для проведения вербовки, число оставшихся красноармейцев было крайне незначительно. Так, по ЛВО было проведено почти стопроцентное увольнение, по ПриВО осталось около 150 человек, по БВО — около 1 000 человек, по МВО — чуть более 4 000. Наибольшее число красноармейцев оставалось в пограничных войсках — 20 000 человек⁶⁶. Такая поспешность в проведении акции свидетельствует об оперативности принятых в ЦК решений, а также о том, что военное командование не было заранее проинформировано о намечаемых центром действиях.

Согласно директиве вербовка и перевозка красноармейцев должна была быть завершена к 10 января 1933 г. (пункт 5). Отправка завербованных должна была производиться по мере их накопления — отдельными партиями в 35–40 человек и обязательно в сопровождении старшего командного и политического состава. Отправка семей завербованных красноармейцев поручалась райвоенкоматам совместно с органами ОГПУ. Завербованные красноармейцы обеспечивались обмундированием 1-го срока носки, продовольствием на весь путь следования с запасом на семь суток (хлеб, консервы, чай, сахар). При этом все мероприятия, включая и отправку домашнего имущества, и детское питание в дороге, осуществлялись бесплатно (пункты 6–8). Вербовка и отправка осуществлялась без освещения в печати (пункт 12); завербованным также не полагалось говорить в пути следования, куда они направляются. На узловых станциях предписывалось организовать постоянное дежурство для проверки прохождения вагонов и организации необхо-

димой помощи. Ход и результаты вербовки и перевозки освещались в периодических оперативных сводках, которые каждые три дня передавались в Главное управление РККА (пункты 9, 11). Таковы были условия проведения этого специального правительственного задания. Нередко и в документах оно проходило под грифом «особое задание». Интересно, что выполнение «особого задания» проходило, с одной стороны, в условиях повышенной секретности, а с другой — с элементами торжественности. На местах считали, что задание партии и правительства необходимо выполнять под звуки духового оркестра, который придавал особый настрой отъезжающим. Повышенная торжественность политорганами осуждалась, ведь «излишняя торжественность при проходах эшелона привлекала внимание и постороннюю публику», отмечалось в одном из донесений⁶⁷.

Право выполнения правительственного задания было предоставлено только пяти округам: Московскому, Ленинградскому, Белорусскому, Украинскому и Приволжскому. Кроме того, к осуществлению задания были привлечены и войска ОГПУ. Наряды по округам распределялись следующим образом: МВО — 350, ЛВО — 350, БВО — 350, УВО — 250, ПриВО — 200, войска ОГПУ — 1050 человек⁶⁸. С завербованными красноармейцами проводилась соответствующая идеологическая работа. Так, например, были проведены беседы об экономике Северо-Кавказского края, и в частности станицы Полтавской; о роли казаков при царизме и советской власти; о политике партии в вопросах колхозного строительства. Наряду с этим были организованы посещения завербованными сельскохозяйственных музеев, театров, звукового кино⁶⁹. Кроме политического и культурного просвещения завербованным красноармейцам полагались также материальные преимущества. Они снабжались обмундированием, причем отметим, что 1-го года носки; окладом за январь с дополнительными расходами по 100 рублей; питанием на время пути следования. Несомненно, что все это преследовало одну цель — красноармейцы не должны были усомниться в правильности проведения политики коллективизации и борьбы с кулацким саботажем.

Донесения политуправлений военных округов свидетельствуют о том, что общие настроения при вербовке красноармейцев были «на достойном идеологическом уровне» — в целом «драться за социализм»⁷⁰. Однако были и сомнения, и негативные высказывания. Так, например, отмечались случаи, когда подавались заявления с целью досрочного ухода из армии: «...осточертела эта служба — поедем и мы в колхоз», а далее приписка — из списков завербованных вычеркнут⁷¹. Среди начсостава имелись такого рода разговоры: «Хитро делают — комсостав не берут, а ведь это отличный случай для демобилизации»⁷². В донесениях можно встретить и более негативную реакцию с оценкой самой политики партии: «Выселение — это аракеевский прием, и линия партии

неверна. Нужно классовое сотрудничество, а вы (т. е. политруки) без всякой критики, как буквоеды, выполняете все, что вам говорят»⁷³, или: «Вот дохозяйничались, теперь хоть военные поселения устраивай, ведь этот колхоз не зря из красноармейцев набирают — это вооруженный отряд, который все будет подавлять. Агитацией не поможешь, теперь силой давай. Я при удобном случае расскажу, что колхоз значит». Интересно, что на полях политдонесения напротив этого высказывания имеется помета зам. начальника ПУ РККА: «Почему не арестован»⁷⁴.

Среди отложившихся в архиве документов сохранилось несколько писем красноармейцев, приехавших в станицу и написавших о своих впечатлениях домой или в свою часть. Автор одного письма, красноармеец, пишет: «...Я попал туда, куда мечтал давно. Вот тут и есть, как мне кажется, самая настоящая жизнь... Если пожелаете работать и пить виноградное вино, то просим, пожалуйста»⁷⁵. В другом письме приехавший в станицу родственник завербованного красноармейца пишет к брату в Осташков: «Село такое, как наш город, даже еще больше. Земли столь много, что не охватишь и глазом, равно земля черная и никакого удобрения и навоза не требуется»⁷⁶. Автор этого письма в восторге не только от полученной земли, но и от полученного хозяйства, о котором он не мог и мечтать в своем городишке: «Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе у нас есть русская печь, топим дубовыми дровами... В нашем доме было оставлено 3 стола, койка деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды... хорошая собака, кошка, скамеек 4 штуки — не такие, как у нас, а лучше много раз, а богов и икон так много, что печки топим»⁷⁷. На копии приведенного письма имеется резолюция зам. начальника Политического управления РККА: «Сохранить как материал для отчета в ЦК». Видимо, благодаря столь явным восторгам это свидетельство из прошлого дошло не только до ЦК, но и до потомков.

Каковы же были те, кто ехал в станицу «строить бесклассовое социалистическое общество»⁷⁸. Большинство из едущих были малообеспеченные и неимущие крестьяне. Напомним, что это предусматривалось условиями вербовки. В донесениях политуправления МВО отмечалось, что 75 % едущих с двух-трехлетним колхозным стажем, из которых значительная часть были бывшие организаторы колхозов, председатели и члены правлений колхозов, бригадиры. Из них партийная прослойка составляла 59,1 %, а комсомольская — 34,4 %⁷⁹. Из мотивов, побудивших ехать в колхоз, указывались лишь два: 1) сознание политической целесообразности и необходимости и 2) экономические соображения. Под последними подразумевались малоземелье, неудобные земли, плохие постройки или отсутствие таковых. Приведем несколько примеров, характеризующих настроения едущих в станицу красноармейцев: «Нам рассказали, что кулаки разложили колхозы... Мы будем зорко глядеть, там еще кое-где в дырках засели кулаки, всех повытравим» или: «Мы

знаем колхозную работу. До Красной Армии тоже в колхозе были. Знаем поганую работу кулака. Нас не возьмешь просто, мы кое-чему научились еще и в Красной Армии»⁸⁰.

Для воссоздания социального портрета завербованных не последнее место занимает география их местожительства до призыва в армию. К сожалению, в сохранившихся списках завербованных эта информация отсутствует. Однако недостающие пробелы можно частично восполнить при использовании сводок об отправке семей красноармейцев. Переселению семей красноармейцев уделялось большое внимание, так как только с приездом семьи можно было надеяться, что красноармеец будет крепко устраиваться и никуда не уедет. Переездом семей занимались местные органы НКВМ и ОГПУ. В случае если семья отказывалась ехать — а такие отказы были — с ними проводилась разъяснительная работа как партийными, так и колхозными органами. Несмотря на проводимую работу, 139 семей все-таки остались на своих местах.

Сводки о перевозке семей лаконичны — информация о месте формирования эшелона, о числе отправляемых вагонов, о количестве отправляемых семей, но этого достаточно, чтобы узнать, где проживали завербованные красноармейцы. К примеру, в одной из сводок приводится такая информация: с территории ЛВО намечалось к отправке 150 семей, из Вятки — 78, из Вологды — 26; с территории БВО — из Брянска — 49 семей; с территории ПриВО — 218 семей, из Казани и Пензы — по 2 вагона, из Сызрани — 4, из Свердловска — 5, из Балашова — 6. В МВО пунктами формирования эшелонов были Глазгов, Горький, Белгород, Валуйки, Становой и др. По МВО количество перевозимых семей завербованных достигало цифры 380. Формировались также эшелоны в Саратове, Смоленске, Бологом⁸¹. В одном из донесений политуправления МВО говорилось, что большинство завербованных — выходцы из Центрально-Черноземного района, Московской и Уральской областей с семейным положением в два и более членов семейств⁸². В итоговой сводке Главного управления РККА на 9 февраля 1933 г. приводились следующие цифры по итогам перевозок семей завербованных. К этому числу намечалось к перевозке 1016 семей, из них по округам: МВО — 377, ЛВО — 150, ПриВО — 225, БВО — 236, УВО — 28. Однако на данное число в станицу Полтавскую прибыли 315 семей, находились в пути — 420, отказались — 139⁸³.

Семьям разрешалось везти с собой скот, продукты, зерно, картофель, домашнюю утварь. В дороге силами военной кооперации для красноармейцев было организовано бесплатное питание, а для семей на узловых станциях были организованы горячие обеды — «из 2-х блюд с мясным»; «щи на мясном бульоне, шницель»; в ряде случаев по удешевленным ценам (на ст. Бологое — 35 коп., в Москве — 1 руб. 35 коп.); детям выдавалось: манный суп, манная каша с молоком на сливочном масле. Кроме того, на детей выдавалось — 1 кг конфет, 100 г масла животного,

1 кг печенья, 1 кг белого хлеба, 1 л молока⁸⁴. Все эти гастрономические подробности, содержащиеся в отчетных материалах политорганов, — лишнее свидетельство тому, как продуманны были средства воздействия на вербовавшихся. В условиях уже начавшегося голода мясные щи или шницель, сытная каша для ребенка становились самыми вескими агитационными средствами. Переселение красноармейцев и их семей в станицу было в основном завершено к 25 февраля 1933 г.⁸⁵

Что же представляла из себя станица после выселения местного населения? Крупицы этих бесценных на сегодняшний день сведений можно найти в тех же материалах политорганов. В уже цитируемом нами письме завербованного красноармейца имеются такие строки: «Идешь по улице станицы — заборы и стены, все исписано лозунгами. Сейчас станицу никак не отличишь от 17–18 годов — аресты, ссылки, обыски. Это началось с того, что казачество, большинство зажиточное, из этой станицы во время революции было оплотом белозеленых банд, и они, т. е. кулачье, взяли в свои лапы власть Советов и партийную организацию, объявили хлебный бойкот Советской власти. Все виды заготовок выполнены на 7 %. Пшеница, которую сняли для того, чтобы не сдавать, сыпали в колодцы, зарывали в землю. В общем, полная контрреволюция. Вот партия нас послала как коммунистов для ликвидации и устранения этого саботажа. Мы за несколько дней нашли 475 ям с пшеницей, отобрали 1280 сабель, 50 пик, около 200 винтовок, 700 наганов и десятки ящиков патронов различных систем. За это станицу выслали на Соловки — 2250 семей, или 12500 человек, порядочное количество казаков уже расстреляли и много подлежит расстрелу...», и далее: «Станица Полтавская на военном положении. Все делается по приказанию коменданта, без пропуска из станицы не выпускают, до 12 января хождение по улицам — до 10 часов вечера, попавшие позднее 10 часов отправляются к коменданту (вообще красота — кто не понимает)»⁸⁶.

К сожалению, в сохранившихся архивных материалах отсутствуют сведения о социальном составе выселенного местного населения станицы Полтавской. Однако такие сведения имеются по другой станице — Медведовской, заселение которой красноармейцами началось в первых числах февраля 1933 г. Приведем эти цифры, чтобы представить социальный состав выселяемых жителей. Всего из станицы Медведовской было выселено 888 семей (хозяйств), или 4018 человек. По социальному составу высланные представляли: кулаков — 714, середняков — 170, бедняков — 4, по политическому прошлому: белых офицеров — 2, палачей — 17, белобандитов — 60, родственников репрессированных — 387, родственников белогвардейцев — 100, репатриантов — 8, карателей — 30, имеющих родственников за границей — 28, служивших у белых — 256. Кроме того, органами ОГПУ из станицы было изъято с ноября 1932-го по март 1933 г. 1013 человек, из них к

высшей мере были приговорены: 125 человек — крайполиттройкой и 33 — сессией крайсуда, остальные — в основном к 10 годам концлагерей. Среди изъятых органами ОГПУ по социальному положению было: кулаков — 621, середняков — 190, бедняков — 15, служащих — 33, интеллигентов — 6; по политическому прошлому: белых офицеров — 8, репатриантов — 8, палачей — 25, карателей — 87, бандитов — 142, имеющих родственников за границей — 35, родственников репрессированных — 283, служивших у белых — 277⁸⁷.

Хотя подробные сведения отсутствуют по Полтавской, но отдельные вкрапления столь важной для потомков информации все же можно найти в архивных материалах. Правда, эта информация содержится в документах, вышедших из недр различных ведомств, в связи с чем данные требуют сравнительного анализа. Так, например, ПП ОГПУ Северо-Кавказского края сообщал 22 декабря 1932 г. в НКВМ следующие цифры о средней урожайности в станице Полтавской: озимой пшеницы — 12 центнеров с га, ячменя — 15, кукурузы — 15, овса — 6–7 при возможном хорошем урожае соответственно 22–25, 22, 30–35, 10–12. В той же справке указывалось количество жилых свободных построек: около 2 тыс., хозяйственных — 1 550⁸⁸. Через несколько дней, 27 декабря, из Ростова-на-Дону в Наркомзем СССР была направлена телеграмма, копия которой отложилась в материалах Политуправления РККА. В ней характеристика станицы Полтавской была следующая: хозяйств — 3 581, из них колхозных — 1 158; населения — 21 016, из них в колхозах — 4 384; посевной площади — 14 990 га, в том числе в колхозах — 11 233; скота в колхозах: рабочих лошадей — 1 042, рабочих волов — 389⁸⁹. Наконец, третьим источником с подобного рода информацией был доклад ПУ МВО по результатам выполнения «особого задания». В нем указывалось: население станицы до выселения — 16636 человек и 2954 хозяйства, после выселения — около 600 хозяйств (2 переселенческие коммуны и красные партизаны). Основные культуры — пшеница, ячмень, подсолнух (40 %), кукуруза, рис, огородные культуры (15 %), садоводство и виноградарство. Средняя урожайность пшеницы — 200 пудов с га. При этом указывалось, что площади фруктовых садов и огородов — от 0,4 до 2 га. После выселения в домах оставались вся мебель, скот, с/х инвентарь. Все это переходило к новым хозяевам, приехавшим организовывать новые колхозы и новую жизнь.

На первых порах в организации колхозов активно помогали армейские структуры. В станице была организована выездная редакция газеты «Красноармейская звезда» (органа партбюро N-го полка), расположившаяся по адресу: ст. Полтавская, ул. Красная, 69. Среди архивных материалов сохранилось девять номеров этой газеты (№ 1–9) за январь 1933 г. Лозунги и заголовки передовиц говорят сами за себя: «В позорной станице создать большевистские урожайные колхозы» (№ 1), «Станицу Полтавскую переименовать в село Красноармейское»

(№ 2), «До выборов станичного комитета осталось три дня» (№ 3), «Долой обезличку — бич коллективного хозяйства» (№ 5), «Каждому колхозу — стенгазету, бригаде — ильичевку» и прочие⁹⁰. Вместе с красноармейцами в станицу приезжали политработники и комсостав, которые помогали организовать работу на начальном этапе. Учитывая уровень правительственного задания, станицу посетили неоднократно и сотрудники ПУ РККА. Некоторые части, отправляя добровольцев в Полтавскую, снабжали их не только дополнительными продуктами, но и столь необходимыми в разоренной станице предметами культпросветимущества — кинопередвижки, радиочемоданы, гармошки, пластинки, балалайки, мандолины, шашки, домино и, конечно же, литература, вплоть до чистой бумаги для написания писем⁹¹.

К весне 1933 г. в станице имелось уже 2300 красноармейских хозяйств, причем среди красноармейцев были и такие, которые «перетаскивали сюда» до 12 членов семей. Начальник ПУ СКВО С. Н. Кожевников в апреле 1933 г., докладывая начальнику ПУ РККА Я. Б. Гамарнику о настроениях красноармейцев-переселенцев, на основании личных впечатлений отмечал, что работают они с подъемом и толково, «сумели поставить на ноги коня (до безобразия запущенного — “смертника”)⁹². Его вывод был таков: «Нужно сказать, что основная масса красноармейцев осела». Такое же «хозяйственное настроение» отмечалось им в отношении остальных членов семей: «Взрослые все в поле (мужчины главным образом ночуют там). Старики ходят с молотками и топорами и подбивают гвозди, чинят, приводят в порядок свое приусадебное хозяйство. Женщины, ребятишки по садам копошатся — подрезают сучья, окапывают деревья, очищают запущенные усадьбы. Это... говорит о том, что люди хотят закрепиться и жить “по-хозяйски”⁹³. В добавление к мнению политработника приведем высказывание красноармейца-переселенца, взятое из письма его к военкому: «... Чувствую, что в работе произошел большой перелом. Работал ведь я и до армии, но теперь появилась какая-то решительность, самоуверенность в начатое дело, в его победу и твердость, которой не хватало. Красная Армия на 100 % ворочает человека»⁹⁴.

Однако не все были подвержены столь сильному воздействию армии. Были и иные настроения среди переселенцев, особенно отмечались «остро нездоровые» настроения среди пограничников. В одном из донесений за январь 1933 г. говорилось, что «13 человек уже отсюда отправлены, на очереди еще 15, но с этим не заканчивается». Против этих строк на полях донесения зам. начальника ПУ РККА написал: «Немедленно разыскать этих дезертиров и привлечь к ответственности»⁹⁵. Дезертиры, не только косвенные, но и конкретные, были. К апрелю 1933 г. число дезертировавших из станицы доходило до 40, как уточнял начальник ПУ СКВО С. Н. Кожевников в приводимой уже докладной записке, «главным образом за счет красноармейцев-пограничников». Около

150 человек причислялись к косвенным дезертирам — те, кто «написал своим семьям, чтобы те не приезжали, в надежде — раз не придет семья, значит, меня осенью отпустят». В большинстве своем это были красноармейцы из числа досрочно демобилизованных, но не имеющих пока прав «быть вольным гражданином», это право они приобретали только после полного окончания срока службы.

Причины «возвращенческих» настроений среди красноармейцев вытекали в основном из трудностей быта — недостаточное питание, особенно детей. Глава семьи получал 800 граммов хлеба в день, а члены семьи — 400, при этом практически отсутствовали крупы, жиры, не хватало овощей. Но были и другие причины, из-за которых люди решались на такой серьезный шаг, как дезертирство.

Показательна в этом отношении служебная записка начальника ПУ ЛВО И. Е. Славина, адресованная начальнику ПУ РККА Я. Б. Гамарнику, от 8 апреля 1933 г. (52сс): «В последнее время комиссары частей округа получают значительное количество писем от б[ыв.] красноармейцев, посланных в колхозы Северного Кавказа (ст. Полтавская и Уманская) с жалобами на голод, недостаток питания и т. п. Это создало среди некоторых красноармейцев тягу к уходу из колхозов и даже желание возвращения обратно в свои части. Военские части никакой реальной помощи в продовольствии до урожая оказать не могут. Препровождая копии нескольких писем, считал бы необходимым оказание централизованной правительственной помощи в улучшении продовольственного положения указанных колхозов. Приложение: письма из ст. ст. Полтавская и Уманская (на 10 листах)»⁹⁶.

Среди материалов политорганов сохранилось письмо одного из «дезертиров», оставленное им товарищам. Приведем его почти полностью, с сохранением стиля; видимо, при перепечатке — а оно сохранилось в копии — или из-за волнения автора ключевое слово «не смогу» оказалось без приставки «не». Обращаясь к товарищам красноармейцам, он писал: «Я решил вас покинуть из-за своей паскудной семьи, которая отказалась приехать ко мне в колхоз... на новую форму жизни. Но, дорогие товарищи, ввиду ихних престарелых годах я [не] смогу их бросить на произвол судьбы, т. к. они меня вырастили до совершенствующих годов. А самое главное, я не намерен бросить жену и малого ребенка, который еще нуждается в отцовском воспитании. Я решил вас покинуть, т. е. сделаться врагом социализма на сегодняшний день, еще раз повторяю, что только на сегодняшний день. А в дальнейшем, т. е. по приезду в свой колхоз, я тоже буду строителем социализма, так же, как и вы»⁹⁷. Эта записка-письмо — своеобразное свидетельство протеста простого красноармейца против стремления властей превратить его в «винтик» своей политики. Использование им грубого слова можно рассматривать как средство прикрыть свою незащищенность против насилия.

«Отрицательные» настроения отмечались политорганами и среди приехавших женщин и стариков. В неоднократно цитируемой нами докладной записке С. Н. Кожевникова говорилось о причинах этих настроений: «Люди с севера, из Белоруссии, привыкли жить в деревянных избах, с деревянными полами, а тут мазанки и глинобитный пол. Поэтому грязно. Не знают, как заделать выбоины в полу. Хозяйки, так те “тоскуют” по русской печи. Не завели еще своего личного хозяйства — кур, корову (“живности нет”). Это не только “тоска” по “своему” куренку, по “своей” корове. Дело в том, что отсутствие всего этого отражается на питании, особенно детей... На этой почве у некоторых были целые семейные “трагедии”. Разводились — жена с ребятишками уезжала обратно, а сам оставался (два таких случая было)»⁹⁸.

Была и другая причина «отрицательных» настроений переселенцев — это взаимоотношения с местным населением. Несмотря на практически поголовное выселение населения, особенно мужского, в станице все же осталась часть коммуны им. Фрунзе. Как отмечалось, хотя «казачья часть» была «сильно разбавлена», имелись случаи поджогов, побоев, воровства и грабежа со стороны местного коренного населения. «Боязнь казаков» особенно отмечалась среди стариков, которые говорили: «Как бы казаки не возвратились и нам не попало»⁹⁹. О степени «боязни» можно судить по предложению, с которым С. Н. Кожевников закончил свой доклад руководству ПУ РККА: «Народ требует, чтобы им выдали кое-какое оружие. Со своей стороны считаю, что оружие дать им нужно, и прошу Вашего разрешения выдать им кое-что из забракованного оружия для самообороны»¹⁰⁰. Ответ ПУ РККА на поставленный вопрос нам неизвестен. Его нет и среди материалов архивного дела, в котором собраны воедино материалы по заселению красноармейцами кубанских станиц в 1932–1933 гг. Но есть другой, который вытекает из всего нами изложенного. Главный вывод истории — насилие всегда порождает новое насилие, оно никогда не остается без ответа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Красная армия в середине 1920-х гг., хотя и именовалась рабоче-крестьянской, более чем на $\frac{2}{3}$ по социальному составу являлась крестьянской. По данным на весну 1925 г., армия имела в своем составе: крестьян — 72,5 %, рабочих — 16,7, прочих — 10,8 %. Количественные показатели соответствовали следующим цифрам: крестьян — 369 000 человек, рабочих — 84 673 человек, прочих — 55 370 человек¹. Итоги военной переписи 1926 г. показали дальнейший, хотя и незначительный рост численности крестьян в составе армии. По данным на 17 декабря 1926 г., армия имела в своем составе: крестьян — 77,4 %, рабочих — 15,1, прочих — 7,8 %.

Перепись 1926 г. позволила впервые представить Красную армию по признаку — положение в промысле или занятии. Отдельно выделенной группы «крестьяне» условиями переписи не предусматривалось. Наряду с группами «рабочие» и «служащие» предусматривались «хозяева» и «прочие». К числу «рабочих» относились все лично занимавшиеся физическим трудом по найму, хотя бы они и происходили из крестьян; в группу «прочие» были отнесены в том числе лица и члены семьи, помогающие в сельском хозяйстве. Таким образом, крестьяне вошли прежде всего в группу «хозяева», которая составила достаточно высокий процент — 18,1 %, а также частично в группу «прочие», имеющую такой же немалый показатель — 49,2 %. Предварительные итоги переписи РККА, опубликованные в 1927 г., свидетельствовали о значительном присутствии крестьян среди личного состава военнослужащих. Причем, что немаловажно — не только по происхождению, но и по работе до призыва в армию.

Проведенное реформирование армии в середине 1920-х гг. и окончательный переход к смешанной системе войск определили новые принципы комплектования армии, предусматривающие сочетание элементов устройства постоянной кадровой армии с территориальными частями, организованными по принципу милиционной армии. Переход на смешанную систему комплектования позволил пропускать через армию большую часть призывного контингента, составляющего наиболее активную часть мужского населения страны в возрасте от 21 до 40 лет.

Из десяти военных округов (объединений), существовавших на территории СССР к 1930 г., только два были полностью кадровыми — САВО и ОКДВА; два — полностью территориальными — ПриВО и СибВО; к ним же относился и МВО, в составе которого действовала только одна кадровая дивизия; пять округов — ЛВО, БВО, УВО, СКВО, ККА, имели в своем составе как кадровые, так и территориальные дивизии.

Таким образом, смешанное устройство Красной армии способствовало военизации населения через систему сборов при территориальных частях. Учитывая, что большая часть районов сплошной коллективизации и раскулачивания находилась на территории военных округов, имеющих в своем составе территориальные формирования, крестьянское недовольство могло стать серьезной проблемой не только для власти, но и армии.

Красная армия к середине 1920-х гг. представляла собой достаточно стабильную в политико-моральном отношении общность людей. Влившийся в армию молодняк 1903 г. рождения отличался политической активностью и желанием получить в армии «известный круг знаний, и притом таких, которые могли бы принести пользу после выслуги положенного срока». Причем среди молодняка многие были активистами еще до призыва в армию. Реформирование армии способствовало повышению статуса ее в обществе, особенно среди крестьянской части. Расширение территориального строительства усиливало связи между армией и крестьянством. Среди молодого пополнения крайне незначительным было распространение «крестьянских» и «налоговых» настроений.

Переход к насильственным методам в аграрной сфере отразился на настроениях личного состава Красной армии, особенно рядового и младшего комсостава, проявившись в усилении «крестьянских настроений». В основе этих настроений лежала позиция крестьян-красноармейцев, которые либо поддерживали, либо не поддерживали мероприятия власти в отношении деревни. Сущность «крестьянских настроений» составляли вопросы, являющиеся основными для жизнедеятельности деревни: размеры хлебозаготовок; товарные отношения на рынке; цены на хлеб; снабжение деревни промышленными товарами; размеры с/х налога и самообложения. С развертыванием колхозного строительства и проведением массового раскулачивания к ним добавились вопросы «перегибов» при осуществлении этих мероприятий. По мере развертывания борьбы с кулачеством на смену «крестьянским настроениям» пришли «кулацкие настроения». Переименование «настроений», примененное соответствующими органами в угоду политической ситуации в стране, не изменило их сути.

Субъектом — носителем «крестьянских настроений» могли быть представители трех социальных групп крестьян, проходящие службу в

армии (крестьяне-бедняки, крестьяне-середняки и крестьяне-кулаки). В зависимости от периода роль каждой из социальных групп могла либо усиливаться, либо понижаться. Несмотря на всплески и колебания, наблюдающиеся в различные периоды в 1928–1931 гг., настроения красноармейских масс были нейтрализованы совместными усилиями и конкретными мероприятиями различных органов.

При переходе к политике ликвидации кулачества как класса Красная армия была выведена из-под удара этой политической кампании — семьи красноармейцев не подлежали раскулачиванию. Уступки эти были вызваны рядом причин. Среди них не последнее значение имел крестьянский состав Красной армии, особенно ее территориальных частей, составлявший большинство внутренних военных округов. Эти части представляли для власти наибольшую угрозу, так как получали доступ к оружию на время сборов. Уступки со стороны власти выразились в запрете на раскулачивание крестьянских семей, члены которых находились на службе в Красной армии. Развитие событий, когда переменники и бывшие красные партизаны стали активно участвовать в крестьянских выступлениях, заставили власть расширить круг лиц, не подлежащих раскулачиванию. Со временем к ним были причислены и красные партизаны.

Однако, избежав одной кампании, армия была вовлечена в другую, нацеленную на «изъятие социально чуждых элементов» из ее рядов. «Чистка» армии, начавшаяся летом 1928 г. как секретная акция, со временем превратилась в постоянную кампанию, проводившуюся в последние годы и сыгравшую не последнюю роль в достижении стабильности внутри Красной армии. Важно отметить, что «чистка» армейских рядов проходила одновременно с «чисткой» внутри деревенского сообщества, когда значительные группы лиц лишались гражданских прав, становясь «лишенцами». Призывные комиссии на местах строго следили за социальным лицом призывников. Таким образом, «просочиться» через призыв или сборы в армейские ряды «социально чуждым элементам» становилось все труднее, а со временем и невозможно. При борьбе с «искривлениями» весной 1930 г. было отмечено наибольшее число нарушений в этом направлении.

При осуществлении мероприятий по ликвидации кулачества как класса силовые функции Красной армии были задействованы только в приграничных районах страны, где могла возникнуть угроза ее безопасности. Армия — в виде отрядов или усиленных групп — была оставлена в качестве резерва на случай чрезвычайных ситуаций. Исследование показало, что в массе своей армия как вооруженная сила не была использована против крестьянских выступлений, хотя примеры несанкционированного привлечения военнослужащих имелись по всем военным округам.

Военное руководство требовало от командования военных округов соблюдать существующий порядок привлечения частей Красной

Армии на «внутреннем» фронте, изложенный в приказе РВС СССР 1926 г. Оно осуждало действия армейских частей, участвующих в раскулачивании или подавлении крестьянских выступлений. Известно, что события в Медвине в январе 1930 г. и действия командования СКВО в марте 1933 г. вызвали со стороны военного руководства целый ряд директив, подтверждающих существующий порядок использования армейских частей на «внутреннем» фронте.

Отметим, что позиция автора в вопросе определения степени участия армии в осуществлении насильственных действий в деревне была неоднозначной на разных этапах исследования. На первом этапе, когда только началось выявление архивных материалов для документальных изданий, о которых говорилось в работе, автор вместе с другими своими коллегами считал, что армия была инструментом подавления крестьянских выступлений в период проведения коллективизации и раскулачивания. Однако поиск в архивах не дал документальных подтверждений этой версии. Наоборот, документы свидетельствовали о том, что роль исполнителя политических решений по раскулачиванию была отведена другой силовой структуре — органам ОГПУ и подчиненным им войскам ОГПУ. Они же осуществляли и подавление крестьянского сопротивления. Проведенное нами исследование не только подтверждает этот вывод, но и уточняет его.

В январе 1930 г., когда власть распределяла главные роли в глобальной «политической» трагедии, Красной армии была отведена ведущая роль во втором составе исполнителей — в процессе советизации советской деревни. При осуществлении сплошной коллективизации деревни Красная армия рассматривалась как политическая сила, способная привлечь на сторону власти значительные массы крестьянства. Внутрармейская система подготовки специалистов для колхозов способствовала формированию их кадрового потенциала всех уровней от низшего до высшего — специалистов, «способных руководить не только колхозами, но и отдельными отраслями работы в них». Более того, возможности Красной армии были задействованы властью в организации новых колхозов, особенно в приграничных районах страны. В настоящее время известна и менее благовидная роль Красной армии — в организации переселения красноармейцев в станицы Кубани, население которых было депортировано в 1932–1933 гг. за «саботаж» и «срыв» хлебозаготовительной кампании.

В целом задача, поставленная властью перед политорганами Красной армии, была выполнена. Напомним слова начальника Политического управления РККА А. С. Бубнова, который еще в самом начале трагических событий — в марте 1928 г. указывал армейским политорганам: «Всю работу по укреплению политико-морального состояния РККА политсостав и парторганизации должны вести, учитывая, что Красная Армия является крупнейшим фактором в деле проведения политики

партии в деревне и укрепления ее влияния среди масс батраков, бедняков, середняков». Действительность неоднократно подтверждала это.

Обратим внимание, что в один день — 30 января 1930 г., вышли два постановления, определяющие будущее деревни. Первое — постановление Политбюро ЦК ВКП(б), задающее направление всей будущей работе и нацеленное на ликвидацию кулачества как класса. Второе — от имени РВС СССР, определяющее степень участия Красной армии в подготовке новых колхозных кадров для обновленной советской деревни. Не стоит сомневаться в едином указующем персте обоих постановлений, учитывая, что РВС СССР являлся военно-политическим органом, а ПУ РККА действовало в составе военного ведомства на правах отдела ЦК ВКП(б). Подтверждением сказанного может служить первый пункт постановления РВС СССР об участии Красной армии в колхозном строительстве: «Готовить всю массу красноармейцев и младшего начсостава для активного участия в строительстве социалистической деревни, в массовом колхозном строительстве и ликвидации кулака как класса. Уже в текущем году необходимо добиться, чтобы все 100 % красноармейцев и младших командиров — крестьян, увольняемых из РККА, были вовлечены в колхозы. Эта задача должна пронизать содержание партийно-политической работы в течение всего периода пребывания красноармейцев и младшего начсостава в рядах РККА. В соответствии с этим Политическому управлению немедленно перестроить политическую работу (агитацию, пропаганду, печать, клубы и т. д.)»² Как видим, степень вовлечения армии в политические планы крайне высока — «вся масса»; «все 100 %». Обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Постановление РВС СССР в отличие от секретного постановления Политбюро было опубликовано 1 февраля 1930 г. в центральной печати — не в специальной военной, каковой являлась газета «Красная Звезда», а в центральном органе исполнительной власти — газете «Известия». Заметим также, что подписавший данное постановление К. Е. Ворошилов был указан только первой частью своей должности — председателем РВС СССР; вторая часть его должности — народный комиссар по военным и морским делам, была опущена. Думается, что в этих, на первый взгляд, мелочах и совпадениях присутствовала логика и воля главного инициатора всего «нового курса».

Парадокс ситуации состоял в противоречивости указаний и действий, вытекающих из установок. С одной стороны, военное руководство постоянно напоминало своим подчиненным о прямых обязанностях, которыми должна заниматься армия — о боевой подготовке. В том же постановлении РВС СССР от 30 января 1930 г. говорилось: «Ни одного часа, ни одной минуты за счет боевой подготовки! Больше внимания делу боевой подготовки!» С другой стороны, подготовка колхозных кадров внутри армии требовала значительного времени, которое приходилось выкраивать за счет главной задачи армии. Известно,

что после постановления РВС СССР работа по подготовке колхозных кадров была построена на систематическом обучении красноармейцев и младшего состава последнего года службы необходимым навыкам при стопроцентном охвате.

В завершение отметим, что власть, опираясь на различные структуры и используя различные средства, смогла удержать под своим контролем ситуацию в Красной армии, не позволив превратиться угрожающей волне «крестьянских настроений» в шторм. Несомненно, что в этом большая заслуга принадлежала армейским политорганам, которые в своей работе использовали весь арсенал форм и методов воздействия и воспитания на красноармейцев, накопленный в годы Гражданской войны и последующие. Несмотря на серьезные недочеты в их работе, присутствующие на начальном этапе, в 1928 г., позитивный результат был налицо.

Своеобразная победа в армейской среде была важнейшим залогом победы всего «нового курса» в деревне и по праву сравнима со стратегическим сражением, определяющим исход боевых действий. Иначе трудно объяснить тот факт, что ни резкое усиление «крестьянских настроений», ни карательные меры, как внутри армии, так и в деревне, ни массовые выступления крестьян, ни даже голод 1930-х гг. не привели к взрыву, как это было в 1921 г., способному заставить власть отказаться от своих планов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ В апреле 1918 г. был установлен нагрудный знак для красноармейцев и командиров Красной армии — пятиконечная звезда из красной эмали с золотыми лучами, в центре которой были изображены плуг и молот; звезда располагалась поверх венка из дубовых и лавровых веток. Вскоре нагрудный знак в виде красной звезды был преобразован сначала в красноармейский значок, а с июля 1918 г. в значок-кокарду (приказы Народного комиссариата по военным делам от 7 мая № 321 и от 29 июля 1918 г. № 594). В соответствующем приказе Народного комиссариата по военным делам предписывалось в обязательном порядке носить красноармейский значок-кокарду всем красноармейцам. После окончания Гражданской войны ношение нагрудного знака было отменено приказом РВСР от 29 мая 1922 г.

Глава 1. Историография. Источники.

Архивные документы

- ¹ Помимо общеизвестных работ Л. Д. Троцкого заслуживает внимания его книга, изданная в России спустя много лет. В ней содержится глава, анализирующая социальный состав Красной армии. См.: *Троцкий Л.* Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.
- ² *Вишняков Н. П., Архипов Ф. И.* Устройство Вооруженных Сил СССР. М.: Военный вестник, 1927. Изд. 3-е, исправленное и дополненное по 15 мая 1927 г. 384 с.; *Малиновский Л. П., Стуцка К. и Смородинов И.* Милиционнo-территориальное строительство. М.: Военный вестник, 1927; *Таль Б.* История Красной Армии: Краткий общедоступный очерк. М., 1929; *Мовчин Н.* Комплектование Красной Армии (Исторический очерк). Изд. Управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА, 1926. 292 с.
- ³ *Конюховский В. И.* Борьба Коммунистической партии за укрепление Красной Армии (1921–1941 гг.). М., 1958; *Кузьмин Н. Ф.* На страже мирного труда (1929–1940 гг.). М., 1959.
- ⁴ *Душенькин В. В.* От солдата до маршала. М., 1960; *Командарм Якир.* Воспоминания друзей и соратников. М., 1963; *Бабенко П. М.*

- И. Э. Якир (Очерк боевого пути). М., 1964; *Салехов Н. И.* Ян Борисович Гамарник (Очерк о жизни и деятельности). М., 1964; *Обертас И. Л.* Командарм Федыко. М., 1965; *Паиков Д. В.* Комкор Эйдеман. М., 1965; *Тодорский А. И.* Маршал Тухачевский. М., 1966; *Севастьянов В., Егоров П.* Командарм первого ранга Уборевич. М., 1966.
- 5 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967–1970. Т. 3–5; История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1973–1974. Т. 1–3; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968; Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978; Партия и армия. М., 1977; В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. М., 1980; КПСС и военное строительство. М., 1982.
- 6 *Бабаков А.* Советские военные округа (К истории строительства)//ВИЖ. 1982. № 9; *Берхин И.* О территориально-милиционном строительстве в Советской Армии//ВИЖ. 1960. № 12. С. 9–19; *Данилов В.* Строительство центрального военного аппарата в 1924–1928 гг.//ВИЖ. 1972. № 6. С. 80–86; *Данилов В.* Создание Штаба РККА (февраль 1921 г. – март 1924 г.;//ВИЖ. 1977. № 9. С. 85–89; *Данилов В.* От Штаба РККА к Генеральному штабу Рабоче-Крестьянской Красной Армии (1924–1935 гг.)//ВИЖ. 1978. № 8. С. 101–106; *Иовлев А.* Техническое перевооружение Красной Армии в годы первой пятилетки//ВИЖ. 1964. № 12. С. 3–13; *Павленко Н.* Некоторые вопросы развития теории стратегии в 20-х годах//ВИЖ. 1966. № 5. С. 10–26; *Ростунов И.* Советская военная историография в межвоенный период. ВИЖ. 1967. № 11. С. 86–93; *Ростунов И.* У истоков советской военной историографии. ВИЖ. 1967. № 8. С. 84–96; *Ростунов И.* О начальном этапе развития советской военной историографии (1917–1923 гг.).
- 7 *Берхин И. Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. 660 с.
- 8 *Данилов В. Д.* Органы руководства Советскими Вооруженными Силами. 1921–1941. М., 1982. 382 с.
- 9 *Иовлев А. М.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976.
- 10 Очерки советской военной историографии/Под ред. П. А. Жилина. М., 1974.
- 11 *Вырвич А.* Красная Армия в борьбе с неграмотностью. М., 1925. *Деттерев Л.* Политработа в Красной Армии. М.; Л., 1926; *Баренцев Г. Л.* Сохранение и организация политического воспитания Красной Армии. Л., 1927; *Геронимус А.* Партия и Красная Армия: Исторический очерк. М.; Л., 1928; *Савко Н.* Очерки по истории партийной организации в Красной Армии. 1918–1923 гг. М., 1928; *Славин И.* Общие основания политической работы в Красной Армии. М.; Л., 1928; *Коробочкин И.* Основы политического воспитания Красной Армии. Л., 1930;

- Евдокимов Е. Л.* Политические занятия в Красной Армии. Л., 1933 и др.
- 12 *Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918–1973 гг.): Исторический очерк.* М., 1974; КПСС и военное строительство. М., 1982.
- 13 *Ключков В. Ф.* Красная Армия — школа коммунистического воспитания советских воинов. 1918–1941. М.: Наука, 1984; *Колычев В. Г.* Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны, 1918–1920. М., 1979; *Петров Ю. П.* Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота. М., 1968; *Сувениров О. Ф.* Коммунистическая партия — организатор политического воспитания Красной Армии и Флота. 1921–1928. М., 1976.
- 14 *Беджанян Р. М.* Коммунистическая партия — организатор активного участия Красной Армии в социалистическом строительстве (1918–1932 гг.). М., 1969; *Варенов В. И.* Помощь Красной Армии в развитии колхозного строительства. (1929–1933 гг.): По материалам Сибирского военного округа. М., 1978; *Кулиш-Амирханова А. С.* Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Махачкала, 1976; *Лисенков М. М.* Культурная революция в СССР и армия. М., 1977; *Подобед И. М.* Культурно-просветительная работа в Советских Вооруженных Силах в годы мирного социалистического строительства (1921–1941). Львов, 1975.
- 15 *Дайнес В. О.* От гражданской войны к миру (Красная Армия в 20–30-е годы)//ВИЖ. 1992. № 10. С. 2–10.
- 16 *Скипский Г. А.* Боеспособность территориальных частей Красной армии на Урале в 30-х гг.//Мир и война: 1941 год: Научная конференция, проведенная Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) 9 дек. 2001 г./Ред. В. Л. Берсенев и др. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. С. 170–191. *Скипский Г. А.* Территориальная система РККА на Урале в качестве элемента военной доктрины СССР в 30-х гг.//Мир и война: 1941 год: Научная конференция, проведенная Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) 9 дек. 2001 г./Там же. С. 192–201.
- 17 *Соколов Б. В.* Красная Армия в межвоенный период (1921–1941 гг.). М.: Знание, 1990.
- 18 *Ващенко П. Ф., Рунов В. А.* Военная реформа в СССР//Военно-исторический журнал. 1989. № 12. *Золотарев В. А., Тюшкевич С. А.* Опыт и уроки отечественной военной истории. М., 1995; *Золотарев В. А.* Отечественные военные реформы. М., 1997. *Лобов В. Н.* Военная реформа. Исторические предпосылки и основные направления. ВИЖ. 1991. № 11; *Лобов В. Н.* Очерки истории отечественных военных реформ. М., 1995. *Мальцев Н. А.* Кадровая или милицион-

- ная?//ВИЖ. 1989. № 11. С. 35–41. *Мишанов С. А.* Военная реформа и внутриполитическая борьба в СССР (1924–1928 гг.) (По материалам западной историографии)//Военная реформа: Итоги и перспективы. М., 1991. С. 32–42.
- 19 Военная реформа. История и перспективы. СПб.; М., 1991; Отечественные военные реформы XVI–XX веков. М., 1995.
- 20 *Жилин В. А.* Организационное строительство Вооруженных Сил: История и современность. М., 2002. 584 с. *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х–середина 1930-х годов). СПб., 2002. 472 с.; *Цветков И. Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России (1695–1945). СПб.: ЦКП ВМФ, 2000.
- 21 *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х–середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 311–320.
- 22 Там же. С. 315.
- 23 *Мелия А. А.* Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921–1928 гг.)//Экономика и финансы. 2002. № 2. С. 37–62. *Мухин М. Ю.* Амторг: Американские танки для РККА//Отечественная история. 2001. № 3. С. 51–61. *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО–XX, 2001. 296 с. В центре внимания автора вопросы военного строительства и развернувшиеся в связи с этим споры, но в контексте экономического планирования и возможностей страны. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
- 24 *Минаков С. Т.* За отворотом маршальской шинели. Орел: Орелиздат, 1999; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел: Орелиздат, 2000. *Печенкин А. А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1941. М.: ТЕРРА, 1998. *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1931–1934 гг. М.: МОНФ, 2000. *Черушев Н. С.* «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918–1953. М.: Вече, 2004. 528 с.
- 25 *Hagen von M.* Soldiers of the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1990. 369 p. Марк фон Хаген известен как один из ведущих американских специалистов по военной истории России. Он, будучи профессором Колумбийского университета (Нью-Йорк), написал свою работу только на основании опубликованных источников, так как архивные материалы вплоть до 1990-х гг. были недоступны для иностранных исследователей.

- ²⁶ *Glantz D. M. Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War.* Lawrence (KS): University Press of Kansas, 1998. Работа написана по вторичным или опубликованным источникам. Один из обсуждаемых вопросов – как на РККА сказывались общесоциальные процессы, крестьянский состав, недостаток систематической подготовки и общей культуры.
- ²⁷ *Reese R. R. Red Army Opposition to Forced Collectivisation, 1929–1930//Slavic Review.* 1996. Vol. 55. No. 1. P. 24–49. *Reese R. R. Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941.* Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1996, 272 p. В отличие от своих коллег из США автор имел возможность работать в российских архивах. Его исследования основываются на архивных материалах, в том числе и на документах РГВА.
- ²⁸ Итогом работы А. Романо в российских архивах помимо сборника документов стала монография, см.: *Romano Andrea. Contadine in uniforme/L'Armata Rossa e la collettivizzazione delle campagne nell'URSS/Florenze,* 1999. В 2000 г. под его редакцией совместно с С. Понсом (Pons Silvio) вышел сборник статей «Russia in the Age of Wars. 1914–1945», авторами которых были историки из Англии, Америки, Италии, России, Франции, Швеции. В них рассматривались различные стороны российской истории, в том числе и военной. В этом сборнике, изданном в Милане Фондом Фельтринелли, была опубликована статья: *Romano Andrea. Permanent War Scare: Mobilisation, Militarisation and Peasant War* (p. 103–119).
- ²⁹ *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002. 408 и 208 с. Эпиграфом ко 2-му тому, характеризующему мир красноармейца, автор взял слова В. О. Ключевского: «Вместо любви к солдату они (альтруисты) проповедуют любовь к казарме». На наш взгляд, автору в полной мере удалось держать планку своего исследования на высоком уровне, заданном словами известного историка.
- ³⁰ *Велидов А. С.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор ВЧК (1917–1922). М., 1970. *Клеандрова В. М.* Правовое положение ВЧК–ОГПУ (1917–1924). М., 1982. *Коровин В. В.* История отечественных органов безопасности. М., 1998. *Плеханов А. М.* Деятельность органов ВЧК–ОГПУ в 1917–1924 гг. М., 1987; *Он же.* ВЧК–ОГПУ. 1921–1928 гг. М., 2003. 508 с. *Хаустов В. Н.* Деятельность органов государственной безопасности и НКВД СССР в 30-е гг. М., 1997.
- ³¹ *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка. 1914–1920: Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 240 с. Период Гражданской войны см.: с. 121 и след.
- ³² *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. 560 с.

- 33 Там же. С. 6–7.
- 34 Там же. С. 384, 499.
- 35 *Бакурский В. А.* Советская политика коллективизации и участие органов ОГПУ–НКВД СССР в ее осуществлении (1928–1933 гг.). Автореф. дис. ... ученой степени канд. ист. наук. Саратов, 2001.
- 36 *Измозик В. С.* Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. 164 с. В названии книги использовано выражение М. Лациса о необходимости иметь повсюду «глаза и уши».
- 37 Там же. С. 5.
- 38 См.: третья глава 1-й части «Наблюдает военное ведомство». Ограничивая себя временем Гражданской войны, автор нацеливает внимание на следующие вопросы: 1) оценка настроений в оперативных сводках и специальные сводки о моральном состоянии войск и населения (Военно-политическое отделение при Оперативном отделе НКВМ); 2) информационные доклады и бюллетени Всероссийского бюро военных комиссаров, затем – Политического управления РВСР Республики (ПУРа); 3) перлюстрация и цензура.
- 39 Там же. С. 56–57.
- 40 Там же. С. 161.
- 41 *Виноградов В. К.*, см. предисловия: к томам 1–3 сб.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. М.: РОС-СПЭН, 1999–2003; к томам 1–9 сб. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001–2006.
- 42 *Некрасов В. Ф.* На страже интересов Советского государства. М.: Воениздат, 1983. 368 с.
- 43 Там же. См. главу V – История строительства внутренних войск в трудах В. И. Ленина, документах КПСС и других изданиях. С. 336–354.
- 44 Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. 464 с.. Внутренние войска. Исторический очерк. М., 2007. 272 с.
- 45 *Власов М. К.* Коллективизация советской деревни. М., 1930; *Он же.* К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства в районах МТС. М., 1932. *Маркевич А. М.* Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929. *Никулихин Я. П.* Индустриализация сельского хозяйства СССР. М.; Л., 1931; *Он же.* Техническая реконструкция сельского хозяйства//Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке. М.; Л., 1934.
- 46 Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. М., 1960; Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1933 гг. М., 1960; Социалистическое народное хозяйство СССР. 1933–1940 гг. М., 1963.
- 47 *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1927–1957 гг. М., 1960; *Борисов Ю. С.* Подготовка производственных

- кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960; *Вылцан М. А.* Укрепление материально-технической базы колхозного строя в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) М., 1959; *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; *Кукушкин Ю. С.* Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни (1929–1932 гг.). М.: МГУ, 1962; *Ларькина. Е. И.* Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М., 1960; *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; *Першин П. Н.* Аграрная революция в СССР. М., 1966; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2 т. М., 1967; *Селунская В. М.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917–1934 гг.). М., 1961; *Она же.* Рабочие двадцатипятилетия. М., 1964; *Юдачев С. А.* Борьба КПСС за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933–1937). М., 1962.
- ⁴⁸ *Боденко М. Л., Зеленин И. В.* Совхозы СССР. М., 1976; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 320 с.; *Он же.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с. и др.; *Ивеницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972; *Сидоров В. А.* Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921–1929 гг. М.: Мысль, 1978; *Трифонов И. Я.* Ликвидация зажиточных классов в СССР. М.: Политиздат, 1975.
- ⁴⁹ *Вылцан М. А.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978; *Он же.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М., 1970; *Он же.* Этапы развития материально-технической базы сельского хозяйства СССР//Вопросы истории. 1975. С. 18–21; *Он же.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976; *Корольков Н. В.* Опыт КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства (1927–1937 гг.). Владимир, 1970; *Левыкин К. Г.* КПСС — организатор колхозного производства в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). М., 1969.
- ⁵⁰ *Данилов В. П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг., о «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР//Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121; *Он же.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР//История СССР. 1990. № 5. С. 7–30. *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации//История СССР. 1989. № 2. С. 3–19; *Зеленин И. Е.* Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.)//История СССР. 1990. № 6; *Он же.*

- Коллективизация и единоличие//Отечественная история. 1993. № 3; *Он же*. «Революция сверху»//Вопросы истории. 1994. № 10; *Он же*. «Закон о пяти колосках»//Вопросы истории. 1998. № 1. *Горохов В. С.* Производительные силы российской деревни (1928–1940 гг.). Саратов, 1997. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. М., 2001. *Рогалина Н. Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. *Савельев С. И.* Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. *Шмелев Г. И.* Коллективизация: на крутом переломе истории//Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989; *Он же*. Приложение//Там же. Вып. 2. М., 1990.
- 51 *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; *Он же*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.
- 52 *Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов: Кто виноват?//Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 249–297. Этот сборник статей, вышедший под его научной редакцией, впервые дал целостную картину трагических страниц истории крестьянства XX в.
- 53 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья (По воспоминаниям очевидцев)//Новые страницы истории Отечества: Межвузовский сб. научных трудов. Пенза, 1992. С. 164–170; *Он же*. Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории поволжской деревни//Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72; *Кондрашин Виктор, Пеннер Диана.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара. Пенза, 2002. 432 с. *Кондрашин В.* Трагедия 1932–1933 гг. в поволжской деревне в памяти народной//Записки краеведов. Сб. материалов. Вып. 2. Ч. 2. Пенза, 2004. С. 83–100. *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 519 с.
- 54 *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. 91 с.
- 55 О дискуссиях вокруг голода на Украине между украинскими и российскими учеными см. подробнее: *Кондрашин Виктор.* Голод 1932–1933 гг. в России и на Украине: трагедия советской деревни//XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке»/Под ред. Хироси Окуда. Токио: CIRJE – R-2, 2005. С. 234–264.
- 56 *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец

- 1930-х гг.). Новосибирск: НГУ, 1998; *Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003.
- 57 *Красильников С. А.* Тылоополченцы//ЭКО. 1994. № 3; *Красильников С. А., Миненков Д. Д.* Тыловое ополчение как элемент системы принудительного труда: этап становления (1930–1933 гг.)//Гум. науки в Сибири. 2001. № 2. С. 41–46.
- 58 *Миненков Д. Д.* Формирование и развитие частей тылового ополчения в СССР (1930–1937 гг.) Автореф. дис. ... ученой степени канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.
- 59 *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 458 с.
- 60 В числе последних его работ был проект, призванный составить свод всех мемуарных и эпистолярных источников по истории России. Его ученики не только довели до конца начатый им проект, но и продолжили замыслы Петра Андреевича. В настоящее время издан соответствующий аннотированный указатель по российской эмиграции. Известно, что среди последних было немало русских офицеров.
- 61 *Зайончковский В. А.* Оперативные документы Гражданской войны как исторический источник. РГВА. Справочно-информационный фонд. 1967. 153 с.
- 62 *Логин В. Т.* Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования. М., 1971; *Он же.* Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979. В одном из первых своих исследований он отмечал: «Как относительно самостоятельная теоретическая отрасль военно-исторической науки военно-историческое источниковедение по существу оформляется» — см.: *Логин В. Т.* Военно-исторические источники... С. 1.
- 63 Марксистско-ленинская методология военной истории. Изд. 2-е. М., 1976. Один из разделов в труде рассматривает методологические основы исследования истории партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах. С. 317–326.
- 64 *Телятников Г., Лейбович Х., Горбунов В.* О применении системного подхода и математических методов в военно-исторических исследованиях. ВИЖ. 1978. № 10. С. 91–95.
- 65 *Тюшкевич С.* О принципе партийности в военной истории. ВИЖ. 1972. № 1. С. 3–10, *Он же.* Проблемы методологии советской военной истории. ВИЖ. 1974. № 2. С. 3–10.; *Он же.* Методологическое значение ленинского понимания эпохи для исследования современных войн. ВИЖ. 1978. № 1. С. 3–10.
- 66 *Черноморский М. Н.* Источниковедение истории СССР (советский период). Изд. 2-е. М., 1976; Источниковедение истории СССР:

- Учебник/Под ред. И. Д. Ковальченко. Изд. 2-е. М., 1981; *Воронкова С. В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975.
- 67 *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие/И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева.* М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2004. 702 с. (первое издание вышло в 2000 г.)
- 68 *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика/Под общ. ред. А. К. Соколова.* М.: РОССПЭН, 2004. 744 с. Авторский коллектив: Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова, С. В. Журавлев, В. В. Кабанов, В. М. Магидов, М. Ю. Мухин, А. С. Сенявский, Т. М. Смирнова, А. К. Соколов, В. С. Тяжелыгина.
- 69 *Ключевский В. О.* Источниковедение: источники русской истории//Соч.: В 9 т. Т. 7. Специальные курсы. С. 6–7.
- 70 *Нестерович Ю. В.* Об определении социокультурного (общественного) статуса археографии//Вестник архивиста. Информационный бюллетень Российского общества историков-архивистов. 2005. Сентябрь–декабрь. № 5–6 (89–90). С. 20–26.
- 71 Там же. С. 22, 24.
- 72 *Артизов А. Н., Наумов О. В.* Некоторые проблемы публикации документов пленумов ЦК ВКП(б)–КПСС//Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 66–76; *Мухин М. Ю.* Российский государственный архив экономики. Комплексы документов по исследованию военной промышленности в 1921–1941 годах (Обзор)//Отечественная история. 1996. № 4. С. 100–112. *Покровский Н. Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) первой половины 1920-х годов//Археографический ежегодник за 1994 год/Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1996. С. 18–46; *Покровский Н. Н.* О принципах издания документов XX века//Вопросы истории. 1999. № 6. С. 32–45; *Соколов В. В.* Архив внешней политики Российской Федерации – историкам//Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 156–165.
- 73 *Открытый архив-2: Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг./Автор-составитель И. А. Кондакова.* М.: РОССПЭН, 2005. Ею были подготовлены в 1997 и 1999 гг. справочники-указатели исторических архивных документов, опубликованных в отечественной периодике в 1985–1995 гг. (1-е издание) и 1985–1996 гг. (2-е издание).
- 74 Источником новых знаний, по нашему мнению, может являться *научная или специальная литература*, так как авторы для написания исследований используют различные источники, в том числе и архивные, вводя их тем самым в широкий оборот и делая доступными и для других исследователей. Однако особенность научных исследований проявляется в том, что исторические зна-

- ния подаются в переработанном виде, как правило, не очевидцами событий, и оценка их еще в большей степени зависит от авторской концепции.
- 75 Осуществление издания потребовало организации большого рабочего коллектива в рамках одноименного научного проекта. В состав его вошли историки из ряда стран — России, США, Канады, Великобритании, Австралии, Южной Кореи и архивисты. В проекте принимали участие важнейшие государственные архивы России — РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ, РГВА, ведомственный — ЦА ФСБ России, областной — Новосибирской области.
- 76 Сб.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Том 1. С. 7.
- 77 Естественно, что с первыми исследованиями стали появляться и первые документальные издания, начало которым положил сб.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства: 1927–1935/Отв. ред. П. Н. Шарова. М., 1957. 575 с. Вслед за ним были изданы сборники документов по социалистическому преобразованию в деревне в Херсонской (1957), Харьковской (1959) и Саратовской областях (1960, 1961).
- 78 Более подробная характеристика опубликованных в течение 60-х и 70-х гг. сборников документов содержится в статьях: *Богденко М. Л.* Первые тома общесоюзной серии документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства//Вопросы истории. 1966. № 8; *Ивницкий Н. А.* О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства//«Археографический ежегодник» за 1967 год. М., 1969; *Кабанов В. В.* Документы по истории коллективизации сельского хозяйства//История СССР. 1978. № 5.
- 79 Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 по 1991 г., дан в приложении к 1-му тому серии «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» // Там же. С. 765–767. Характеристика вышедших к началу 1990-х гг. сборников дана Л. Виолой — см. *Viola L.* Guide to Dokument Series on Collecnivization//A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s/Ed. by Fitzpatrick S. and Viola L. Armonk, N. Y., 1990.
- 80 Изданы сборники по следующим регионам, перечисление дается по последовательности выхода сборников: *союзные* — Украина, Узбекистан, Молдавия, Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Грузия, Белоруссия, Литва, Азербайджан, Латвия, Эстония и *автономные* — Татария, Мордовия, Дагестан, Якутия, Башкирия
- 81 Изданы сборники по следующим регионам: Север, Запад, Северо-Запад, Среднее Поволжье, Центральный Промышленный район,

Северный Кавказ, Западная Сибирь, Центрально-Черноземная область (ЦЧО), Восточная Сибирь, Дальний Восток, Урал.

82 Изданы сборники по областям: *Украины* (Херсонской, Харьковской, Кировоградской областей), *РСФСР* (Саратовской и Рязанской областей, Астраханскому и Нижегородскому краю, а также по Нижегородской губернии).

83 Сб.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг./Под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М., 1989. 526 с.; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. Документы и материалы./Отв. ред. В. П. Данилов. М., 1990. 396 с.; Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів/Редкол.: Ф. М. Рудич (голова), И. Ф. Курас и др. Київ, 1990. 605 с.; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы./Отв. ред. В. П. Данилов. М., 1991. 426 с.; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы/Науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1991. 296 с.; 33-й: голод. Народная книга — мемориал/Підгот.: Л. Коваленко и В. Маняком. Київ, 1991. 582 с.

84 Сб.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т./Под ред. В. П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 1 — май 1927 — ноябрь 1929/Отв. сост.: В. Данилов, М. Кудюкина. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с. Т. 2 — ноябрь 1929 — декабрь 1930/Отв. сост.: Н. Ивницкий, М. Кудюкина, Е. Хандурина. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с. Т. 3 — конец 1930–1933 гг./Отв. сост.: В. Данилов, И. Зеленин, В. Кондрашин, Н. Сидоров. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с. Т. 4 — 1934–1936 гг./Отв. сост.: В. Данилов, Ю. Мошков, М. Кудюкина, Т. Царевская. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с. Т. 5 — 1937–1939 гг. Кн. 1 — 1937. Кн. 2 — 1938–1939/Отв. сост.: В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин, Н. Перемышленникова, Г. Селезнева, Н. Сидоров, Т. Сорокина, Т. Царевская. М.: РОССПЭН, 2004, 2006. 648 с., 704 с.

85 *Данилов В., Маннинг Роберта, Виола Линн.* Редакторское вводное слово. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 1. С. 10.

86 Там же. С. 9.

87 Сб.: Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 г.–март 1930 г.)/Отв. сост. В. Васильев и Л. Виола. Винница. 1997. 536 с.

88 Сб.: Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы/Отв. ред.-сост.: Л. Виола, Т. МакДоналд, С. В. Журавлев, А. Н. Мельник. М.: РОССПЭН, 1998. 749 с.

89 Вводное слово зам. директора ГАРО А. Н. Мельник «От архива» // Там же. С. V.

- ⁹⁰ Сб.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т./Под ред. А. Береловича, Н. Верта, В. Данилова. Том 1 — 1918–1922 гг./Отв. сост.: В. Данилов, Л. Борисова, Н. Ивницкий, В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с. Т. 2 — 1923–1929 гг./Отв. сост.: В. Данилов, Л. Борисова, Н. Перемышленникова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с. Т. 3. Кн. 1 — 1930–1931 гг./Отв. сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова, Т. Сорокина, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с. Том 3. Кн. 2 — 1932–1935 гг./Отв. сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова, Т. Сорокина, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.
- ⁹¹ Сб.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 гг./Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1992. 283 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931–начало 1933 гг./Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1993. 341 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг./Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1994. 310 с.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг./Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1996. 303 с.
- ⁹² Сб.: Гулаг в Карелии. 1930–1941/Науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1992. 226 с.; Раскулаченные и спецпереселенцы на Урале. (1930–1936 гг.)/Сост. Т. И. Славко, А. Э. Бедель. Екатеринбург, 1993. 221 с.; Спецпоселки в Коми области: По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г. Сб. документов/Сост. Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. Сыктывкар, 1997. 298 с.
- ⁹³ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1/Отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с. (Серия «Архивы Кремля»).
- ⁹⁴ Речь идет о серии тематических документальных изданий, объединенных единой концепцией и принципами составления. На сегодняшний день в этой серии вышло 5 сборников документов (два — по Тамбовской губернии, один — по Дону, один — по Поволжью, один — по Украине).
- ⁹⁵ Сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы/Под. ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, С. Есиков, Н. Тархова, Г. Ходякова. Тамбов, 1994. 334 с.
- ⁹⁶ В подготовке его приняли участие историки и архивисты, прежде всего самой Тамбовской области и центра. Совместная работа региональных и центральных представителей позволила выявить уникальный комплекс документов из архивов тамбовских (областной государственный, быв. партийный архив, архив областного Управления ФСБ) и центральных (РГВА, РГАСПИ, ГА РФ, ЦА ФСБ России).

- 97 Там же. С. 6.
- 98 Сб.: Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, В. Канишев, Г. Ходякова. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
- 99 Там же. С. 9.
- 100 Сб.: Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, Н. Тархова. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 792 с.
- 101 Сб.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, В. Кондрашин, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2001. 944 с.
- 102 Сб.: Нестор Махно и крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг. Документы и материалы/Под ред. В. Данилова, Т. Шанина, В. Кондрашина. Отв. сост.: В. Данилов, А. Капустян, В. Кондрашин, Н. Тархова, Л. Яковлева. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.
- 103 *Шанин Т., Кондрашин В., Тархова Н.* Введение к сборнику//Там же.
- 104 *Шишкин В. И.* Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск: Олсиб, 1997. 710 с.; Сб.: Сибирская Вандея. 1919–1921. Документы: В 2 т./ Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. В. И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. 664 с., 776 с.
- 105 Сб.: Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933). Сб. документов из фондов Российского государственного военного архива/Сост.: А. Романо и Н. Тархова. Редкол.: Ф. Беттанин, А. Грациози, В. Данилов, Л. Двойных, В. Михалева, Э. Чинелла. Napoli, 1996. 538 с. (Публикация документов на русском и итальянском языках.)
- 106 Сб.: Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. 1921–1929 гг. М.: Воениздат, 1981. 576 с. Сб.: Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г.–май 1941 г. М.: Воениздат, 1985. 535 с.
- 107 Сб.: Всеармейские совещания политработников Красной Армии. Резолюции. 1918–1940. М.: Наука, 1984. 335 с.
- 108 Сб.: Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: В 2 кн. Кн. 1: 1923–1926 гг. Кн. 2: 1927–1928 гг. М.; Л.: Летний сад, 2006. 731 с., 524 с.
- 109 Сб.: Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. М.: Юридическая литература, 1972. 712 с.; Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941. М.: Юридическая литература, 1977. 640 с.
- 110 Сб.: Пограничные войска СССР. 1918–1928. М.: Наука, 1973. 927 с.; Пограничные войска СССР. 1929–1938. М.: Наука, 1972. 775 с.
- 111 В связи с этим важно определить основные видовые и тематические комплексы архивных документов, характерные для интересующих

нас ведомств и учреждений. На этом этапе важна работа с описями и справочными изданиями. От того, насколько серьезно исследователь подойдет к проработке подготовительных этапов, зависит эффективность его работы с документами, а в конечном итоге — и результат самого исследования.

- ¹¹² Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг./Отв. сост.: Н. С. Тархова и П. М. Шабардин. М.; Л.: Летний сад, 2006: В 2 кн. Кн. 1: 1923–1926. С. 113–114 (док. № 15) — доклад о работе комиссии пленума РВС СССР по реорганизации военного аппарата, системы управления и отчетности, не позднее 21 марта 1924 г.
- ¹¹³ Там же. С. 114.

Глава 2. Устройство Вооруженных сил в середине 1920-х гг.

- ¹ Дисциплинарный устав Красной Армии. Введение, ст. 1–2. См.: *Вишняков Н. П., Архипов Ф. И.* Устройство Вооруженных Сил СССР. М.: Военный вестник, 1927. Изд. 3-е, исправленное и дополненное по 15 мая 1927 г. С. 10.
- ² Устройство Вооруженных Сил СССР. М, 1927. С. 19–20.
- ³ Характеристика личного состава РККА (социально-демографическая). Книга III. М.: Издание ГУ РККА, 1931. С. 116.
- ⁴ Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 24.
- ⁵ Там же. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ В 1926 г. подчинение этих войск было изменено, о чем мы будем говорить отдельно.
- ⁸ Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 33. Авторы ссылались на следующие распоряжения военного ведомства — приказ РВС СССР 1925 г., № 965; циркуляр НКВМ 1925 г., № 135 и 162.
- ⁹ Приказ РВС СССР, 1925 г., № 1069.
- ¹⁰ Отметим, что во 2-м издании кн.: Устройство Вооруженных Сил СССР, где информация давалась на осень 1925 г., войска по назначению подразделялись на полевые, резервные, крепостные, запасные, учебные, специального назначения, ополчения.
- ¹¹ Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 35.
- ¹² Там же. В соответствующем издании 1925 г. было указано следующее деление полевых войск: 1) пехота, 2) конница, 3) артиллерия, 4) броневые части, 5) инженерные войска, 6) воздушный флот и 7) войска связи.
- ¹³ Здесь и далее определение задач, возлагаемых на рода войск и их организационное устройство, дается по кн.: Устройство Вооруженных Сил СССР. С. 36, 37, 42–49.

- 14 В соответствующем издании 1925 г. было указано, что автомобильные войска входили в состав броневых частей.
- 15 В соответствующем издании 1925 г. было указано, что к войскам особого назначения относились: 1) штрафные части, 2) фельдъегерский корпус и 3) военно-транспортные части.
- 16 В соответствующем издании 1925 г. было указано, что к войскам специального назначения относились: 1) войска ОГПУ; 2) железнодорожная и водная милиция; 3) отдельная рота им. Чичерина при НКВД.
- 17 Далее изложение раздела основано на кн.: Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 63, 66–69.
- 18 Отметим, что созданный в 1924 г. с соответствующими задачами на начальном этапе реформы Инспекторат имел в своем составе следующие инспекции: 1) пехоты, 2) кавалерии с отделом по ремонту, 3) артиллерии и бронесил, 4) химической подготовки, 5) связи, 6) военно-инженерной и 7) вневойсковой и физической подготовки.
- 19 Далее изложение раздела основано на кн.: Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 69, 72, 74.
- 20 *Управления губернского (областного) территориального округа* могли быть *самостоятельными* — в тех случаях, когда они непосредственно подчинялись командованию военного округа, и *несамостоятельными* — в тех случаях, когда управления губернских территориальных округов подчинялись непосредственно командиру корпуса или дивизии ввиду вхождения их в состав территориального округа корпуса или дивизии — см.: Устройство Вооруженных Сил СССР. С. 75.
- 21 Далее изложение раздела основано на кн.: Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 77–79.
- 22 Перечень существовавших военных округов дан на основании информации, взятой из Путеводителя по РГВА. См.: Центральный государственный архив Советской Армии. Путеводитель: В 2 т. Minneapolis: East View Publications, 1991, 1993. Т. 2. С. 450–457. В РГВА каждому округу соответствует самостоятельный фонд, поэтому поиск материалов окружного уровня не представляет собой трудности. Материалы военных округов являются важнейшими источниками информации по региональной истории советского государства.
- 23 Территориальный состав военных округов дан на основании кн.: Устройство Вооруженных Сил СССР. М., 1927. С. 71–72. Информация о создании ОКДВА см.: Центральный государственный архив Советской Армии. Путеводитель: В 2 т. Т. 1. С. 393.
- 24 См.: Характеристика личного состава РККА (социально-демографическая). Кн. III. М.: Издание ГУ РККА, 1931. С. 116.

- 25 Далее все цифровые показатели приводятся на основании кн.: Предварительные итоги переписи РККА 1926 г., изданной Главным управлением РККА (М., 1927). Ссылки на страницы указываются в соответствии с типографским изданием. В экземпляре бпрошюры, хранящейся в архивном деле, нумерация листов соответствует всему объему дела (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 356).
- 26 См.: Предварительные итоги переписи РККА 1926 г. М., 1927. С. 6–7.
- 27 Там же. С. 8. Однако при дальнейшей детализации состава по родам войск общее итоговое число соответствовало 549 402.
- 28 Там же. С. 14.
- 29 Там же. С. 10–11, 12–13.
- 30 Недостающие 8,89 % приходились на категории: управления, учреждения и заведения; территориальные управления и военкоматы.
- 31 См.: Предварительные итоги переписи РККА 1926 г. С. 10–11.
- 32 Там же. С. 14–15.
- 33 Недостающие 7,5 % приходились на категории: переменный состав вузов и вольнонаемные.
- 34 См.: Предварительные итоги переписи РККА 1926 г. С. 29.
- 35 Там же. С. 28.
- 36 Там же. С. 28–29.
- 37 Там же. С. 30.
- 38 Недостающие 14,32 % приходились на категории: переменный состав вузов и вольнонаемные.
- 39 См.: Предварительные итоги переписи РККА 1926 г. С. 38.
- 40 Там же. С. 41.
- 41 Там же. С. 38–39.
- 42 Там же. С. 39–40.
- 43 Там же. С. 42.
- 44 Там же. С. 40, 42.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 40.
- 47 Там же. С. 40, 42.
- 48 Там же. С. 43–44.
- 49 Далее статистические данные будут приводиться по группе «Сухопутные и Военно-воздушные силы РККА», так как на них приходился самый большой процент призываемых в армию крестьян против 77,4 % по всей армии в целом.
- 50 Там же. С. 44.
- 51 Там же. С. 45.
- 52 Там же. С. 47.
- 53 Там же. С. 48–49.
- 54 Там же. С. 50.
- 55 Там же. С. 51.

- 56 Там же. С. 52.
57 Там же. С. 53.
58 Там же. С. 54.

Глава 3. «Крестьянские настроения» в Красной армии в 1928–1931 гг.

- 1 Далее в тексте главы слова «крестьянские настроения» и «хлебозаготовки» будут по возможности заменены на КН и ХЗ.
- 2 См. сб.: Реформа в Красной Армии. 1923–1928 гг. Документы и материалы. Кн. 1. С. 483–485 (док. № 118) – справка-доклад начальника информационно-статистического отдела ПУ РККА В. Н. Черневского председателю РВС СССР К. Е. Ворошилову с характеристикой призывников 1903 г. рождения. Февраль 1926 г.
- 3 Там же. С. 484.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 485.
- 6 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 19–20//Опуб. в сб. «Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.)» (далее будет употреблено сокращение КА и КД). Неаполь, 1996. С. 76–80 (док. № 1).
- 7 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 25.
- 8 Сб.: КА и КД. С. 80.
- 9 Данные сводки частично опубликованы в сб.: КА и КД. С. 82–100, 102–110 (док. № 2, 3). Учитывая небольшой объем сборника, при публикации сводок приоритет был отдан содержащимся в них выводам.
- 10 Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. и 10 марта 1928 г.//Частично опуб. в сб.: КА и КД. С. 90, 102 (док. № 2, 3).
- 11 Сводка ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. (пункт 1)//Там же. С. 100.
- 12 Там же. С. 82, 100.
- 13 Там же. С. 84, 86, 88.
- 14 Там же. С. 84, 86, 88, 92.
- 15 Там же. С. 84, 86, 92.
- 16 Там же. С. 84, 86, 90.
- 17 Там же. С. 92, 100, 102.
- 18 Там же. С. 92, 94, 96, 100, 102.
- 19 Сводка ПУ РККА от 10 марта 1928 г. (пункты 3, 4)//Там же. С. 102, 104, 108.
- 20 Там же (пункты 1, 2, 3, 5). С. 102, 108.
- 21 Там же (пункты 2, 5). С. 102, 104, 108.
- 22 Там же. С. 102, 104.
- 23 Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. и 10 марта 1928 г.//Там же. С. 92, 94, 104, 108.

- 24 Там же. С. 94, 110.
- 25 Там же. С. 96, 100, 104.
- 26 Там же. С. 98, 104, 106.
- 27 Там же. С. 98, 106.
- 28 Сводка ПУ РККА от 10 марта 1928 г.//Там же. С. 106.
- 29 Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. (пункты 4–6) и от 10 марта 1928 г. (пункты 8–10).//Там же. С. 100, 110.
- 30 КА и КД. С. 112 (док. № 4).
- 31 Там же. С. 114–118 (док. № 5).
- 32 Там же. С. 114 (док. № 5).
- 33 Там же. С. 118 (док. № 5).
- 34 Сб.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Сборник документов и материалов (далее будет употреблено сокращение ТСД). Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 170–171 (док. № 56).
- 35 ТСД. Т. 1. С. 232 (док. № 85).
- 36 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 70. Л. 64–67. В обзор вошли данные по всем военным округам, кроме УВО (примечания авторов обзора).
- 37 Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 120–126 (док. № 6).
- 38 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 109. Л. 109. Эти цифры отличались от тех, что приводятся в обзоре Военной прокуратуры. (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 108. Л. 145–146).
- 39 Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 132–138, 144 (док. № 8–9, 11), а также в сб.: ТСД. Т. 1. С. 373–378, 467–473 (док. № 123, 141).
- 40 Сводка № 2//КА и КД. С. 132 (док. № 8).
- 41 Там же. С. 132.
- 42 Сводка № 2 и № 3//КА и КД. С. 132, 138.
- 43 Там же. С. 132.
- 44 Сводка № 5//ТСД. Т. 1. С. 373 (док. № 123).
- 45 Сводка № 2//КА и КД. С. 134 (док. № 8).
- 46 Там же.
- 47 Сводка № 3//Там же. С. 138 (док. № 9).
- 48 Сводка № 5//ТСД. Т. 1. С. 373 (док. № 123).
- 49 Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 140 (док. № 10).
- 50 ТСД. Т. 1. С. 472–473 (док. № 141).
- 51 Сводка № 8//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 144 (док. № 11).
- 52 Сводка № 8//ТСД. Т. 1. С. 468 (док. № 141).
- 53 ТСД. Т. 1. С. 511–514.
- 54 ТСД. Т. 1. С. 606–609.
- 55 Сводка ОО ОГПУ по состоянию на 1 мая 1929 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 158 (док. № 14).
- 56 Там же.
- 57 Там же. С. 159.
- 58 Там же. С. 160.
- 59 Там же. С. 160, 162.

- 60 Циркуляр ПУ РККА о проведении сборов территориальных дивизий от 4 апреля 1929 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 146–152 (док. № 12).
- 61 Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 154–156 (док. № 13).
- 62 Там же.
- 63 ТСД. Т. 1. С. 614–615 (док. № 185). С. 635–636 (док. № 196). С. 644–648 (док. № 198 и 199). С. 661–663 (док. № 214). С. 806–807 (примечания).
- 64 Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 164–166 (док. № 15).
- 65 Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 194–198 (док. № 20).
- 66 Там же. С. 196.
- 67 Там же.
- 68 Там же. С. 194.
- 69 Сводка ПУ РККА от 26 октября 1929 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 190–192 (док. № 19).
- 70 ККА — Краснознаменная Кавказская армия.
- 71 Сводка ОО ОГПУ по состоянию на 1 августа 1929 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 164–166 (док. № 15).
- 72 Сводка ПУ РККА от 26 октября 1929 г. (пункт 5)//КА и КД. С. 190–192 (док. № 19).
- 73 ТСД. Т. 1. Док. № 270–272.
- 74 Директива ПУ РККА от 12 декабря 1929 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 200–206 (док. № 21).
- 75 Стенограмма совещания частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 306–318 (док. № 40).
- 76 Там же. С. 310.
- 77 Там же. С. 312.
- 78 Там же. С. 314.
- 79 Сводка ПУ РККА от 1 июля 1930 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 350–352 (док. № 45).
- 80 Там же. С. 352.
- 81 Там же. С. 350.
- 82 Здесь и далее приводятся цитаты из сводки ПУ РККА от 8 сентября 1930 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 354–358 (док. № 46).
- 83 Сводка ОО ОГПУ по данным на 14 октября 1930 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 360 (док. № 47).
- 84 Там же. С. 362.
- 85 Там же.
- 86 Там же. С. 364.
- 87 Там же. С. 360.
- 88 ТСД. Т. 1. С. 519 — обзор Военной прокуратуры Верховного Суда СССР от 29 января 1929 г. (док. № 155).
- 89 Сводка ПУ РККА об отношениях красноармейцев к весеннему севу и колхозному строительству от 7 мая 1931 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 374 (док. № 49).

- 90 Там же. С. 370.
91 Там же. С. 372, 374.
92 Там же. С. 376.
93 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 156. Л. 349 — «Материал к докладу ПУ РККА в ЦК ВКП(б)». Декабрь 1932 г.
94 Там же. Л. 350–351.

Глава 4. Красная армия на «внутреннем фронте»

- 1 ТСД. Т. 2. С. 35–86 (док. № 2–24). С. 116–131 (док. № 41–47).
2 Там же. С. 85–86 (док. № 24).
3 Там же. С. 99–100 (док. № 32).
4 Там же. С. 100.
5 Там же. С. 77 (док. № 20).
6 Там же. С. 104–105 (док. № 35).
7 Там же. С. 115 (док. № 40).
8 Там же. С. 116 (док. № 41 — из протокола № 113 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) о создании комиссии).
9 Там же. С. 126–130 (док. № 47).
10 Там же. С. 67 (док. № 13).
11 Там же. С. 73 (док. № 14).
12 Там же. С. 68 (док. № 14).
13 Там же. С. 35 (док. № 2).
14 Там же. С. 100 (док. № 33).
15 Там же. С. 131 (док. № 48).
16 Там же. С. 127 (док. 47 — раздел I).
17 Там же. С. 142 (док. № 58 — пункты 3 и 4).
18 Там же. С. 166 (док. № 69).
19 Там же. С. 170–174 (док. № 72–74).
20 О выступлении тов. Крупской на X-й Бауманской партконференции. М.: МК ВКП(б), 1930. С. 25 — Заключительное слово Н. В. Куйбышева.
21 Из политдонесения ПУ МВО от 8/9 апреля 1930 г. (№ 28/с) о выступлениях кулаков в районах комплектования частей округа (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1454. Л. 47–49 об. Заверенная копия)//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 302–304 (док. № 39).
22 Сб.: ТСД. Т. 2. С. 805 — таблица массовых выступлений за 1930 г. по СССР.
23 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1930 г.//Опубл. в сб.: ТСД. Т. 2. С. 270 (док. № 106). Об обстоятельствах, предшествующих написанию статьи, см. комментарий В. П. Данилова в сб.: ТСД. Т. 2. С. 832–833.
24 Директива ОГПУ всем ПП ОГПУ от 1 марта 1930 г.//ТСД. Т. 2. С. 270–271 (док. № 107).

- 25 См. распоряжения руководства ОГПУ по вопросам переселения раскулаченных семей, опубликованных в сб.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1 (док. № 51–62).
- 26 Постановление ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г.//ТСД. Т. 2. С. 303–305 (док. № 118).
- 27 Заседание Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. (протокол № 120, п. 40). См.: примечание составителей сб.: ТСД. Т. 2. С. 305.
- 28 ТСД. Т. 2. С. 368.
- 29 Там же. Т. 2. С. 805 — таблица массовых выступлений за 1930 г. по СССР.
- 30 Изложение основных положений статьи Сталина взято из примечаний составителей сб.: ТСД. Т. 2. С. 837.
- 31 Постановление ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г.//ТСД. Т. 2. С. 365–370 (док. № 142).
- 32 Там же. С. 369.
- 33 Там же. С. 369, 370.
- 34 Уже 2 апреля 1930 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о льготах для колхозов и их членов, а 12 апреля эти льготы соответствующим постановлением были распространены на ТОЗы (товарищества по обработке земли. См.: ТСД. Т. 2. С. 384–385 — док. № 150). Вслед за этими «льготными» законами были приняты и другие: от 23 апреля — «О дополнительных льготах колхозам»; от 30 апреля «О льготах по единому с/х налогу для колхозов» и др. (См. примечание к сб.: ТСД. Т. 2. С. 837).
- 35 Наряду с этим в сводке приводились «отдельные» высказывания коммунистов, недовольных принятыми решениями: «Зачем было Сталину писать такие письма, да еще в газету? С таким трудом создавали колхозы, а теперь все разваливается и больше крестьянина в колхоз не затанешь» или «Опять выйдет, что виноват стрелочник, когда мы коллективизировали население, то нам все время говорили: мало, вот у этого коллективизировано больше — ну, мы и старались, лишь было бы больше»; «Наверху накрутили, взяли темпы не по силам, а нам за это расплачиваться придется»; «Что они пишут в газетах — перегибы, искривления, добровольность, а что они думали, когда сами директивы слали о проведении сплошной коллективизации» (см.: ТСД. Т. 2. Док. № 154. С. 387–388).
- 36 Данилов В., Верт Н., Берелович А., Самуэльсон Л. Водная статья к сб. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2003. С. 20.
- 37 Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 291; Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. М.: Воениздат, 1983. С. 79–84, 151–163.
- 38 ТСД. Т. 2. С. 170–171 (док. № 72).
- 39 РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1131. Л. 29.

- 40 *Зданович А. А.* Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2007. С. 191.
- 41 *Некрасов В. Ф.* На страже интересов Советского государства. С. 75.
- 42 Там же. С. 80–84, 148–159.
- 43 *Плеханов А. М.* ВЧК–ОГПУ. 1921–1928 гг. М., 2003. 508 с.
- 44 Там же. С. 181.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же. С. 181–182.
- 50 Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 293–295; Внутренние войска. Исторический очерк. С. 77–109.
- 51 Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 294.
- 52 Там же. С. 294.
- 53 Там же. С. 295.
- 54 РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1131. Л. 16.
- 55 Там же. Л. 17.
- 56 Там же.
- 57 Краткая справка Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ от 28 июня 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 390–401 (док. № 130). Подобная справка, только от 3 мая 1930 г. // ТСД. Т. 2. 405–409 (док. № 161).
- 58 Краткая справка Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ от 28 июня 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 392.
- 59 Там же. С. 393, 401. Отметим, что самостоятельный подсчет совокупности итоговых данных по регионам составляет цифру 1 645.
- 60 Там же. С. 391.
- 61 Там же. С. 392.
- 61 Там же. С. 393.
- 63 Там же. С. 394.
- 64 Там же. С. 394–395.
- 65 Там же. С. 397.
- 66 Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. С. 293; *Некрасов В. Ф.* Указ. соч. С. 83.
- 67 Сб.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 397.
- 68 Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1977.
- 69 По мнению Бердяева, «первым явлением было московское царство, вторым явлением — петровская империя. Большевизм — за сильное,

централизованное государство». А. М. Плеханов приводит цитату из Бердяева: «Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее. Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила». Цитируется по: *Плеханов А. М.* Указ. соч. С. 184–185.

- 70 Там же.
- 71 Там же. С. 184.
- 72 Там же. С. 184–185.
- 73 РГВА. Сборник приказов РВС СССР за 1926 г.
- 74 ТСД. Т. 2. С. 166 (док. № 69).
- 75 *Кен О. Н.* Указанное соч. С. 311–320.
- 76 Об этом же пишет в своем исследовании А. А. Зданович. См.: *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. С. 434–435.
- 77 РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1131. Л. 1.
- 78 ТСД. Т. 2. С. 175 (док. № 75).
- 79 РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 66. Л. 2–3. Заверенная копия.
- 80 Там же. Л. 3.
- 81 КА и КД. С. 246–260 (док. № 26–28).
- 82 Там же. С. 246–248 (док. № 26) — постановление РВС ПриВО.
- 83 Там же. С. 250–254 (док. № 27) — постановление РВС УВО.
- 84 Там же. С. 256–260 (док. № 28) — постановление РВС ЛВО.
- 85 Там же. С. 262–264 (док. № 29) — подлинник на бланке ПУ ПриВО.
- 86 Там же. С. 266 (док. № 30) — подлинник на бланке ПУ СКВО.
- 87 ТСД. Т. 2. С. 127 — постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. (док. № 47).
- 88 Там же. С. 154 — протокол заседания коллегии ОГПУ совместно с представителями и руководящими работниками отделов ОГПУ от 31 января 1930 г. (док. № 63).
- 89 КА и КД. С. 268–270 (док. № 31).
- 90 Доклад А. И. Корка К. Е. Ворошилову от 7 февраля 1930 г.//КА и КД. С. 282 (док. № 34).
- 91 Весь комплекс отчетных документов отложился в одном деле (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 322). Большая часть из них опубликована. См.: *Михалева В. М., Тархова Н. С.* «Медынское дело» в Красной армии, или рассказ о том, как проводилось раскулачивание в провинциальном городке Медынь в январе 1930 г.//The Stalin-Era Research and archives Project. Centre for Russian and East European Studies University of Toronto. Working Paper. 2000. № 6.
- 92 Объяснение председателя Медынского РИКа Я. Я. Машкарова от 5 февраля 1930 г. по поводу «медынских событий» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 322. Л. 5–9).

- 93 Внеочередное донесение начальника Особого отдела ОГПУ МВО Прякина командующему войсками МВО А. И. Корку от 6 февраля 1930 г. о событиях в г. Медыни (там же. Л. 38–38 об.)
- 94 Там же. Л. 38.
- 95 См.: Доклад командующего войсками МВО А. И. Корка К. Е. Ворошилову от 6 февраля 1930 г. о действиях 243-го стрелкового полка в г. Медыни (там же. Л. 34).
- 96 Документы архива свидетельствуют о том, что таким же способом пользовались и другие руководители военных округов, обращаясь с личными докладами и письмами к наркому, они также ставили через дробь первую букву своей фамилии.
- 97 Доклад РВС МВО К. Е. Ворошилову от 6 февраля 1930 г. о результатах выполнения директивы, запрещающей привлечение войск к операциям по раскулачиванию (там же. Л. 20–21).
- 98 Полностью этот доклад опубликован: КА и КД. С. 282–284 (док. № 34).
- 99 КА и КД. С. 278 (док. № 33).
- 100 Внеочередное донесение политического отдела 81-й стрелковой дивизии начальнику ПУ МВО от 3 февраля 1930 г. о событиях в г. Медыни (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 322. Л. 15–15 об.).
- 101 Резолюция внеочередного заседания полкового бюро ВКП(б) от 4 февраля 1930 г. об участии полка в раскулачивании, проведенном Медынским РИКом и горсоветом 31 января 1930 г., и ликвидации нездоровых последствий — собственный заголовок документа (там же. Л. 11–11 об.).
- 102 Резолюция общеполкового собрания военнослужащих 243-го стрелкового полка от 5 февраля 1930 г. по вопросу о ликвидации последствий участия полка в проведении горсоветом и РИКом раскулачивания по г. Медыни — собственный заголовок документа (там же. Л. 12).
- 103 Об этом 6 февраля доносил уполномоченный ОО ОГПУ МВО (там же. С. 38–38 об.).
- 104 Политдонесение политотдела 81-й стрелковой дивизии начальнику политического управления МВО от 6 февраля 1930 г. об участии 243-го стрелкового полка в непосредственном раскулачивании — собственный заголовок документа (там же. Л. 2–4).
- 105 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 322. Л. 19. Машинописная копия с подлинной резолюцией помощника Сталина // Частично опублик. в сб.: КА и КД. С. 272–274 (док. № 32), но по другому экземпляру документа.
- 106 ТСД. С. 174–175 (док. № 75) — из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б).
- 107 РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 401. Л. 15–19. Подлинник.

- 108 Справка состоящего для особых поручений при наркоме по военным и морским делам Г. М. Штерна о «медынском инциденте» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 322. Л. 39).
- 109 РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 131. Автограф.
- 110 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 161. Л. 1–2.//КА и КД. С. 290–294 (док. № 36).
- 111 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 199. Л. 262–265.
- 112 *Данилов В. П.* Введение//КА и КД. С. 22.
- 113 Там же. С. 20.
- 114 *Данилов В. П.* Введение//Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 18.
- 115 ТСД. Т. 2. С. 787–788.
- 116 Там же. С. 789.
- 117 Там же. С. 251–256 (док. № 98) — постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах» от 20 февраля 1930 г.
- 118 КА и КД. С. 286–288 (док. № 35).
- 119 ТСД. Т. 2. С. 116.
- 120 Там же. С. 191–194 (док. № 81) — сообщение штаба СКВО начальнику Штаба РККА Б. М. Шапошникову от 8 февраля 1930 г.
- 121 Там же. С. 192.
- 122 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 211 (док. № 48) — запись сообщения по прямому проводу ПП ОГПУ по ЦЧО Н. Н. Алексеева в СОУ ОГПУ.
- 123 ТСД. Т. 2. С. 279 (док. № 109) — доклад от 2 марта 1930 г. командующего войсками МВО А. И. Корка и члена РВС округа Володина К. Е. Ворошилову о выступлении крестьян в Петелинском районе Рязанского округа.
- 124 КА и КД. С. 290–294 (док. № 36).
- 125 См. также сводку политуправления БВО от 21 февраля 1930 г.// ТСД. Т. 2. С. 257–258 (док. № 99); сводку политуправления МВО от 26 февраля 1930 г.//Там же. С. 262–270 (док. № 105).
- 126 КА и КД. С. 320–330 (док. № 41) — обзор ПУ РККА об участии Красной Армии в раскулачивании от 15 марта 1930 г.
- 127 См. сводку политуправления МВО от 26 февраля 1930 г.//ТСД. Т. 2. С. 262–270, а также: КА и КД. С. 292, 328.
- 128 Подробнее об этих событиях см. сводку политуправления МВО от 26 февраля 1930 г.//ТСД. Т. 2. С. 262–270 (док. № 105).
- 129 Там же. С. 268.
- 130 Обзор ПУ РККА об участии Красной Армии в раскулачивании от 15 марта 1930 г.//КА и КД. С. 328 (док. № 41).
- 131 Сводку ПУ МВО от 26 февраля 1930 г.//ТСД. Т. 2. С. 266, 269 (док. № 105).
- 132 Там же. С. 269.

- 133 КА и КД. С. 328 (док. № 41) — обзор ПУ РККА об участии Красной Армии в раскулачивании от 15 марта 1930 г.
- 134 Внеочередное политдонесение от 31 декабря 1929 г. политотдела 5-й кавдивизии в ПУ СКВО о выступлении крестьян в станице Махошевской Майкопского округа // ТСД. Т. 2. С. 95.
- 135 Об этом инциденте было составлено донесение не только по линии командующего войсками СКВО, но и по линии начальника штаба СКВО. См.: Донесение и. о. начальника штаба СКВО Урицкого начальнику Штаба РККА от 2 января 1930 г. (РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 257. Л. 3–2. Подлинник).
- 136 Приказ войскам СКВО № 2/2 от 2 января 1930 г. «О порядке вызова войск для содействия органам ОГПУ» (РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 257. Л. 4. Заверенная копия).
- 137 Внеочередное политическое донесение ПУ СибВО от 11 марта 1930 г. (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 168. Л. 1–2. Подлинник).
- 138 Циркуляр начпуокрам об изучении социального состава территориальных частей и полковых школ в них от 9 марта 1928 г. (№ 023645/сс) (РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 316. Л. 2. Подлинник).
- 139 Политдонесение № 6 военного комиссара 91-го стрелкового полка начальнику политотдела 31-й стрелковой Сталинградской дивизии от 27 февраля 1930 г. (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1454. Л. 167–170. Заверенная копия) // Частично опубл.: КА и КД. С. 298–300 (док. № 38).
- 140 Это политдонесение было послано политуправлением ПриВО 4 марта 1930 г. начальнику ПУ РККА (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1454. Л. 166).
- 141 Там же.
- 142 КА и КД. С. 296 (док. № 37) — из протокола № 7 заседания РВС ПриВО от 24 февраля 1930 г.
- 143 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1454. Л. 166.
- 144 ТСД. Т. 2. С. 95 (док. № 29) — рапорт от 2 января 1930 г. командующего войсками СКВО И. П. Белова К. Е. Ворошилову о выступлении крестьян против хлебозаготовок в станице Махошевской Майкопского округа.
- 145 Там же. С. 97.
- 146 Комиссии по содействию хлебозаготовкам при сельсоветах согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 9 сентября 1929 г. создавались «в целях повседневного содействия хлебозаготовкам и всемерной поддержки инициативы общественных организаций». Они должны были избираться на сходах, общее руководство и наблюдение за их деятельностью возлагалось на председателя сельсовета. Комиссии должны были принимать активное участие в работе сельсоветов по выяснению состояния урожая и товарных излишков; содействовать правильному установлению планов хлебозаготовок; производить предварительную раскладку между зажиточными хозяйствами излишков хлеба, подлежащих сдаче государству; содействовать выполнению

- планов хлебозаготовок при строгом соблюдении классового подхода; следить за правильностью выполнения директив; содействовать организации решительной борьбы с кулачеством и т. д. Все решения комиссии о необходимости применения тех или иных мер против лиц, не выполнявших возложенные на них задания, подлежали утверждению сельсоветом (СУ РСФСР. 1929. № 70. Ст. 681)//ТСД. Т. 2. С. 818, примечание составителей сборника.
- 147 Внеочередное политдонесение от 31 декабря 1929 г. политотдела 5-й кавдивизии в ПУ СКВО о выступлении крестьян в станице Махшевской Майкопского округа, приложенное к письму комвойсками СКВО И. П. Белова//ТСД. Т. 2. С. 95.
- 148 Из политдонесения ПУ МВО от 8/9 апреля 1930 г. № 28/с о выступлениях кулаков в районах комплектования частей округа (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1454. Л. 47–49 об. Заверенная копия)//Частично опубли.: КА и КД. С. 302–304 (док. № 39).
- 149 Там же. С. 304.
- 150 См. выписку из протокола № 118 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1930 г., пункт 76 (принято опросом членов Политбюро от 24 февраля 1930 г.)//ТСД. Т. 2. С. 260 (док. № 101).
- 151 Данные цифры приводились на совещании политработников и участников указанных поездок, состоявшемся 26 февраля 1930 г. (КА и КД. С. 310).
- 152 Стенограмма совещания частично опубли.: КА и КД. С. 306–318 (док. № 40).
- 153 Там же. С. 312.
- 154 Там же. С. 314.
- 155 Партийно-политическая работа в Красной Армии (Июль 1929–май 1941). Документы. М.: Воениздат, 1985. С. 51–53 (док. № 15).
- 156 КА и КД. С. 332–334 (док. № 42).
- 157 Как пример см. информационную сводку Сибирского краевого суда о перегибах в ходе коллективизации от 1 апреля 1930 г.//ТСД. Т. 2 (док. № 140). Раздел по красноармейцам и красным партизанам. С. 358–359.
- 158 Директива была утверждена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. (протокол № 120, п. 40) с решением: «Разослать постановление всем национальным ЦК, крайевым и областным комитетам, секретарям окружных комитетов с обязательством снять копии и разослать секретарям районных комитетов. Считать необходимым ознакомление с постановлением членов правлений Колхозцентра СССР, полпредов ГПУ, прокуроров, членов республиканских совнаркомов. В печати постановление не опубликовывать. Предложить президиумам ЦИК союзных республик выслушивать жалобы по религиозным делам и исправлять допущенные искривления и перегибы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 779. Л. 7. Ротатор-

- ный экз. с подлинника) — примеч. составителей сб.: ТСД. Т. 2. С. 305.
- 159 ТСД. Т. 2. С. 142 (док. № 58).
- 160 Сб.: Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 806.
- 161 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 759. Л. 52.
- 162 КА и КД. С. 122, 124. В других пунктах постановления говорилось о развитии «бюрократизма и казенщины» в работе военного аппарата и среди начсостава, в том числе в БВО (пункты 6–8); о необходимости «правильной постановки работы РВС округов», направленной на усиление влияния политорганов и парторганизаций на все стороны работы воинских частей и соединений, в том числе в области взаимоотношений высшего полит- и комсостава, в области научно-исследовательской, военно-научной работы, проведения принципа единоначалия (№ 9–13)// Частично опубл.: КА и КД. С. 120–126 (док. 6).
- 163 КА и КД. С. 118//Частично опубл. в КА и КД. С. 114–118 (док. 5).
- 164 РГВА Ф. 4. Оп. 1. Д. 726. Л. 153–154//КА и КД. С. 128–130 (док. № 7).
- 165 Там же. С. 130.
- 166 Резолюция Центрального военно-политического совещания о карательной политике военных трибуналов от 16 июля 1928 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 81. Л. 37–38. Заверенная копия).
- 167 ТСД. Т. 1. С. 520 — обзор Военной прокуратуры от 29 января 1930 г.//ТСД. Т. 1. С. 518–525 (док. № 155).
- 168 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 707. Л. 47 об.
- 169 Там же.
- 170 Сводка ПУ РККА «Об отрицательных явлениях в политико-моральном состоянии РККА» от 1 июня 1930 г. № 08709/сс (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 161. Л. 42–50).
- 171 Там же.
- 172 КА и КД. С. 332 (док. № 42).
- 173 Там же. С. 336 (док. № 43).
- 174 Там же. С. 338.
- 175 Циркуляр ПУ ЛВО от 20 марта 1930 г. № 1/0106 (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1020. Л. 13).
- 176 Этот обзор был издан самостоятельной брошюрой (М.: Издание ГУ РККА, 1930). Правда, в предисловии к нему авторы именуют его докладом и датируют 22 июля 1930 г. Обзор-доклад имел подписи начальника сектора учета опыта ПУ РККА Черневского, начальника отдела статистики ГУ РККА Айзенберга, начальника сектора статистики личного состава Ограновского (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 63. С. 1–18. Типографский экз.)
- 177 «Итоги изъятия красноармейцев и мл. начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 Закона об обязательной военной службе». М., 1930. С. 3.

- 178 Там же. С. 5.
 179 Там же. С. 6.
 180 Там же.
 181 Там же. С. 7–8.
 182 Там же. С. 9–11.
 183 Там же. С. 12–13.
 184 Там же. С. 14.
 185 Там же. С. 16. Процент показывал — сколько изъятых приходится на 1 000 чел., направленных окружными военными комиссариатами (ОВК) в войска.
 186 Там же. С. 17–18.
 187 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 156. Л. 354 — «Материал к докладу ПУ РККА в ЦК ВКП(б)».
 188 Там же. Оп. 28. Д. 155. Л. 185. Подлинник на бланке Верховного Суда СССР.
 189 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 326. Л. 65–65 об. Отпуск. Л. 66 — препроводительное письмо в секретный отдел ЦК ВКП(б).

Глава 5. Участие Красной армии в колхозном строительстве

- 1 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1. Л. 10.
 2 Сб.: Партийно-политическая работа в Красной Армии (1921–1929 гг.). Сб. документов. М., 1981. С. 79.
 3 Далее приводятся директивы ПУ РККА, опубликованные в сборниках документов: Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. 1921–1929 гг. М., 1981. С. 436–437, 439–440, 498, 501–502, 514–518 (док. № 129, 130, 132, 145, 147, 148, 152, 153) Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. Июль 1929 г. — май 1941 г. М., 1985. С. 46–49, 60, 111–112, 139, 213–216, 217–218, 232–235, 238–240, 241–243, 243–244, 250–251, 262, 278–282, 293 (док. № 12, 13, 21, 34, 50, 79, 80, 86, 87, 89, 91, 92, 97, 102, 109, 110).
 4 Партийно-политическая работа в Красной Армии. 1921–1929 гг. С. 200 (док. № 58) — циркуляр ПУРа № 39/01689.
 5 Партийно-политическая работа в Красной Армии. 1921–1929 гг. С. 289 (док. № 91) — циркуляр ПУРа от 2 июня 1925 г. № 40.
 6 Партийно-политическая работа в Красной Армии. 1921–1929 гг. С. 535.
 7 КА и КД. С. 222 (док. № 23) — докладная записка ПУ РККА о колхозном строительстве от 11 января 1930 г.
 8 Там же. С. 222.
 9 Партийно-политическая работа в Красной Армии. 1921–1929 гг. С. 502 (док. № 148) — директива ПУ РККА от 3/8 мая 1929 г. № П4/5451.

- 10 Партийно-политическая работа в Красной Армии. 1921–1929 г. С. 503 (док. № 148) — директива ПУ РККА от 3/8 мая 1929 г. № П4/5451.
- 11 Там же. С. 504.
- 12 КА и КД. С. 222 (док. № 23) — докладная записка ПУ РККА о колхозном строительстве от 11 января 1930 г.
- 13 Там же.
- 14 Постановление РВС СССР «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве»//КА и КД. С. 236–240 (док. № 24), а также в сб.: Партийно-политическая работа в Красной Армии. Июль 1929 г. — май 1941 г. С. 44–46 (док. № 11).
- 15 Партийно-политическая работа в Красной Армии. Июль 1929 г. — май 1941 г. С. 47–49 (док. № 13).
- 16 Партийно-политическая работа в Красной Армии. Июль 1929 г. — май 1941 г. С. 492 — плановые показатели были опубликованы в журнале «Военный вестник». 1930. № 15. С. 3.
- 17 РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 892. Л. 124–124 об. Заверенная копия на бланке Наркомата по просвещению. Циркуляр имел подписи зам. наркома по просвещению Эпштейна и зам. Главпрофобром Вышинского.
- 18 Там же.
- 19 РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 330. Л. 141–142. Заверенная копия.
- 20 Там же. Л. 139–140. Заверенная копия.
- 21 Там же.
- 22 Там же. Ф. 9. Оп. 40. Д. 27. Л. 742. Типографский экз.
- 23 КД и КА. С. 518, 520 (док. № 76) — из доклада ПУ РККА «О политико-моральном состоянии Красной Армии в 1933 г.».
- 24 РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 330. Л. 87. Заверенная копия — обращение Наркомторга за подписью члена коллегии Чернова в ПУ РККА от 12 июля 1930 г.
- 25 Там же. Ф. 9. Оп. 3. Д. 430. Л. 21–21 об. Подлинник.
- 26 Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 163. Л. 29 об. Подлинник — политдонесение ПУ БВО от 22 февраля 1930 г. № 9 «Агропоход частей БВО».
- 27 Партийно-политическая работа в Красной Армии. 1921–1929 г. С. 559 — директивы ПУ РККА от 22 февраля 1929 г. № П4/3577, от 5 июля 1929 г. № П4/7156, от 19/22 июля 1929 г. № П4/7399.
- 28 Справочник партийного работника. Вып. VII. М., 1930. Ч. 1. С. 537–538.
- 29 Партийно-политическая работа в Красной Армии: 1921–1929 г. С. 502–507 (док. № 148).
- 30 Там же.
- 31 Партийно-политическая работа в Красной Армии. Июль 1929 г. — май 1941 г. С. 45–46.
- 32 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1417. Л. 17. Отпуск — письмо от 23 марта 1930 г. № 0124/сс.

- 33 КА и КД. С. 378, 380 (док. № 50) — из докладной записки переселенческой группы Колхозцентра от 5 июля 1930 г.
- 34 Там же. С. 384 (док. № 51) — директива ПУ РККА от 20/22 августа 1930 г. № П2/8581.
- 35 Там же. С. 386.
- 36 Там же. С. 386 (док. № 52).
- 37 Постановление СНК РСФСР «Об организации красноармейских колхозов» от 17 мая 1931 г.//ТСД. Т. 3. С. 123–124 (док. № 38).
- 38 КА и КД. С. 392 (док. № 53) — доклад НК РКИ СССР о положении дел с красноармейским переселением в ДВКрай от 13 сентября 1931 г.
- 39 Из справки СПО ОГПУ от 28 февраля 1932 г.//Частично опубл. в сб.: КА и КД. С. 402 (док. № 55).
- 40 Там же. С. 402.
- 41 КА и КД. С. 392.
- 42 См.: Письмо К. Е. Ворошилова Я. Б. Гамарнику от 19 октября 1931 г.//КА и КД. С. 396–398 (док. № 54).
- 43 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 326. Л. 330–340. Далее приводятся цитаты из данного письма К. Е. Ворошилова.
- 44 Там же. С. 330.
- 45 Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. II. 1930–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 283.
- 46 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 326. Л. 367 — препроводительная записка к проекту постановления; Л. 368–374 — проект постановления Политбюро.
- 47 Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. II. С. 287.
- 48 Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации особого колхозного корпуса ОКДВА» от 16 марта 1932 г.//ТСД. Т. 3. С. 290–293 (док. № 109).
- 49 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 156–159. Подлинник — стенографический отчет расширенного заседания РВС СССР 16–18 ноября 1933 г.
- 50 Там же.
- 51 Постановление СНК РСФСР «Об организации красноармейских колхозов» от 17 мая 1931 г.//ТСД. Т. 3. С. 123–124 (док. № 38).
- 52 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1338. Л. 10. Отпуск-справка зам. начальника орготдела ПУ РККА Шубина зам. начальника ПУ РККА А. С. Булину «О красноармейских колхозах», декабрь 1934 г.
- 53 Там же.
- 54 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 251. Подлинник.
- 55 Там же. Л. 163. Подлинник.
- 56 Там же. Л. 164. Подлинник.
- 57 РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39. Л. 73. Автограф Ворошилова и Молотова. Одно слово неразборчиво.

- 58 Телеграмма И. В. Сталина Б. П. Шеболдаеву и Л. М. Кагановичу от 22 ноября 1932 г.//ТСД. Т. 3. С. 549 (док. № 211).
- 59 *Зеленин И. Е.* Введение (Кульминация крестьянской трагедии)//ТСД. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001. С. 28.
- 60 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1932 г.//ТСД. Т. 3. С. 581 (док. № 228).
- 61 Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. (пункт 7, «а»)//ТСД. Т. 3. С. 577 (док. № 226). Более подробно о причинах и ходе принятия этого постановления говорится в работах кубанских историков И. И. Алексеенко и С. Кропачева. См.: *Алексеенко И. И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е годы XX века. Краснодар, 1993. *Кропачев С.* Большой террор на Кубани. Краснодар, 1993.
- 62 *Зеленин И. Е.* Указ. соч. С. 29.
- 63 РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 321. Л. 1.
- 64 КА и КД. С. 468–470 (док. № 67) — директива РВС СССР от 20 декабря 1932 г. (№ 97299). В этом же сборнике частично опубликованы и др. документы по этой акции. Все материалы по проведению этой акции отложились в фонде Политического управления РККА (РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 613).
- 65 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л. 229.
- 66 Там же. Л. 225.
- 67 Там же. Л. 12.
- 68 Там же. Л. 17.
- 69 Там же. Л. 61 об.
- 70 Там же. Л. 218.
- 71 Там же.
- 72 Там же. Л. 60.
- 73 Там же. Л. 39.
- 74 Там же. Л. 6.
- 75 Там же. Л. 46.
- 76 Там же. Л. 47.
- 77 Там же.
- 78 Там же. Л. 12.
- 79 Там же. Л. 4–5.
- 80 Там же. Л. 12.
- 81 Там же. Л. 21, 25, 31.
- 82 Там же. Л. 9.
- 83 Там же. Л. 29//КА и КД. С. 478 (док. № 70).
- 84 Там же. Л. 29, 87.
- 85 Там же. Л. 57.
- 86 Там же. Л. 46.
- 87 Там же. Л. 143.
- 88 Там же. Л. 224.
- 89 Там же. Л. 93.

- 90 Там же. Л. 48–52, 54–56.
91 Там же. Л. 4.
92 Там же. Л. 96-99//КА и КД. С. 480 (док. № 71).
93 Там же.
94 Там же. Л. 64.
95 Там же. Л. 38.
96 Там же. Л. 303.
97 Там же. Л. 53.
98 Там же. Л. 98.
99 Там же. Л. 38.
100 Там же. Л. 99.

Заключение

- 1 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2928. С. 9 — личный состав РККА в социально-демографическом отношении по данным на 1 апреля 1925 г. (издание ГУ РККА. М., 1926).
2 КА и КД. С. 236 (док. № 24).

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Источники

Архивные материалы и документы

1. Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 4 – Управление делами при Наркоме обороны СССР (быв. Управление делами Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР)

Ф. 7 – Штаб Рабоче-Крестьянской Красной армии

Ф. 9 – Политическое управление Красной армии (быв. Политическое управление РККА – ПУ РККА)

Ф. 54 – Главное управление РККА (ГУ РККА)

Ф. 33987 – Секретариат председателя РВСР – РВС СССР

Ф. 37977 – Оперативное управление Штаба РККА

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 74 – Личный фонд К. Е. Ворошилова.

Литература по вопросам военного строительства

Бабаков А. Советские военные округа (К истории строительства)//ВИЖ. 1982. № 9.

Бабенко П. М. И. Э. Якир (Очерк боевого пути). М., 1964.

Бакурский В. А. Советская политика коллективизации и участие органов ОГПУ – НКВД СССР в ее осуществлении (1928–1933 гг.). Автореферат диссертации ... ученой степени канд. ист. наук. Саратов, 2001.

Баренцев Г. Л. Содержание и организация политического воспитания Красной Армии. Л., 1927.

Беджаниян Р. М. Коммунистическая партия — организатор активного участия Красной Армии в социалистическом строительстве (1918–1932 гг.). М., 1969.

Берхин И. Б. О территориально-милиционном строительстве в Советской Армии//ВИЖ. 1960. № 12. С. 9–19.

Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. 660 с.

В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. М., 1980.

Варенов В. И. Помощь Красной Армии в развитии колхозного строительства (1929–1933 гг.): По материалам Сибирского военного округа. М., 1978.

Ващенко П. Ф., Рунов В. А. Военная реформа в СССР//Военно-исторический журнал. 1989. № 12.

Велидов А. С. Коммунистическая партия — руководитель и организатор ВЧК (1917–1922). М., 1970.

Виноградов В. К., см. предисловия: к томам 1–3 сб.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1999–2003; к томам 1–8 сб. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001–2008.

Вишняков Н. П., Архипов Ф. И. Устройство Вооруженных Сил СССР. М.: Военный вестник, 1927. Изд. 3-е, исправленное и дополненное по 15 мая 1927 г.

Внутренние войска. Исторический очерк. М., 2007.

Военная реформа. История и перспективы. СПб.; М., 1991.

Выврич А. Красная Армия в борьбе с неграмотностью. М., 1925.

Геронимус А. Партия и Красная Армия: Исторический очерк. М.; Л., 1928.

Дайнес В. О. От гражданской войны к миру (Красная Армия в 20–30-е годы)//ВИЖ. 1992. № 10. С. 2–10.

Данилов В. От Штаба РККА к Генеральному штабу Рабоче-Крестьянской Красной Армии (1924–1935 гг.)//ВИЖ. 1978. № 8. С. 101–106.

Данилов В. Создание Штаба РККА (февраль 1921-го–март 1924 г.)//ВИЖ. 1977. № 9. С. 85–89.

Данилов В. Строительство центрального военного аппарата в 1924–1928 гг. // ВИЖ. 1972. № 6. С. 80–86.

Данилов В. Д. Органы руководства Советскими Вооруженными Силами. 1921–1941. М., 1982. 382 с.

Дегтерев Л. Политработа в Красной Армии. М.; Л., 1926.

Душенькин В. В. От солдата до маршала. М., 1960.

Евдокимов Е. Л. Политические занятия в Красной Армии. Л., 1933.

Жилин В. А. Организационное строительство Вооруженных Сил: История и современность. М., 2002. 584 с.

Зданович А. А. Отечественная контрразведка. 1914–1920: Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 240 с.

Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. 800 с.

Золотарев В. А., Тюшкевич С. А. Опыт и уроки отечественной военной истории. М. 1995.

Золотарев В. А. Отечественные военные реформы. М. 1997.

Измозик В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. 164 с.

Иовлев А. Техническое перевооружение Красной Армии в годы первой пятилетки // ВИЖ. 1964. № 12. С. 3–13.

Иовлев А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976.

История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1973–1974. Т. 1–3.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967–1970. Т. 3–5.

Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х–середина 1930-х годов). СПб., 2002. 472 с.

Клеандрова В. М. Правовое положение ВЧК–ОГПУ (1917–1924). М., 1982.

Клочков В. Ф. Красная Армия — школа коммунистического воспитания советских воинов. 1918–1941. М.: Наука, 1984.

Кольчев В. Г. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны, 1918–1920. М., 1979.

Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М., 1963.

Конюховский В. И. Борьба Коммунистической партии за укрепление Красной Армии (1921–1941 гг.). М., 1958.

Коробочкин И. Основы политического воспитания Красной Армии. Л., 1930.

Коровин В. В. История отечественных органов безопасности. М., 1998.

КПСС и военное строительство. М., 1982.

Кузьмин Н. Ф. На страже мирного труда (1929–1940 гг.). М., 1959.

Кулиш-Амирханова А. С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Махачкала, 1976.

Лисенков М. М. Культурная революция в СССР и армия. М., 1977.

Лобов В. Н. Военная реформа. Исторические предпосылки и основные направления // ВИЖ. 1991. № 11.

Лобов В. Н. Очерки истории отечественных военных реформ. М.: Академия естественных наук Российской Федерации. 1995.

Малиновский Л. П., Стуцка К. и Смородинов И. Милиционн-территориальное строительство. М.: Военный вестник, 1927.

Мальцев Н. А. Кадровая или милиционная? // ВИЖ. 1989. № 11. С. 35–41.

Мелия А. А. Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921–1928 гг.) // Экономика и финансы. 2002. № 2. С. 37–62.

Минаков С. Т. За отворотом маршальской шинели. Орел: Орелиздат, 1999.

Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел: Орелиздат, 2000.

Михалева В. М., Тархова Н. С. «Медынское дело» в Красной Армии, или рассказ о том, как проводилось раскулачивание в провинциальном городке Медынь в январе 1930 г. // The Stalin-Era Research and Archives Project. Centre for Russian and East European Studies University of Toronto. Working Paper. № 6. 2000.

Мишанов С. А. Военная реформа и внутривластная борьба в СССР (1924–1928 гг.) (По материалам западной историографии) // Военная реформа: Итоги и перспективы. М., 1991. С. 32–42.

Мовчин Н. Комплектование Красной Армии (Исторический очерк). Изд. Управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА, 1926. 292 с.

Мухин М. Ю. Амторг: Американские танки для РККА//Отечественная история. 2001. № 3. С. 51–61.

Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. М.: Воениздат. 1983. 368 с.

Обертас И. Л. Командарм Федько. М., 1965.

Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 293–295.

Отечественные военные реформы XVI–XX веков. М., 1995.

Очерки советской военной историографии/Под ред. П. А. Жилина. М., 1974.

Павленко Н. Некоторые вопросы развития теории стратегии в 20-х годах//ВИЖ. 1966. № 5. С. 10–26.

Панков Д. В. Комкор Эйдеман. М., 1965.

Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918–1973 гг.): Исторический очерк. М., 1974.

Партия и армия. М., 1977.

Петров Ю. П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота. М., 1968.

Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.

Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ. 1921–1928 гг. М., 2003. 508 с.

Плеханов А. М. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ в 1917–1924 гг. М., 1987.

Подобед И. М. Культурно-просветительная работа в Советских Вооруженных Силах в годы мирного социалистического строительства (1921–1941). Львов, 1975.

50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968.

Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002. 408 и 208 с.

Ростунов И. У истоков советской военной историографии // ВИЖ. 1967. № 8. С. 84–96.

Ростунов И. Советская военная историография в межвоенный период // ВИЖ. 1967. № 11. С. 86–93.

Савко Н. Очерки по истории партийной организации в Красной Армии. 1918–1923 гг. М., 1928.

Салехов Н. И. Ян Борисович Гамарник (Очерк о жизни и деятельности). М., 1964.

Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО — XX, 2001. 296 с.

Севастьянов В., Егоров П. Командарм первого ранга Уборевич. М., 1966.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

Скипский Г. А. Боеспособность территориальных частей Красной Армии на Урале в 30-х гг. // Мир и война: 1941 год: Научная конференция, проведенная Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) 9 дек. 2001 г. / Ред. В. Л. Берсенев и др. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. С. 170–191.

Скипский Г. А. Территориальная система РККА на Урале в качестве элемента военной доктрины СССР в 30-х гг. // Там же. С. 192–201.

Славин И. Общие основания политической работы в Красной Армии. М.; Л., 1928.

Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978.

Соколов Б. В. Красная Армия в межвоенный период (1921–1941 гг.). М.: Знание, 1990.

Сувениров О. Ф. Коммунистическая партия — организатор политического воспитания Красной Армии и Флота. 1921–1928. М., 1976.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1941. М.: ТЕРРА, 1998.

Таль Б. История Красной Армии: Краткий общедоступный очерк. М., 1929.

Тархова Н. С. Армия и Крестьянство. Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 260 с.

Тархова Н. С. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932–1933 гг. (По материалам РГВА) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 1. С. 38–42.

Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1931–1934 гг. М.: МОНФ, 2000.

Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1966.

Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.

Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности и НКВД СССР в 30-е гг. М., 1997.

Цветков И. Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России (1695–1945). СПб.: ЦКП ВМФ, 2000.

Черушев Н. С. «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918–1953. М.: Вече, 2004. 528 с.

Glantz D. M. Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War. Lawrence (KS): University Press of Kansas, 1998.

Hagen von M. Soldiers of the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1990. 369 p.

Reese R. R. Red Army Opposition to Forced Collectivisation, 1929–1930//Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 1. P. 24–49.

Reese R. R. Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1996, 272 p.

Romano Andrea. Contadine in uniforme/L'Armata Rossa e la collettivizzazione delle campagne nell'URSS/. Firenze, 1999.

Romano Andrea. Permanent War Scare: Mobilisation, Militarisation and Peasant War (p. 103–119).

Литература по истории крестьянства

Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1927–1957 гг. М., 1960.

Борисов Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960.

Боденко М. Л., Зеленин И. В. Совхозы СССР. М., 1976.

Власов М. К. К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства в районах МТС. М., 1932.

Власов М. К. Коллективизация советской деревни. М., 1930.

Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976.

Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978.

Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М., 1970.

Вылцан М. А. Этапы развития материально-технической базы сельского хозяйства СССР//Вопросы истории. 1975. С. 18–21.

Вылцан М. А. Укрепление материально-технической базы колхозного строя в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) М., 1959.

Горохов В. С. Производительные силы российской деревни (1928–1940 гг.). Саратов, 1997.

Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. о «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР//Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.

Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР//История СССР. 1990. № 5. С. 7–30.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 320 с.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.

Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957.

XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке»/Под ред. Хирочи Окуда. Токио: CIRJE – R-2, 2005.

Зеленин И. Е. Коллективизация и единоличие//Отечественная история. 1993. № 3.

Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»//Вопросы истории. 1998. № 1.

Зеленин И. Е. «Революция сверху» // Вопросы истории. 1994. № 10.

Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации//История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.

Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (Осень 1930–1932 гг.)//История СССР. 1990. № 6.

Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов: Кто виноват?//Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 249–297.

Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья (По воспоминаниям очевидцев)//Новые страницы истории Отечества: Межвузовский сб. научных трудов. Пенза, 1992. С. 164–170.

Кондрашин В. В. Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории поволжской деревни//Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72.

Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. М., 2001.

Кондрашин Виктор, Пеннер Диана. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (На материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002. 432 с.

Кондрашин В. Трагедия 1932–1933 гг. в поволжской деревне в памяти народной//Записки краеведов. Сб. материалов. Вып. 2. Ч. 2. Пенза, 2004. С. 83–100.

Кондрашин Виктор. Голод 1932–1933 гг. в России и на Украине: трагедия советской деревни//XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Под ред. Хироси Окуда. Токио: CIRJE – R-2, 2005. С. 234–264.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 519 с.

Корольков Н. В. Опыт КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства (1927–1937 гг.). Владимир, 1970.

Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917–конец 1930-х гг.). Лекция 2: Тылоополченцы как часть маргинальных групп 1930-х гг. Новосибирск, 1998.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003

Красильников С. А. Тылоополченцы//ЭКО. 1994. № 3.

Красильников С. А., Миненков Д. Д. Тыловое ополчение как элемент системы принудительного труда: Этап становления (1930–1933 гг.)//Гум. науки в Сибири. 2001. № 2. С. 41–46.

Кукушкин Ю. С. Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни (1929–1932 гг.). М.: МГУ, 1962.

Ларькина. Е. И. Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М., 1960.

Левыкин К. Г. КПСС — организатор колхозного производства в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). М., 1969.

Маркевич А. М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929.

Миненков. Д. Д. Формирование и развитие частей тылового ополчения в СССР (1930–1937 гг.) Автореф. дис. ... ученой степени канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

Никулихин Я. П. Индустриализация сельского хозяйства СССР. М.; Л., 1931.

Никулихин Я. П. Техническая реконструкция сельского хозяйства//Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке. М.; Л., 1934.

Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. 91 с.

Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967.

Першин П. Н. Аграрная революция в СССР. М., 1966.

Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1933 гг. М., 1960.

Социалистическое народное хозяйство СССР. 1933–1940 гг. М., 1963.

Рогалина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989.

Савельев С. И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994.

Селунская В. М. Рабочие двадцатипятидесятники. М., 1964.

Селунская В. М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (Октябрь 1917–1934 гг.). М., 1961.

Сидоров В. А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921–1929 гг. М.: Мысль, 1978.

Трифонов И. Я. Ликвидация зажиточных классов в СССР. М.: Политиздат, 1975.

Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. М., 1960.

Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2 т. М., 1967.

Шмелев Г. И. Коллективизация: на крутом переломе истории. Приложение//Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. М., 1990.

Шмелев Г. И. Коллективизация: на крутом переломе истории//Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989.

Юдачев С. А. Борьба КПСС за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933–1937). М., 1962.

Литература по источниковедению и археографии

Артизов А. Н., Наумов О. В. Некоторые проблемы публикации документов пленумов ЦК ВКП(б)–КПСС//Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 66–76.

Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 458 с.

Богденко М. Л. Первые тома общесоюзной серии документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства//Вопросы истории. 1966. № 8.

Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975.

Ивницкий Н. А. О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства//«Археографический ежегодник» за 1967 год. М., 1969.

Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И. Д. Ковальченко. Изд. 2-е. М., 1981.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика/Под общ. ред. А. К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. 744 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие/И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2004. 702 с.

Кабанов В. В. Документы по истории коллективизации сельского хозяйства//История СССР. 1978. № 5.

Логин В. Т. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования. М., 1971.

Логин В. Т. Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979.

Марксистско-ленинская методология военной истории. Изд. 2-е. М., 1976.

Мухин М. Ю. Российский государственный архив экономики. Комплексы документов по исследованию военной промышленности в 1921–1941 годах (Обзор)//Отечественная история. 1996. № 4. С. 100–112.

Нестерович Ю. В. Об определении социокультурного (общественного) статуса археографии//Вестник архивиста. Информационный бюллетень Российского общества историков-архивистов. № 5–6 (89–90). Сентябрь–декабрь 2005 г. С. 21.

Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) первой половины 1920-х годов//Археографический ежегодник за 1994 год/Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1996. С. 18–46.

Покровский Н. Н. О принципах издания документов XX века//Вопросы истории. 1999. № 6. С. 32–45.

Соколов В. В. Архив внешней политики Российской Федерации – историкам//Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 156–165.

Телятников Г., Лейбович Х., Горбунов В. О применении системного подхода и математических методов в военно-исторических исследованиях. ВИЖ. 1978. № 10. С. 91–95.

Тюшкевич С. Методологическое значение ленинского понимания эпохи для исследования современных войн. ВИЖ. 1978. № 1. С. 3–10.

Тюшкевич С. О принципе партийности в военной истории. ВИЖ. 1972. № 1. С. 3–10.

Тюшкевич С. Проблемы методологии советской военной истории. ВИЖ. 1974. № 2. С. 3–10.

Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР (Советский период). Изд. 2-е. М., 1976.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Предварительная сводка Политического управления РККА о «крестьянских настроениях» в Красной армии¹

14 февраля 1928 г.
Секретно

*Отражение кампании хлебозаготовок и пр. в Красной Армии
(предварительная сводка)*

1. Влияние деревни на кр-цев

Хлебозаготовки и проводимая кампания самообложения в деревне очень быстро отразились в армии. Армия за последние недели получает из деревни потоки писем с жалобами на «притеснения», «возвращение разверстки 1920 года» и т. д. Особенно силен этот поток в СКВО, отчасти в УВО, слабее в других округах. Поток писем изо дня в день усиливается во всех округах.

Насколько велик этот поток писем, например в СКВО, можно судить по тому, что Новочеркасский гарнизон, насчитывающий 5 000 чел. кр-цев, за день получил до 6 000 писем.

В терчастях СКВО поток писем усугубляется посещением части ходоками, приходящими с жалобами на действия местной власти.

Основные мотивы писем из деревни сводятся к следующему:

- а) вернулась продразверстка; высказывается опасение, что вводится опять «военный коммунизм»;
- б) «мельницы закрылись»; «мелют за хлеб», «по норме»;
- в) «хлеб заставляют продавать кооперации, когда частник платит гораздо дороже»;
- г) «в лавках продают только на хлеб, а у кого хлеба нет, на деньги купить ничего нельзя». Резкое недовольство этим выражает беднота, батраки и часть середняков;
- д) «покупают хлеб по 1 р. 15 к., а за сем[енную] ссуду берут по 1 р. 35 к.»;

е) «на наши товары (на хлеб и пр.) — такса, а их — нет» и т. д.

Вот наиболее характерные выдержки из писем:

СКВО. «В станице идет продразверстка, забирают хлеб, прессуют сено»... «выкачивают весь хлеб»... «на весь хутор наложили разверстку»... «хлеб весь насильно забирают, мельницы все закрыты» (из Кубанского округа), «до каждого приходят ночью и забирают хлеб, в лавках ничего не дают, все наши ходят, как дурные» (из Батайского района Донокурга) (5 кав. див.).

Демобилизованный кр-ц пишет: «В станице закрыты все лавки, на деньги ничего нельзя купить, и народ бунтует насчет хлеба».

«В деревне ходят и отбирают хлеб».

«При выкачке хлеба платят за пуд пшеницы 1 р. — 1 р. 15 к., а на семенную суду взимается за пуд 1 р. 35 к.» (22 стр. див.).

В 12 кав. див. в 90 к. п. курсант полшколы получил письмо, в котором ему пишут: «В станице народ стал прямо как мертвый, такая жизнь приходит, не знаем, как жить дальше будем. Выбирают остатки хлеба, мы и то вывезли хлеб. Со всех берут, а ведь деньгами не берут, а давай хлеб. У кого хлеба [нет], то берут лошадь и корову, что у хозяина есть, то и берут» (из п/д № 7 от 2/II-28 г.).

В одном из писем отец кр-ца, бедняк, пишет, что беднота не может купить себе хлеба, так как его не продают кулаки, обращались в совхоз, тот тоже отказал, и дальше пишет, что «народ поговаривает делать забастовку и разбивать амбары кулаков».

Кр-ц Беланенко, Армавирского округа, середняк (по слухам, брат ушел с белыми в эмиграцию в Австрию), получил от кума — демобилизованного кр-ца письмо, где последний пишет: «Жизнь наша стала плохая... мы держались своей кровью, а теперь нас жмут всюю. На ст. Богословскую наложили 25 тыс. пудов пшеницы и 25 тыс. облигаций и ездят по дворам и описывают. В лавках дают только за хлеб, если сдаешь 1 п[уд] хлеба[то] на 30 коп. получишь товару, ну, одним словом, хуже войны. Не обижайся на службу, потому что дома еще хуже, работай, как собака, [за] этот несчастный хлеб, а продать не имеешь права. Больше нормы (по 2 пуда на душу) молоть нельзя».

Кр-ц 2 эскадрона Ставропольского округа Кузьминков, середняк, получил письмо, где пишут: «Напиши нам, у нас есть слухи, что будет мобилизация 1901 и 1902 гг. и будут забирать хлеб, чтобы кормить их. Потом, у нас говорят, что деньги скоро пропадут, а товар будут давать только за хлеб».

Таких писем прислано в каждый эскадрон от 3–9, в большинстве своем кр-цам, относящимся к группе середняков, бедняков (из п/д № 6 от 27/I-28 г.).

Вернувшийся в 27 стр. п[олк] 9 стр. див. из отпуска ком. отделения из с. Койсуг рассказывает, как там проходят заготовки: «Приходит чрезвычайная комиссия на дом. Определяет количество хлеба и заявля-

ет, что вот эти закрома должен продать государству, а эти оставь себе. Берут расписку с обязательством, что крестьянин к такому-то числу должен хлеб сдать. При расчете с крестьянином за хлеб ему навязывают облигации или приходят на следующий день и заставляют подписаться, говоря, что деньги у тебя есть, давай сюда».

«Вернулась проклятая продрозверстка, как в 20–21 годах была. Хлеб берут весь, оставляют только 1–2 пуда на душу. Мы, наверное, останемся без хлеба и будем голодать зиму. Скажи там своим начальникам, чтобы они помогли нам в этом как семье красноармейца» (из п/д № 5 от 24/1-28 г.).

УВО. На настроениях кр-цев отрицательно отражаются письма из дому, получение которых за последнее время сильно увеличилось.

Характерны следующие выдержки из писем, полученных в школе летчиков им. Мясникова: «У нас сейчас такое идет, что сам черт не поймет, за продналог и страховку описуют, забирают вещи, судят и наделяют облигацию. Хочешь не хочешь, а все равно накидают от двух с половиной до двадцати пяти рублей и наклали самообложения 9 тысяч на Богдановку» (из Мелитопольского района, середняк).

«На 11 году революции советская власть начала опять требовать налоги так же, как и в 1921 году, и нажимать на крестьян так же, как раньше, когда брали еще продрозверстку».

«Вы там служите, а у нас дела плохи, в 10-ю годовщину говорили, что все хорошо, говорили про достижения, но пережили мы разруху и голод, а такого несчастья еще не было забирают коров, овец, оставляют продовольствия только на 3 месяца на душу, а весной пойдем пастись в поле» (из п/д № 6 от 2/II-28 г.).

ККА. Содержание большинства писем таково: «Власть проверяет хлеб, отбирает излишки, оставляет только по два пуда на душу»; «Приходят тройки и предлагают весь излишек продать; крестьяне недовольны, чересчур нажимают» (Сальский округ); «У нас сейчас производится реквизиция хлеба, всем зажиточным хозяевам роздали повестки для вывоза хлеба, предвидится гибель»; «Хлеб забирают, оставляют два пуда на душу, мельницы остановились, мы сами сейчас сидим без хлеба» (Армавирский округ); «Все амбары проверяются»; «Амбары печатаются» и т. п.

3-я стрелковая дивизия. Поступающие из деревни письма пестрят сообщениями: «Идет реквизиция хлеба у крестьян, опечатавают мельницы... Частнику продавать хлеб не разрешают... Госорганы с рынка хлеб забирают насильно и уплачивают по твердым ценам... за деньги товар купить нельзя, за хлеб можно» и т. п. В отдельных письмах пишут об увеличении налогов на 30–35 % (из п/д № 23 от 31/1-28 г.).

ЛВО. «У нас объявили, чтобы вывозили хлеб, излишки у кого есть, и запретили продавать хлеб на базарах, а бедняку купить негде, так что придется трудно переживать до нового хлеба. С Рассыпной

наложили 13 тыс. с лишком, чтобы Рассыпная вывезла на ссыпной пункт» — пишут кр-цу 29 кавполка т. Пелинос, кандидату ВКП(б) из станции Рассыпной Белоглинского района.

«Сообщаю великие новости. У нас на хлеб такса, товару, мануфактуры нам нет, потому что дают мануфактуру только на хлеб, а у кого хлеба нет, тот ходит нагишом. Потом на мельницах контроль, молоть только по разрешениям и норме 14 пудов зерна на едока на год. На лошадь и корову 10 пудов на год. Затем купить очень трудно, да и нечего, лавочки мучные все закрыты, а в кооперации на книжку [дают] пшеничной 1 пуд и ржаной 1 пуд в неделю, без книжек не дают. Страховку с меня дерут, сделали опись имущества. У нас дерут за продналог и за страховку, не считаются ни с чем, что недород. Я продаю, пожалуй, все — и корову, и свиней, пожалуй, и лошадь, потому что не прокормлю, работы нет никакой. Согласно самарской газете “Коммуна”, будут ходить по амбарам и выгребать хлеб, как в 1920 г. губметла, но нам, беднякам, заживо ложись и помирай, власть делает сама не знает что — обижает всю пролетарию, потому что у богатей давно припасен хлеб, у нас запастись не на что, мы должны согнать последний скот и после этого идти опять к буржуа в работники, но если война, то, во-первых, возьмутся за того, кто это делает». Так пишет кр-цу т. Вязовкину его брат из села Кинель Бугурусланского уезда Самарской губернии (из *n/д № 3 от 31/I-28 г.*).

МВО. «...Не хотят давать мануфактуры... и потом не дают железа. Раз пришлось мне купить железа. Я пошел в союз, мы за деньги не даем, просят хлеба. Я вынужден был идти к частнику, торговцу, и заплатить двойную цену, так что в союзе было 15 к. кило, а у вольных 30 к. Теперь наше дело плохо, если установят такой порядок — все нужные товары только за хлеб, тогда где мы будем брать хлеба, если знаешь, какой у нас хлеб теперь» (письмо кр-цу 62 кавполка т. Лысенко из Уфимской области) (из *n/д № 4 от 6/II-28 г.*).

БВО. «Жизнь в нашей Республике никуда не годится. Начинается военный коммунизм. Товаров из кооперации за деньги не отпускают, а только за хлеб. Налог взимается хлебом (вроде как натуральный). Если повезешь на мельницу молоть, то оставляют по полтора пуда, а остальные забирают».

«Дорогой сынок. Деньгами делать нечего, за деньги ситцу не дают, а только за пшеницу, кукурузу, ячмень и фасоль» (из *n/д № 5 от 3/II-28 г.*).

«Дорогой сын, с нового года пошла жизнь независимая. На наш товар становятся таксы, а на их нет, и товар дают только за хлеб».

Отмечаются факты головотяпства местных работников при проведении кампании:

СКВО. Прибывший старшина роты, член партии, заявил следующее: «В районном селе Александровское Ставропольского округа я сам

видел, как милиция забирала у крестьян, приехавших на базар, все продукты, будь то зерно, мука или куры. Все отвозили в отделение милиции и там расплачивались — по каким ценам, неизвестно».

УВО. Для усиления хлебозаготовительной кампании приехал в Балаклею зампред[седателя] Изюмского окрисполкома и по телефону затребовал у командира 13 стр. батальона кр-цев в помощь для выкачки недоимок; на предложение комбата согласовать вопрос с военкомом зампред ответил, что вопрос уже согласован, и комбат распорядился выслать кр-цев, которые успели обойти несколько дворов, пока об этом [не] узнал военкомбат, и распорядился снять их. На этой почве среди кр-цев пошли разговоры: «грабят крестьян, 20 год пошел» (*из н/д № 6 от 2/II-28 г.*).

В Центральное бюро красноармейских писем поступило отношение военкома 2-го радиополка, в котором он пишет: «По имеющимся в политчасти полка сведениям, у гр-на Евсеева Сергея Сергеевича, проживающего в селе Федоровка Студенецкой вол. Пензенск. уезда и губ. в оплату с/х налога, причитающегося с него деньгами не взяли, а уполномоченный по с/х налогу самочинно взял сбил замок и выгрузил около 30 пудов хлеба для покрытия недоимок с/х налога. Кроме того, поступают и от семей кр-цев подобного рода жалобы: выполнение директив об усилении хлебозаготовок в подобных формах едва ли санкционировано губернским парт. и сов. органами. Подобные письма красноармейцам вызывают вредные политические настроения среди красноармейских масс»:

СКВО. «У нас говорят, мир только до апреля, а с апреля начнется война, посоветуйте, как поступить: или хлеб сдать, а набрать мануфактуры, или хлеб запрятать» (*из н/д № 7 от 2/II-28 г.*).

«Дорогой наш сынок Яша, по какому это поводу забирают излишки пшеницы. Яша, постарайся дать ответ. Вообще картофель, кукурузу, что оно там предчувствуется или какая война на носу, или договор заключили с каким государством, чтобы платить пшеницей» (*из н/д № 6 от 27/II-28 г.*).

«Ну, здорово, наш защитник. Я твой родной отец, но должен тебе сказать, что недоволен на тебя. Ты служишь и ни о чем не тужишь, а мы здесь погибаем, хлеб приходится прятать в ямы, потому что лишний забирают, в казну. Вот тебе и манифест. Недоимки простили крестьянам, зато разверстку учинили и, как я понимаю, хотят этим пополнить те недоимки, которые были прощены манифестом нам. Лучше б не было манифеста. А тут еще говорят, что Англия хочет объявить войну нам, а наша республика хочет собрать хлеб и откупиться. Наверное, нас скоро разобьют другие государства в пух и прах» (*5 кавдивизия, из н/д № 5 от 24/I-28 г.*).

МВО. «А война обязательно будет. Привезли в лавку мануфактуры, а за деньги не дают, говорят, что деньги лопнут» (*из н/д № 4 от 6/II-28 г.*).

ККА. «Хлеб запрещают продавать на рынке, должны продавать через кооперацию, должно быть, готовится война» (из *n/д № 24 от 31/1-28 г.*).

БВО. «А что писал насчет войны, то правда, слухи у нас идут. У нас сейчас происходит грабировка, ташат все, что попадетя, за налог, за страховку, за воду, за канал. На наш Прохладинский район наложили 140 тыс. пудов пшеницы, только хлеб продают на ссыпунктах. На базаре нельзя ни муку, ни пшеницу продавать, а товар за деньги в нашем кооперативе не дают, дают лишь за пшеницу. Выходит, что нам никак нельзя жить» (из *n/д № 5 от 3/II-28 г.*).

Во многих случаях деревня не просто жалуется своим сыновьям, а просит у них помощи, иногда даже пытается восстановить кр-цев против службы в армии — предлагает бежать из армии, а в отдельных случаях просит вооруженной поддержки:

СКВО. Источниками слухов являются письма от родных к кр-цам, общение с гражданским населением, особенно в терчастях, где полшколы укомплектованы по территориальному признаку, и посещение частей дорожками, которые приходят в части с целью просить у кр-цев «защиты» против действий местных властей.

В 9 арtpолку комсомолец получил письмо: «Что на деревню прислана разверстка 10000 пудов и будут брать по 3 пуда с засеянной десятины, хотят устроить голодовку, как в 21 г. Жены кр-цев в кооперативе не могут получить мануфактуры. Не верь, что у вас говорят, в армии одно, а у нас другое» (из *n/д № 6 от 27/1-28 г.*).

«Теперь будет беда насчет хлеба, дойдет мука до 5 р. за пуд, а то и больше, и вот наши хлебоборобы будут нуждаться в хлебе, а все потому, что не союз между крестьянами — один против другого, а если бы был союз крестьянский, то сыграло бы что-либо другое, тогда бы были крестьянам и товары всевозможные, и сельскохозяйственные машины. Это нужно и вам, кр-цам, крестьянским сынам, выступать на собраниях и высказываться и защищать своих отцов-крестьян, чтобы дать им отдохнуть и хоть немножко окрепнуть, ведь все движение идет только через крестьян, а их угнетают; еще раз прошу — выступайте на собраниях и митингах и защищайте свою крестьянскую кровь. С тем до свидания, остаемся живы и здоровы, то тебе желаем, известный твой кум Трофим Ник. Ждем ответа».

«Ну, здоров, сынок Коля. Шлем тебе привет и желаем всего хорошего. Ну, сынок Коля, и дожились мы на старости лет, хлеб у нас забирают весь до зерна. Молоты дают только по два пуда и силой гонят в кооперацию сдавать хлеб по дешевой цене. Что же, ты там служишь, помоги нам, старикам, а то мы, наверное, будем зиму голодать» (из *n/д № 5 от 24/1-28 г.*).

БВО. Группе красноармейцев 29 роты МСВ, ехавшей с базара, крестьянин крикнул: «Солдатики, зачем вы служите, мы голодаем, нам не

дают хлеба». Этот выкрик вызвал разговоры среди кр-цев; некоторые считали, что крестьянин говорит правду; кр-цы задавали вопросы: «Почему нет хлеба?»; «Куда девался хлеб?» и т. п. (из п/д № 5 от 3/II-28 г.).

Семьи кр-цев жалуются, что им нет льгот и что удостоверения частей местными властями совершенно игнорируются:

СКВО. 40 % кр-цев кадра полка получили письма из станиц, в которых им пишут, что у них забирают последний хлеб, что никакого внимания не обращают на семьи кр-цев. В письмах к кр-цам говорится, например, что «зашел 20-й год, собираются качать, но не знаю, чего получится со мной — или убьют, или не дам хлеба» (из Курсавского района Ставропольского окр.).

Крестьяне станиц Тихорецкого района (где дислоцирован полк) каждое воскресенье приезжают в центр полка с жалобами к кр-цам на неправильные действия советских работников, они просят кр-цев, чтобы последние через командование полка воспрепятствовали вывозу хлеба от родственников кр-цев (из п/д № 5 от 24/I-28 г.).

УВО. Военкомкор XIV т. Дубовой в своем рапорте на имя нач. ПУ УВО просит: «Обратить внимание на несоблюдение местными органами льгот по с. х. налогу кр-ским семьям и поставить перед правительственными и партийными органами срочно вопрос о необходимости строжайшего соблюдения закона о льготах кр-цам, так как нарушение их или неосторожный подход влияет отрицательно на политико-моральное состояние армии».

Из отдельных писем по этому поводу характерны следующие:

«У нас за продналог страшно жмут, описуют вещи, забирают самовар»; «Требуют усе на свити, начиная с продналога, страховку пожарну, за землеустройство и тянуть коней, коров, киз, подушок, рушников, кожухив, столи та все на свити. Деруть кожу. На твою бумажку ухом не ведуть» (Сумский округ); «Я им даю удостоверение, а вони не смотрят, а кажуть, що полк нами не распоряжається, а райисполком. Я плачу, а вони говорят: нехай ваших слез хоть море образується, а вы должны заплатить. У нас большое горе, денег нет ни копейки».

«Перевернулся свет, нас, несчастных, жмут за налоги и дышать не дают и не признают никаких манифестов и никаких кр-ских документов, и кто уплатил, и тот должен, и навязывают на крестьян какие-то облигации и самообложение. Словом, так, если уплатил продналогу 100 рублей, то еще должен уплатить 50 руб».

«Когда до него пришли забирать телку, Иван говорит: я подал удостоверение и заявление, а они говорят — твое удостоверение недействительное, а он говорит: “Почему?” А они говорят: это там им дают, чтобы солдаты не томилась — и составили на Кривчака протокол потому, что он не дал телку» (из п/д № 6 от 2/II-28 г.).

2. Реагирование красноармейцев

Настроения кр-цев в связи с хлебозаготовками в общем совпадают с настроениями деревни: те же разговоры о введении «разверстки», о близости войны и т. д. Но кр-цы большинства округов еще не имеют полных сведений с мест и проявляют растерянность, непонимание доходящих до них отдельных сведений и слухов. Поэтому реагирование кр-цев на хлебозаготовки еще в достаточной степени не оформилось и полно оценено быть не может.

Общая оценка влияния деревни на армию в связи с хлебозаготовками Пуокрами сводится к следующему:

СКВО. В настроении части кр-цев в связи с проводящимися в деревне кампаниями по-прежнему наблюдается резкое недовольство, доходящее у отдельных лиц (из зажиточных) до контрреволюционных выпадов против партии и Сов. власти. Кр-цы и даже партийные и комсомольские организации далеко не все уяснили себе сущность проводящихся кампаний, некоторые партийцы, комсомольцы и особенно мл. командиры плетутся в хвосте кр-ских настроений, а иногда даже сами разжигают среди кр-цев недовольство. В последние дни вопрос о хлебозаготовках в настроении кр-цев несколько отошел назад и выдвинулся вопрос о самообложении, который в настоящее время остро волнует кр-скую массу. В ряде частей наблюдается некоторый перелом в лучшую сторону в связи с усилением разъяснительной работы (*из п/д № 7 от 2/II-28 г.*).

Военком 90 к. п. XI кав. дивизии сообщает, что «кампании хлебозаготовок, самообложения и заем укрепления крестьянского хозяйства в настроение кр-цев внесло большое замешательство. Отдельные кр-цы приходят с заявлениями, в которых указывают, что хозяйство разоряют, забирают весь хлеб и угрожают продать лошадь» (*из п/д № 5 от 24/I-28 г.*).

СибВО. В связи с мероприятиями правительственных органов по сбору с. х. налога и проведению хлебозаготовительной кампании деревенские настроения еще полностью не проникли в казарму. Однако, судя по имеющимся данным, среди крестьянской части кр-цев и особенно середняцкой группы следует ожидать возникновения острых недовольств.

Не исключена также возможность в связи с такими недовольствами понижения дисциплинированности, проявления случаев противодействия распоряжений начсостава, не говоря уже о росте уравнилельных настроений в отношении начсостава и ревностных — в отношении рабочего класса (*из п/д № 5 от 3/II-28 г.*).

УВО. «В связи с кампанией по форсированию хлебозаготовок в ряде частей выявлены настроения недовольства среди значительной части кр-цев» (*из п/д № 6 от 2/II-28 г.*).

На основании сведений из деревни о хлебозаготовках кр-цы чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян, с большей силой заостряют политические выводы, противопоставляют город — деревне, рабочий класс — крестьянству, командира — красноармейцу. Кр-цы в ряде случаев говорили о возможности бунтов в деревне.

Особенность реагирования на хлебозаготовки в армии заключается еще в том, что здесь материально-бытовые недочеты в части полностью увязываются с хлебозаготовками, и те и другие недовольства вследствие этого еще больше усиливаются:

СКВО. «Раз государство заготавливает хлеб, значит, будет война»; «Рабочим — 7-час. рабочий день, а с нас берут налоги». Отдельные кр-цы заявляли: «Все эти хлебные операции могут вызвать крестьянские волнения» (из н/д № 7 от 2/II-28 г.).

«Значит, скоро будет война. Начали выкачивать хлеб, скоро возьмутся за лошадей и другой скот, а потом и людей». «Хлеб возьмут, деньги дадут, а потом облигации и получишь через 10 лет» (из н/д № 5 от 24/I-28 г.).

В 74 стр. тердивизии в 222 стр. п. «среди кр-цев в связи с кампанией по хлебозаготовкам наблюдается тревожное настроение, вызванное присылкой из станиц от родных писем с различными сведениями, как то: грабят их имущество, описывают, забирают хлеб и т. п. Наблюдается группирование кр-цев-кубанцев, обсуждающих домашние вопросы, и в связи с этим чувствуется упадок дисциплины среди таковых, причем такое настроение охватило почти половину полка, состоящего из местных (Кубанского округа) уроженцев. Разъяснение комполитсостава о сути проходящей кампании встречается с недоверием (информация помполита полка т. Лешукова на заседании Усть-Лабинского райкома партии) (из н/д № 6 от 27/I-28 г.).

СибВО. 63 полк (21-я дивизия). Кр-ец Барышев (собрано 1000 пудов хлеба, 500 пуд. из них еще не продано) говорит: «Хлеб заставляю продавать насильно, а деньги девать некуда»; «Сейчас хлеб сдам, а весной покупай по двойной цене», — заявляет другой кр-ец Федоров. «Цены бывают на покупной хлеб высоки. Продай за 75 коп., а покупай сеянку за 2 руб. 50 коп. Ведь вон сколько в кооперации сидит, они тоже есть хотят, ну и вздувают цены», — говорит кр-ец Бобрышев, середняк. «Все равно хлеб не продам, начнется война, что буду делать», — кр-ец Приходько, имеющий 200 пуд. лишнего хлеба.

Подобных разговоров ведется много, причем имеются случаи, когда на основании писем из деревни хлебозаготовительная кампания расценивается как разверстка (из н/д № 5 от 3/II-28 г.).

Приво. «Благодаря затруднениям с хлебозаготовками мы стоим перед разрывом рабочего класса с крестьянством», что «советская власть хочет выехать на мужике», что «в противовес всем вашим дово-

дам о нашем росте мы снова переживаем 21 год», и это отчасти потому, что «хлеб вывезли за границу».

Кр-цы говорят: «В письмах нам сообщают, что дома оставляют только на еду и семена, а остальное заставляют везти продавать на ссыпной пункт». В связи с этим кр-цы приходят к выводу: «мы возвратились к военному коммунизму...» «НЭП ликвидируется потому, что закрывают частные лавки» (закрытие в Самаре хлебных частных лавок самими торговцами, не согласившимися продавать хлеб по твердым ценам).

Характерно в этом отношении товарищеское письмо М. И. Калинин двух отделкомов 3 полка 1-й дивизии (Урвачева и Помякушкина):

«Тов. Калинин, пишем Вам товарищеское письмо и описываем следующее: за 10 лет существования нашего Союза наше сельское хозяйство возросло очень быстро, в чем имеем большие достижения лишь только потому, что линия партии была взята правильно в деле обложения сельхозналогом и снабжения промтоварами крестьян, так как в нашем Союзе введен единый сельхозналог, то кроме него не должно быть никакого налога. В данный момент мы видим и иную картину в деревне: население обложено каким-то налогом и т. д.» (*из н/д № 6 от 1/II-28 г.*)

ККА. Отдельные кр-цы, находясь под влиянием писем от родных, поговаривают о возможности крестьянских бунтов в деревне (*из н/д № 24 от 31/I-28 г.*).

Особенно болезненно кр-цами воспринимается самообложение. Кр-цы не усвоили (а политаппарат в большинстве не помог им в этом) сущности закона о самообложении и рассматривают его как повышение налога. Кр-цы иногда прямо пишут домой, что «это незаконно, налогов не платите» и т. п.

С другой стороны, увеличение поступления сведений о нажиме в деревне вызывает у кр-ца недоверие к политработе: «Нам говорят о социализме, а в деревне вводят военный коммунизм».

СКВО. По поводу самообложения в связи с получением писем из дому среди кр-цев имеет место значительное недовольство. Подив 5-й кав. констатирует, что многие кр-цы понимают самообложение как дополнительный налог, отсюда ревность к рабочему классу: «все тянут с крестьян, а рабочий не платит». По мнению подива 5-й кав., «вопрос о самообложении затрагивает большинство кр-цев; если о хлебозаготовках кр-ец-бедняк, середняк рассуждал, что его семья, не имеющая излишков хлеба, не пострадает от этого, то в самообложении он чувствует, и ему об этом пишут из дома, определенный экономический нажим: «уплатил налог и от него 35 % надо платить самообложения».

Один кр-ец (Пушкин) заявил: «Нас агитируют, чтобы мы писали домой о том, чтобы родные излишки хлеба сдавали. Давайте напишем, чтобы не сдавали, а присылали нам». Другой кр-ец (Ярыгин) говорил: «Если у меня будут отбирать хлеб, я из винтовки всех перестреляю, а то

в 19 году у нас хлеб нахально отбирали». Характерно отметить, что на появление подобных разговоров повлияли не столько письма из дому, сколько выдача кр-цам горелых сухарей (*из н/д № 7 от 2/II-28 г.*).

В 74 стр. див. на собрании переменников кавэска[дрона] (ст. Платнировская) по вопросу о самообложении из 200 переменников голосовало за самообложение только 4, остальные были против (*из н/д № 6 от 27/I-28 г.*).

В 9 стр. див. были такие разговоры среди кр-цев: «облигации не в пользу нашего государства»... «Это (самообложение) есть форма увеличения налога»... «почему не берет на себя государство устройство нужд крестьян, а взваливает на крестьян» (*из н/д № 5 от 24/I-28 г.*).

СибВО. В связи с хлебозаготовительной кампанией в окружную газету «Красноармейская звезда» начали поступать вопросы и заметки. Вот характерные из них:

«У нас в Барнаульском округе Белоярского района, села Белоярское постушают такие штуки, что у крестьянина Григорьева, Михаила, выгребли хлеб из амбара и оставив его семью почти без хлеба, и сам он в настоящее время арестован, в чем мы, кр-цы полка имени Фрунзе (63 полк), считаем неверно и признаем это явление за 1920 год, так как у нас власть рабочих и крестьян, а у крестьянина отбирают насильно хлеб, а мы говорим, что у нас насилия нет, так это плохая сторона». За подписью 3-х кр-цев (*из н/д № 5 от 3/II-28 г.*).

МВО. «К чему идет наша Советская страна — к социализму или к разрушению страны, а если к социализму, то почему на Кубани забирают хлеб, оставляя норму 1 п. 20 ф. на душу на месяц и ввиду этого невозможно держать и поддерживать сельское хозяйство, а только можно пойти к разрушению сельского хозяйства».

«Везде и всюду мы слышим, что должна быть тесная смычка города с деревней, как раз этого добились, начали теснить по всем швам». «Крестьянский котел кипит, не лопнет ли он в военное время от своего недовольства» (*из н/д № 4 от 6/II-28 г.*).

ПриВО. Кр-ец 102-го полка 34 див. пишет: «Здесь идут слухи, будто бы в деревне собирают продрозверстку. Это неправильно поступают местные власти, этого не должно быть. Налог уплатите, а продрозверстку не платите, не имеют права отобрать. Допускайте до суда. Если местный суд обидит, то подавайте дальше» (*из н/д № 6 от 1/II-28 г.*).

Переменный состав, естественно, находится еще под большим влиянием деревни и еще более резко реагирует на хлебозаготовки. В ряде случаев переменники пытаются так или иначе воздействовать на армию, чтобы она заступилась за них:

СКВО. Военком 90 к. п. 12 кав. див. отмечает: «Переменники слились с населением станиц и вместе с ним выступают против хозяйственных мероприятий Соввласти, защищая свою собственность. Группа пере-

менников в 8 чел. 90 к. п. 12 кав. див. приехала в станицу Тихорецкую, чтобы получить у командования разрешение на продажу лошадей, приписанных к полку, и в беседе с кадровыми кр-цами заявила: «Все бы ничего, ну, ладно, вывезли весь излишек хлеба, рассчитали так, чтоб можно дожить до урожая, а тут на тебе еще самообложение. Разве я могу тягаться с середняком, сказал один переменник, мне приходится платить 75 руб., если я не продам лошадь, то мне жить будет не на чего» (из н/д № 6 от 27/1-28 г.).

3. Классовое расслоение казармы

Хлебозаготовки разными социальными группами крестьян встречены по-разному, и на этой почве наметилось довольно отчетливое деление красноармейской массы на разные социальные группы. Отмечены даже отдельные случаи острого классового антагонизма между зажиточно-кулацкой и бедняцкой группами крестьян.

Рабочие-кр[асноармей]цы, наоборот, интереса к хлебозаготовкам не проявляют и стоят в стороне.

Расслоение внутри кр-цев политорганами иллюстрируется такими фактами:

СКВО. Часть кр-цев указывает: «Задерживает хлеб только зажиточная часть крестьянства. Чтобы удовлетворить хлебом трудящихся, не грех взять у таковых. Нужно нажать на хлеб — кто задерживает хлеб, чтобы они продали. Если повысить цены на хлеб, значит, нужно рабочему повысить жалование и вернуться к миллиардам». Кр-цы из зажиточных говорят: «Мы хотели продержать до весны, чтобы дороже продать весной или перемолоть зерно на муку и за это дороже получить». Только один кр-ец (84 стр. п[олк] Тышенко) заявил: «Если будут брать хлеб, то брошу винтовку и уйду домой» (из н/д № 6 от 27/1-28 г.).

ККА. Споры кр-цев между собою по вопросам хлебозаготовок иногда принимают обостренный характер. Так, в 14 местном бат-не имел место такой случай. Группа кр-цев беседовала по поводу полученного из деревни письма. В разговор вмешался бедняк, который стал доказывать, что в этом письме много преувеличений. Тогда один из беседовавших (середняк) оттолкнул бедняка и закричал: «Все это через вас, паразитов. Вас освобождают от налога, а мы должны платить своей шкурой» (из н/д № 23 от 31/1-28 г.).

Зажиточно-кулацкая часть кр-цев, естественно, наиболее резко реагирует на хлебозаготовки и самообложение и считает их губительными для крестьянского хозяйства:

ККА. Зажиточные кр-цы подчеркивают, что «невыгодно крестьянину продавать сейчас хлеб, выгоднее весной, и лучше продавать хлеб частнику, так как он платит больше» (из н/д № 23 от 31/1-28 г.).

СКВО. Один отделком заявил на политзанятиях, что «если отберут хлеб от кулака, то он не будет больше сеять, и останемся без хлеба, а середняк хлеба не дает потому, что сам его не имеет». Другой отделком заявил, что если у кулака будут принудительно забирать хлеб и заготовку, то он бросит возделывать хлеб и займется другими отраслями хозяйства (все эти отделкомы — уроженцы Кубанского округа) (из *n/d* № 6 от 27/I-28 г.).

Со стороны некоторых кр-цев из зажиточных и кулаков отмечены антисоветские выпады. В связи с хлебозаготовками вообще отмечается оживление деятельности антисоветских элементов:

СКВО. В прениях на собрании кр-цев выступили два отделкома и один кр-ец (бесп., крестьяне). В своих выступлениях они говорили: «Принудительное изъятие хлеба — это не путь к социализму, а путь к гражданской войне, о чем сейчас поговаривают крестьяне. Надо сажать в тюрьму не крестьянина, а хлебозаготовителя, проспавшего лето и осень. В срыве хлебозаготовок виновата оппозиция, а мужика в тюрьму сажают». Резолюция была принята всеми, кроме двух, выступавших в прениях против (Краморенко и Чеботаренко). После принятия резолюции Краморенко выступил с дополнением: «Необходимо проявить осторожность по отношению к крестьянам и привлечь к строгой ответственности хлебозаготовительные органы, вплоть до ареста». За это дополнение голосовали два человека (Краморенко и Чеботарев).

Кр-ц кузнец Сергеев, крестьянин Пугачевского уезда Самарской губ., пытался агитировать на тему: «что в деревне вводится продразверстка, крестьяне восстают и что нам, Красной Армии, нужно крестьянам помогать». Сергеев был вызван для беседы. Выяснилось, что его отец имеет кузницу и крестьянское хозяйство и, по-видимому, принадлежит к зажиточным (из *n/d* № 6 от 27/I-28 г.).

В 12 кав. див. в 90 к. п. выявилась группа кр-цев в 14 чел., которая имеет тесную связь со станицей и демагогически влияет на остальную кр-скую массу. Некоторые кр-цы из этой группы открыто и со злостью критикуют действия Сов. власти на местах. Среди кр-цев ходят разговоры, что этот нажим на станицы проходит с той целью, чтобы обобрать все крестьянство, сделать его бедным — всех сравнять и сейчас же перейти к социализму. В том же полку кр-цы старослужащие, собираясь по вечерам в казарме, говорят с ненавистью о проводимых Соввластью кампаниях, а один кр-ец (Старицкий) заявил: «ну, ладно, управляйте вы (коммунисты), но подойдет время, то и мы вас возьмем в свое управление». Другой кр-ец (Макаренко) сказал групповоду по политзанятиям: «Какой мне интерес слушать политзанятия, когда моего отца обируют, что это опять старая власть». (Макаренко воздержался при голосовании резолюции, в которой одобрялись мероприятия Сов. власти.)

В роте связи IX корпуса приехавший из отпуска из Ставропольского округа кр-ец Галкин в беседе с кр-цами заявил: «Хлебозаготовки — насилие над крестьянами». В другой раз Галкин вместе с другим кр-цем Петрушенко говорили: «Нам нужно сказать кр-цам, чтобы они противостояли этой кампании, каждый кр-ец должен быть “опричником» своей родины”.

В 22-й стр. див. лекпом артполка Усачев говорил кр-цам: «Большевики отбирают последний хлеб, трясут крестьян. Крестьянам необходимо создать свой союз для защиты своих интересов» (Усачев арестован) (из *n/д № 7 от 2/I-28 г.*). В 39 стр. п[олку] на стенах в казарме появилась надпись: «Бей жидов, долой коммунистов».

УВО. В 3 полку связи на вечере, посвященном оккупации Бессарабии, была подана кр-цем записка: «Зачем вы говорите о Бессарабии, если у нас скоро крестьянство пойдет против вооруженной армии» (из *n/д № 6 от 2/II-28 г.*).

Средняк на хлебозаготовки реагирует значительно спокойнее, но он неоднороден: часть середняков явно примыкает к зажиточно-кулацкой части, другая часть выступает вместе с бедняками:

ККА. Часть кр-цев середняков (10-й ж. д. полк) считает мероприятия правительства в основном правильными, но указывает на искривление этих мероприятий на местах. Другая же часть выражает недовольство хлебозаготовками. Есть такие заявления: «Нас здесь затемняют, а Советская власть возвращается к старой экономической политике»; «Мы находимся в армии, а хлеб там забирают». Было даже заявление: «Когда вернемся из армии, мы им покажем» (из *n/д № 23 от 31/I-28 г.*).

СКВО. Среднякако-бедняцкая часть кр-цев реагирует на письма спокойно, кр-цы приходят к политрукам с письмами, спокойно обсуждают письма, стараясь выяснить, как понимать то, что происходит в деревне в данное время (из *n/д № 6 от 27/I-28 г.*).

Бедняк политику хлебозаготовок в общем одобряет, но у него есть свои, подчас очень резкие, недовольства. Недовольства эти идут с другого конца, чем у зажиточных и даже середняков: «Все продают за хлеб, а хлеба у бедняка нет, значит, выгадывает кулак; бедняк продал свой хлеб раньше, когда товаров не было»:

ККА. Бедняки не удовлетворены порядком проведения хлебозаготовок. Часть из них считает политику партии в этом вопросе неправильной. Основные рассуждения бедняков сводятся к тому, что «бедняк был вынужден продать хлеб раньше, когда в кооперативах ничего не было и товары приходилось покупать на рынке втридорога. А теперь товаров в деревне много и они дешевы, но их меняют только за хлеб, который находится у зажиточных. Следовательно, бедняка обошли, он должен ходить раздетым и разутым».

Основная масса бедняков и середняков налоговой политикой правительства удовлетворена. Недовольство сельхозналогом наблюдается со стороны кулаков и крепких середняков. Есть примеры, когда с хозяйства кр-ца взято до 300 руб. налога. Вместе с тем наблюдаются и жалобы бедняков на то, что «Советская власть никакой помощи бедноте не оказывает». Таких жалобщиков в конартдиве насчитывается до 30 % (из *п/д № 23 от 31/I-28 г.*)

СКВО. «В Красной Армии нам говорят о социализме, а в деревне проводят военный коммунизм». «Беднота не получит товара, так как не имеет хлеба». «Бедноте за ячмень выдают только соль, а другие товары не дают, так как у нее не имеется пшеницы» (сапбат IX) (из *п/д № 5 от 24/I-28 г.*).

Кр-цам роты связи 9-й стр. див. пишут, что усиление хлебозаготовок для бедноты выгодно, дешевле стал хлеб и по твердой цене. В сапбате IX корпуса один кр-ец получил из дому следующее письмо: «Теперь, дорогой сынок, мы с товаром и хлеб дадим государству, везем на хлебозаготовительные сыпные пункты». Такие письма немало способствуют созданию перелома в настроении кр-цев (из *п/д № 5 от 24/I-28 г.*).

УВО. Поспек Харьковский отмечает: «Со стороны незаможников и батраков имеется недовольство на распоряжение мельникам молоть только за хлеб и кооперативам тоже продавать за хлеб: «За все давай сейчас хлебом, а потом покупай сам по дорогой цене» (из *п/д № 7 от 2/II-28 г.*).

4. Отношение парткомсомольцев к хлебозаготовкам

Партийцы и комсомольцы в ряде случаев не только не смогли противостоять недовольствам беспартийных кр-цев, но оказались сами под влиянием этих недовольств и плетутся в хвосте беспартийных.

СКВО. Заслуживает внимания то обстоятельство, что вдохновителями отрицательных настроений иногда являются комсомольцы. Так, в 13-м артполку один комсомолец заявил: «Хлеб берут по принуждению, [заставляя] сдавать в кооперацию, власть притесняет крестьянство, забирая излишки, государство делает запас».

В 90 полку к фуражиру-комсомольцу приехал брат и сообщил, что у них в семье забрали весь хлеб, описали корову и завтра поведут продавать. Этот комсомолец (Кулявцев), получив такое известие, в бога ругал существующий порядок и говорил: «Я весь РИК перебыю, а председателя стан[и]ц[ы] Алексеевской (Тихорецкий р., Кубанск[ий] окр[уг]) задую». Кулявцев, не получив отпуска, думает самовольно отлучиться (из *п/д № 7 от 2/II-28 г.*).

Один переменник — кандидат партии 74 див. заявил: «Хлеборобов душат, за шиворот берут».

СКВО. Курсант ККУКС Шапкарин, член партии с 25 г., рабочий, грузчик, позволил себе разговоры среди беспартийных такого рода, что вот, мол, нажимают на крестьян, выкачивают деньги. Все плати да плати, теперь вот опять подписка на заем. За антипартийное поведение дело о нем передано в партийное бюро (*из н/д № 6 от 27/I-28 г.*).

ПриВО. Некоторая растерянность выявилась не только у беспартийных, но и у части партийцев. Частями отмечается, что некоторые партийцы одинаково со всеми обывателями запасали хлеб, посылая своих жен в несколько очередей.

В 7 полку связи командир взвода Шibaев (член ВКП(б), рабочий), имея запас в несколько мешков муки, все же покупал по 12 булок в день, из которых сушил сухари» (*из н/д № 6 от 1/II-28 г.*).

Нажим на хлебозаготовки и самообложение часть кр-цев и начсостава, в частности, партийцы и комсомольцы, рассматривают как проведение линии оппозиции:

СКВО. Среди некоторых лиц начсостава в 22 стр. див. имеется взгляд на проведенную кампанию по хлебозаготовкам, как на уступку перед оппозицией: «Оппозиция была права, призывая к наступлению на кулака, но тогда говорили, что этого не надо, а теперь сами схватились, когда уже срывается вся кампания».

Один комвзвода — комсомолец в 221 стр. полку 74 стр. див., придя из отпуска громогласно заявил: «Крестьян грабят...»²

СКВО. В хозроте 25 п. 9 див. кр-ец заявил на собрании ячeyки: «Раньше мы оппозицию обвиняли за ее предложение в части изъятия хлеба путем принужденного займа, а теперь сами это делаем» (*из н/д № 5 от 24/I-28 г.*).

УВО. В парторганизациях частей дивизии в закрытых ячeyковых партсобраниях обсуждался вопрос о работе парторганизаций частей по проведению разъяснительной работы среди военнослужащих. Уже на райпартактивах чувствовалось, что отдельные партийцы увязывают текущую партийную политику с оппозиционными предложениями в крестьянском вопросе, хотя открыто об этом и не заявляют. Помимо этого при проведении этих собраний учитывалась необходимость подготовиться к реагированию на все возникающие вопросы и настроения среди кр-цев. В парт. и в КСМ организациях частей в связи с постановкой вопроса о хлебозаготовительной кампании снова стали проявляться колебания у отдельных партийцев и комсомольцев: «Куда мы идем?»; «Партия вступила на путь оппозиции в крестьянском вопросе?» (8 полк). Парт. и КСМ организациями этот момент учтен, и ими принимаются меры воспитательного характера по разъяснению сомневающимся т[оварищам] всех возникающих у них вопросов. Необходимо тут же отметить недостаточную информацию со стороны ОПК местных парторганизаций по текущему хозяйственному положению СССР, что, безусловно, отражается на практической работе партийцев и комсомольцев (*из н/д № 6 от 2/II-28 г.*).

5. Работа политаппарата и парторганизаций

Политаппарат и парторганизации к хлебозаготовительной кампании оказались неподготовленными. Эта неподготовленность выразилась не только в слабой работе аппарата, неспособности его охватить настроения красноармейцев, но даже в незнании и непонимании политработниками и партийцами сущности проводимой кампании. Отмечен ряд случаев, когда даже комиссары частей допускали в разъяснительной работе политические ляпсусы.

Основной недочет работы аппарата — это вялость, работа «по-мирному», долгое раскачивание. В то же время отмечены случаи нервозности под давлением красноармейских настроений.

СКВО. В 9 стр. дивизии в сапроте военком т. Новаков на собрании партячейки допустил неправильное освещение вопроса о хлебозаготовках, указав, что в отношении тех крестьян, которые излишки хлеба не везут для продажи, принимаются соответствующие меры, вплоть до ареста (из протокола). По данным расследования этого факта выяснилось, что на собрании ячейки роты военком на вопрос: «Оставляют ли крестьянам зерно для посева» — ответил, что «для посева оставляют». Исходя из этого отдельные партийцы толковали эти слова как отмену нашей экономической политики.

На созванном вслед за собранием ячейки общем собрании роты постановка вопроса о хлебозаготовках была примерно такая же, как и на партийном собрании.

В выпущенной в роту стенгазете была допущена такая ошибка. В одной из заметок было сказано: «В случае нежелания сдачи хлеба — соввластью будут приниматься принудительные меры».

За допущенное искажение партийной линии в вопросе о хлебозаготовках и неправильное освещение этого вопроса, вследствие чего у части красноармейцев сложилось неверное представление о политике партии и соввласти в этом вопросе, военком сапроты Новаков снят с должности, а начподиву 9-й объявлен выговор.

Темп разъяснительной работы среди красноармейцев не всегда достаточный. Политорганы, политаппараты и начсостав частей иногда протявляют в этой работе недопустимую вялость, что объясняется привычкой работать «по-мирному» и отчасти недопониманием значения этих кампаний. Подивы, например, подив 5-й кав., иногда давали указания о работе в связи с хлебозаготовками с запозданием.

На гарнизонном партсобрании в г. Новочеркасске докладчику по хлебозаготовкам было задано до сотни вопросов, многие вопросы показывают, что даже партийцы не уяснили себе основных задач проводящейся кампании. Характерно также, что когда в докладе пред. Новочеркасского РИКа сказал, что с хлебозаготовками в общем дело обстоит благополучно, политсостав частей Новочеркасского гарнизона сразу ослабил темп разъяснительной работы.

В процессе разъяснительной работы мало обращается внимания на инструктирование мл. комсостава, вследствие чего мл. комсостав не ведет разъяснительной работы, но иногда даже поддерживает настроение недовольства среди красноармейцев.

Отмечены случаи большой нервности, граничащей с паникерством, со стороны отдельных политработников под напором красноармейских и деревенских настроений, а также случаи неправильного освещения линии партии в проводимых мероприятиях (*из п/д № 6 от 27/I-28 г.*).

Некоторые политработники боялись ставить вопрос о хлебозаготовках. Так, в 9 стр. дивизии один политрук (Ковалев) перед комсомольским собранием заявил отсеку: «Ты что думаешь, поставить вопрос о хлебозаготовках, по-моему, не следует, так как некоторые все равно будут заниматься бузой и их не сговоришь» и к этому добавил: «А здорово кулак регульнул». Вопрос о Ковалеве будет разбираться на партбюро. Подивом 9-й предложено снять Ковалева с роты мл. комсостава, где Ковалев был политруком.

В 11-й кав. дивизии также наблюдается незнание частью нач. состава вопроса хлебозаготовок и самообложения. Так, один комэск 88 кав. полка на вопрос, как идет хлебозаготовки, ответил: «Черт ее знает» (*из п/д № 7 от 2/II-28 г.*).

УВО. Поспек Харьковский также отмечает, что красноармейцы по получении писем из дому «апеллируют к парторганизации, требуя ответа, совета и помощи в деле устранения тех или иных ненормальностей. Однако вопрос о хлебозаготовках и всех связанных с этим делом мероприятиях еще недостаточно проработан парторганизациями, в связи с чем они действуют крайне осторожно и отчасти нерешительно». В известной степени тормозит разъяснительную работу парторганизаций то обстоятельство, что «очень мало материала для разъяснения, в частности, какие льготы положены семьям красноармейцев по самообложению (1-я школа летчиков) (*из п/д № 6 от 2/II-28 г.*).

Разъяснительная работа политаппарата и парторганизаций частей, несмотря на большие недочеты в ней, имеет значительное влияние на красноармейцев, и уже отмечены факты, когда красноармейцы не только не поддаются отрицательному влиянию деревни, а начинают сами влиять на деревню положительно.

СКВО. В настроении кадровых красноармейцев в последние дни заметен некоторый перелом. Под влиянием разъяснительной работы в частях многие красноармейцы побудили своих родных сдавать излишки имеющихся у них зернопродуктов. Так, в 74 стр. дивизии один курсант понудил своих родных отвезти Хлебопродукту 40 пудов хлеба, другой курсант велел жене сдать 75 пудов пшеницы, а себе оставить только 25 пудов, что она и сделала. В общем, разъяснительная работа среди красноармейцев уже начинает давать свои результаты.

Собрания переменников, проводившиеся обыкновенно перед общими собраниями граждан, в конце концов, после всех таких разговоров и выступлений, принимали резолюции (правда, иногда приходилось переголосовывать по несколько раз) о необходимости самообложения (*из п/д № 7 от 2/II-28 г.*).

В последнее время работа политического аппарата значительно улучшилась. Политорганы Северо-Кавказского округа определенно справились со своей задачей: перестроились, усвоили необходимый темп и быстро выправляют отдельные недочеты в проводимых кампаниях.

Выводы:

1. Хлебозаготовительная кампания и самообложение нашли широкий отклик в казарме. Деревня через свои письма и даже ходоков (в частях СКВО) усиленно втягивает красноармейцев в деревенские дела и даже требует от своих сыновей в армии помощи и противодействия хлебозаготовительному нажиму.

2. Красноармейцы в большинстве своем реагируют на хлебозаготовки довольно болезненно. В большинстве округов красноармейцы еще не имеют полной информации из деревни (через письма) о хлебозаготовках, поэтому возможно дальнейшее усиление недовольств красноармейцев по мере получения писем из дому.

3. В результате хлебозаготовительной кампании в среде красноармейцев-крестьян наметилось расслоение на социальные группы — бедняков, середняков, зажиточных и кулаков. Есть даже отдельные случаи проявления классового антагонизма между этими группами.

4. Политаппарат и парторганизации частей вначале оказались к кампании неподготовленными: выявились незнание и непонимание сущности кампании; работа среди красноармейцев развертывалась вяло, охват красноармейцев разъяснительной работой слаб.

5. Партийцы и комсомольцы в ряде случаев не могли противостоять недовольствам красноармейцев и оказались сами в хвосте беспартийных, выражая недовольство кампанией.

6. Усиление нажима на хлебозаготовки в ряде случаев партийцами и даже беспартийными расценивается как переход партии на линию оппозиции в этом вопросе.

Начальник III отдела *Черневский*
Начальник 1 части *Иорданский*

РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 68. Л. 3–11. Подлинник.

Вторая сводка Политического управления РККА о «крестьянских настроениях» в Красной армии

10 марта 1928 г.

Секретно

*Отражение кампании хлебозаготовок, самообложения
в Красной Армии (сводка вторая)*

1. Общая характеристика настроений

Волна крестьянских настроений в армии в связи с хлебозаготовками, самообложением в деревне, отмеченная в первой сводке главным образом в отношении СКВО и отчасти УВО, распространилась и на другие округа. Хлебозаготовки и самообложение в деревне стоят в центре внимания кр-цев и держат их в напряженном состоянии. Но уже сейчас можно констатировать, что эта волна крестьянских настроений достигла к середине — концу февраля кульминационного пункта и пошла на убыль.

Связь армии с деревней шла в основном по линии писем, в некоторых частях (СКВО) отчасти через ходоков, а во флотах и отчасти в армейских частях — через отпускников кр-цев, возвращающихся из деревни. Поступают также отдельные письма демобилизованных кр-цев с жалобами на хлебозаготовки. По-прежнему есть случаи обращения деревни к армии за помощью, за содействием в борьбе против «притеснений».

БВО. Части отмечают усиливающееся поступление писем, адресованных красноармейцам, с жалобами на хлебозаготовки. Побриг 4-й пишет, что в каждом эскадроне 72 кавполка получено от 5 до 7 таких писем в то время, как неделю назад таких писем почти не было. В 1-й батарее конартидива 7 красноармейцами получено до 60 таких писем.

В письмах родные пишут, что на местах проводится форменная продрозверстка, что крестьянин вынужден в обязательном порядке сдавать хлеб государству, оставляя необходимое минимальное количество хлеба для семьи; что в кооперативах ничего не продают за деньги, а только за хлеб, что вывезенный для продажи хлеб отбирает милиция, что на мельницах оставляют для крестьянина полтора пуда хлеба, а остальное забирают, что хлеб отбирается у крестьян специальными отрядами и проч.

Необходимо отметить, что одни и те же факты сообщаются красноармейцам различных дивизий и из разных районов.

В 32 кавполк такие письма поступали и от уволенных из армии красноармейцев, которые просили свои жалобы зачитать всем красно-

армейцам. Красноармеец конартдива 6-й получил письмо о том, что у его родных сельсовет отобрал пшеницу, закупленную в другом районе. Отобранная пшеница была оплачена по кооперативным ценам и сдана в кооперацию (район не указан).

«Почему частник платит за пуд хлеба больше, чем государство и кооперация?» Этот вопрос содержится почти во всех красноармейских письмах о хлебозаготовках. (*Политдонесение № 7 от 9/II-28 г.*)

МВО. Красноармейцы продолжают усиленно получать письма из дому с описанием «новостей», связанных с хлебозаготовительной кампанией, проведением самообложения и распространением крест[ьянского]займа. В большинстве писем, особенно из Кубанской области и Воронежской губ., все эти мероприятия оцениваются как отбор излишков хлеба (введение продразверстки).

Свободное от занятий время красноармейцы посвящают горячему спору и рассуждениям о хлебозаготовках. Толки о хлебозаготовках настолько поглотили кр-цев, что последние начали поговаривать: «Как же тут будешь заниматься, когда дома все забирают до последнего», — пишет подив 10-й. Группа кр-цев пульэскадрона 55 и 10 див. на вопрос политрука: «Почему не идете в ленуголок?» — ответили: «Где тут в голову не лезет, когда хлеб берут, дали разверстку». (*Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.*)

УВО. Проводимые на селе кампании по форсированию хлебозаготовок, сбору сельхозналога, недоимок по различным обязательствам крестьянства и особенно по самообложению приковали к себе все внимание и интерес крестьянской массы кр-цев.

Первоначальную информацию, зачастую в извращенном виде, кр-ц получал из дому и от кр-цев, и младших командиров, возвращающихся из отпусков и краткосрочных сборов персостава. Нередко в письмах из дому сообщение о проводимых кампаниях увязывалось с возможностью в ближайшее время войны, откупом за убитого в Одессе итальянского вице-консула и т. д.

«Вернулось все, что было в 20–21 году, начали грабить, везде стоят заградилки, хлеб очень дешев, а мануфактура стала дороже, придешь до дому и не найдешь ни кусочка хлеба. Пиши, как там Красная Армия смотрит на это».

В 135 полку 45 дивизии одним из кр-цев получено письмо такого содержания: «Товарищи кр-цы, не допустите того, что у нас творится, мы не хотим переживать голодовки 20 года, поддержите ваших родителей и родственников, нам всем приходит гибель. Хлеб забирают и вывозят неизвестно куда, всему крестьянству приходит могила».

В некоторых письмах кр-цы призываются поставить на собрании вопрос: «Вы, наши сыновья и наша сила, поставьте вопрос на собраниях, требуйте с ваших командиров, добивайтесь правды». (*Политдонесение № 7 от 14/II-28 г.*)

Вопросы хлебозаготовительной кампании, особенно самообложения, продолжают стоять в центре внимания красноармейцев. В связи с усилением разъяснительной работы за последнее время наблюдается некоторое ослабление остроты недовольств красноармейцев и панических настроений, навеянных письмами из дому (поспец Харьковский и 45 дивизии). Подив 51-й отвечает: «Болезненные явления в настроениях середняков постепенно изживаются под влиянием воспитательной работы и мероприятий, проведенных в отношении отдельных извращений на селе». 24 дивизия констатирует, что «середняки проявляют недовольства, болезненные настроения, однако более быстро поддаются партийному влиянию». (*Политотделение № 9 от 3/III-28 г.*)

СибВО. Поступающие в части письма, слухи и разговоры, возникающие в среде кр-цев, беседы кр-цев с возвращающимися из отпуска военнослужащими не могли не иметь отражения в их настроениях. Хлебозаготовки являются сейчас центральным вопросом, вокруг которого фиксируются разговоры, мнения и настроения красноармейской массы и младшего комсостава в частях, расположенных на территории Сибкрая (от частей, расположенных в ДВК, сведений не поступало). (*Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.*)

ПриВО. Крестьянские настроения красноармейцев, связанные с хлебозаготовками, реализацией займа укрепления крестьянского хозяйства и кампанией по самообложению, по-прежнему остаются основными. Тревожное настроение крестьянства передается в Красную армию, главным образом через письма, получаемые из дому.

Подив 8-й считает, что к настоящему времени отрицательные настроения несколько сгладились и даже идут в пользу проводимых правительством мероприятий, разъясняя это через письма к своим родственникам. (Через губ. комиссию было заготовлено 3000 бланков писем по вопросам о хлебозаготовках и крестьянского займа.)

«Нервно-напряженное состояние спадает прогрессивно и пропорционально разъяснению вопроса хлебозаготовок» (106 артполк). «Однако хозяйственные вопросы, несомненно, не потеряли свою первоначальную остроту и злободневность, особенно в связи с массой получаемых кр-цами писем из деревни, разнообразно рисующих и будоражащих кр-цев» (5 див.). (*Политдонесение № 9 от 19/II-28 г.*)

Балтфлот. Приезжающие из отпусков кр-цы в разговорах с остальными кр-цами и на политзанятиях также приводят свои впечатления о хлебозаготовках на местах. Некоторые из них заявляют, что хлебозаготовки производят главным образом методами принуждения. В бригаде заграждения и траления один комсомолец, приехавший из отпуска, рассказывал, что везти хлеб на ссыпной пункт заставляет милиция, которая на обратном пути проверяет квитанцию о сдаче. Многие отпускники говорят, что товары в деревне отпускают только за хлеб, а за деньги совершенно не продают. Ряд кр-цев по этому пово-

ду замечает: «По отношению к бедноте такой метод недопустим», или «хлеб-то у крестьян хотят забрать, а промтоваров в деревню не дают». Некоторые кр-цы считают, что «все, что пишут в газетах о хлебозаготовках, — ложь». (*Политдонесение № 7 от 7/II-28 г.*)

Балтфлот. Хлебозаготовительная кампания по-прежнему стоит в центре настроений крестьянской части кр-цев. Эти настроения значительно подкрепляет усиливающаяся переписка с домом и рассказы возвращающихся из отпусков кр-цев. (*Политдонесение № 10 от 16/II-28 г.*)

Новых моментов в реагировании кр-цев-крестьян на хлебозаготовительную кампанию — нет. Настроения по этому вопросу продолжают стоять на прежнем уровне и по-прежнему концентрируются на недочетах и извращениях по хлебозаготовкам. Однако заметно возрастает и становится в общем преобладающим положительное реагирование на этот вопрос (преимущественно у бедняков и части середняков) вследствие усиления и более широкой организации разъяснительной работы в частях. (*Политдонесение № 12 от 1/III-28 г.*)

Чернфлот. За последнее время (8–10 дней) среди крестьянской части кр-цев отмечен быстрый рост т. н. «крестьянских» настроений — появились резкие недовольства вокруг кампаний хлебозаготовок, самообложения крестьянских хозяйств, возврат семсуды и распространение подписки на заем укрепления сельского хозяйства, причем подобные настроения появились как-то сразу «кучно», одновременно во многих частях (в 1-х числах февраля), что отчасти объясняется приходом почты, временно задержавшейся вследствие снежных заносов и возвращением в части очередной партии отпускников.

«Я, демобилизованный крас-ц, знаю, что у вас там говорят политруки, не верьте им, приедешь домой, заберут быка за страховку, вот тогда вспомнишь. Вот такой порядок у Советской власти». «Советская власть только на языках». (Письмо из Днепропетровска. Карл Маркс[ского] района, от демобилизованного краснофлотца.) (*Политдонесение № 4 от 12/II-28 г.*)

«К настоящему моменту в настроениях личного состава вокруг хлебозаготовок и самообложения наметилось определенное улучшение. Кр-ская масса в основном сущность проводимых мероприятий на селе усвоила. Кулацкие настроения, жалобы на партию и Соввласть встречают все более дружный отпор со стороны краснофлотцев». (*Политдонесение № 5 от 28/II-28 г.*)

2. Мотивы недовольств

Мотивы крестьянских настроений кр-цев в общем те же, что отмечались в предыдущей сводке. Основной упор и в письмах из деревни, и в разговорах кр-цев делается на «запрещение свободной торговли хле-

бом — запрещение перевозить хлеб из района в район, продажа товаров только за хлеб» и т. п.

Из этих разговоров кр-цами и крестьянами в письмах делаются выводы о никчемности денег, о ненужности денежных накоплений, высказываются намерения взять из сберкасс деньги, есть отдельные заявления о сокращении посевов весной.

Часто среди кр-цев заметна растерянность, непонимание того, что делается в деревне; кр-цы в таких случаях проявляют нервозность — пишут домой, чтобы не платили самообложения, угрожают местным властям и всем виновным в «новых налогах». На почве озлобления хлебозаготовками и самообложением есть отдельные случаи угрозы дезертирством.

БВО. «От 18 года ушли, но к нему возвращаемся опять. Война крестьянская — дело знакомое, будет голод, если кто хлеб в подполье не догадается зарыть. Неужели нет никакого вывода по хлебозаготовкам, наши деньги стали пустое. Письмо из дому получил, а ответить на него не могу. Не понимаю. Или там злоупотребляют, или на самом деле по закону делают». (Никольский, 5 полк связи.) (Политдонесение № 7 от 9/II-28 г.)

В одном письме красноармейца просят: «Ваня, обратись к начальству — везешь хлеб, а его берут с силой ссыпают на 100 % дешевле, чем у частника». Красноармейцам 12 полка из Татреспублики и Брянской губ. пишут: «Хлеб на базаре силой берут по твердой цене».

Из Волыни пишут: «Ловят на дорогах и насильно заворачивают на свои ссыпки» (Брянск. гарнизон).

Из Поволжья жалуются на запрещения перевозки хлеба из губернии в губернию (V корпус).

Из потребляющих районов пишут о «конфискации» хлеба по твердым ценам, закупленного крестьянами на Украине (спецчасти Брянского гарнизона). Красноармейцы сообщают следующие факты: «Отец-бедняк ездил на Украину, купил 20 пудов хлеба, так как свой кончился, у него хлеб отобрали по твердой цене».

Отделком 9 полка связи Совчину (член ВЛКСМ) пишут из Уральской области, Челябинского округа, Машкинского района, Бутурского сельсовета, д. Фоминки: «У нас сейчас положение 1920 года и еще хуже. Товару никакого не купишь за деньги, а все только за хлеб, хлеб у мужиков реквизируют бесплатно, если у кого есть излишки до нового урожая. Самообложение производят при помощи оружия, а если кто не хочет, т. е. не согласен, то арестовывают и штрафуют. Сейчас, после Рождества, скот и лошади совсем даром: осенью, что лошадь стоила 200 руб., то сейчас 80 руб. Все население стало недовольно, и кого только ни послушай, то все обещают сократить посев на 1928 г. 26 января избач Бухаров проводил собрание о самообложении, и на собрании отказались от самообложения. 29 января уже приехали пред-

сельсовета, начмилиции, милиционер и секретарь райкома. Кто только при голосовании против, то поддевают и в кутузку».

«Пишите нам, какую разверстку ввели, говорят, что скоро война, я положил в сберегательную кассу деньги. Ты там в городе, тебе видней, напиши, а то боюсь, как бы не пропали деньги, тогда я деньги выну из кассы» (Курганская область — 4 кав. бригада).

«Я больно боюсь войны, как бы деньги не пропали, что-то здорово отбирают хлеб, какая-то шуторма идет, не поймешь» (из Курганского округа — 4 кав. бригада).

В 4 артполку было заявление о «необходимости ликвидации монополии внешней торговли, тогда товары подешевеют и крестьянин охотнее отдаст хлеб, а займами много не сделаешь».

Отделком 70 кавполка Еманов, из зажиточных крестьян, после получения письма говорит: «Если будет так дальше, я служить не буду, я сбегу». (*Политдонесение № 9 от 29/II-28 г.*)

МВО. «Крестьянам за деньги не продают ни мануфактуру, ни соль и даже мелочные товары, только за хлеб. Хлеб оценивают очень дешево, рожь — 60 коп., овес — 55 коп., тогда как частник дает дороже» (*Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.*)

УВО. Жалобы в письмах вызывают, в свою очередь, в отдельных случаях такие ответы кр-цев: «На счет самообложения спорим с командирами, они говорят одно, а на селе творится другое, не знают они села». «Потерпите, когда-нибудь наша верх возьмет, ничего не давайте, ничего вам не сделают, потому что я защищаю советскую власть». (*Политдонесение № 7 от 14/II [1928 г.]*)

ЛВО. Красноармейцами задаются вопросы: 1) почему в деревне не дают товар за деньги, а дают его только на хлеб; 2) почему сельскохозяйственные товары так низко ценятся по сравнению с промтоварами; 3) как проводятся хлебозаготовки — добровольно или принудительно; 4) почему в деревнях отбирают хлеб; 5) почему вместо 35 % скидки налога увеличили размер его еще на 35 % и т. д. (*Политдонесение № 5 от 9/II-28 г.*)

С[иб]ВО. Отмечается нежелание продавать хлеб сейчас с намерением выждать до весны и повысить цены. В некоторых письмах отмечается намерение дать лошадь, корову и т. д., но во что бы то ни стало сохранить хлеб.

«Налог уплатили, страховые тоже, живем ничего, хлеб весь цел, никогда не продавали и продавать не думаем, да и люди не советуют. Больно дешев. У нас по всему району большой спрос на пшеницу, а молотье дают сейчас мало, чтобы не продавали мукой, а сдавали зерном в кооперацию, а в кооперации платят дешево».

«Сейчас в деревне крестьянство согласно выступить против Сов. власти потому, что кр[естьяни]ну не дают сбывать хлеб на базаре по желаемой цене, по 1 р. и дороже, а на дороге крестьян задерживает милиция и обязывает сдавать хлеб в кооперацию по 70 коп. пуд».

Зажиточная часть отрицательно относится к вопросу хлебозаготовки, упирая на тот момент, что в будущем может сократиться площадь посева. (*Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.*)

ПриВО. Есть случаи, когда в письмах кр-цу советуют «взять свою батарею и прийти на помощь своему хутору» (106 артполк)... «Нужно вам в Красной Армии защищать свои крестьянские интересы, ведь вы сами крестьяне, знаете всю тяготу крестьянства. Защищайте крестьянство на своих собраниях, внушайте и настаивайте, что вам, мол, пишут то-то и то-то о недовольствах крестьян, надо вам взыскивать все недостатки крестьянства, покажите им образцы наших писем» (крестьянин Самарской губ.). Один железнодорожник советуется со своим сыном (кр-ц роты связи XIII корпуса): «Не сделать ли забастовку, так как членам кооперации не дают на деньги товаров, а хлеба нет». (*Политдонесение № 9 от 19/II-28 г.*)

Балтфлот. Наибольшие сомнения и отрицательное реагирование вызывают среди кр-цев-крестьян и некоторой части рабочих, как и ранее отмечалось, низкие («твердые») цены на хлеб и запрещение продажи его частным скупщикам, отсутствие промтоваров в деревенской кооперации и факты (по письмам из дому и рассказам отдельных отпускников) принудительного изъятия хлеба. (*Политдонесение № 12 от 1/III-28 г.*)

Черифлот. «Жалобные» письма из дому вызывают среди краснофлотцев резкие суждения о политике партии и Советской власти: «Советская власть душит крестьян, не дает им развиваться, налог плати и выплачивай полностью, а тут снова плати, и все это идет рабочему, такая политика поведет к тому, что все крестьяне бросят работать в деревне и пойдут в город и этим самым увеличат безработицу»; «вы сами говорите, что безработицу надо ликвидировать и поэтому развивать сельское хозяйство, а как же его развивать, коли его обдирают»; «при капитализме крестьянству лучше жилось, чем при Советской власти».

«У нас лезят по амбарам, а не уплатишь то, продают все имущество, где же тут самообложение. Все крестьянство жалуется на это» (кр[ейсер] «Коминтерн»); «в настоящее время хуже, чем при царизме, у крестьян все забирают и ничего не дают. То, что про Советскую власть пишут, что она помогает бедняку-крестьянину, вранье».

Некоторые кр-цы в письмах домой просят сообщить, «как дела»: «Я прошу вас, объясните, что за обложение, для чего и сколько на нас наложили». Напишите мне точно об этой трагедии, что это там происходит. У нас тоже несколько ребят из других округов получали извещения, что тоже накидывают, в противном случае пускают в распродажу несчастные хозяйства. Здесь я прослужу два года и дай бог ноги из-за неправды. Здесь нам говорят то и другое, а из дому пишут — просто грабеж» (Уч[ебный] отряд). (*Политдонесение № 4 от 12/II-28 г.*)

По-прежнему много разговоров идет вокруг вопроса — зачем берут хлеб, куда его отправляют. Наиболее часты предположения, что хлеб берут для отправки за границу и в связи с предстоящей войной.

Очень часто вся вина за нажим на хлебозаготовки и самообложение сваливается на местные власти. Отсюда — жалобы кр-цев и крестьян в центр, тов. Калинину. Некоторые красноармейцы предлагают даже послать в деревню комиссию из армии и проконтролировать работу местных органов власти.

В связи с хлебозаготовками отмечены факты резкого противопоставления рабочих и крестьян, города и деревни, есть заявления, что хлеб берут для города, для рабочих:

БВО. Вести о хлебозаготовках и тяжести их определенным образом отражаются на настроениях кр-цев, вызывая недоумение, недовольства, которые в некоторых частях начинают становиться главным в настроениях красноармейцев. Примеры:

«Красноармейцы конартдива-7 говорят: “Хлеб теперь берут не потому, что необходимо выполнить план хлебозаготовок, а потому, что в некоторых районах голодает рабочий, а наша власть ведь больше заботится о рабочих, нежели о крестьянах”».

В сапэскадроне-7 кр-цы рассуждают: «У нас теперь проходит не хлебозаготовка, а дополнительный налог, и все это связано с наступающей войной».

В 35 отд. эскадроне 6 кавдивизии кр-цы говорили: «Сначала обвинили оппозицию, что она требует отбирать хлеб у крестьянина, а теперь сами идут по дорожке оппозиции». (*Политдонесение № 7 от 9/II-28 г.*)

«Сейчас мужики обижаются, завоевали власть, что и сами не рады. Из-[за] кого так выходит, или 15-го съезда наказ таков для местных властей, или же местные власти самовольно творят такую чушь. И сейчас газетам верить не приходится. Крестьянские выигрышные займы находятся при каждой кассе. Если у гражданина пропала корова, то при получении страховки в обязательном порядке 3-ю часть дают облигациями... До 15 съезда хорошо было, а сейчас хоть в петлю, ожидаем письма от Калинина Михаила Ивановича насчет самообложения, как он нам ответит, как оно должно производиться, добровольно или обязательно».

«Учитель разъяснял о хлебозаготовках и сказал, что причина есть, и большая, но сказать ее крестьянам нельзя, наверное, будет война» (10 полк, район не указан). «Обязались представить хлеб Германии» (22 полк), «Хлебозаготовки ведутся усиленно потому, что скоро война, государство делает запасы» (12 полк, район не указан).

Нередко красноармейцами делаются заявления о том, что сейчас проводится политика периода военного коммунизма. На военкорской конференции 5 корпусу подана следующая записка: «Не будет ли нару-

шением политики НЭПа в связи с проведением хлебозаготовок, путем которого мы закрываем частные лавки».

Наиболее часто ругают местные органы.

Начпуль[команды] 31 кавполка в беседе с политруком заявил, что нужно послать делегацию от Красной Армии для проверки проведения хлебозаготовок на местах.

Курсант полкшколы 71 кавполка, из зажиточных крестьян, на политзанятиях говорил: «Нам замазывают глаза, Сов. власть не считается ни с чем, дерут с нас, как захочется, на местах за бутылку водки можно сделать все».

В 72 кавполку бедняцкая часть красноармейцев спрашивает: «Почему не хватает товаров в кооперативе и почему не продают за деньги, ведь бедняк не имеет хлеба. Местные работники делают не так, как здесь нам рассказывают, а поэтому мы не знаем, кому теперь верить». (Политдонесение № 9 от 29/II-28 г.)

МВО. Хлебозаготовки, а также отпуск кооперацией дефицитных товаров только на хлеб во многих письмах трактуется как признак близкой войны: «Кооперативы прикрывают, за деньги отпуск не производят, наверное, скоро война». (Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.)

УВО. «В городе для удовлетворения культурных потребностей государство расходует свои средства, а на селе для тех же надобностей проводит самообложение»; «с рабочего ничего не берут и даже рабочий день убавляют, а все берут только с крестьян»; «почему нет самообложения в городе, там есть и клубы, нужно, чтобы и в городе был закон о самообложении» (7 див.) (Политдонесение № 7 от 14/II-28 г.)

ЛВО. «В деревнях совершенно обобрали крестьянство, берут последнее и швейную машину. Заботятся о благополучии только рабочих (2-я артдив.); «Хлеб дома отнимают, надо идти домой защищать хлеб (4-я кавдив.); крестьянин правильно делает, не продавая хлеб, так как весной он будет дороже, да и к тому же хлеб крестьянину нужен как страховка» (4-я стр. див.». (Политдонесение № 5 от 9/II-28 г.)

«Нас призвали служить, а дома хозяйство разоряют. Нам врут, что партия решила поднимать сельское хозяйство, а выходит, оппозиция была права, когда шла против партии, крестьянство ей сочувствует». Или еще пример: во 2-м конвойном полку по докладу директора шефствующей над полком фабрики были заданы следующие вопросы: «Вы сказали, что рабочий завоевал 7-часовой рабочий день, а что завоевал крестьянин, хлеб остальной отбирают, а товаров в кооперативе нет, потому крестьянин как жил раньше, так и живет теперь». (Политдонесение № 7 от 21/II-28 г.)

СибВО. В деревне идут усиленные слухи о предстоящей весной этого года войне. В связи с этим мероприятия органов власти в деревне, по мнению некоторой части крестьянства, являются подготовкой к войне. Приводим по этому вопросу несколько выдержек из писем кр-цев:

1) «Здесь много говорят про войну...» (кр-цу роты связи 21 дивизии Плеханову).

2) «...Война будет, войну ждут с часа на час».

3) «...Может, у вас про это известно, не готовятся ли к войне, так как все внимание государства обращено на хлеб» (кр-цу 62 п. Аникину).

4) «Не вызывали ли сокращение срока уплаты налога военные действия» (кр-цу 6 терполка Худякову).

«У нас крестьянство заброшено, правительство уделяет внимание только рабочим, разъяснения крестьянам никакие не дают. Нужно с рабочими тоже брать и т. д.» (*Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.*)

Балтфлот. Отдельные кр-цы (по данным политотдела плав. состава) считают, что извращения и недочеты по хлебозаготовкам происходят преимущественно из-за того, что партийцы на местах «никуда не годятся, не смотрят за порядком и не защищают крестьянина, хотя и видят явную несправедливость». Кр-ц л/к «Октябрьская революция» Мальцев (рабочий, исключен из кандидатов ВКП(б), говорил: «Хлебозаготовки прохлопали районные организации, XV партсъезд занимался не тем, чем нужно было заниматься.» (*Политдонесение № 12 от 1/III-28 г.*)

4. Реагирование разных социальных групп³

Как уже отмечалось в предыдущей сводке, хлебозаготовки отчетливо наметили расслоение красноармейцев-крестьян в казарме. В ряде случаев собрания кр-цев резко делились на два лагеря: кулацко настроенных кр-цев и бедняков. И той и другой группой для споров использовалась трибуна красноармейских собраний. Хлебозаготовки еще раз показали, что в армию просочились отдельные кулацкие элементы. Характерно для этих кулацких элементов в период хлебозаготовок то, что они ведут себя очень осторожно, часто замкнуто, а выразителями их настроений выступают крепкие середняки. Средняки вообще иногда блокируются с кулаком. Его больше всего волнуют низкие цены на хлеб, высокие — на товары и нажим по усилению сдачи хлеба. Бедняк, одобряющий линию нажима на кулака, в хлебозаготовительной кампании недоволен продажей товара в кооперации только членам кооперации и за хлеб. Иногда бедняк, оценивая политику соввласти, считает, что нажим на кулака есть, а помощи бедноте нет или она слаба. Очень часто бедняк не имеет твердой позиции, а иногда подпадает под влияние кулацких элементов и крепких середняков и выступает с ними совместно.

Рабочая часть кр-цев к хлебозаготовкам относится в большинстве безразлично, как к некасающемуся их делу.

БВО. Некоторые кр-цы из рабочих мало интересуются вопросами хлебозаготовок (70 кавполк). Один из рядовых партийцев, рабочий, во

время беседы в Ленуголке о хлебозаготовках заявил: «Нам этот вопрос неинтересен — мы рабочие».

Побриг 4-й отмечает, что разъяснительной работой парторганизация добилась того, что большая часть кр-цев бедняков и значительная часть кр-цев середняков считают, что хлебозаготовительная кампания проводится правильно и что кулаки, зажиточные крестьяне и частники пытаются сорвать хлебозаготовки и распространяют различные ложные слухи: «Надо оставить разговоры, вопрос ясен — недовольна только верхушка деревни, беднота чувствует себя хорошо». Зажиточная часть красноармейцев к разъяснительной работе относится недоверчиво-скептически». (*Политдонесение № 9 от 29/II-28 г.*)

МВО. «Вернее ли будет политика соввласти, когда за деньги не дают товара крестьянам, а только за хлеб. Зачем же тогда выпущены деньги и такая политика только кулакам на руку» (10 кавдив).

«Почему беднякам товар не продают за деньги, которые не имеют хлеба».

«Кулак может взять мануфактуру, а бедняк ходить должен голый».

«Я бедняк, служу здесь, а дома моя семья не может ничего купить потому, что мы бедняки и нет у нас никакого выхода» (19 див.).

Даже эти настроения, как будто выражаемые кр-цами из бедняков — на самом деле, как устанавливает подив 10-й, в ряде случаев исходят от зажиточных, которые это используют для привлечения на свою сторону сочувствия бедняков. (*Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.*)

УВО. В центре всех связанных с хлебозаготовительной кампанией вопросов стоит самообложение. Вокруг этого вопроса более резко выявились настроения отдельных социальных групп кр-цев. Активное выражение недовольства самообложением, особенно в первое время, характерно в основном для середняцкой и особенно зажиточной части кр-цев. Среди последних недовольство принимает нередко враждебные формы.

В связи с поднятым зажиточной частью кр-цев шумом кр-ц-бедняк в первое время не выявлял своего отношения к самообложению и часто даже подакивал. Имеют место среди бедноты даже недовольства самообложением. Однако эти недовольства объясняются в большинстве случаев недостаточной разъяснительной работой, вследствие чего многие из кр-цев-бедняков опасались, что проводимая кампания заденет и бедняцкое хозяйство.

Имеются также отдельные заявления бедняков против прогрессивности самообложения. В 7 дивизии, например, некоторые из кр-цев-бедняков говорили: «Самообложение — штука хорошая, полезная и выгодная для крестьян, но как бы не расколола смычку бедняка с середняком и не укрепила смычку середняка с кулаком».

В основном же, как отмечает ряд политорганов, беднота положительно относится к самообложению, отдельные отрицательные настроения

легко поддаются разъяснительной работе. 3 кав. дивизия констатирует, что разъяснительная работа внесла заметное успокоение среди бедняков и некоторой части середняков. Острота вопроса, во всяком случае, уменьшилась.

Ряд фактов говорит о том, что на зажиточную часть кр-цев усилилось кулацкое влияние. Разговоры среди этой части кр-цев направлены против классового характера самообложения, против льгот бедноте, отражая одновременно некоторое усиление ревности к рабочим. Средняцкая масса кр-цев не принимает классовой сущности, целей и средств проведения всех мероприятий, в частности и самообложения, и идет в значительной своей части в этих вопросах за более зажиточными. Характерны, например, такие заявления: «Разве теперь есть на селе кулак, ведь их давно раскулачили, то кого же вы теперь считаете кулаками». (*Политдонесение № 7 от 14/II-28 г.*)

УВО. С прежней остротой отрицательные настроения наблюдаются в группе красноармейцев из зажиточных и отдельных кулацких элементов, проникших в армию. Ряд фактов говорит о том, что наряду с подчеркиванием своего враждебного отношения к проводимой кампании на селе за последнее время усилилась агитация этой группы среди красноармейцев с целью привлечения на свою сторону кр-цев середняков. Эта агитация направлена в основном против 7-часового рабочего дня, лучших условий культурного обслуживания рабочих, а в отдельных случаях — по линии необходимости крестьянской самоорганизации и попыток апеллировать к армии против проводимых мероприятий. Таковы следующие, например, заявления: «Крестьянам нет спасения от налогов, забирают в ДОПР, чтобы у власти стояли крестьяне, то [для] этого не было бы нужно сделать вторую революцию» (9 кав. дивизия). В 24 дивизии «в отдельных частях зажиточными элементами культивируются разговоры о том на почве налогов и самообложения». Характерны заявления: «Нам все говорят, что мы защищаем сами себя, а дома дерут шкуру, кого же мы защищаем»; «все рабочим — у них в руках диктатура, им и манифест дал больше, чем крестьянам, да с крестьянина еще второй налог берут, а в армии большинство крестьян». (*Политдонесение № 9 от 3/III-28 г.*)

ЛВО. В 54-м складе кр-цы говорят: «Налог уплаты, семссуду возврати, страховку внеси, на крестьянский заем подписывайся, самооблагайся, а за рожь дают только по 75 коп. за пуд» или «Разве это советская власть. Пусть только начнется война, все будем в зеленой армии. Все пошло по-старому, а года через два нового духа не будет». (*Политдонесение № 7 от 21/II-28 г.*)

САВО. Красноармейцы из бедноты наиболее остро реагируют на сообщения из деревни. Наряду с ростом враждебного отношения к кулаку и одобрением мероприятий Соввласти в борьбе с кулачеством значительная часть бедноты выражает недовольство политикой Соввласти. В беседе с военкомом три кр-ца 1 стр. полка заявили:

«Надо делать революцию против кулака, резать, душить их надо». Выявившийся кр-ц-кулак в 6 роте 1 стр. полка вызвал к себе явную вражду и презрение со стороны бедняцких элементов. С другой стороны, беднота высказывает недовольства своим положением и упрекает Соввласть в недостаточной помощи: «Вы говорите о кооперировании, о борьбе с кулаками, а бедняк видит незначительную помощь и [должен] по сей момент идти к кулаку просить лошадь, хлеба, денег».

«Политика, которую сейчас проводит власть с хлебозаготовками, продавая товары в кооперации только под хлеб, выгодна для кулака, имеющего хлеб, а бедняка бьет».

В настроениях середняков главное внимание сосредоточено на вопросах хлебных цен, жалобы и недовольства на низкие, по их мнению, цены на хлеб, установленные хлебозаготовительными органами и кооперацией на запрещение продажи хлеба частниками и т. п.

«У нас хозяйственный расчет, где больше дают, туда и везем, я лично подождал бы цены» (кр-ц-средняк Саратовской губ.); «На крестьян не обращают никакого внимания, то, что пишут в газетах, — это все ерунда, это предложение будущего, а рабочий класс захватил власть и ее держит, несмотря на то, что крестьян больше» (писарь, зажиточный середняк, 1905 г.).

В некоторых частях наблюдаются случаи явно кулацких настроений, выразителями которых являются просочившиеся в армию кулацкие элементы. Так, в Военную школу имени Ленина двум кр-цам, Прокопенко и Чума, присланы от родных письма, в которых извещается о лишении их прав избирательного голоса (письма прилагаются). Характерно отметить, что кулацкие элементы не выявляют своего отношения к письмам, осторожно отвечают на вопросы бедноты и середняков, пытаясь при этом затушевать наличие расслоения в деревне: «Теперь нет кулаков, все одинаковы» (артполк 1-й дивизии). Подив 1-й по этому вопросу пишет: «Среди части кулацких элементов отмечается замкнутость в проявлении своих мнений по поводу писем из деревни». (*Политдонесение № 12 от 16/II-28 г.*)

СибВО. Мероприятия органов власти вызывают большое недовольство зажиточной верхушки деревни, которая оказывает в этом отношении влияние на середняка и отчасти на бедняка.

Сейчас среди кр-цев и младшего комсостава довольно отчетливо выделились различные социальные прослойки, различно относящиеся к проводимой хлебозаготовительной кампании.

а) Зажиточная и крепко середняцкая часть кр-цев под влиянием писем из деревни настроена к хлебозаготовкам отрицательно и оценивает мероприятия власти как смену политики власти, отмену НЭПа и введение продразверстки в связи с угрозой войны против СССР.

б) Бедняцкая часть кр-цев относится к проводимой кампании, положительно расценивая ее как нажим на кулака в деревне. Однако при

этом часть кр-цев-бедняков опасается за то, что нажим на кулака отразится весной на бедноте («кулак вздует весной цены на хлеб»).

в) Середняцкая часть кр-цев частью раскололась, частью настроена выжидательно, не имея извещений от своих родных из деревни.

В ходе собрания (посвященного хлебозаготовкам) довольно ясно отмечалось деление кр-цев на две группы. Причем каждая из них, зажиточная или бедняцкая, демонстрировала солидарность со «своими» ораторами аплодисментами и возгласами «правильно».

Особенно резкое выступление было кр-ца артполка (бывшего штрафника) Митюкова: «Самогон гонит не кулак, а бедняк; кулак пьет “горькую”, а бедняку купить ее не на что — он пьет самогон, кроме того, он этим кормится — купит пуд муки, выгонит самогону на три пуда муки, чем и кормится»; «Говорят, налог уменьшается, все это враки, я сам платил в прошлом году 16 рублей, а нынче 30 рублей, мой сосед в прошлом году платил 64 рубля, а теперь 240 рублей». Речь была встречена аплодисментами и криками «правильно» — со стороны части красноармейцев. Подбодренный ими Митюков еще крикнул — «крестьян задавили налогом, тянут последние жилы», что также встретило аплодисменты.

В противовес ему выступил с резкой отповедью с фактами, доказывающими защиту интересов бедноты, беспартийный рядовой кр-ц 78 полка, бедняк, речь которого была встречена возгласами «правильно» и горячими аплодисментами, значительно большей частью красноармейцев. Со стороны зажиточных намечалась скрытая попытка сорвать собрание. Так, после выступления двух командиров и двух рядовых кр-цев (одного партийца и одного комсомольца) стали раздаваться возгласы из их среды «прекратить прения». При голосовании прилагаемой резолюции из 900 человек один голосовал против, один воздержался. (*Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.*)

ПриВО. Рабочие и батраки считают, что с этой кампанией опоздали, в результате чего рабочие по 2–3 дня сидят без хлеба, что кулак, имеющий 3–4 тыс. пудов хлеба, отдаст его, получит большую партию промтоваров и начнет спекулировать.

Бедняки выражали недовольство порядком продажи промтоваров, утверждая, что бедняк, не имея в излишке хлеба, не может купить себе мануфактуры, вынужден будет ходить голым, тогда как кулаки на хлеб приобретут товару, «а нам, беднякам, придется им кланяться».

Со стороны зажиточных были разговоры о том, что «Советская власть заключила договор с Германией — вот теперь и тянет с нас». По сообщению подива-8, зажиточная и кулацкая часть населения района комплектования заминки с хлебозаготовками пыталась использовать в целях разжигания антагонизма между городом и деревней: «Нам что, у нас хлеб есть и будет, а вот вы, бедняки, купите теперь мануфактуру. Вот если бы Советская власть не вводила 7-часовой рабочий

день, то и товаров было бы и больше». «Ага, вот когда пришли к нам за хлебом, — привезите свои товары, а мы посмотрим, если понравится, то повезем хлеб». «Зачем везете хлеб — обменивать на чеки, этими чеками нам придется з-ницу подтирать». (*Политдонесение № 9 от 18/II-28 г.*)

Черфлот. Естественно, что отдельные наименее устойчивые краснофлотцы из середняков и даже бедняков поддаются подобной агитации, затевают такие разговоры, как «мы тут служим, а наши семьи обируют» (53 ОАО). «Крестьян дают, а нам здесь комиссары напевают, что там хорошо» (Дивподлодок).

5. Антисоветская агитация

С хлебозаготовками участились антисоветские выпады. Основная масса этих выпадов не стоит ни в какой связи с антисоветскими элементами и является следствием горячности «обиженных» кампанией кр-цев-середняков или зажиточных. Но несомненно, что недовольства кр-цев используются и антисоветскими элементами.

БВО. Имеются отдельные случаи антисоветских выступлений, главным образом со стороны зажиточных.

В 6-й кавдивизии отмечено 6 таких случаев, главным образом со стороны кр-цев СКВО и ПриВО, заявивших, что рабочие захватили власть, «как раньше помещики, издеваются над крестьянством, нет никакой разницы». Там же на этой почве отмечены случаи антисемитских выступлений: «Евреи захватили власть и сейчас распоряжаются как хотят».

Характерны разговоры красноармейцев в 4 кав. бригаде: «У нас говорят одно, а там делают другое. Мы служим в Красной Армии, а там дерут с наших отцов. XV съезд партии решил одно, а видим другое, нам здесь говорят, что строим социализм совместно с крестьянством, а на самом деле крестьян жмут, хлеб разберут у кулаков и доберутся, как в 1919–1920 г., и до нас, если у них не будет, то и нам негде взять; говорят, что с.-х. налог единый, а на деле получается другое — бедноту надо всю побить, а то она нам шею переела. Сов. власть научит нашего брата не пахать землю, надо своим отцам ковать штыки». (*Политдонесение № 9 от 29/II-28 г.*)

МВО. Со стороны кр-цев из зажиточных отмечаются явно демагогические и антисоветские выпады и заявления. По вопросу о хлебозаготовках:

«Мы в будущей войне будем плохие защитники, если такое отношение будет со стороны власти к крестьянам, а то штыки [вынем] и не пойдем (заявления кр-ца 5 с. п. 10 див. Кизилова)».

«Что это за власть — за деньги ни соли, ни керосина [нам не] дают, приходится хлеб продавать. Если партия или Сов. власть [станет] дальше так делать, придется подымать бунт (вопрос, заданный на политзаян-»

тиях кр-цем 55 кавполка 10 кавдивизии Зайцевым)». (Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.)

Чернфлот. Среди краснофлотцев много разговоров и споров вокруг мероприятий на селе.

Наблюдается повышение активности т. н. «бузотерского» элемента, использующего всякие недопонимания и недовольства в целях агитации против дисциплины и внутреннего распорядка в части. (Политдонесение № 4 от 12/II-28 г.)

6. Результаты разъяснительной работы

Разъяснительная работа вокруг хлебозаготовительной кампании дает в общем положительные результаты. Ослабление недовольств кр-цев кампанией, отмеченное в начале сводки, в большей степени явилось следствием разъяснительной работы политаппарата и парторганизаций. Во многих случаях разъяснительная работа не только разряжала недовольства кр-цев, но и делала из них агитаторов по отношению к деревне за сдачу хлеба, за подписку за заем и т. д.

Наряду с положительным влиянием разъяснительной работы были факты, когда политаппарат и парторганизации наталкивались на недоверие кр-цев и даже контрагитацию.

МВО. Разъяснительная работа вокруг этих настроений проводится удовлетворительно, но в некоторых случаях наталкивается на недоверие кр-цев даваемым разъяснениям и даже контрагитацию со стороны отдельных элементов. Так, например:

В 57 п. 19 див. на собрании по докладу представителя у[ездного] ком[итет]а о хлебозаготовках выступили два кр-ца, отмечавшие недовольство крестьянства, их выступления сопровождались шумными аплодисментами. Выступившего кр-ца в защиту доклада не стали слушать. [Пре]дложенная резолюция встретила поддержку лишь со стороны большей части кр-цев других губерний. За резолюцию голосовало 60 %, остальные не подняли рук ни против, ни воздержались. В 14-й местн. стр. роте (18 див.) проводимая парторганизацией работа достаточного успеха для изжития недовольств не имела. Сделанный доклад представителем районного комитета также «остроты вопроса почти не устранил». В продмаге кр-цы на разъяснения политрука отвечают: «Вы говорите одно, а там делается совершенно другое». (Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.)

ЛВО. Разъяснительная работа после соответствующих указаний Пуокра и уделения ей большого внимания со стороны политаппаратов и парторганизаций частей развернулась в достаточной мере и охватила весь состав частей. Результаты этой работы видны по здоровому в целом реагированию состава частей на вопрос о хлебозаготовке, хотя письма красноармейцами из дома по-прежнему получают в достаточном количестве и с теми же вопросами, кои были и до сих пор.

Как положительный момент необходимо еще отметить влияние кр-цев на нездоровые настроения у крестьян в связи с хлебозаготовками и сбором недоимок по налогу и страховкам. Это влияние осуществляется через письма, посылаемые красноармейцами, как в индивидуальном порядке своим родственникам, так и коллективно в ответ на получаемые письма из деревни. Наиболее удачные коллективные письма политотделом спецвойск рассылаются в качестве образца по всем частям объединения. (*Политдонесение № 7 от 21/II-28 г.*)

7. Реагирование начсостава на хлебозаготовки

Реагирование на вопросы хлебозаготовок разных групп начсостава различно. Прежде всего различно реагирование младшего и среднего начсостава. Младший начсостав, будучи в большинстве связан с деревней непосредственно, подвержен большому ее влиянию и в ряде случаев в реагировании на хлебозаготовки ничем не отличается от рядовых кр-цев (вплоть до деления на социальные группы деревни — бедняков, середняков, зажиточных). А так как младший комсостав в целом более развит, то его выступления более четко и законченно политически формулированы.

Вот факты, характеризующие это реагирование младшего комсостава:

УВО. Обращает на себя серьезное внимание то обстоятельство, что резко отрицательные и враждебные настроения находят место среди младшего комсостава, в том числе комсомольцев, а в отдельных случаях и кандидатов партии. Необходимо при этом отметить иногда более политически законченную и враждебную по существу формулировку этих настроений среди младшего комсостава.

7 дивизия отмечает: «Настроения и разговоры среди мл. комсостава по этим вопросам ничуть не отличаются от кр-ских настроений». Вместе с этим подив указывает на случай трений между середняцкой и бедняцкой частью мл. комсостава: «Военком полка (19-го) отмечает, что в роте мл. комсостава имеются обостренные отношения между бедняцкой и середняцкой частью. Средняки обвиняют бедняков в том, что сколько ни давай им поблажек, “голодранец” так и остается “голодранцем”. Бедняцкая же часть говорит: “Средняки начинают перерастать в кулаков, поэтому неминуема вторая революция, которая должна окончательно покончить с кулаками”». В сапбате VI один из отделкомов (комсомолец) говорил: «У крестьян все отбирают — ничего я не буду развяснять кр-цам».

В 25-й дивизии из 22 индивидуальных выступлений о недовольстве самообложением 18 падает на мл. комсостав.

В 23-й дивизии один из пом. ком. взводов (сверхсрочный, из зажиточных) вел такой разговор: «Самообложение не нужно, за товары дерут, хватит с них, остальное пусть государство дает. Не дают кре-

стьянину развиваться. Не даст крестьянин хлеба, и все подохнут. Вот подождите, крестьянин организуется и свое потребует. Пусть где-где за[п]оруются — воевать крестьянство пойдет только в другую сторону. Крестьянство восстановило все государство: рабочий класс — это ерунда, ничего не стоит; бедняки все лодыри, кулаков нет, а есть трудящиеся, которые работают и потому все имеют. Бедняки голосуют за самообложение, а работать не хотят. Их всех надо выкинуть и истребить».

В 24-й дивизии отделком 70 полка Кадес, середняк, дважды выступал на политзанятиях, после которых собирал кр-цев и отделкомов, доказывая им: «Соввласть отобрала у крестьян лучшие земли, раздала их жидам и коллективам». Он же подговорил группу в 7 отделкомов подать записки о разжаловании их в кр-цы. В беседе с политруком все эти отделкомы высказывали недовольство налогами, невниманием местной власти к бедноте, дороговизной промтоваров. Некоторые из них прямо заявляли, что соввласть грабит крестьян. Кадес арестован и передается суду». (*Политдонесение № 7 от 14/II-28 г.*)

СКВО. «В 25 стр. полку 9 стр. дивизии организовывалась активная группа мл. комсостава, недовольная мероприятиями Сов. власти, численностью в 5 человек. Эта группа ведет разговоры: “Забирают, заскребают у крестьянина все прямо, насильно”. Один из них сказал: “Посмотрим, если они то же самое будут делать в Новочеркасске, мы им покажем”. Одному партийцу эти мл. командиры сказали “Ты балда, не понимаешь ничего, в чем дело, а говоришь”. Поддержкой среди кр-цев эта группа не пользуется». (*Политдонесение № 4 от 13/II-28 г.*)

«В 9 стр. дивизии мл. командир Цтак, получив письмо Нущовки⁵ (Донокруга), [...]»⁶ стал вести агитацию: «Ну что же, товарищи, мы здесь служим, а дома забирают весь хлеб, не оставляют даже на харчи, а нам здесь политрук говорит, что только те сдают хлеб, у кого есть лишний. И вот вышло, что когда я получил из дому письмо и мне отец пишет, что у дяди забрали весь хлеб, и у нас скоро будут забирать, так у меня теперь отпало настроение не только учиться, но и слушать не хочется».

Отделком Кравцун, крепкий середняк, заявил: «Почему самообложение не платит бедняк — все должны платить» и добавил: «Все загоню и буду бедняком, буду для Советской власти дармоедом».

В 74 стр. дивизии некоторые мл. командиры рассуждали: «Не надо самообложения, у нас все благополучно».

Среди некоторых лиц начсостава в 22 стр. дивизии имеется взгляд на проведенную кампанию по хлебозаготовкам, как на уступку перед оппозицией: «Оппозиция была права, призывая к наступлению на кулака, но тогда говорили, что этого не надо, а теперь сами схватились, когда уже срывается вся кампания». (*Политдонесение № 7 от 2/II-28 г.*)

С[уб]Во. Один из отделенных командиров, по социальному положению бедняк, в группе кр-цев говорит: «В деревне сейчас как будто живется ничего», на что сразу раздалось несколько голосов:

«Ты не знаешь положения крестьянства, я намолотил 85 пуд. и с меня содрали 59 рублей, я бегал домой, упросил и сбросили 14 рублей, а если бы не бегал, значит, плати, где же порядки» (отделенный командир Моисеев, середняк).

«Надо писать письмо Калинину о том, что никаких прав не добьешься, описывают имущество, дерут большой налог, знают ли там, в центре, об этом, как после этого посмотрит крестьянство, когда поднимется война, знают ли в центре, что крестьянство налогом недоволено» (отделенный командир, середняк).

«В деревне над нами зажиточные смеются, когда с нас, бедняков, трясут налог, говоря: “Ваша власть, вы нас лишили права голоса” (отделенный командир, бедняк Саратовского района, Омского округа).

30 января в роте мл. комсостава 34 полка политзанятия были сорваны (по содержанию) по причине того, что в самом начале занятий мл. комсостава сразу [стал] забивать групповода (командира взвода) вопросами налога и хлебозаготовок с выкриками: «Где такие правила описывать имущество крестьян». На все вопросы группрук ответить не мог. После этого мл. комсостав рассуждал так: «Один сунулся, сбили, хотел нам доказать право, теперь доберемся и до политрука». (Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.)

СКВО. В прениях на собрании кр-цев выступили два отделкома и один кр-ц (б/п, крестьяне). В своих выступлениях они говорили: «Принудительное изъятие хлеба — это не путь к социализму, а путь к гражданской войне, о чем сейчас поговаривают крестьяне. Надо сажать в тюрьму не крестьянина, а хлебозаготовителя, проспавшего лето и осень. В срыве хлебозаготовок виновата оппозиция, а мужика в тюрьму сажают». Резолюция была принята всеми, кроме двух выступавших в прениях против (Краморенко, Чеботаренко). После принятия резолюции Краморенко выступил с дополнением: «Необходимо проявить осторожность по отношению к крестьянам и привлечь к строгой ответственности хлебозаготовительные органы, вплоть до ареста». За это дополнение голосовали два г-на (Краморенко и Чеботарев). (Политдонесение № 6 от 27/I-28 г.)

Средний начсостав по реагированию на хлебозаготовки неоднороден. Парткомсостав более чутко реагирует на хлебозаготовки, и ему в основном присущи общие с парторганизацией черты. Поэтому реагирование парткомсостава нами отнесено в главу о реагировании партийцев и комсомольцев на хлебозаготовки.

Беспартийный начсостав выявил свою недооценку кампании и отнесился к ней часто безразлично, высказывая иногда даже недовольство «новой дополнительной нагрузкой», «мешающей прямой его работе — военной учебе». Отмечены отдельные факты административного нажима комсостава на кр-цев в разъяснении вопросов хлебозаготовок.

Часть начсостава расценивает проводимую кампанию как уступку оппозиции.

СКВО. Слабо используется в работе беспарт., средний и ст. начсостав. Часть его не уяснила себе сущность проводимых кампаний, говорит, что на крестьянство чрезмерно жмут, проводит аналогию между предложениями оппозиции и настоящими мероприятиями партии и сов. власти. Некоторые относятся к кампаниям индифферентно, не принимают участия в разъяснительной работе, даже отказываются отвечать на вопросы кр-цев (13 стр. див.). Многие, в том числе и партийцы, жалуются на перегрузку в связи с кампаниями, говорят, что разъяснительная работа по кампании среди кр-цев будто бы отвлекает последних от военной учебы («зря так раздули кампанию» и проч.).

«Комсостав, проводя разъяснительную работу, покрывает своим нажимом, стараясь доказать необходимость хлебозаготовок».

СКВО. Среди некоторых лиц начсостава в 22 стр. див. имеется взгляд на проведенную кампанию по хлебозаготовкам как на уступку перед оппозицией: «Оппозиция была права, призывая к наступлению на кулака, но тогда говорили, что этого не надо, а теперь сами схватились, когда уже срывается вся кампания».

В 11-й кав. дивизии также наблюдается незнание частью начсостава вопросов хлебозаготовок и самообложения. Так, один комэск полка на вопрос, как идут хлебозаготовки, ответил: «Черт ее знает». (Политдонесение № 7 от 2/II-28 г.)

8. Реагирование партийцев и комсомольцев на хлебозаготовки

Партийцы и комсомольцы во многих случаях оказались неподготовленными к кампании и в ряде случаев не только не смогли противостоять недовольствам беспартийных кр-цев, но оказались сами под влиянием этих недовольств. Часть партийцев и комсомольцев рассматривали нажим на хлебозаготовки и самообложение как проведение линии оппозиции.

СКВО. На гарнизонном партсобрании в г. Новочеркасске докладчику по хлебозаготовкам было задано до сотни вопросов, многие вопросы доказывают, что даже партийцы не уяснили себе основных задач проводящейся кампании. Характерно также, что когда в докладе пред. Новочеркасского РИКа сказал, что с хлебозаготовками в общем обстоит дело благополучно, политсостав частей Новочеркасского гарнизона сразу ослабил темп разъяснительной работы. (Политдонесение № 6 от 27/I-28 г.)

УВО. В основном реагирование партийцев и комсомольцев на проводимые кампании здоровое. Вместе с этим встречаются случаи непонимания значения кампании среди отдельных партийцев (преимущественно кандидатов) и особенно комсомольцев-крестьян. Характерны

явления хвостизма по отношению к недовольствам кр-цев и «крестьянским» настроениям. Нередко недовольства среди кандидатов партии и особенно комсомольцев связаны с тем, что их хозяйство дома оказалось задетым. Таковы, например, следующие факты и заявления: «У моего батька забрали задаток за 1,5 м-ца хлеба, аж така политика партии» (комсомолец-средняк 100-й див.).

В 7 дивизии один из комсомольцев на комсомольском активе доказывал, что разговоры об уменьшении налога на бедняцкие и середняцкие хозяйства неверны, что сейчас набавляют 35 %; «С одной стороны, — говорит он, — освободили беднейшее крестьянство от налога, а с другой — под видом самообложения его увеличили и через ГПУ забирают хлеб у крестьян или принуждают его сдавать хлеб в кооперацию по дешевым ценам». «Политика партии неверна, жестоко проводят», — заявляет член партии в полкшколе 100-й див. Характерно и такое заявление кандидата партии: «Диктатура и привилегии рабочим, а крестьянам ничего — рабочие клубы строят, а нам амбулатории и школ нет». Там же комсомолец заявлял: «Я верил в партию, а теперь вижу, что политика партии построенная на нажиме на крестьянство и на улучшении рабочих».

На почве недовольства имеют место попытки к выходу из КСМ. В 30 дивизии, например, это имело место во 2 конвойном батальоне (4 чел.) и в 89 полку. Заявления мотивировались несогласием с политикой партии в вопросе о самообложении и хлебозаготовках — «это притеснение для крестьянства».

Требуют к себе внимания партийных организаций частые отдельные заявления о том, что проводимые партией мероприятия говорят о правоте оппозиции в крестьянском вопросе. Такие настроения имеются в среде отдельных беспартийных кр-цев и мл. командиров. Таково, например, заявление о том, что «не есть ли самообложение и заем принятие предложений оппозиции о принудительном займе» (кандидат партии, старшина 100 див.), «партия отвергла предложения оппозиции о наложении налога на крестьян, а теперь другим путем партия сама приводит то, что предлагала оппозиция». (*Политдонесение № 7 от 14/II-28 г.*)

МВО. Отдельные партийцы и комсомольцы под влиянием этих настроений проявляют хвостистские и даже панические настроения. Например: один комсомолец 35-го склада в беседе с оторгом⁷ комсомола сказал: «Плохо дело, мы пропадем, крестьяне восстанут, и опять начнется война».

«На занятия партшколы автомото б-на один кандидат партии заявил, что сейчас получается разверстка», другие слушатели говорили, что хлеб отбирают насильно, что в городе богачи — НЭПманы и т. д. Раздавались реплики, что нужно делать вторую революцию», — пишет Погар⁸.

В 50 м[естной] стр. роте кандидат ВКП(б) т. Калугин, получив из деревни письмо со слухами о принудительном отборе хлеба, распространил этот слух среди кр-цев и создал среди последних недовольство.

Комсомолец 55 кавполка 10 кавдивизии Чиясов выступил на полковом общем собрании по докладу «о Ленине и его партии» со следующим: «Я только приехал из дома, из отпуска, и там у нас все забирают, оставляют только норму...». Вызванный на другой день к военкому для выяснения данного положения вещей, он последнему заявил: «Меня неверно поняли, я хотел сказать, что говорят — будут брать, а не берут еще, когда я уезжал из дома, накануне была получена бумага о сдаче хлеба в кооператив, а как будут брать, не знаю». (*Политдонесение № 6 от 14/II-28 г.*)

ЛВО. Подив 4-й Туркестанской сообщает, что в частях своевременного и быстрого реагирования политаппаратов и парторганизаций на появившиеся у кр-цев «крестьянские» настроения не было, инструктирование партийцев и комсомольцев по вопросам практического проведения в деревне хлебозаготовок было поставлено крайне слабо и носило общий характер, а отсюда, как следствие, недостаточная ориентировка у них вокруг этих вопросов и растерянность при разъяснении кр-цам волнующих красноармейский состав вопросов. (*Политдонесение № 5 от 9/II-28 г.*)

ПриВО. Некоторая растерянность выявилась не только у беспартийных, но и у части партийцев. Частями отмечается, что некоторые партийцы одинаково со всеми обывателями запасали хлеб, посылая своих жен в несколько очередей.

В 7 полку связи командир взвода Шибаетов (член ВКП(б)), рабочий, имея запас в несколько мешков муки, все же покупал по 12 булок в день, из которых сушил сухари.

В 7 полку связи на закрытом партсобрании тт. Денисов (политрук), Тимофеев (нач. клуба), Румынский (ком. роты) в своих выступлениях говорили, что партия вопрос о хлебозаготовках проморгала (все трое нами в сводках отмечались во время проработки предсъездовского материала). Парторганизация таким выступлениям дала соответствующий отпор. (*Политдонесение № 6 от 1/II-28 г.*)

В 57 див. на почве хлебозаготовительных затруднений командир взвода 170 п[олка] Горшков, рабочий, член ВКП(б) с 23 г., политически хорошо развит, — подал заявление о выходе из партии. Во время дискуссии т. Горшков был активным сторонником большинства ЦК. Заявление взял обратно. (*Политдонесение № 9 от 19/II-28 г.*)

САВО. Некоторые отражения крестьянских настроений наблюдаются также среди неустойчивых элементов в партийной и комсомольской организациях. Так, в крепости Кушка комсомолец Решетняк под влиянием полученного письма из деревни заявил: «Мы здесь служим, а у нас хлеб отбирают. Политика партии и Соввласти неверная, я разочаровался в комсомоле и партии, и из комсомола уйду». С подобным же заявлением выступал кандидат в члены ВКП(б) — кр-ц команды управления крепости Кушка — Тронза. В своем заявлении в партячейку

Тронза пишет: «Получил разочарование быть в партии и состоять балластом в ее рядах не хочу». (*Политдонесение № 12 от 16/II-28 г.*)

Балтфлот. Необходимо отметить, что вопрос о хлебозаготовках имеет факты неправильного и хвостистского толкования и среди отдельных парткомсомольцев. Политотделы приводят следующие примеры. Кр-ц эл. минной школы Лапник (кандидат) говорил: «Кулак растет, положение с хлебозаготовками тяжелое». Там же кр-ц Гладков (середняк, комсомолец) в беседе с беспартийным говорил: «В деревне зажим, душат налогами и не дают подымать сельское хозяйство, в то время когда промышленность имеет высокую прибыль». Аналогичных примеров приводится несколько. Отмечается, что в ряде парткомсомольских организаций нет достаточно решительного отпора такого рода проявлениям.

Часть партийцев недостаточно четко разбирается в сущности и причинах недочетов в хлебозаготовках. На собрании партактива Кронморбазы и Бер. обороны (15/II, присутствовало 380 чел.), где ставился инструктивный доклад по этому вопросу, было задано 28 вопросов о причинах хлебозаготовительных недочетов. Некоторые спрашивали (в записках): «Чем объяснить реквизицию хлеба в некоторых местах и облавы на рынках, где сосредоточены крестьянские подводы с хлебом»; «почему не продают товаров тому, кто не сдает хлеба»; «почему богатый на деревне имеет много товаров, а бедняк их не сможет получить, так как у него нет хлеба»; «какие нужно принимать парторганизацией меры, когда кр-цы приносят письма из деревни, где пишется о безобразиях по хлебозаготовкам» и т. п. Последнее весьма характерно и свидетельствует об отсутствии систематической информации и инструктажа партийцев по этому вопросу в частях. (*Политдонесение № 10 от 16/II-28 г.*)

[...]ВО⁹. Особенно характерен следующий факт. Каптернамус 5 понтонного батальона Черкашин подал заявление о вступлении в партию. Через некоторое время взял заявление обратно, объясняя тем, что не согласен с политикой партии в деревне. Как выяснилось, Черкашин получил письмо, в котором пишут: «В деревне грабят, не дают на мельницах молоть больше одного пуда 6 фунтов и печатают амбары». (*Политдонесение № 7 от 9/II-28 г.*)

[Сиб]ВО. Отношение основной массы партийцев и комсомольцев к хлебозаготовительной кампании положительное. Однако наряду с этим со стороны отдельных наименее устойчивых партийцев и комсомольцев проявляются случаи хвостизма, а в 26-й дивизии имел место факт подачи заявления кандидата ВКП(б) (мл. командира, крестьянина-середняка) о выходе из партии по причине несогласия с мероприятиями Советской власти в деревне. (*Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.*)

Чернфлот. К настоящему моменту среди партийцев имеется недостаточная ясность в политике партии и Соввласти на селе, однако

выявилось что отдельные партийцы сами подвержены крестьянским настроениям. На закрытом партийном собрании (подложка № 15) кандидат ВКП(б) Брежнев под влиянием только что полученного письма от брата заявил: «Крестьянину сейчас не дают жить из-за сильных обложений», что закон о самообложении больно ударяет по середняку. Там же член ВКП(б) Зуденков под влиянием скверного материального положения своего хозяйства в деревне выступил в прениях с заявлением, что «крестьянин принужден есть одну картошку, а его все равно облагают разными поборами», по его мнению, «от самообложения страдает больше бедняк, кулаку заплатить 100 рублей легко, а бедняку и рубль трудно». (Свои взгляды они изложили только на закрытом партсобрании, среди беспартийных ничего не говорили.)

На крейсере «Коминтерн» член ВКП(б) Григорьев (командир последнего выпуска) в прениях на партсобрании говорил, что «бедняка жмут, надо двинуть все силы в деревню, что здесь сидеть, нужно идти в деревню». В школе морских летчиков на партсобрании слушатель член ВКП(б) Ярунин выступил с заявлением, [что] «самообложение это тоже второй налог на крестьянство, оно бьет по бедноте и середняку... не лучше ли было сразу собрать все единым налогом, чем вводить самообложение... Советская власть только на словах сократила сельхозналог, а на деле он продолжает оставаться высоким».

В ряде парторганизаций кораблей в прениях на партсобраниях некоторые партийцы высказывали непонимания классовой сущности самообложения и отличия его от сельхозналога. Среди отдельных комсомольцев также имеются недовольства на мероприятия партии в деревне. (*Политдонесение № 5 от 28/II-28 г.*)

9. Формы реагирования низовой парторганизации на настроения, связанные с хлебозаготовками

СКВО. Разъяснительная работа среди кр-ской массы в связи с кампаниями в деревне, в первое время проходившая вяло, в последние дни в большинстве частей под сильным нажимом политорганов значительно развернулась и приняла более уравновешенный и углубленный характер. Однако отдельные недочеты в работе имеют место и до сих пор. Рабочая часть кр-цев использована для разъяснительной работы недостаточно. Некоторые кр-цы из рабочих неохотно ведут эту работу и говорят: «Зачем вы нас сюда пригнали, на съедение кубанским казакам».

Ротные ячейки почти не использовали в разъяснительной работе околопартийный актив, которого к началу кампании почти не оказалось. Некоторые парторганизации считали этим активом кр-цев, активно работающих в ленуголке, что, конечно, неверно.

Помимо того парторганизации частей и дивпарткомиссии вначале не принимали решительных мер по привлечению к партответствен-

ности партийцев, допускавших явно антипартийные выходки во время проведения кампании и недостаточно содействовали в работе полит-аппаратам. В настоящее время в связи с общим сдвигом и под влиянием опять же нажима со стороны политорганов парторганизации развернули довольно широкую работу вокруг кампании. Наблюдается также усиление работ дивпарткомиссии, члены ДПК инструктируют парторганизации по вопросам проведения кампании, привлекают виновных в антипартийной агитации или халатном отношении к работе, к ответственности. *(Политдонесение № 9 от 13/II-28 г.)*

УВО. Разъяснительная работа уже развернулась широко. Политорганами даны частям указания. В 23 дивизии почти во всех частях проведены совещания политсостава. «В подразделениях проведены политзанятия о самообложении, проводятся беседы по ленуголкам, организованы и работают группы в ленуголках, политруки [и] секретари ячеек обеспечены инструктивным материалом о самообложении». В 80 дивизии «к настоящему времени кампания развернулась и проводится с неослабным темпом. Вопрос обсуждался на заседаниях партбюро, на закрытых и открытых партсобораниях, на комсомольских собраниях. Проведены общие кр-ские собрания с целью разъяснения проводимых кампаний на селе. В некоторых частях в качестве докладчиков приглашались местные ответственные работники. По линии внешкольной работы систематически проводятся беседы в ленуголках». Такого же характера работа проводилась и в других дивизиях. *(Политдонесение № 7 от 14/II-28 г.)*

ПривО. Необходимо отметить своевременность и правильность постановки со стороны политорганов перед частями вопроса о работе вокруг хлебозаготовительных затруднений. Разъяснительной работе среди беспартийных предшествовали: инструктивные доклады, партийные собрания, совещания партийного актива. Все части имеют достаточно тесную связь с гражданскими организациями, которые оказывают реальную помощь в виде: выделения докладчиков на инструктивные совещания и на гарнизонные и общие собрания части. Местами гражданские организации помогали частям в составлении и изготовлении писем-бланков. Работа среди беспартийных проводится через обсуждение вопросов о хозяйственном положении на общеармейских собраниях; местами проведены специальные политзанятия. Эти же вопросы достаточно полно освещаются в стенгазетах и учитываются в работе группиров и индивидуалов. *(Политдонесение № 9 от [19]/II-28 г.)*

БВО. В 27 артполку было проведено красноармейское собрание, на котором разобраны все письма, полученные из деревни о хлебозаготовках. Было составлено коллективное письмо на родину, разъясняющее вопросы хлебозаготовок. Красноармейцы эти письма посылали домой.

В подивах-6, 7 и в побриге-4 проведены совещания военкомов и отсеков партбюро в связи с настроениями, вызванными хлебозаготовками. На совещании дана линия работы. Части приняли меры

[по] связи с гражданскими организациями районов комплектования, некоторые выписали оттуда газеты. Политорганами дана директива сообщать в местные партийные и советские организации о всех ненормальных фактах, изложенных в письмах из деревень, с тем чтобы устанавливать действительное положение вещей. Разъяснительная работа по вопросам хлебозаготовок ведется через общие собрания, внешкольную работу и политзанятия. В некоторых частях доклады о хлебозаготовках делали работники внутриг. (*Политдонесение № 7 от 9 февраля 1928 г.*)

Чернфлот. К настоящему моменту в частях и на судах уже развернута разъяснительная работа вокруг мероприятий на селе.

До сего времени основной формой разъяснительной работы являлись беседы и громкие читки. Тормозом в этой работе служат не всегда достаточное знание низовым активом вопросов, выдвигаемых краснофлотцами, особенно в части отдельных мероприятий партии и власти на селе вокруг проводимой кампании.

Вопрос о хлебозаготовках, самообложении в крестьянском займе ставится на очередных собраниях парторганизаций, КГСП частей (кораблей). (*Политдонесение № 4 от 12/II-28 г.*)

БВО. В 4 кавбригаде ведется следующая работа:

а) вопросы о хлебозаготовках, семссуде и самообложении, а также о методах и содержании разъяснительной работы среди красноармейцев обсуждены на закрытых собраниях ячеек;

б) проводятся беседы среди красноармейцев на политзанятиях и в порядке внешкольной работы;

в) усилена индивидуальная и групповая работа партийцев и комсомольцев среди беспартийных;

г) партячейки некоторых частей составили коллективные письма в деревни с разъяснением важности хлебозаготовительной кампании и вредности распространения ложных слухов. Письма вывешены в ленуголках. В составлении писем красноармейцы 70 полка принимали активное участие. Кр-цами некоторых частей получено несколько писем правильно и положительно разъясняющих ход хлебозаготовительной и проч. кампаний. Эти письма популяризируются среди красноармейцев.

Побригом-4 и отд. частями (70 и 71 кав. полки, 109 полк и друг.) запрошены местные обкомы и губкомы об истинном положении дела в области хлебозаготовок, взимания сем. ссуды, налога и т. д. (*Политдонесение № 9 от 29/II-28 г.*)

10. Искривления в реагировании политаппаратов и отдельных политработников на настроения, связанные с хлебозаготовками.

СКВО. В 13 стр. дивизии, в 39 стр. п[полку] политрук 2 пульроты Ульянов при проведении политзанятий о хлебозаготовках захотел про-

верить настроение мл. комсостава и задал такой вопрос: «Вот сейчас происходят хлебозаготовки, и представьте себе, что произошло восстание крестьян, пошли бы вы умирять или нет». Из мл. комсостава некоторые ответили: «Не пошли бы», другие молчали, выражая сочувствие отвечавшим. Тогда Ульянов заявил: «Вас заставили бы». На это последовал ответ: «Все равно бы не пошли». Один отделком (Обнизов) заявил при этом: «Я не пойду, хоть пускай на месте застрелят, я категорически отказываюсь идти». Дальнейшие разъяснения со стороны политрука ни к чему не привели. ПУОКРом даны указания немедленно расследовать дело и в случае подтверждения факта снять т. Ульянова с должности и привлечь его, кроме того, к партийно[й] ответственности.

Обследованием ПУОКРа было установлено, что в частях Пятигорского гарнизона (26 к. п. 5 кав. див. и 89 к. п. 11-й кав. див.) разъяснительная работа поставлена неудовлетворительно, особенно плохо обстоит дело с освещением значения кампании в 89 к. п. Приказом ПУОКРа командиру-комиссару 26 к. п. т. Мысину поставлено на вид, начклуба 89 к. п. т. Славянский отстранен от занимаемой должности, начклуба 26 к. п. т. Бахалову объявлен выговор.

Подивом 5-й кав. при обследовании 28 к. п. обнаружено чрезвычайно слабое отражение деревенских кампаний по линии внешкольной работы, недостаточный темп в работе и излишне оптимистическая оценка кр-ских настроений. Групповоды по политзанятиям, особенно в 4 эск., недостаточно были проинструктированы политруками. Подивом 5-й кав. за эти недочеты в работе военкому 28 к. п. тов. Кариннову поставлено на вид, начклуба полка т. Мазееву объявлен выговор.

В 28 стр. дивизии в результате проверки выполнения директив, данных в связи с кампаниями, три политработника (один начклуба и два политрука) смещены с занимаемых должностей и на 15 политработников наложены дисциплинарные взыскания. Кроме того, 23 полит. и парт работника привлечены к партийной ответственности. (*Политдонесение № 9 от 13/II-28 г.*)

С[уб]Во. Необходимо отметить, что в отдельных частях допущены ошибки и в методах проведения влияния на деревню через красноармейскую массу. Например: в 42-й конвойной роте по постановлению общего собрания красноармейцев составлен текст письма кр-ца домой, которое размножено и дано кр-цам для отправки домой от своего имени. Помимо того, что в письме допущено неверное толкование отдельных политических моментов, как разъяснение, что налог нужно собрать для того, чтобы строить фабрики и заводы, письмо с начала до конца составлено за кр-ца, начинается с описания хорошей жизни в казарме и заканчивается пожеланием с приветами и требуется под таким напечатанным текстом только индивидуальная подпись кр-ца. Посылка

таких писем в силу решений общего собрания может быть истолкована крестьянством как административный нажим комполитсостава на красноармейцев, так как не подлежит сомнению, что в следующих письмах кр-цы будут давать этим письмам свои комментарии. (*Политдонесение № 6 от 18/II-28 г.*)

Балтфлот. В разъяснении красноармейцам сущности хлебозаготовок у многих отмечается стремление сгладить остроту этого вопроса. Например, некоторые политруки в беседах с кр-цами отрицали наличие в хлебозаготовках элементов принуждения, в то время когда на самом деле это имело и имеет место.

Чернфлот. Несмотря на предупреждение Пуморсил с получением телеграммы ПУРа №...¹⁰ для политаппаратов и парторганизаций большинства частей и кораблей, появление «крестьянских» настроений в резкой форме явилось в некоторой степени неожиданным. Иногда работники мест не умели своевременно и достаточно правильно реагировать на «крестьянские» выступления отдельных краснофлотцев, подчас не знали, как вести разъяснительную работу по затрагиваемым краснофлотцами вопросам. (*Политдонесение № 4 от 12/II-28 г.*)

САВО. Ряд политорганов и низовые парторганизации были не подготовлены и захвачены врасплох усиленными запросами кр-цев о хлебозаготовках. Разъяснения событий очень часто шли по линии наименьшего сопротивления — вина всему извращения местных организаций. (*Политдонесение № 12 от 16/II-28 г.*)

11. Реализация займа укрепления крестьянского хозяйства

Распространение среди кр-цев займа укрепления крестьянского хозяйства, судя по некоторым отрывочным данным, идет довольно успешно. Но не везде ему уделяется достаточное внимание, реагирование на хлебозаготовки в большинстве случаев заслонило задачу реализации займа в частях.

СКВО. К 25/II общая сумма подписки на заем укрепления крестьянского хозяйства по частям СКВО достигла 250 000 р. На первом месте идет 28 стр. див., которая вместе с приданными ей в политобслуживание частями собрала подписки на сумму 68 220 руб. На каждого военнослужащего в округе приходится в среднем около 7 руб. подписки на заем. Имеются эскадроны, которые подписывались на сумму 1 000 руб. и более, и роты, подписавшиеся на сумму 2 000 руб. и больше. Отдельные военнослужащие подписывались на 100, 150, 200, 250 руб. (*Политдонесение № 11 от 3 марта 1928 г.*)

БВО. Кр-цы к займу относятся с интересом и сознательно. Значительная часть подписчиков является кр-цами. В 26-й отд. роте МСВ подписка охватила до 30 % красноармейцев. В роте связи 37 див. в подписке принял участие почти весь состав роты, за исключением младшего комсостава.

Предварительные результаты подписки таковы: V корпус — 58 110 руб.; 29 рота МСВ — 370 руб.; полкшкола 85 полка — 390 руб.; рота связи 37 див. — 750 руб.; 26 рота МСВ — 1540 руб.; 86 стр. полк — 4 059; упр. 29 дивизии — 550 руб.; подписка продолжается.

Послед. отмечает, что значительным тормозом в реализации займа является: 1) недавно проведенная подписка на заем индустриализации, выплата которого еще не закончена и 2) большое количество всякого рода кампаний по подписке на периодические издания.

Выступления против подписки на заем единичны. Например, в хозкоманде 5 сапбата было такое заявление в частной беседе: «У нас отбирают хлеб, на фабриках сокращают и разгоняют рабочих, с какой стати мы здесь будем подписываться на заем». Подобное настроение есть у 3-х красноармейцев, старослужащих этой команды, беспартийных, кустарей и крестьян. В 12 полку один отделком заявил: «На заем подписываться не стоит, так как деньги пропадут». Другое заявление подобного рода в частной беседе было со стороны красноармейца полкшколы, комсомольца, рассказавшего, что его отец покупал облигации и у него пропали зря деньги. (*Политдонесение № 9 от 29/II-28 г.*)

БВО. По сведениям редакции «Красноармейская правда», подписка на заем укрепления крестьянского хозяйства в частях проходит с большим успехом. О подписке на заем получено до 250 военкорских заметок. Средняя сумма подписки на роту, по этим сведениям, 400–500 рублей. В полковых школах эта сумма доходит до 1 000 руб. В ряде полков подписка достигла 3–4 тыс. рублей. Многие красноармейцы покупают облигации за наличный расчет. В одном из полков за наличный расчет куплено на 500 рублей облигаций. (*Политдонесение № 7 от 9/II-28 г.*)

УВО. Несмотря на резкое реагирование значительной части кр-цев по вопросам хлебозаготовок и самообложения, необходимо отметить большой интерес к займу укрепления сельского хозяйства. Ряд частей приводит данные о подписке кр-цев и мл. комсостава на заем. В 46 див. по состоянию на 10/II подписка достигла 6 010 рублей, из которых на кр-цев приходится 3 180 р. и 53 % и за младкомсостав — 1 150 руб., или 19 % (данные без 138 полка, роты связи и кавэскадрона). В 24 див. «в стрелковых полках имеются роты, в которых подписка достигает 1 000 руб. Слабее в арtpолку, где она достигла всего 832 рублей». Отдельные зажиточные элементы пытаются сорвать подписку кр-цев на заем. Однако большинство кр-цев относится к нему положительно, хотя были отдельные случаи, когда «под влиянием кулацкой части середняки и бедняки приходили к политруку и отказывались от облигаций, на которые они подписывались» (24 див.). В 3 полку связи на заем подписывалось до 80 % состава. В парке № 3 подписывалось 75 % состава части. В Харьковском госпитале 107 чел. подписывалось на 1 165 рублей.

ЛВО. В целях популяризации займа укрепления крестьянского хозяйства в частях вопрос ставился на собраниях, проводились беседы на эту тему, отведено вопросу о займе специальное место в ленинских уголках, оборудованное соответствующими плакатами, лозунгами и литературой и, наконец, по подразделениям выделены уполномоченные по распространению этого займа. Отношение состава частей к займу в целом хорошее, свидетельством чему служат следующие предварительные данные его реализации в частях по данным на 14/II приобретено облигаций в частях на 51 516 руб., из них по 10-й див. — на 6 789 р. 50 коп., 11-й див. — на 16 929 р. 50 коп., 20-й див. — на 410 руб., 56-й див. — на 302 р. 50 коп., спецчастям — на 21 160 руб. и вузам — 5 924 р. 50 коп. Помимо этого в 11-й див. средний и мл. комсостав сверхсрочной службы 3 роты 31 полка подписался на 70 р. каждый. (*Политдонесение № 7 от 21/II-28 г.*)

ПриВО. Данные по нескольким подразделениям 57 дивизии и штаоку:

	Подписывалось		На сумму
	<i>начсостав</i>	<i>кр-цев и допризывн.</i>	
57 дивизия (по 3 подразд.)	89	343	3 490 руб.
Штаокр	67	20	900 руб.
2 учпункта доприз. подготовки 57 дивизии	—	—	1 800 руб.
7 полк связи	114	422	3 477 р. 50 к.

(*Политдонесение № 9 от 18/II-28 г.*)

Балтфлот. Эта работа в частях достаточно широко развернулась только за последние две недели и, по предварительным данным, проходит успешно. На 15/I реализовано займа на 83 000 руб. (Балтфлот и ВМУ). По данным политотделов, подписка на крестьянский заем проходит более успешно, чем на заем индустриализации. В значительной степени это объясняется тем, что кампания по подписке на заем индустриализации была развернута недостаточно.

Отрицательных моментов вокруг крестьянского займа, по предварительным данным политотделов, не отмечается. Абсолютное большинство кр-цев из крестьян, положительно относится к нему. (*Политдонесение № 10 от 16/II-28 г.*)

Выводы

1. Хлебозаготовки, самообложение, сбор недоимок и т. п. вызвали большую волну крестьянских настроений в армии. Вопросы, связанные с хлебозаготовками, стали центром внимания кр-цев и к середине — концу февраля достигли наибольшего напряжения. С развитием разъяснитель-

ной работы в частях с середины февраля отмечается отлив крестьянских настроений, но хлебозаготовки и самообложение продолжают стоять в центре внимания кр-цев.

2. Основными мотивами недовольств кр-цев являются ограничение свободной торговли хлебом и низкие цены на хлеб. В этих вопросах смыкаются интересы зажиточного крестьянина, кулака и частично середняка, и это обстоятельство кулак использует с целью привлечения на свою сторону середняка.

3. В связи с хлебозаготовками среди кр-цев отмечались разговоры о ликвидации НЭПа, о возвращении времен военного коммунизма. В связи с этим начались разговоры о ненужности в деревне денег, о взятии денег из сберкасс (чтобы не лопнули), были отдельные заявления о сокращении посевов крестьянами.

4. Кампания хлебозаготовок весьма часто связывается кр-цами и крестьянами с войной, с платежами за границу. Часто также в связи с хлебозаготовками заостренно ставится вопрос о взаимоотношениях города и деревни: хлебозаготовки рассматриваются как изъятие хлеба для рабочих и улучшение жизни рабочих за счет крестьян вообще.

5. Среди кр-цев распространено сваливание всех недочетов на местные власти. Местами это выливается в резкую озлобленность кр-цев на местные власти и угрозы по их адресу.

6. Хлебозаготовки еще раз показали, что в армию просочились отдельные кулацкие элементы. Влияние их на середняцкие группы несомненно, хотя ведут они себя очень осторожно. Средняк часто блокируется с кулаком и зажиточным и выступает против хлебозаготовок и бедняков. Бедняки имеют свои недовольства хлебозаготовками (товары за хлеб) и иногда, благодаря своей неустойчивости, поддаются под влияние кулацких элементов.

7. Младший начсостав подвержен наравне с кр-цами большому влиянию деревни и поэтому часто ничем не отличается в реагировании на хлебозаготовки от кр-цев.

8. Партийцы и комсомольцы во многих случаях оказались неподготовленными к кампании и не могли противостоять напору красноармейских недовольств. Среди партийцев и комсомольцев отмечен ряд нездоровых явлений в связи с хлебозаготовками: хвостизм, оценка нажима на хлебозаготовки, отдельные случаи даже выхода из партии.

9. В работе политаппарата и парторганизаций необходимо отметить крайнюю медлительность, запаздывание в реагировании, склонность к ударности, вплоть до полного забвения очередных задач в области текущей партийно-политической и военной учебы.

10. В разъяснительной работе политаппарата и парторганизаций отмечен ряд недочетов. Основной недочет — незнание существа кампании (из-за неподготовленности) и объяснение ее как искривленные работы местных властей, сглаживание, затушевывание вопроса.

По-прежнему отмечается неконкретность в работе — разъяснение по декретам, инструкциям центра, без учета местных особенностей и материалов.

11. Хлебозаготовки еще больше обострили чуткость кр-цев к внутриармейским недочетам: материально-бытовые недочеты вызывают еще более резкие недовольства кр-цев, чем обычно.

12. Заем укрепления крестьянства реализуется удовлетворительно, но не везде ему уделяется достаточное внимание. Многие части и политорганы поглощены хлебозаготовками и упустили из виду реализацию займа.

Начальник 3 отдела ПУРа *Черневский*

Начальник 1 части отдела *Иорданский*

РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 68. Л. 12–23 об. Подлинник.

Примечания к приложениям

- ¹ Публикуемые в приложении две первые сводки, составленные Политическим управлением РККА весной 1928 г., частично опубликованы в сб.: КА и КД. С. 82–100, 102–110. Учитывая небольшой объем сборника, при их первой публикации приоритет был отдан содержащимся в них выводам. В настоящей публикации сводки приводятся целиком.
- ² Далее неразборчиво.
- ³ Пункт № 3 в документе отсутствует.
- ⁴ Номер политдонесения не проставлен.
- ⁵ Так в тексте документа.
- ⁶ Несколько слов неразборчивы.
- ⁷ Оторг — ответственный организатор.
- ⁸ Погарн — политотдел гарнизона.
- ⁹ Название военного округа не читается.
- ¹⁰ Так в тексте

Перечень сборников документов и материалов по истории Красной армии и военному строительству; Внутренних и Пограничных войск; крестьянства и коллективизации советской деревни за период 1920–1930-х гг.

Сборники по истории Красной армии и военному строительству

1. Директивы Главного командования Красной Армии. 1917–1920 гг./Отв. сост.: Т. Ф. Каряева. М.: Воениздат, 1969. 884 с.
2. Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917–1922 гг.: В 4 т./Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Воениздат, 1971, 1972, 1974, 1978. 3087 с.
3. Партийно-политическая работа в Красной Армии (1918–март 1919)/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Воениздат, 1961. 360 с.
4. Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919–1920)/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Воениздат, 1964. 535 с.
5. Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. 1921–1929 гг./Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Воениздат, 1981. 576 с.
6. Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г.–май 1941 г./Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Воениздат, 1985. 535 с.
7. Всеармейские совещания политработников Красной Армии. Резолюции. 1918–1940/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Наука, 1984. 335 с.
8. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг./Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. 640 с
9. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. Сб. документов/Отв. сост. В. М. Михалева. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 440 с.
10. Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг./Отв. сост.: Н. С. Тархова и П. М. Шабардин. М.; Л.: Летний сад, 2006: В 2 кн. Кн. 1 – 1923–1926. 743 с.; Кн. 2 – 1927–1928. 534 с.
11. Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.). Сборник документов из фондов РГВА / Сост. Андре Романов и Нонна Тархова. Неаполь. 1996. 540 с.

Сборники по истории Внутренних и Пограничных войск

12. Внутренние войска Советской республики. 1917–1922/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Юридическая литература, 1972. 712 с.

13. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Юридическая литература, 1977. 640 с.
14. Пограничные войска СССР. 1918–1928/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Наука, 1973. 927 с.
15. Пограничные войска СССР. 1929–1938/Отв. сост. Т. Ф. Каряева. М.: Наука, 1972. 775 с.

Сборники по истории крестьянского движения

Сборники документальной серии

«Крестьянская революция в России. 1902–1922»

16. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, С. Есиков, Н. Тархова, Г. Ходякова. Тамбов, 1994. 334 с.
17. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, Н. Тархова. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 792 с.
18. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, В. Кондрашин, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2001. 944 с.
19. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. (1917–1918). Документы и материалы/Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Отв. сост.: В. Данилов, В. Канищев, Г. Ходякова. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
20. Нестор Махно и крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг. Документы и материалы/Под ред. В. Данилова, Т. Шанина, В. Кондрашина. Отв. сост.: В. Данилов, А. Капустян, В. Кондрашин, Н. Тархова, Л. Яковлева. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.

Сборники по истории коллективизации сельского хозяйства СССР¹

21. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства: 1927–1935/Отв. ред. П. Н Шарова. М., 1957. 575 с.
22. Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства на Херсонщине (1918–1941 гг.)/Отв. ред. П. М. Елистратов. Херсон, 1957. Вып. 1 (1918–1925 гг.). 596 с.; Вып. 2 (1926–1929 гг.). 423 с.

¹ Сборники, изданные в документальной серии «История коллективизации сельского хозяйства СССР», имеют знак «*». Приводимый в этом разделе перечень сборников составлен В. П. Даниловым и В. В. Кондрашиным для 1-го тома сб.: Трагедия советской деревни. М.: РОССПЭН, 1999. С. 765–767.

23. Борьба трудящихся Харківчины за побудову фундаментову соціалістичної економіки. 1926–1932/Під ред. І. К. Рибалки. Харків, 1959. 703 с.
24. Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства. 1926–1929 гг./Сост.: И. Бибииков, О. Грязнова, А. Назаров. Саратов, 1960. 382 с.
25. Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту. Создание колхозного строя. 1930–1932 гг./Сост.: Н. Грунина, Ф. Ермаков, З. Таровская и др. Саратов, 1961. 398 с.
26. Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927–1929 гг.)/Под ред. О. Б. Джамалова. Ташкент, 1961. 475 с.*
27. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917–1926)/Под ред. О. Б. Джамалова, Р. Х. Аминовой, Т. Джураева. Ташкент, 1962. 795 с.*
28. Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917–1937 рр. Збірник документів і матеріалів у 3-х томах. Т. 1. Колгоспне будівництво на Україні: 1917–1927 рр./Редколегія: Г. Х. Ганжа, Л. В. Гусева, І. Л. Шерман. Київ, 1962. 849 с.
29. Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области (1927–1935 гг.)/Под ред. П. П. Кирьянова. Рязань, 1962. 295 с.
30. Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.)/Под ред. А. А. Сталь. Архангельск, 1964. 696 с.*
31. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР (1920–1937)/Отв. сост. С. Я. Афтеньюк. Кишинев, 1964. 480 с.*
32. Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917–1937 рр. Збірник документів і матеріалів у 3-х томах Т. 2. Здійснення соціальної колективізації на Україні: 1927–1932 рр./Редколегія: Г. Х. Ганжа, Л. В. Гусева, І. Л. Шерман. Київ, 1965. 837 с.
33. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926–июнь 1941)/Под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата, 1967. Ч. 1–2. Ч. 1 – 576 с.; Ч. 2 – 604 с.*
34. Путь трудовых побед (Из истории возникновения и развития сельского хозяйства и рыболовецких колхозов в Астраханском крае)/Отв. ред. С. С. Давиденко. Волгоград, 1967. 451 с.
35. Победа колхозного строя в Туркменистане (1930–1937 гг.)/Под ред. Ш. Ташлиева и С. Какабаева. Ашхабад, 1968. 648 с.*
36. Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927–1937 гг.)/Отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск, 1968. 678 с.*

37. Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР (1927–1937)/Под ред. А. М. Залялова и Е. И. Устюжанина. Казань, 1968. 354 с.*
38. Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР/Отв. сост. В. И. Царанов. Кишинев, 1969. 612 с.
39. Колхозно-кооперативное строительство в Киргизии (1919–1929 гг.)/Под ред. С. И. Илясова и др. Фрунзе, 1969. 438 с.*
40. История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927–1937 гг.)/Глав. ред. П. В. Гугушвили. Тбилиси, 1970. 770 с.*
41. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.)/Под ред. Н. А. Ивницкого. Л., 1970. 424 с.*
42. Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927–1937 гг.)/Под ред. Н. Н. Панова и Ф. А. Каревского. Куйбышев, 1970. 670 с.*
43. Победа колхозного строя в Мордовской АССР/Рук. редкол. К. А. Комков. Саранск, 1970. 493 с.
44. Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917–1937 рр. Збірник документів і матеріалів у 3-х томах Т. 3. Зміцнення і дальший розвиток колгоспного ладу на Україні: 1933–1937 рр. Редколегія: Г. Х. Ганжа, Л. В. Гусева, І. Л. Шерман. Київ, 1971. 787 с.
45. Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927–1937 гг.)/Под ред. П. П. Кирьянова. Рязань, 1971. 902 с.*
46. Непосредственная подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства Туркменской ССР. (1927–1929 гг.)/Под ред. С. Какабаева и М. Мошева. Ашхабад, 1972. 517 с.*
47. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.)/Под ред. П. В. Семернина и Е. Н. Осколкова. Краснодар, 1972. 823 с.*
48. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.)/Под ред. А. А. Говоркова. Томск, 1972. 333 с.*
49. Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929–1932 гг.)/Под ред. А. И. Азарова. Минск, 1973. 424 с.*
50. Из истории коллективизации и колхозного строительства в Таджикской ССР. (1926–1937 гг.)/Пред. редкол. Г. А. Алиев. Душанбе, 1973. 730 с.*
51. 3 історії колективізації сільського господарства західних областей Української РСР. Збірник документів і матеріалів/Відн. ред. М. К Івасюта. Київ, 1976. 511 с.
52. Соціалістична перебудова сільського господарства Кіровоградщини. 1917–1941/Відн. ред. Л. М. Глазов. Київ, 1974. 286 с.

53. Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1927 г.—ноябрь 1929 г.)/Под ред. А. И. Азарова. Минск, 1976. 271 с.*
54. Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР (1927–1940 гг.)/Отв. ред. А. С. Гаджиев: В 2 ч. Махачкала, 1976. Ч. 1 (1927–1932 гг.). 454 с.; Ч. 2 (1933–1940 гг.). 438 с.*
55. Коллективизация крестьянских хозяйств Литовской ССР/Отв. ред. А. Ефременко. Вильнюс, 1977. 510 с.*
56. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области, 1927–1937 гг./Под ред. А. В. Лосева. Воронеж, 1978. 320 с.*
57. Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР (1928–1940 гг.)/Сост. Т. Б. Богатова. Якутск, 1978. 265 с.*
58. История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири (1927–1937 гг.)/Под ред. А. П. Косых. Иркутск, 1979. 319 с.*
59. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927–1937 гг.)/Отв. ред. Ф. Ф. Таталин. Хабаровск, 1979. 238 с.*
60. Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР (1917–1927 гг.)/Редкол.: М. П. Костюк, В. В. Лашкевич, М. Е. Стрельцов. Минск, 1980. 310 с.*
61. Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии (1917–1927 гг.)/Редкол.: В. И. Семенов, В. А. Казаков, В. А. Харламов, А. Г. Хрусталеv, В. Я. Доброхотов. Горький, 1980. 303 с.*
62. Коллективизация сельского хозяйства Башкирской АССР (1927–1937 гг.)/Отв. ред. В. П. Чемерис. Уфа, 1980. 302 с.*
63. К истории кооперативно-колхозного строительства в Грузинской ССР (1921–1927 гг.)/Под ред. П. Н. Ломашвили. Тбилиси, 1981. 318 с.
64. Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства в Азербайджане (1927–1929 гг.)/Редкол.: Дж. Б. Гулиев и др. Баку, 1983. 323 с.*
65. История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927–1937)/Отв. сост. Л. А. Трофимова. Пермь, 1983. 222 с.*
66. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Латвийской ССР/Редкол.: В. А. Чемм, Л. Я. Зиле и др. Рига, 1984. 449 с.*
67. Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородско-Горьковском крае. 1927–1937/Науч. ред. Е. И. Кирюхина. Киров, 1985. 350 с.*
68. Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933–июнь 1941 г.)/ Глав. ред. М. П. Коцинюк. Минск, 1985. 286 с.
69. Из истории колхозного строительства в Таджикской ССР. 1938–1958 гг. Т. 2/Пред. редкол. М. Б. Бабаев. Душанбе, 1985. 638 с.

70. Кооперативно-колхозное строительство в Таджикистане. 1917–1929 гг./Редкол.: А. М. Максумов и др. Душанбе, 1987. 448 с.*
71. Кооперативно-колхозное строительство в Казахстане (1917–1927 гг.)/Редкол.: М. Х. Абилова и др. Алма-Ата, 1988. 253 с.*
72. История коллективизации сельского хозяйства в Киргизии (1929–1934 гг.)/Редкол.: Т. А. Абдыкаров и др. Фрунзе, 1989. 364 с.*
73. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг./Под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М., 1989. 526 с.
74. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. Документы и материалы/Отв. ред. В. П. Данилов. М., 1990. 396 с.
75. Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів/Редкол.: Ф. М. Рудич, І. Ф. Курас и др. Київ, 1990. 605 с.
76. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы/Отв. ред. В. П. Данилов. М., 1991. 426 с.
77. 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публ. Е. Н. Разумовской//Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 133–162.
78. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы/Науч. ред. Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1991. 296 с.
79. 33-й: голод. Народная книга-мемориал/Підгот.: Л. Коваленко и В. Маняк. Київ, 1991. 582 с.
80. Коллективизация і голод на Україні. 1929–1933/[Відн. ред. С. В. Кульчицкий]. Київ, 1992. 732 с.
81. ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ)/Сост. Г. Доброноженко. Сыктывкар, 1995. 193 с.
82. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 г. – март 1930 г.)/Отв. сост. В. Васильев и Л. Виола. Винница, 1997. 536 с.
83. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы/Отв. ред.-сост.: Л. Виола, Т. МакДоналд, С. В. Журавлев, А. Н. Мельник. М.: РОССПЭН, 1998. 749 с.
84. «Альметьевское дело». Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х–начало 30-х гг.): Сб. док. и материалов/Сост.: А. Г. Галямова, Р. Н. Гибадулина. Казань, 1999.
85. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940: Хроник.-док. сб./Отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2000.

Сборники документальной серии

«Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5 томах/Под редакцией В. П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы

86. Том 1 — Май 1927–ноябрь 1929/Отв. сост.: В. Данилов, М. Кудюкина. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.
87. Том 2 — Ноябрь 1929–декабрь 1930/Отв. сост.: Н. Ивницкий, М. Кудюкина, Е. Хандурина. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.
88. Том 3 — Конец 1930–1933/Отв. сост.: В. Данилов, И. Зеленин, В. Кондрашин, Н. Сидоров. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.
89. Том 4 — 1934–1936 гг./Отв. сост.: В. Данилов, Ю. Мошков, М. Кудюкина, Т. Царевская. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.
90. Том 5 — 1937–1939 гг. Книга 1 — 1937/Отв. сост.: В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин, Н. Перемышленникова, Г. Селезнева, Н. Сидоров, Т. Сорокина, Т. Царевская. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

Сборники документальной серии

«Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 томах/Под ред. А. Береловича, Н. Верта, В. Данилова

91. Том 1 — 1918–1922 гг./Отв. сост.: В. Данилов, Л. Борисова, Н. Ивницкий, В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
92. Том 2 — 1923–1929 гг./Отв. сост.: В. Данилов, Л. Борисова, Н. Перемышленникова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
93. Том 3. Книга 1 — 1930–1931 гг./Отв. сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова, Т. Сорокина, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.
94. Том 3. Книга 2 — 1932–1935 гг./Отв. сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова, Т. Сорокина, Н. Тархова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.

Сборники документальной серии

«Совершенно секретно»

95. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Тома 1–8 /Ред. коллегия: В. С. Христофоров, А. Н. Сахаров, Г. Н. Севостьянов и др. М., 2001–2008.

Сборники о спецпереселениях в СССР в 1930-х гг.

Сборники документальной серии «Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930–1945»/Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников

96. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930–весна 1931 г. Новосибирск, 1992. 283 с.

97. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931–начало 1933 гг. Новосибирск, 1993. 341 с.
98. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994. 310 с.
99. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Новосибирск, 1996. 303 с.
100. Гулаг в Карелии. 1930–1941 / Науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1992. 226 с.
101. Раскулаченные и спецпереселенцы на Урале. (1930–1936 гг.) / Сост. Т. И. Славко, А. Э. Бедель. Екатеринбург, 1993. 221 с.
102. Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б). 1930–1932 (публикация Г. М. Адиекова) // Исторический архив. 1994. № 4.
103. Спецпоселки в Коми области: По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г. Сб. документов / Сост. Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. Сыктывкар, 1997. 298 с.
104. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с. Кн. 2. М., РОССПЭН, 2006. 1120 с. (Серия «Архивы Кремля»).

Прочие сборники

105. «Деревня — это совесть России»: Сб. материалов по актуальным вопросам аграрной политики и крестьянского движения / Ред.-сост. Емелин П. А. М.: Галерея, 2001. 264 с.
106. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.
107. Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.
108. За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921.: Сб. док. / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 744 с.
109. Красноармейский фольклор / Сост. В. М. Сидельников. Под ред. проф. Ю. М. Соколова. М.: Советский писатель, 1938. 208 с.
110. Крестьяне о советской власти. / Сост.: Я. Селих и И. Гриневский. Предисловие М. Горького. М.; Л.: ГИЗ, 1929. 92 с.
111. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С. С. Крюкова. М.: РОССПЭН, 2001. 232 с.

112. Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождам/Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.
113. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождам/Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
114. Прежде и теперь. Рассказы рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции о своей жизни при царизме и при Советской власти. М.: ГИЗ, 1938. 115 с.
115. Сибирская Вандея. 1918–1921. Документы: В 2 т./Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. В. И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия». Т. 1. 2000. 664 с.; Т. 2. 2001. 776 с.
116. Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году/Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск: Олсиб, 1997. 710 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Азовцев Н. Н. — 24
Андреев А. А. — 185, 205
Антонов А. С. — 38, 39
Аратюнян Ю. В. — 20
Артузов А. Х. — 146
Архипов Ф. И. — 12
- Бабаков А.** — 13
Базилевич Г. Д. — 162, 199, 205
Бакурский В. А. — 17
Баранов П. И. — 204
Баренцев Г. Л. — 14
Барышев — 317
Бахалов — 354
Беджанян Р. М. — 14
Беланенко — 310
Белов И. П. — 183–185, 187, 200, 205
Белоусова Н. С. — 5
Бердяев Н. А. — 153
Берелович А. — 5
Берхин И. Б. — 13
Бескровный Л. Г. — 23
Беттанин Ф. — 5
Бирюзов С. — 13
Благодравов Г. И. — 133, 146
Блейхорт — 214, 215
Бобрышев — 317
Бобылев П. Н. — 24
Богденко М. Л. — 20
Бокий Г. И. — 133, 134
Борисов Л. — 13
Борисов Ю. С. — 20
Брежнев — 351
Бубнов А. С. — 13, 48, 95, 103–105,
204, 260
Булин А. С. — 205, 232, 246
Бухарин Н. И. — 112, 200
Бухаров — 332
Быкин — 162
- Вакулич П. И.** — 157, 158
Варенов В. И. — 14
Ващенко П. Ф. — 14
Вележев С. Г. — 144
Велидов С. С. — 17
Верховский А. И. — 188
Виноградов В. К. — 18
Виола Л. — 5, 33
Вишняков Н. П. — 12
Власов М. К. — 19
Воронцов И. А. — 144, 146
Ворошилов К. Е. — 12, 13, 15, 48,
56, 62, 93, 103–105, 116, 139,
140, 155, 156, 158, 159, 162, 168,
169, 173, 174, 177–180, 183, 191,
192, 195, 200, 201, 204, 207, 219,
237–240, 245, 261
Вылцан М. А. — 20
Вырвич А. — 14
Вязовкин — 312
- Галкин* — 322
Галустьян О. Т. — 135
Гамарник Я. Б. — 13, 118, 122, 162,
166, 167, 169, 179, 180, 202, 235,
241, 245, 246, 255
Геронимус А. — 14
Гладков — 350
Гланц Д. — 15
Глебова И. И. — 25
Горохов В. С. — 22
Горшков — 349
Горьков Ю. В. — 24
Гребнев — 215
Григорьев — 351
Григорьев Михаил — 319
Гричманов А. П. — 205

* Курсивом выделены фамилии лиц, проходящих в приложениях 1–2.

- Дайнес В. О. — 14
 Данилов В. Д. — 13
 Данилов В. П. — 5, 20–22, 182
 Дегтерев Л. — 14
Денисов — 349
 Десятников — 215
 Дзержинский Ф. Э. — 35, 61
 Дуганов М. С. — 162, 199, 205
 Дуплицкий — 205
- Евдокимов** Е. Г. — 133, 134, 181, 204, 246
 Евдокимов Е. Л. — 14
Евсеев С. С. — 313
 Егоров А. И. — 48, 205
 Ежов Н. И. — 232
 Елманов — 215
Еманов — 333
 Есиков С. А. — 4
- Жилин** В. А. — 14
 Жилин П. А. — 13
- Зайончковский** А. М. — 23
 Зайончковский В. А. — 23
 Зайончковский П. А. — 23
Зайцев — 343
 Затонский — 205
 Зданович А. А. — 17, 144
 Зеленин И. Е. — 20, 22
 Зимин Я. Г. — 24
 Золотарев В. А. — 14
Зуденков — 351
- Ивницкий** Н. А. — 20, 22
 Иевлев Б. И. — 199
 Измозик В. С. — 17, 18
 Ильин — 122
 Иовлев А. М. — 13
Иорданский А. А. — 327, 358
- Кабаков — 162
 Каганович Л. М. — 245, 246
Кадес — 345
 Казаринский — 199
- Калинин М. И. — 101, 318, 335, 346
 Калмыков — 240
Калугин — 348
 Каменев С. С. — 12, 48
 Караваев — 215, 216
Каринов — 354
 Карлсон К. М. — 134
 Каряева Т. Ф. — 6
 Кацнельсон З. В. — 144, 146
 Кен О. Н. — 14, 24, 156
Кизилов — 342
 Клеандрова В. М. — 17
 Клочков В. Ф. — 14
 Ключевский В. О. — 24, 44
 Кнорин В. Г. — 205
Ковалев — 326
 Кожевников С. Н. — 166, 185, 254, 256
 Козлов В. П. — 25
 Колычев В. Г. — 14
 Комаров — 205
 Кондакова И. А. — 26
 Кондрашин В. В. — 22
 Кораблев Ю. И. — 24
 Корк А. И. — 158, 168, 169, 172, 173, 174, 178
 Коробочкин И. И. — 14
 Коровин В. В. — 17
 Королев Г. И. — 25
 Корольков Н. В. — 20
 Косарев А. В. — 245
Кравцун — 345
Краморенко — 321, 346
 Красильников С. А. — 22
Кузьминков — 310
 Куйбышев В. В. — 139, 140
 Куйбышев Н. В. — 205
 Кукушкин Ю. С. — 20
 Кулиш-Амирханова А. С. — 14
Кулявцев — 323
- Ланда М. М. — 205, 219
Латник — 350
 Ларькина Е. И. — 20
 Лебедев П. П. — 12, 48

- Левичев В. Н. — 208
 Левченко — 209
 Левыкин К. Г. — 20
 Ленин В. И. — 13, 35, 61, 349
Лешуков — 317
 Липицкий С. В. — 24
 Лисенков М. М. — 14
 Лобов В. Н. — 14
 Логин В. Т. — 24
Лысенко — 312
- Макаренко* — 321
 Малиновский Л. П. — 12
Мазеев — 354
Мальцев — 337
 Мальцев Н. А. — 14
 Маннинг Р. — 5
 Махно Н. И. — 42, 43
 Машкаров Я. Я. — 169
 Медушевская О. М. — 6
 Мелня А. А. — 15
 Мельтюхов М. И. — 24
 Мессинг С. А. — 133, 148
 Микоян А. И. — 245
 Минаков С. Т. — 15
 Миненков Д. Д. — 22
 Миронов Ф. К. — 40, 42
 Миронова К. К. — 6
Митюков — 341
 Михалев С. Н. — 24
 Мишанов С. А. — 14
 Мовчин Н. — 12
Моисеев — 346
 Молодцыгин М. А. — 24
 Молотов В. М. — 134, 245
 Мухин Ю. М. — 15
Мысин — 354
- Невежин** В. А. — 24
 Некрасов В. Ф. — 18, 145
 Нестерович Ю. В. — 25
 Никонов — 215
 Никулихин Я. П. — 19
Новаков — 325
- Окуда** Х. — 5
 Ольский Я. Г. — 104, 205
 Осколков Е. Н. — 22
 Орджоникидзе Г. К. — 109
 Островский В. Б. — 20
- Павленко** Н. — 13
 Павловский — 157, 205
 Павлуновский И. П. — 205
Пелинос — 312
 Першин П. Н. — 20
 Петров Ю. П. — 14
Петрушенко — 322
 Петухов И. — 169, 179
 Печенкин А. А. — 15
 Питкевич — 119
 Плеханов А. М. — 17, 145, 146, 153
 Подобед И. М. — 14
 Поликарпов В. Д. — 24
Помякушкин — 318
 Поскребышев А. Н. — 219
 Постников — 205
 Примаков В. М. — 243, 244
Прокопенко — 340
 Прокофьев — 133
 Пряхин — 169
Пушкин — 318
- Разумов** — 162
Решетняк — 349
 Рисс Р. — 15, 16
 Рогалина Н. Л. — 22
 Рожков А. Ю. — 16
 Романо А. — 5, 15, 16
 Ростунов И. И. — 13, 24
Румынский — 349
 Рыков А. И. — 200
- Сааков** О. А. — 205
 Савельев С. И. — 22
 Савко Н. — 14
 Самуэльсон Л. — 6, 15
 Свердлов Я. М. — 35
 Свечин А. А. — 23

Селунская В. М. — 20
Сергеев — 321
Сидоров В. А. — 20
Симонов Н. С. — 15
Скипский Г. А. — 14
Славин И. Е. — 14, 105, 164, 255
Славянский — 354
Смирнов — 205
Снесарев А. Е. — 23
Соколов Б. В. — 14
Сталин И. В. — 12, 16, 17, 20, 109,
112, 132, 135, 136, 139–142, 168,
177, 178, 180, 200, 201, 208, 245
Старицкий — 321
Степанский А. Д. — 25
Сувениров О. Ф. — 14, 15

Таль Б. — 12
Телятников Г. — 24
Тепцова Н. В. — 22
Тимофеев — 349
Тинченко Я. — 15
Товстуха И. П. — 177
Годорский А. И. — 208
Томский М. И. — 200
Трапезников С. П. — 20
Трифонов И. Я. — 20
Тронза — 349, 350
Троцкий Л. Д. — 12, 35
Тухачевский М. Н. — 12, 48, 155,
156, 164, 205, 247
Тышенко — 320
Тюшкевич С. А. — 24

Угланов Н. А. — 205
Ульянов — 353, 354
Уншлихт И. С. — 48, 105, 144, 148,
154, 173, 204, 235
Урвачев — 318
Усачев — 322

Фасинов — 166
Федоров — 317

Филатов — 215
Фрунзе М. В. — 12, 13, 48, 61

Хаген Марк фон — 15
Хатаевич М. М. — 135, 162
Хаустов В. Н. — 17
Хаханьян Г. Д. — 163
Худяков — 337

Цветков И. Ф. — 14
Цтак — 345

Чеботаренко — 321, 346
Черкашин — 350
Черневский В. Н. — 93, 327, 358
Чернов — 119
Чернов М. А. — 245
Черноморский М. Н. — 24
Черных В. А. — 25
Черушев Н. В. — 15
Чиясов — 349
Чума — 340

Шапкарин — 324
Шапошников Б. М. — 188
Шверник — 205
Шеболдаев Б. П. — 162, 246
Шибеев — 324, 349
Ширвиндт Е. Г. — 147
Шкирятов М. В. — 245
Шмелев Г. И. — 22
Штерн Г. М. — 169, 180

Юдачев С. А. — 20
Юркин Т. А. — 245

Ягода Г. Г. — 104, 109, 116, 133, 134, 137,
144–146, 154, 181, 204, 205, 245
Якир И. Э. — 162, 205, 243
Яковлев Я. А. — 133, 135, 240
Ярунин — 351
Ярыгин — 318
Яхонтов С. Д. — 34

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Предисловие	7
Глава 1. Историография. Источники.	
Архивные документы	10
§ 1. Обзор историографии	10
Военный аспект	11
Крестьянский аспект	19
Источниковедческий и археографический аспекты	23
§ 2. Исторические источники	27
Публикации по истории советского крестьянства	29
Публикации по истории Красной армии	44
§ 3. Архивные документы	46
Особенности военного делопроизводства	48
§ 4. Видовые особенности военно-исторических документов	56
Принципы сбора и обработки информации политорганами армии	56
Информационные материалы центральных органов НКВМ	58
Статистические материалы центральных органов НКВМ	62
Сводные отчеты НКВМ СССР	64
Глава 2. Устройство Вооруженных сил в середине 1920-х гг.	66
§ 1. Устройство Красной армии	66
§ 2. Принципы комплектования Красной армии	67

§ 3. Организация Красной армии	71
§ 4. Органы управления войсками	74
Центральные органы военного управления	74
Местные органы военного управления	76
Органы строевого управления	79
§ 5. Территориальное деление СССР на военные округа	81
§ 6. Итоги военной переписи 1926 г.	83
Общая характеристика РККА	83
Социально-демографическая характеристика РККА	86
«Крестьянская» статистика в РККА	88
Глава 3. «Крестьянские настроения» в Красной армии	
в 1928–1931 гг.	93
1928 г.	95
1929 г.	114
1930 г.	121
1931 г.	127
Глава 4. Красная армия на «внутреннем фронте»	132
§ 1. Начало «великого перелома»	132
§ 2. Органы и войска ОГПУ как вооруженная сила в борьбе с крестьянством	143
§ 3. Основные положения использования Красной армии на «внутреннем фронте»	153
§ 4. «Медынское дело» в Красной армии	168
§ 5. Красная армия и крестьянские выступления	181
Привлечение частей Красной армии с разрешения РВС	182
Привлечение частей Красной армии без разрешения РВС	192
§ 6. Участие переменного состава Красной армии в крестьянских выступлениях	197
§ 7. «Раскулачивание» в Красной армии	204

Глава 5. Участие Красной армии в колхозном строительстве	220
§ 1. Формы и методы влияния армии на сознание красноармейца-крестьянина	220
§ 2. Организация курсов по подготовке кадров для сельского хозяйства	225
§ 3. Организация красноармейских колхозов	236
§ 4. «Красноармейские» станицы на Кубани	245
Заключение	257
Примечания	263
Библиография	297
Приложения	309
<i>Приложение 1.</i> Предварительная сводка Политического управления РККА о «крестьянских настроениях» в Красной армии	309
<i>Приложение 2.</i> Вторая сводка Политического управления РККА о «крестьянских настроениях» в Красной армии	328
<i>Приложение 3.</i> Перечень сборников документов и материалов по истории Красной армии и военному строительству; Внутренних и Пограничных войск; крестьянства и коллективизации советской деревни за период 1920–1930-х гг.	360
Именной указатель	369

Научное издание

История сталинизма

Тархова Нонна Сергеевна

**КРАСНАЯ АРМИЯ И СТАЛИНСКАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ
1928–1933 гг.**

Редактор *Т. Б. Рябикова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромцева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.11.2009
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 2000 (1-й завод 1000) экз.
Заказ № 9457

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14